

LE MESSEAGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

126

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 126

TRIMESTRIEL

III — 1978

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: В. Аллой (зам. ред.), прот. Алексей Князев, И. В. Морозов.

Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.	
Услови	10,— \$
с целью	10,— \$
цена о	9,— \$
чеки в	
Под	СНЫЙ

4001478

РУСС

ЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

126

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

4001478

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

ОТ РЕДАКЦИИ

К ЮБИЛЕЮ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Всякий юбилей обязывает. Но говорить о Толстом непростительно (так легко впасть в суетловие), а обойти молчанием — малодушно. Слово бессильно перед *тройным* величием — писателя, явившего поэзию самой сущности жизни в ее беспредельном многообразии, — ересиарха, возмечтавшего (уже в 27 лет!) создать новую религию, и — человека, замученного этим противоречием.

Если бы Толстой был «литератором»! Но от этого звания он упорно отказывался. «Тургенев — литератор, Пушкин был им тоже, Гончаров еще более литератор, чем Тургенев, Лермонтов и я — не литераторы». Быть может, никто никогда не совмещал в одном лице столько неизживаемых противоречий. «Поэт и кальвинист», по выражению Тургенева, — аристократ и мужик, барин и народолюбец, воин и пацифист, защитник и фанатик, догматик и нетовец, человек, влюбленный в жизнь и отрицавший ее, проповедник бессмертия насмерть запуганный смертью, творец романических «испостасей» и последовательный имперсоналист, — эти ряды не антиномий, а взаимоисключающих противоречий можно было бы умножить.

Вопреки божественной гармонии своих поэтических созданий, Толстой в жизни не знал «*coincidentia oppositorum*» согласования противоположностей, его предсмертный уход лишь завершает многолетнюю неизбывную попытку.

Описавший, вернее воссоздавший жизнь реальнее жизни во всех ее многообразных проявлениях, в войне и в мире, в домашности и в истории, умевший как некий бог «выбрать $\frac{1}{10\ 000\ 000}$ из возможных ситуаций», Толстой восстал против сложности исторического процесса (кто знает, может быть, раздавленный собственным обостренным чувством предельной индивидуализации бесконечной множественности явлений) и возмечтал о прекращении истории, сначала в лице ее главнейших институтов, церкви, государства, права, а под конец отрицая даже продолжение рода

© Copyright Le Messenger. Paris 1978.

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 29.425

человеческого. То, что Толстой отказался от Богочеловечности Христа, не случайно. И не от того, что разум его не мог вместить этой тайны, а потому, что воплощение — вторжение самого Бога в историю — эту историю освящало и узаканивало. С момента воплощения, история, несмотря на кажущийся абсурд и ненужность, наполнена глубочайшим, до конца непостижимым смыслом.

Мечта уйти из истории, как от начала зла, и вернуться к доброй простоте внеисторического бытия, практически тщетна, по последствиям губительна и по существу — безбожна.

Соблазн, явленный и выстраданный Толстым с интенсивностью уникальной творческой природы, живет в каждом из нас. Манделъштам относил его, может быть, несколько несправедливо, к «традиционному русскому мышлению». Его необходимо преодолеть. Рая на земле не будет, но историю нельзя предоставлять отрицательным демоническим силам, она, напротив, должна быть средоточием всех нравственных и духовных усилий.

Никита Струве

Богословие

Преп. МАКАРИЙ Египетский

ИЗ ДУХОВНЫХ БЕСЕД*

КАК УСТРОЯЕТСЯ ХРИСТИАНСТВО

ВОПРОС:

Почему говорит Павел, что язычники, не имеющие закона, сами себе закон (Рим. 2,4)? Если бы у них не было природного закона, то как он появился бы у них?

ОТВЕТ:

1. Дело требует различения. И помрачен внутренний человек и не помрачен, и слеп и частью светел, и мертв и по естеству жив. Но невозможно никому **войти в жизнь** (Мф. 18,8; 19, 17) иначе как через многие искушения, через многое упражнение, через многое смирение. Ибо необходимо сему сосуду по таком упражнении **войти в царство** (Мф. 19,24; Ио. 3,5), без упражнения же не войдет никто. Ибо как если был бы сосуд отвердевший, и берет его художник и, поставив в огонь, вновь извлекает, кует, снова кладет в огонь, пока тот не станет мягким и будет сработан сосудом драгоценным и поступит в услужение господину; или как был бы воск, который отвердевает в холодном воздухе, когда же кладется в огонь и начинает плавиться и смягчать, то принимает образ и совершенное подобие печати — так и самая душа, часто входящая в огонь и искушаемая, нуждается во многих наставлениях, чтобы возмочь запечатлеться совершенным подобием Христа и печатью небесной. И **глиняные** также **сосуды** (2 Тим. 2,20) гончар бросает в огонь и воду и так их

* Перевод сделан с немецкого издания новонайденных духовных бесед, приписываемых св. Макарию Египетскому или Симеону Столпнику. Новые беседы лишь частично совпадают с известным сборником "50 духовных бесед", имевшим широкое распространение в России (Neue Homilien des Makarios/Symeon, herausgegeben von E. Klossreiman und N. Berthold, Akademie Verlag, Berlin 1961).

испытывает, и там одни из них делаются годными к употреблению, другие же раскалываются и гибнут. Так и идущие на испытания и пребывающие в упражнении войны, одно из двух, или побеждают, или падают и погибают и удаляются Бога и отчуждаются жизни. Претерпевавшие же испытания и потеснения, в падении поднимаясь, при увещании обращаясь, исторгают победу и так остаются тверды и неодолимы. Такова испытываемая душа: она то падает, то поднимается, строит, обращается, пока не будет восхищена победа. Ибо и в видимом многие дети равно идут в школу; но одни из них выходят бесчинными, другие лицедеями, третьи бесстыдниками, четвертые псарями, пятые законниками и писарями. Так и в монастырях равно живут многие братья, а по свободной воле иные из них вступают в жизнь, иные же нет. Ибо как растение, пока оно молодо и расслаблено и не может укорениться в землю, при наступлении засухи отсыхает, и если придут ветры, то расшатывают и вырывают его, а если оно по-настоящему глубоко укоренится в землю, то ни ветры, ни бури не могут повредить ему, поскольку его корни глубоки и оно крепко, — так и братья все еще дети, младенцы, нуждающиеся во многих наставлениях, ибо научающиеся **Царству Небесному** (Мф. 13,52) всегда нуждаются в путеводительстве усовершенствовавшихся, пока сами не укоренятся в благодати и не сделаются тверды и непоколебимы.

2. Христиане, ставшие выше страстей и демонов, имеют власть над **нечистыми духами** (Мф. 10,1) и суть **сыны чертога брачного** Христова (9,15) и **наследники Божии** (Рим. 8,17), достигли совершенства Христова, пришли **в мужа совершенного, в меру полного возраста** (Еф. 4,13), и ни мука телесная, ни огненная, ни демоны повредить им не могут: ибо над всем этим они имеют власть, и ядовитые звери подчиняются им. Ибо и сам **первый человек** (I Кор. 15,45), будучи владыкой твари, господствовал над страстями и демонами, после же преступления заповеди стал рабом страстей и демонов и огня и меча. Но опять-таки идущие за Христом человеки силой крещения достигают первоначальной меры Адама, делаются повелителями демонов и страстей, **последний враг, смерть, под ноги** Адама покорился (15,26-27). Надо поэтому христианину далеко отойти от стрел зла и искать спасения и вступить во все борения. Если же кто имеет глаз и взор зрения своего совершенный, руками же или ногами немощен, такой два члена будет иметь здоровые, остальные же расслабленные. Но надо христианину все члены иметь цельными и здоровыми. Снаряжение и оружие христианства, и

единение, и вся жизнь — вне мира сего, и потому многие из людей не знают, чего они ищут. Художники земли делаются небрежащими о небе и даже не ищут познать художества, способного возводить к небесному; и хотя часто видишь странствующих или философов, видишь же, что все они от века сего. Но **тайна** христианства **велика** (Еф. 5,32), и она достигается лишь находящимися вне мира. Как был бы град великий, и в этом граде все были бы благородные, все цари, все богатые, пришлось же бы им выделиться одному за другим в некое отечество; наконец все жители тех мест при встрече представлялись бы им варварами и чужеземцами, но также и они сами — тем. Лишь друг друга, увидев, узнают они как единопольных и сограждан. Ибо они — иного мира, иного града граждане (града святых), иного века (потому что все, **кто во Христе, тот новая тварь**), иной мудрости, иного духа причастники, иной славы, иного богатства, иного достоинства, иного произволения; иной ум имеют (Христов), суть сыны света, сыны чертога брачного, сыны утешения, сыны завета нового (Евр. 6,4; I Кор. 2,16; Лук. 16,8; Ио. 12,36; Мф. 9,15; 2 Кор. 1,7; Деян. 3,25).

3. Но поистине многим неведомо о нетленном и непреходящем в небесах. Предположим, что человек царь; не от мира ли он сего? ритор или философ — не от мира ли сего? Если же от сего мира, то он знает здешний язык и причастен здешней мудрости; а все то, что за небом и землею, им не обретается, не познается и поистине не может быть познано на деле и в силе, потому что призрак и обман глаз все видимое. А через сколько надо пройти, чтобы достичь жизни? Через многие искушения. Ибо невозможно никому **войти в жизнь** (Мф. 18,8; 19,7), не пройдя сурового пути и мест страшных. Ведь как туман ложится на воздух, так сила сатаны наполнила сердце Адама, и на все его произволения лег чад. Впрочем, есть и правдолюбцы, которые и в чаду ревнуют противостоять и бороться, но они не сразу становятся частями добра, а разве через многие усилия и борения.* Такие блаженнее не знавших борения. Однако многие при случившейся малой передышке возомнили себя возрастающими в благодати и вознеслись и сочли себя стяжавшими свободу и назвались совершенными, сами же обкрадываемы злом, и не знают. Ибо ничто не может погубить род христианский, кроме превоз-

* В списке J "через многие искушения и страдания и испытания в борении".

несения. Ведь и Адама ввел в грех змий, что де как боги станете (Быт. 3,1-5). Но Божественное всесовершенно противоположно превознесению; ибо вот признак христианства: кого видишь алчущим, жаждущим, трудящимся, нищим **духом** (Мф. 5,3), смирившимся в себе, ищущим непрестанно ночью и днем, тот стоит в истине; если же кто насытился и уже не нуждается, но богат, такой есть частица заблуждения, как говорит апостол: **Вы уже пресытились, вы уже обогатились** (I Кор. 4,8); и опять-таки говорит: **Горе вам, богатые** мира сего (Лук. 6,28); но горе и мнящим о себе, что мы де уже есть нечто. Богу слава.

Свящ. Димитрий ДУДКО

ИЗ «СЛОВ О ЦАРСТВЕ НЕБЕСНОМ» *

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ

Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли...

С тех пор, как эту молитву произнес Господь наш Иисус Христос к Отцу Небесному от лица всего человечества — сколько прошло времени, две тысячи лет. Нет того дня, часа, минуты, наверное, чтоб во всем мире не читались эти слова. Мы их читали и сегодня, даже не раз, а в конце Литургии пропели.

Отец наш, Который находится на небесах... Небеса — это вот не то небо, которое мы видим физическими глазами, а иной мир, отличный от нашего грешного мира, где святость, правда, любовь.

Да святится имя Твое. Имя Отца Небесного всегда свято, но оно должно святиться в наших сердцах, в нашем помышлении, дыхании, во всем, что мы делаем и о чем мыслим. Наши мысли, чувства и дела должны быть святы. Мы должны быть именно такими совершенными, как совершенен наш Отец Небесный. Совершенны, как Отец Небесный — это недостижимое и немислимое для нас совершенство, — скажем мы и будем правы, но если сказал Христос, то это не для красного словца, к такому совершенству мы призваны и такого совершенства должны достигнуть в вечности. И иначе нельзя. Мы часто как христиане останавливаемся на праведности книжников и фарисеев, формально, мол, не нарушаем заповедей Божьих, для нас, мол, и достаточно, а что сверх этого, то это для нас невыполнимо, и мы отходим с грустью, как тот богатый юноша, о котором говорится в сегодняшнем Евангелии, если от нас потребуют что-то большее. Если хочешь быть совершенным, продай имение свое и следуй за Мной... Вот это самое трудное и есть, мы скажем. Да и у нас никакого имения нет. Но это не так. У нас, пролетариев, большее имение, чем у капиталистов. Это вот наши распространившиеся за последнее время грехи. И вот попробуй. Попробуй-ка перестать, допустим, прелюбодействовать. Ну кто из современных людей откажется от этого? Семья развалилась, деторождаемость сокращается, а прелюбодейство увеличивается. Или хотя бы проще.

* Начало см. в "Вестнике" № 125, стр. 13.

Не пойти на аборт. Тысячи причин найдутся. И забывают то, что блудники, прелюбодейцы, а следовательно, и делающие аборт, не войдут в Царство Небесное. Рассказывают, что когда папа Римский осудил аборт и противозачаточные средства, католики, так всегда слушающие его, тут очень взбунтовались. Ну вот как расстаться нам с этим именем, убивающим святость чувств и традицию семьи?

А пьянство, какое это имя? Какое это губящее нас имя, а вот попробуй отказаться от него? Или, возьмем, как будто даже незначительное имя — папироску. Маленькая, плюгавенькая папироска. А ведь, пожалуй, от нее труднее всего отказаться? Люди теряют сон, аппетит, теряют при попытке отказаться от этого вонючего имени. Некоторые на это смотрят сквозь пальцы, мол, ничего страшного нет, а в самом деле это не так. Во-первых, папироска парализует нашу волю, не мы ею владеем, а она нами. Во-вторых, на почве табакокурения развиваются страшные заболевания, например, рак. Значит, мы занимаемся самоубийством. Скажут, заболевания не только на этой почве развиваются. От тяжелых работ развиваются, допустим. Но там ничего не поделаешь, не в наших силах, а здесь мы сознательно идем на самоубийство. И выходит, что курить не меньший грех, чем прелюбодействовать. А отказаться невозможно. Я не стану перечислять всего нашего имени, накопившегося за последние годы, но факт один. Чтоб стать совершенным — от имени нужно отказаться. Иначе не будет доступа в Царство Небесное. Юноша отходит с грустью, и мы, по всей вероятности, тоже с грустью отойдем. И Христос скажет: «Трудно богатому войти в Царство Небесное». О, как трудно современному человеку, богатому невиданными грехами, войти в Царство Небесное!

Кто же может спастись? — спрашивают ученики Христовы, и Христос им отвечает: человеку это невозможно, но не Богу, все возможно Богу. Что это значит? Значит ли это то, что Бог за нас сделает? Нет, конечно. В народе говорят: Бог помогает тем, кто трудится. А если мы и пальцем не хотим двинуть — воз останется там же. Имя Божие всегда свято, но вот Христос учит нас молиться — да святится имя Твое, — призывая нас тем самым к святой деятельности. Да придет Царствие Твое... Что это? Неужели Царства Божия нет? У Бога всегда Царство Небесное, но нужно, чтоб мы, созданные по образу и подобию Божию, участвовали в пришествии и строительстве Царства Небесного. Да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле. Безбожники

могут даже завопить, услышав эти слова. Да будет воля Твоя... Мол, это Божье рабство, а где, мол, наша свобода? Мы себе желаем свободы. Эти слова безбожников ничего не значат, просто чистая пропаганда. Именно в воле Божией и заключается наша свобода. Только исполняющий волю Божию человек может считать себя свободным. А все остальное — иго рабства. Ибо Бог — это совершенство, в совершенстве нет рабства, и мы, достигнув совершенства, достигаем свободы. Совершенство освобождает. Несовершенство только порабощает. Порабощает грех. В Боге греха нет, и когда мы молим Бога — да будет воля Твоя! — это именно мы молим Его о нашем совершенстве и нашей свободе.

Да придет Царство Твое, в котором святится имя Божие и будет Его воля, а следовательно, мы не будем знать греха, и будем по-настоящему свободны. Да придет Царствие Твое... Царство Божие не где-то только будет, Царство Божие будет всюду, на небе и на земле. Охватит и духовную и телесную сущность.

Царство Небесное приближается... Признаки последних времен — это участвовавшие катастрофы в физической природе, это постоянные катастрофы в наших душах (как они теперь неустроены и изуродованы!), и главное, как мы запуганы, что об этом боимся во всеуслышание сказать — говорить о приближении Царства Небесного.

Посмотрите на нивы, как они побелели. Не говорите ли вы, читаем мы из Евангелия Иоанна Богослова, глава 4, что еще четыре месяца, и наступит жатва. А Я говорю вам; возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели. И поспели к жатве. Уже пора посылать жнецов — Господних ангелов, но Господь терпит. Нивы побелели... Пора наступить жатве. Некоторые торопящиеся люди стараются предвосхитить то, что ведомо одному Отцу Небесному, но мы не будем входить в сроки Господни. Но время близко. Перед жатвой обычно истощаются старые запасы, люди начинают голодать. Сейчас у нас голод духовный. Это страшнее, чем физический голод, страшнее того, когда в закромах нет крупицы зерна. Посмотрите, как все жаждут услышать Слово Божие. Возьмите нашу Россию. Самая христианская страна была, а теперь не имеет элементарных представлений о христианстве. На Западе тоже не лучше, но там другой голод. Там голод от изобилия благ земных. Там иногда просто не хотят духовной пищи. Как-то я разговаривал с иностранцем и спросил у него: а вы интересовались вопросом веры? И он ответил: А

зачем мне? У меня все есть. Если захочу послушать церковное пение, включу пластинку. Вот он, перевод благ духовных в блага земные. Транжируют имения духовные. Говорят, Евангелия на Западе лежат в магазинах и пылятся. А представим, если б у нас в магазинах свободно лежали Евангелия, как бы накинулись не только верующие, а даже безбожники. Рассказывают, что антирелигиозным пропагандистам тоже не свободен доступ к религиозной литературе, они должны пропагандировать по шпаргалкам. Голод! страшный голод слышания Слова Божия! Иногда останавливаешься с умилением перед удивительным фактом нашего времени; как утоляют голод. Вот я недавно крестил девушку. Как она пришла к крещению? Понравилась ей антирелигиозная литература, какая-то похабная и циничная повесть безбожного борзописца. Столько там кощунства над святыней, рассказывал мне тот, кто ее читал. И была в этой повести только одна молитва. И девушка все пропустила, только эту молитву нашла. Выучила ее по антирелигиозной повести и таким образом пришла к вере. Или еще. Есть ведь места, где только антирелигиозная макулатура, Евангелия нет. И вот берут антирелигиозные брошюрки, вычеркивают все, что пишут безбожники, оставляют только то, что из Евангелия. А безбожники наши очень неохотно цитируют Евангелие, и представьте! — какие крупички, но и этих достаточно, чтобы прийти к вере. Представьте же себе, как побелели наши нивы, готовые к жатве. Как истощились наши прежние запасы, что мы питаемся такими крупичками. Кто имеет уши слышать, пусть слышит. Кто имеет доброе сердце, пусть отзовется. Кто в состоянии хотя бы немного потрудиться, пусть трудится на ниве Господней. Молите Господина жатвы, да вышлет делателей на ниву свою. Особенно это касается нас, священников. Мы должны делать, утолять голод народный. Быть наемником в наше время, еще тем более нанимаясь через атеистов, быть только требоисполнителем — преступление перед Богом и людьми. Люди жаждут... Впрочем, Священное Писание лучше об этом скажет, чем я откроем его и прочтем: Иезекииль, гл. 34, от стиха 7 по 11. «Посему, пастыри, выслушайте Слово Господне. Живу Я, говорит Господь Бог, за то, что овцы Мои оставлены были на расхищение, и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли»... Как это хорошо сказано: пастыри пасут только себя, но не овец. Попробуйте подойти вот так к священнику и поговорить хотя бы, а не чтоб он подошел сам к вам, как он замечется: не смотрят ли безбожники? И не отберут

ли у него пастбище? А чтоб пойти на муку, на страдания, на пытки за паству — это не для нас. Это удел мучеников 20-х — 30-х годов, в которых мы непрочь даже бросить камень. Конечно, я не говорю, что все так делают. Есть и в наше время самоотверженные пастыри, которых прогнали с приходов. Лежат в постели, тяжело дышат, а окормляют тысячи людей вокруг себя. Или сидят где-то в пустыньках после отсидки в лагерях и пытаются неимоверным усилием окормлять всю голодную Россию. Но это безвестные труженики, а вот те, которые имеют приходы, амвоны, с которых они могли бы обильно раздавать духовную пищу, что они делают? Продолжаем чтение из Священного Писания: «За то, пастыри, выслушайте Слово Господне. Так говорит Господь Бог: вот Я — на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их и не дам им более пасти овец, и не будут более пастыри пасти самих себя, и исторгну овец Моих из челюстей их». Вслушаемся, какой точный образ! Овец Бог исторгает из челюстей пастырей, потому что пастыри только пользуются приношениями овец-верующих, все запихивают себе в челюсти, а овец не пасут... И не будут они пищею их. Ибо так говорит Господь Бог: «вот Я Сам отыщу овец Моих и осмотрю их».

Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, — взмолимся из глубины своей растерзанной души. Царство Божие нам нужно, без Царства Божия невозможно жить. Однако Царство Божие не само по себе приходит, мы должны все сделать, чтоб приблизилось Царство Небесное. Когда белеют нивы, все вооружаются на то, чтоб возделывать их. Нельзя терять времени. Сейчас не только каждый день дорог, дорог каждый час, каждая минута. Когда Царство Божие близко, тогда особенно надо трудиться. Царство Божие не навязывается, ворота в Царство Божие узки, употребляющие усилия восхищают его. Слишком много времени мы потеряли напрасно. Часто мы были праздномечтателями о Царстве Божьем, только мечтали о нем, а ныне надо делать. Делание еще оттого должно усилиться, что кроме Царства Божия ничего и не остается, образ этого мира проходит. Единственное, за что мы должны ухватиться — это за Царство Небесное. Нам часто повторяются слова — ищите Царства Божия и правды его, и все остальное приложится вам. Царства Божия и правды его — вот что надо искать! В этом и наше земное существование. Без Царства Божия и правды его мы растлеваемся, ненавидим друг друга, опустошаем землю. Гибнем! Бог ждет нашего свободного усилия. Он готов нам помочь, но Он ждет нашего усилия. В Царство Божие не загоняются силой, туда добровольно идут. «Дабы об-

щение веры твоей оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе». «Чтобы доброе дело твое было не вынуждено, а добровольно» (Послание к Филимону ап. Павла). Добровольно!

Вот мы, побывавшие сегодня за литургией, получившие из склада небесной сокровищницы, что будем делать? Только для себя?

Что нам делать, чтобы достигнуть Царства Небесного? Этот вопрос богатого юноши должен всегда тревожить наши души, обогатившие грехом. До тех пор тревожить, пока мы не продадим все, не избавимся от грехов и не последуем за Христом. Христос только и приходил для того, чтобы позвать нас в Царство Небесное. Другой цели у Него не было.

Царство Небесное — это то, для чего мы должны трудиться, жертвовать всем земным имением, жертвовать своей жизнью. Молиться мы должны не напрасно, не биение же воздуха наша молитва. Молитва — это то, чего нам недостает и что нам крайне необходимо.

Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Идущему за Христом невозможного нет, невозможное делается возможным. Все могу об укрепляющем меня Господе, — заверяет апостол. Дается Христу всякая власть на небе и на земле, и — с нами Он до скончания века. Аминь. И с Ним ничего не страшно. Ни нападающие волки, не разбегающиеся пастыри. Я Сам отыщу овец Своих и осмотрю их, — говорит Господь. Только надо верить, надо трудиться.

Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле. Царство Божие должно быть всюду, аду нет места во Вселенной. Ад мы должны победить и достигнуть Царства Небесного.

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ

Чем мы живем, чего ожидаем? Вот если предложить нам с вами такой вопрос. Чем живем и чего ожидаем?

Не будем говорить о том, что ответят на этот вопрос неверующие, хотя это и их касается, потому что участь у всех одна, смерть. А что потом? Как ответим вот мы, верующие? Чем живем и чего ожидаем? Некоторые даже согласны будут увильнуть от

прямого ответа. Ну, чем живем? Что Бог послал, тем и живем. Помимо того что едим, одеваемся, еще, бывает, молимся Богу, читаем Евангелие и посещаем храм Божий. И даже еще более этого. Стараемся исполнять заповеди Божьи. Разве этого недостаточно?

Некоторые поднаторевшие в богословии скажут — стараемся самоусовершенствоваться и, как бы спохватившись, скажут: стараемся достигнуть Царства Божьего.

Да, правильно. Если мы стараемся достигнуть Царства Божьего, то это главное. Царство Божье — главное. Все земное прах, преходяще, а Царству Божию не будет конца. Это хорошо.

Ну, а если глубже коснемся? Так ли это? В самом ли деле мы стараемся достигнуть Царства Божьего?

Сегодняшнее Евангелие за Литургией очень хорошо об этом говорит. Откроем и прочтем. Ев. от Лк., гл. 14, ст. 16-24. В нем рассказывается, как один человек сделал большой ужин. Будем говорить прямо. Не один человек, а Бог призывает нас в Царство Небесное. И вот как мы отзываемся. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю, и мне нужно пойти и посмотреть ее, прошу тебя, извини меня.

Переведем на современный язык. Покупать землю теперь нельзя, скажем проще: человек занят своим земным устройством. Царство земное он противопоставляет Царству Божьему, ему оно дороже. Будем конкретны. Ну, вот вы на производстве, в школе, в институте. Узнают, что вы верующий. Начинается обработка — все ли выдерживают? Не кривят ли душой, чтоб удержаться на работе? Более того, начинают извинять себя. Ну, я ведь все равно буду верить, даже если от чего-то откажусь. А то ведь, если лишусь работы, а у меня есть семья, как быть? Я ведь не помещик, имения у меня никакого нет, живу с зарплаты. И все это правильно. Ну, а помним ли мы слова: ищите Царство Божие и правды его и все остальное приложится вам? Это ведь сказал Христос, а Его слова непреложны. Да, конечно, непреложны, — продолжаем мы рассуждать, — но ведь много людей бедствует. И это верно — много людей бедствует. Ну, а помним ли мы такие евангельские слова: кто идет за Мной и не берет крест свой, недостоин Меня? Нужно, идя за Христом, брать крест свой — страдания, тогда мы будем достойны Его. Достойны и Царства Небесного. Значит, догадываемся мы, за Царство Небесное нужно все отдавать. И тут нужно добавить: не только за Царство Небесное, а за одну жемчужину из Царства Небесного, ибо она

дороже всех жемчужин земных. Ценность того или другого проверяется смертью, смерть все испытают. И каждый скажет, что в смерти нам не нужны будут никакие жемчужины земные. Ну а вот сейчас они нам дороже. Прошу тебя, извини меня, — в вежливой форме отказываемся мы. Эта вежливая форма особенно заметна у интеллигентов. Надо ведь защищать диссертацию, а что не увязывается с моими христианскими убеждениями — так можно покривить душой. Как же, ученая степень. Да, ученая степень, но ведь в конце жизни черви, которые будут нас точить, дадут свою оценку.

Всех нас зовут, и простых, и ученых:

— Идите, ибо уже все готово.

Двадцать веков тому назад хотя и говорили, что все готово, но это не было так заметно. Посмотрите на время сейчас, какое оно тревожное. Каждый день приносит все новую и новую тревогу. Там какую-то особую бомбу изобретают, там рыбы в рекахдохнут, там болезни цепляются все более и более страшные. Ведь даже грипп, когда-то совсем невинная болезнь, сейчас становится страшным своими осложнениями. Что это? А это значит: мир земной, царство земное кончается, а мы еще не понимаем, что единственное для нас остается — Царство Небесное. Там никаких тревог не будет, ни болезней, ни печалей. А все-таки за эту тревожную жизнь мы так цепляемся. Поэты даже там фантазируют, что милее нет нам ничего этой земли. Любим ее, грешную, полную тревог. Это фантастика, романтика и ничего более. Бахвальство. Если Бог Своим могуществом поселит меня в раю, то я тогда скажу, чтоб Он сверг меня оттуда, — я своими словами передаю, о чем говорят современные поэты. Да, сейчас они говорят, а когда глянет смерть, что скажут тогда?

Дай Бог, чтоб, пока не поздно, одумались. Смерть ведь все проверяет. Бывает, что одумываются. Как-то я хотел навесить одного умирающего современного поэта, он выразился так: о, попы стали осаждать меня. А потом — что случилось? Кто разберется, но это факт: позвал свою дочь и сказал: дочь, верую. Жаль, что поздно уверовал. Поисповедовался потом, причастился. А крестился раньше, наверное, в детстве, ведь когда-то было неприлично, чтоб не креститься. Это мы сейчас потеряли приличие. Этот поэт на смертном одре услышал голос: идите, ибо уже все готово.

Или еще такой случай. Это мне рассказывала женщина, которую я недавно крестил. Был такой забулдыга, пьяница Валер-

ка, ему все было нипочем. Пил, развратничал, не верил в Бога. И вдруг сердце отказало, не может же оно выдерживать любую греховную нагрузку. Умер, выбросили в морг, и пришли брать его оттуда, смотрят — ползает, ожил. Ну, взяли в больницу, подлечили. Выписали домой. Любопытствующие спрашивают: ну, тебе снилось что-то там, видел, что ли, что-то? Может так, полусутя, спрашивают... А он серьезно отвечает: ничего не скажу, мне дали год... Только один год! И Валерка, как говорят, в корне изменился, перестал пить, стал ходить в храм Божий, исповедываться, причащаться. И через год отошел ко Господу, в сентябре месяце этого года. Я не знаю, кто он, и не расспрашивал. Был ли он ученый, имел ли ученую степень, но вот услышал голос призывающих: идите, ибо уже все готово.

А мы, здесь стоящие, что думаем — это не для нас? Часы бьют, прислушаемся к ним. Они отсчитывают время уже прожитой нашей жизни, а сколько будет ударов для непрожитой? Богу ведомо. Прислушаемся, бой часов призывает нас. Царство Небесное Христос приготовил нам, для того Он приходил на землю, страдал, был распят и воскрес.

Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их, прошу тебя, извини меня.

Опять-таки, какие волы для живущих в городе? В городе увлекаются купить машину или еще что-то. Хотя знают, что если б без машины, может, спокойнее было бы, а машина — налетит другая и ничего нет.

Напрасны наши извинения, голос призывающих повисает в воздухе... Мы думаем, как-либо, когда-то будет, а нам надо пожить, ведь мы еще так молоды, а катастрофы современные говорят: смерть не считается, молод ты или пожилой.

В Царство Божие зовут нас даже современные катастрофы, разве вы не видите, как все неустойчиво? Машина часто ускоряет нашу гибель, а мы рады, приобретая ее. На машине в Царство Божье не въезжают, даже не придется входить, сложим руки — и все. И Царство Божие откроется, а мы будем извержены оттуда. Потому что современный транспорт, удобство, стало нам дороже Царства Божия.

Третий сказал: я женился и потому не могу придти. Ну и что, если ты женился? Жена ведь дана нам в помощь. Чтоб вместе надежнее достигнуть Царства Божьего.

Тут, наверно, кто-то скажет: ведь есть такие жены, которые такое покажут Царство Небесное, что все превратят в ад. Вот

тут-то и нужно ответить: неужели ты на такую жену променял Царство Небесное? Вспомним, как Христос призвал Своих учеников, Он только говорил: следуйте за Мной, — и они оставляли все и следовали за Ним. А мы извиняемся, находим любой предлог, любую форму.

Бог, как говорится, терпелив и многомилостив, но нам не нужно злоупотреблять долготерпением Божиим. Как вот читаем в сегодняшнем Евангелии: тогда, разгневавшись, хозяин дома (будем говорить — Бог) говорит: пойдя по дорогам и изгородям, и убеди придти, чтобы наполнился дом Мой.

По дорогам, по изгородям, как преподобный Серафим говорил: сей при дороге и в терние, где-нибудь да прозябнет. Даст плод свой. Нужно звать людей, Царство Небесное готово.

Чем мы живем, чего ожидаем? Царство Небесное или ад? Если не Царство Небесное, то будет ад. Для нас, осуетившихся современных людей, все это кажется отвлеченным или устаревшим понятием. Царство Небесное, говорим, еще туда-сюда, но зачем угрожать адом?

И вот тут даже атеисты, отвергая Бога, говорят о несправедливости Божией: зачем так жестоко карать? Грешим мы во временной жизни, а карать будут и в вечной. И идут сии в радость вечную, а сии в муку вечную — так говорится в Евангелии. Это, мол, несправедливо. Справедливо будет тогда, когда всех нас Бог, какие бы мы ни были, возьмет да и втолкнет в Царство Божие. Грешили на земле, в Царстве Божием наслаждайтесь. Это было бы справедливо, по их понятиям. Но это обман дьявольский. Справедливо изжить грех, а несправедливо давать Царствие Божие за грех. Разве нас современная жизнь еще не убедила, что несет в себе грех? Возьмите пьяницу — вот к чему его привел грех пьянства, а мы на грехе хотим построить Царство Божие. Современный человек со своим греховным пониманием ищет облегченных путей в Царство Небесное, а Христос говорит: Царство Небесное достигается с трудом и только употребляющие усилие достигают его.

Идите, ибо уже все готово.

Но идти — это не значит отсчитывать шаги. Идти — это значит решиться на все. Ни земное устройство, ни современный транспорт, ни семейная радость — ничто не должно отвлекать нас от Царства Небесного. Только ищущие Царства Небесного и правды его могут строить нормальную жизнь и здесь, на земле. Посмотрите, в какой ад мы все превращаем без искания Царства Божия!

Но вот тут кто-то все-таки хочет обвинить Бога: Бог же ведь знал, что будет, зачем Он нас допустил до этого, ведь мы Его творение. Взял бы Он да и сделал так, чтоб мы не грешили...

Короче говоря, лишил бы нас всякой свободы. А ведь без свободы мы не были бы людьми. Были бы бездушными камнями. Ну вот посмотрите на камень, лежит, его попирают, бросают... Что это, участь лучшая? А ведь, обвиняя Бога, почему Он нас силой не отвлек от греха, мы желаем стать камнями. Мы созданы по образу и подобию Божию. Бог нас создал подобными Себе, поэтому, как Он свободен, так и мы свободны. И только с понятием свободы мы можем понять, что такое Царство Божие. Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть.

Нам затемнили мозги, что Царство Божие — это мечта, наше внимание отвлекли от Царства Небесного земным устройством, достижениями техники, развратом... Жена для нас не мать, а блудница. Каково сознание, такова и жизнь. Говорят: бытие определяет сознание. Да, наше сознание от нашего бытия, безбожного, развращенного, пустого. И бытие наше — тоже от нашего сознания, безбожного, развращенного. Это современные антиномии. Противопоставление одного другому. Сознание от бытия, бытие от сознания. Заколдованный круг, белка в колесе. Ад!

Ада не должно быть. Ад — это не бытие. Ад — это и не сознание. Ад — потеря нашей личности, самоубийство. Если так выразиться, то у человека, строящего все без Бога — затянувшийся процесс самоубийства. Мы убиваем самих себя, еще и говорим о безжалостности тех, кто будет в Царстве Небесном — неужели вам не будет нас жалко?

Самоубийца убивает самого себя... Да, жалко самоубийц. Но можно их пожалеть только тем, чтоб отвлечь их от самоубийства. Подвигнуть строить Царство Небесное. Впрочем, оно уже построено. Идите, ибо уже все готово. Царство Божие есть, ему не будет конца. Царство Божие — настоящее бытие, и оно же определяет наше сознание. С сознанием Царства Божия нет ада, без сознания — он есть. И будет это не так, что в одном месте будет Царство Божие, а в другом ад. Для ада нет места. Он нигде, он не сможет отравить сознание находящихся в Царстве Божьем. Царство Божье будет всюду. Да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле. На небе, на земле, всюду будет Царство Божие.

Чем мы живем, чего ожидаем? — пусть каждый себя беспристрастно сейчас спросит.

Вон там стоящий за колоннами — чем живешь, чего ожидаешь?

Вон там разговаривающие — чем живете, что ожидаете?

Вон там торгующие за ящиком — чем живете, чего ожидаете?

Вот все мы — чем живем, чего ожидаем?

А вдруг — представьте! — раздастся голос: Жених грядет... Христос идет.

Все человечество и мы в том числе, находящиеся в храме этом, делимся на мудрых дев и неразумных. Вот как говорит Священное Писание. От Матфея, гл. 25, стихи 1-12.

Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые взявши светильники свои, вышли навстречу Жениху.

Из них пять мудрых и пять неразумных. Неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собой масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как Жених замедлил, то задремали все и уснули.

Но в полночь раздался крик: вот, Жених идет, выходите навстречу Ему.

Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел Жених и готовые вошли с Ним на брачный пир и двери затворились. После приходят и прочие девы и говорят: Господи, Господи, отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам, не знаю вас.

Это самое страшное, когда Бог скажет: не знаю вас. Это будет все, окончательно, а пока еще есть время, бьют часы, посланные призывают нас в Царство Божие...

Не нужно откладывать, вот сейчас: иду, Господи!

Для нашего размышления расскажу случай, это было до революции. Был один безбожник... Да, и тогда были безбожники и, пожалуй, похлеще наших, они-то и породили современное безбожие.

Так вот этот безбожник из кожи лез, чтобы доказать, что нет Бога, а Бог как-то все-таки открылся ему, он понял, что есть Бог. Но, как говорится, может не случайно: перед смертью не надыхнешься. Бытие определило сознание или сознание определило бытие, но жизнь его была сплошным грехом, адом.

И вдруг — что случилось! — позвал священника. Священник приходит, видит, кто это, и думает, что он позвал, чтоб посмеяться над священником, лишний раз назвать его мракобесом. И хотел было уходить священник, но тот со слезами (искренними слезами, горькими!) останавливает его. Исповедуется. Складывает руки для Причастия и — ужас — рот не может открыть. Чем больше он старается, тем больше рот зажимается. Он схватывает молоток, бьет... Так и умер, не причастившись...

Бывает поздно.

А пока не поздно. Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем...

Пусть это будет не нашим пением только за литургией, а нашей жизнью, нашим бытием, которое определяет наше сознание.

Аминь.

Август — декабрь 1977 г.

Гребнево Московской области

ВСТУПЛЕНИЕ В ЦЕРКОВЬ *

Глава IV.

Мирянское крещение

1. Православная, как и католическая, церковь признает, что каждый верный не только может, но и должен в случае отсутствия священника совершить таинство крещения над тем, кто находится в смертельной опасности. В настоящее время речь идет в этом случае почти исключительно о младенцах.

Дозволение мирянам совершать крещение при современном понимании таинства является совершенно неожиданным. Оно ставит сложный догматический вопрос, каким образом допускаются к совершению таинств, хотя бы даже одного крещения, миряне, которые согласно догматическому богословию абсолютно отстранены от совершения священнодействий. Современные догматические системы не дают ясного ответа или, точнее, не дают никакого ответа на этот вопрос. «*Nemini sine baptismo comptere salutem*»¹, а потому во имя спасения человеческой души мирянин должен совершить крещение. Первая посылка, что без крещения нет спасения, бесспорна, но вывод, что мирянин должен совершить таинство крещения, только в том случае верен, если признать наличие второй посылки, что миряне имеют способность к совершению священнодействий. Без этой второй посылки совершение мирянами таинства никак не может способствовать вечному спасению человека, т. к. совершенное ими священнодействие не может дать того, что дает таинство. Современное догматическое богословие не признает этой второй посылки. Согласно современному учению, миряне не имеют способности к совершению священнодействий. Действительность таинств вытекает из самого факта совершения их законно поставленным священником, который правомочен совершать их и помимо церковного собрания и без участия народа. Каким образом при таком понимании таинств может быть мирянам придана ради спасения человека способность

к совершению таинства крещения? Если же миряне способны совершать таинство крещения, то, значит, основное положение школьного богословия о полной неспособности мирян к совершению таинств неправильно. Современное богословие, требуя, чтобы таинство крещения, совершенное мирянином, было дополнено священником, не объясняет, к чему должны быть приложены дополнительные акты, к таинству крещения действительному или условному. Если таинство действительно, то каким образом оно действительно, а если оно условно, то может ли быть условным таинство? Единственный ответ на все недоуменные вопросы относительно «мирянского крещения» как будто нужно искать в учении о священническом достоинстве лаиков, утерянном догматическим богословием, но сохраняющемся в церковной жизни. Обладая священническим достоинством, лаики имеют способность совершать священнодействия, а потому при некоторых условиях совершенное ими крещение благодатно-действительно. Однако и этот ответ, хотя и наиболее действенный, не вполне соответствует древнему пониманию таинств и практике восточной церкви.

2. Царственно-священническое служение лежало в основе всей жизни древней церкви, но это служение исполнялось не отдельно каждым членом Церкви, а совместно с остальными под председательством епископа. Оно выполнялось на церковном собрании, которое всегда включало в себя его председателя, который был «устаи церкви». Мы видели, что прием в Церковь совершался епископом на церковном собрании, а не в индивидуальном порядке. При совершении приема в Церковь епископ мог поручать совершение таинства крещения в его точном смысле, как одного из благодатных актов приема в Церковь, пресвитеру или диакону, но «печать» накладывалась обязательно епископом. Трудно предположить, что епископ мог поручить при наличии пресвитеров совершение крещения лаику. Что касается совершения крещения вне церковного собрания, то оно, если имело место, совершалось в совершенно исключительных случаях. При установившейся дисциплине оглашения почти невозможно представить себе случая, когда лаик самостоятельно мог совершить крещение. Очень мало вероятности, чтобы лаики совершали крещение раньше установления дисциплины оглашения, т. к. для принятия в Церковь с самого начала требовалось согласие местной церкви. В случае внезапной болезни оглашенного крещение совершалось на одре болезни епископом или пресвитером. Впервые о крещении, совершаемом лаиками, упоминает Тертуллиан: «Право испол-

* См. Вступление в Церковь. Ротаторное издание 1953 г. Главы I и II напечатаны в «Вестнике РХД» № 120. Глава III — в № 122.

Глава XII печаталась в «Вестнике РСХД» №№ 114 и 115.

¹ Тертуллиан. De baptismo, cap. XII.

нения его (т. е. крещения) принадлежит прежде всего первосвященнику, т. е. епископу. Совершать его могут также священники и диаконы, но не без дозволения епископа, дабы сохранить уважение к Церкви в ее начальнике и соблюсти мир чрез сию подчиненность. Впрочем, даже мирянам в крайнем случае дозволено крестить. Таким образом, когда нет ни епископа, ни священника, ни диакона, то никто не должен отрекаться от сообщения дара Господня»². Из указания Тертуллиана следует, что laik мог совершить крещение в отсутствие епископа, пресвитера или диакона в случае неотложной необходимости. Слова Тертуллиана оставляют впечатление, что он говорил теоретически, а не исходил из фактов церковной жизни. Конечно, мы не можем совершенно отстранить возможность такого положения, что laik принужден был совершить крещение оглашенного, но такого рода случаи при тогдашнем строе церковной жизни были совершенно исключительны. Действительность такого крещения не подвергалась, по видимому, сомнению, но тем не менее оно считалось дефектным, т. к. не было совершено в церковном собрании. Если крещеный laikом оставался в живых, то он «запечатлевался» епископом на церковном собрании.

Первое каноническое постановление о допущении laikов к совершению крещения содержится в постановлениях Эльвирского собора. Церковная жизнь к этому времени уже значительно изменилась по сравнению с предыдущим временем. Среди оглашенных появляется стремление откладывать крещение по собственному желанию. В силу этого время пребывания в разряде оглашенных могло оказаться весьма продолжительным, а потому и случаи экстренного крещения могли представляться гораздо чаще. Эльвирский собор в своем постановлении, по видимому, исходил из принципиальной возможности совершения laikами крещения. Его 38-е правило указывает, что оглашенный в случае болезни, находясь в пути или вдали от церкви, может быть крещен laikом, который «*Lavaorium suum integrum habet nec sit bigamus*». Необходимо отметить, что речь идет об оглашенном, т. е. о том, кого церковь допустила к приему в Церковь. Этим указанием как будто исключается возможность крещения того, кто не является оглашенным. Из этого следует, что собор стремился по возможности сохранить церковный характер крещения. Такого рода креще-

² Тертуллиан. «О крещении», гл. XVII. Русский перевод, СПб. 1857 г., стр. 23-24.

шение должно быть восполнено возложением рук епископа, если бы крещеный laikом поправился. Это постановление стало общей практикой для Западной церкви, хотя некоторое время еще раздавались отдельные голоса против действительности такого крещения.

На Востоке возможность совершения мирянами крещения подвергалась большому сомнению. Восточные соборы этим вопросом не занимались и нигде не упоминают о том, что мирянам разрешено кого бы то ни было крестить. При сложившемся в IV веке учении о священстве это молчание соборов указывает скорее на отрицательное, чем на положительное отношение соборов к этому вопросу. Из крупных церковных деятелей Василий Великий отрицал возможность совершения крещения мирянами. Это следует из того, что он рассматривал крещение еретиков, как крещение мирян, которое подлежит церковному очищению³. Нам известно, что он принципиально считал крещение еретиков недействительным. Странников крещения мирян на Востоке было мало и они не имели решающего влияния на этот вопрос. Даже в XII веке в Византии этот вопрос вызывал сомнение. В толковании 18-го правила Сардикийского собора Вальсамон пишет следующее: «Итак, как нам определено (83) 72 правилом Карфагенского собора без предосуждения крестить тех, о которых есть сомнение, крещены ли они, хотя бы и по истине они получили крещение, так безопасно и без всякого сомнения мы должны крестить и того, кто крещен человеком, не получившим власти крестить и через крещение отпустить грехи (ибо крещение очищает от грехов), дабы такое сомнение не лишало его очищения, получаемого от святого крещения. А если кто говорит, что это крещение должно считаться истинным по причине совершенного мирянином чтения святых молитв и помазания св. мирром, таковой, ко-

³ Epist. 188, s. 1, P.G. t. 32, col. 688. Григорий Назианзин, перечисляя тех лиц, которые имеют право совершать крещение, ничего не говорит о мирянах (Orat. XL, 26.P.G. t. 36, col. 396; ср. Carmen I.II. P.G. t. 95, col. 1024). Составитель «Апостольских Постановлений» не разрешает мирянам совершать крещение: «Мирянам мы не позволяем совершать какое-либо из дел священнических, каковы жертва, или крещение, или рукоположение, или благословение, малое или великое. Ибо никто сам собою не приемлет сей части, не призываемый Богом, потому что достоинство это дается через возложение рук епископа, а не получивший его, но восхитивший его сам по себе, потерпит наказание Озии» (III, 10. Рус. пер. стр. 112). Из западных отцов бл. Иероним не высказывал сомнений относительно возможности совершения laikами крещения в случаях необходимости (Adv. Lucif. IX. P.L. t. 23, col. 165).

нечно, скажет и то, что посвященные в клир епископами, ложно и не по истине поставленными, должны считаться клириками и по дознанию о сем зле, что несообразно и противно 4-му правилу святого и вселенского Второго собора... и 18-му правилу Сардикийского собора, которое определяет, что принятые в клир Мусеем и Евтихианом могут быть приняты только как миряне, но как с клириками с ними не должно иметь общения, потому что Мусей и Евтихиан суть не рукоположенные. Итак, как не суть клирики, рукоположенные непосвященными Максимом и Евтихианом и Мусеем, так не должен считаться крещеным и тот, о котором говорят, что крещен от непосвященного; почему таковой и должен без предосуждения удостоен быть истинного крещения... Если же кто захотел бы противопоставить мне случившееся во дни святого Афанасия Великого — ибо написано, что крещеные им в детской игре в песке морском были приняты как крещеные — и то, что совершилось на св. Порфирии, когда он крещен был лицедем в виде шутки и вследствие этого удостоился мученического венца, потому что тотчас увидел ангелов, предходящих ему со светильниками и взывающих: елицы во Христе креститесь, — то я противопоставлю этому законное правило, в котором говорится: что не по правилу, то в пример не приводится. Итак, если непосвященный, совершивший крещение, удостоен такой же божественной благодати, как и Афанасий Великий и св. Порфирий, то примем и мы совершенное им крещение, если же этого нет, и мы необходимо будем следовать божественным и священным правилам»⁴. Мы выписали это несколько длинное рассуждение Вальсамона, т. к. оно во многих отношениях очень показательное. Вальсамон выступает как решительный противник признания действительности крещения, совершенного мирянами, но сам свидетельствует, что в его время это мнение не было единственным. Вальсамон полемизирует с теми, кто склонялся к признанию крещения, совершенного мирянами. Как видно из его рассуждений, они приводили в качестве доказательств не только богословские мнения авторитетных отцов, но и разные случаи из церковной практики. С точки зрения установившегося в Византии богословия, аргументация Вальсамона бесспорна. Мирянин как непосвященный — это основной его аргумент — не может совершать крещение. Если он может совершить крещение, то он может в случае необходимости совершить и все остальные таинства, в том числе и таинство рукоположения.

⁴ Вальсамон. Толкование 18-го правила Сардикийского Собора.

Это неизбежное следствие из факта признания крещения, совершаемого мирянами, которое так старательно и безуспешно обходит современное школьное богословие. Только тот, кто получил благодать совершать таинства, т. е. посвященный, с точки зрения Вальсамона, может совершать крещение. Вальсамон готов признать действительными случаи крещения, приводимые им из житий святых, т. к. святые имели благодать помимо рукоположения, непосредственно полученную ими от Бога. Тем не менее, окончательно возобладала на Востоке противоположная точка зрения⁵ под несомненным влиянием практики католической церкви. По «Православному исповеданию» в случае крайней нужды крещение может совершить каждый верный, мужчина или женщина⁶.

3. Допущение женщин к совершению крещения является еще большим парадоксом современной жизни. В древней церкви оно вызывало большие сомнения. Тертуллиан был противником того, чтобы женщины совершали крещение: «Некоторые жены, как выше примечено, — писал Тертуллиан, — присвоили себе право учить. Неужели будут они столь дерзки, что покусятся и крестить? С трудом можно тому поверить. Если те из них, которые читают послания Павловы без разбора, вздумают в сем случае сослаться к своему оправданию на пример св. Феклы⁷, которой Павел будто бы дал власть учить и крестить: то да ведают, что книга та, о сем упоминающая, писана не Павлом, но одним Азийским священником, выдавшим ее под именем Павла и наполнившим ее собственными бреднями. Сей священник, уличенный и сознавшийся в том, что он ее сочинил, был за то отрешен и изгнан из Церкви. Да и в самом деле, может ли быть малейшая вероятность, чтобы св. Павел, едва дозволивший женам присутствовать при публичном учении, стал уполномочивать их самих учить и крестить?»⁸ Оставляя на ответственность Тертуллиана правильность его утверждения относительно точки зрения ап. Павла на церковную деятельность женщин, отметим, что, повидимому, Тертуллиану лично не были известны случаи крещения, совершаемые женщина-

⁵ Согласно правилам Никифора Исповедника (IX век) крещение может быть совершено каждым верным: «Если в каком-либо месте нельзя найти священника, то некрещеных младенцев может крестить всякий, кто тут окажется налицо. Нет греха: крестит ли отец, или кто бы то ни был, лишь бы только был христианин» (45/37) правило Никифора Исповедника).

⁶ Ч. I, вопрос 103.

⁷ Сказание о св. Фекле в «Деяниях Павла».

⁸ Тертуллиан. De baptismo, XVII.

ми, но Тертуллиан несомненно знал, что в некоторых гностических сектах они допускались к совершению крещения. Епифаний (340-403) еще более решительно восставал против совершения крещения женщинами, указывая, что даже Божья Матерь не совершала крещений⁹. Составитель «Ап. Постановлений» запретил совершение крещения женщинам. «О крещении через женщин да будет вам ведомо, что покушающимся на него предлежит не малая опасность: почему не соизволяем на него, ибо опасно, даже незаконно и нечестиво. Если глава жены муж, и если в священство избирается он, то несправедливо поступать вопреки закону творения и, оставив начало, обращаться к остальному телу... Если в предыдущем не позволили мы женщинам учить, то как позволим им кто, вопреки природе, священнодействовать? Поставлять при богинях женщин-священниц есть заблуждение еллинского безбожия, а не постановление Христово. Притом, если бы надлежало креститься от женщин, то, конечно, и Господь крестился бы от Матери Своей, а не от Иоанна, или, посылая нас крестить, Он, вместе с нами, послал бы на то же дело и женщин. Однако, ничего такого Он никогда не повелевал и не предал в письмени; ибо знал и чин природы, и благоприличие дел, как Творец природы и Законоположник постановлений»¹⁰. Тем не менее, уже в IX веке в Византии патриарх Константинопольский Никифор Исповедник высказывал мнение, что в случаях крайней нужды женщины могут совершать крещение. Когда признана была возможность совершения мирянами крещения в случае смертельной опасности, то в их число включены были и женщины¹¹.

Крещение детей *

«Пустите детей приходить ко Мне, и не препятствуйте им, ибо таковых есть царствие небесное».

(Мк. 10,14; Мт. 19,14; Лк. 18,16)

1. Христианская проповедь обращена ко всем людям, чтобы каждый мог уверовать в Сына Божия и, покаявшись, вступить в Церковь. Вера и покаяние требуют известной зрелости, которая

⁹ Епифаний. Наег. 79. P.G. t. 42, col. 744.

¹⁰ Апостольские Постановления III, 9. Русский перевод, стр. 111-112.

¹¹ На Западе право совершения крещения женщинами при тех же условиях, что на Востоке, т. е. в случаях смертельной опасности, было признано папой Урбаном в XI веке.

* См. Вступление в Церковь, глава IV. Ротаторное издание 1953 г. (Распродано).

является гарантией сознательного отношения к таинству крещения со стороны вступающего в Церковь. Церковь принимает только тех, относительно которых она убеждена, что они понимают смысл и значение приема в Церковь. Следует ли из этого, что младенцы и дети должны быть принимаемы только по достижению ими известной зрелости или они могут быть крещены по желанию их родителей?

Повидимому, есть некоторые основания предполагать, что вопрос о крещении детей уже ставился в апостольское время. Время от времени он поднимался в той или иной форме, но особой остроты он достиг во время пелагианских споров. В результате этих споров окончательно установилась практика крещения младенцев, но сам вопрос не был окончательно устранен. В новое время в связи с этим вопросом возникают сектантские течения. Совсем недавно вопрос о крещении детей вновь с особой силой был поставлен в протестантском мире и вызвал оживленный спор, который еще не закончился. Постановка этого вопроса не является случайной. Она вызвана условиями нашей жизни. Огромная масса крещеных детей не становится активными членами Церкви. При этих условиях ставится вопрос о целесообразности такого крещения.

2. Относительно апостольского времени у нас нет положительных данных, которые бы позволили нам с той или иной уверенностью судить, как разрешался вопрос о крещении детей в первоначальной церкви. Те сведения, которыми мы располагаем, не дают нам права утверждать ни того, что крещение детей совершалось в апостольское время, ни того, что оно не совершалось. В Писаниях упоминается о крещении нескольких семей: о крещении ап. Петром дома Корнилия (Дн. 10), о крещении стража и «всех его» (Дн. 16,33), о крещении начальника Синагоги Криспа и всего его дома (Дн. 18,8), о крещении дома Стефанова (I Кор. 1,16). Трудно предположить, что во всех этих крещеных домах не было малолетних детей, но и утверждать категорически, что они были, мы также не можем. Если бы мы знали, что апостолы крестили детей, то мы могли бы с уверенностью сказать, что малолетние дети, если они имелись, были крещены, но из того, что были крещены дома Корнилия, Лидии и тюремного стража, никак нельзя сделать заключение, что апостолы крестили детей.

Для послеапостольского времени практика крещения малолетних детей вполне засвидетельствована. Ориген свидетельство-

вал, что «Церковь приняла предание от апостолов преподавать крещение и младенцам».¹ Мы знаем, что младенцев во II веке крестили на Западе и на Востоке. Об этом свидетельствует Ириней² и Тертуллиан³. В III веке в Римской церкви крещение детей было обычным явлением. В «Апостольском Предании» имеется указание, что детей следует крестить раньше взрослых. К крещению допускались дети очень малого возраста. Это видно из указания Ипполита Римского, что родители или лица того же рода могут давать ответы при совершении крещения⁴. Если «Апостольское Предание» оставляет некоторое сомнение, в каком возрасте допускались дети к крещению, то в эпоху Киприана Карфагенского считалось возможным не откладывать крещение даже до восьмого дня⁵. В IV веке отношение к крещению младенцев не изменилось. Как видно из свидетельства Иоанна Златоуста⁶ и Амвросия Медиоланского⁷, крещение детей было общепринятой практикой. Если существовало некоторое разногласие, то оно касалось исключительно вопроса, в каком возрасте следует допускать детей к крещению. Если одни допускали совершение крещения непосредственно после рождения, то другие предпочитали откладывать его на некоторое время. Так, Тертуллиан считал, что более правильно совершать крещение детей в таком возрасте, когда они могут уже понимать, что совершается над ними: «Зачем без крайней нужды подвергать восприемников опасности? Они могут умереть и не выполнить данного ими обета...»⁸ Григорий Назианзин рекомендовал откладывать крещение до 3-летнего возраста⁹. В V веке пелагианские споры только утвердили практику крещения младенцев. «Безумие учить, что дети могут наследовать вечную жизнь без крещения», — так формулировал результат этих споров папа Иннокентий I.

На Западе утвердилось мнение Киприана Карфагенского и его собора, что крещение может быть совершено непосредственно после рождения, а на Востоке еще в IX веке предпочитали кре-

¹ In Rom. 1, 5, 9.

² Adv. haer. 11, 33, 2.

³ De baptismo, с. 18.

⁴ «Апостольское Предание», XXI, 4.

⁵ Epist. Cypr. LXIV.

⁶ Orat. XI, 17, 28 (P.G. t. 86, col. 380 sq).

⁷ De Abrah. II, 81.

⁸ De baptismo, 18.

⁹ Orat. 40, cap. 28. Об этом см. J. Jeremias. «Hat die Urkirche die Kindertaufe geübt» 2-Auflage. Göttingen, 1949, S. 34-35.

стить на 40-й день. Постепенно это различие восточной и западной практики сгладилось, но зато утвердилось другое различие: на Востоке крещение детей и младенцев сопровождалось совершением таинства миропомазания, после которого младенец объявлялся достойным участвовать в «священно-совершительной Евхаристии». На Западе конфирмация в средние века отделилась от крещения и стала совершаться епископом над детьми в возрасте 11-12 лет, после чего следовало первое причастие. Таким образом, в православной церкви совершается полный прием младенцев в Церковь, а на Западе только таинство крещения.

Если во втором веке практика крещения детей была общепринятой, то естественно предположить, что она не возникла в послеапостольское время, а была продолжением практики апостольского времени. Мы опять возвращаемся к вопросу, совершалось ли крещение детей апостолами или нет? Не имея положительных указаний относительно этого в новозаветных писаниях, должны ли мы отказаться от решения этого кардинального вопроса? Отсутствие ясных указаний в новозаветных писаниях вполне естественно, т. к. подавляющая масса крещаемых были взрослые. Вопрос о крещении детей мог быть поставлен только во втором христианском поколении, но когда он в это время был поставлен, уже сложилась церковная традиция относительно крещения детей.

3. За отсутствием прямых указаний в новозаветных писаниях относительно крещения детей мы должны исходить из учения о крещении с одной стороны, а с другой стороны из иудейской практики крещения прозелитов и практики обрезания. Другими словами, вопрос состоит в том, совместима ли практика крещения детей с учением о таинстве крещения и соответствует ли она практике обрезания и приема прозелитов?

«Все мы одним Духом крестились в одно тело, иудеи или еллины, рабы или свободные; и все напоены одним Духом» (I Кор. 12,13). Вступление в Церковь есть вступление в тело Христова, членами которого становятся крещенные. Этому вступлению, как мы уже видели, должны предшествовать вера и покаяние, или покаяние и вера и основанное на них свободное произволение желающего вступить в Церковь. Однако, сами по себе ни вера, ни покаяние, ни свободное произволение не могут сделать желающего вступить в Церковь членом тела Христова. Церковь не регистрирует желающих вступить в Церковь, у которых она обна-

ружила веру и покаяние, а совершает над ними таинство крещения. Вступление в Церковь совершается Духом, которого посылает Бог в таинстве крещения. Церковь есть место действия Духа, а потому крещение совершается в Церкви и Церковью помимо самого крещаемого, но на основании его свободного произволения. Крещение есть ответ Церкви на веру желающего вступить в нее, но и само крещение требует последующей за ним веры крещеного как его ответа на крещение. Вступить в Церковь можно только через веру, но и пребывать в ней можно только в вере в Сына Божия, возлюбившего крещеного и предавшего Себя за него. Предварительная вера, вера до крещения, предполагает веру после крещения как полное раскрытие первой. Жизнь в Церкви начинается с момента крещения через участие в Евхаристии. Без этого участия крещение остается не реализованным, но, в свою очередь, жизнь в Церкви невозможна без крещения.

Таким образом, мы приходим к формуле «вера-крещение-вера»¹⁰. Эта формула является абсолютно обязательной для всех вступающих в Церковь. Первый и третий моменты этой формулы зависят от человека, но второй момент, центральный, не зависит от него, а совершается действием Духа в Церкви. «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело...». Предварительная вера открывает возможность совершения крещения, а последующая вера обуславливает возможность участия в Евхаристическом собрании.

4. «Христиане не рождаются, а делаются»¹¹. Эта формула Тертуллиана, как большая часть его формул, не вполне правильна. Она не была вполне правильной для его времени, она совсем неправильна для последующего времени. В эпоху Тертуллиана главный контингент крещаемых были взрослые. Они не рождались, как это было с иудеями, а становились христианами. Для одних, по мнению Тертуллиана, принадлежность к иудейству приобреталась через физическое рождение, для других принадлежность к Церкви не определялась физическим рождением: последние «*fiunt christiani*» (становились христианами). Это противопоставление христианства и иудейства основано на недоразумении, которое оказалось трагическим, как показывают современные споры относительно крещения детей.

¹⁰ См. этюд: Oscar (Cullman). *Le baptême des enfants*. Paris — Neuchâtel 1948.

¹¹ Тертуллиан. *Apol.* XVIII, 4 («*fiunt non nascuntur christiani*»).

Физическое рождение от иудейских родителей предопределяло принадлежность детей к ветхозаветному избранному народу, но одного физического рождения было недостаточно для детей мужского пола, чтобы сделаться членом этого народа, с которым Бог заключил завет. Только печать обрезания делала рожденного от иудейских родителей истинным членом народа Божьего. В иудействе обрезание рассматривалось как новое рождение, которое сопровождало физическое рождение. Значение обрезания как печати принадлежности к избранному народу выступает из того, что язычники могли стать членами народа Божьего через обрезание. Оно совершалось над ними по их свободному произволению. «Знак обрезания он (т. е. Авраам) получил как печать праведности чрез веру, которую он имел в необрезании, так что он стал отцом всех верующих в обрезании, чтобы и им вменилась праведность» (Рим. 4,11). Необходимо здесь отметить, что обрезание язычников сопровождалось «банею очищения», которая совершалась как над мужчинами, так и над женщинами. При обрезании прозелитов одновременно обрезывались их дети. «Баня очищения» совершалась над взрослыми и над детьми, рожденными до обрезания отца. Дети прозелитов, рожденные после обрезания, не подвергались «бане очищения».

Физический фактор рождения не имел значения в апостольское время при приеме в Церковь. Язычники и иудеи становились христианами через «печать», которую они получали в таинстве крещения. Как обрезание, так и крещение было печатью принадлежности к народу Божьему. Аналогия крещения и обрезания выступает ясно у ап. Павла. «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым» (Кол. 2,11)¹². В силу этой аналогии нерукотворенное обрезание отменило обрезание, сделанное рукой человека. Обрезание оказалось несовместимым с таинством крещения, т. к. обрезание в Церкви было бы отрицанием Голгофы и воскресения Христа, т. е. было бы отрицанием самой Церкви и утверждением Ветхого Завета, отмененного Новым. Язычники и иудеи нуждались в «бане очищения», чтобы стать через действие Духа членами тела Христова. Они должны были родиться свыше Духом, чтобы принадлежать новому эону. Крещение является духовным рождением, без которого невозможна жизнь в Церкви. Поэтому в этом смысле

¹² Ср. Деян. 21,21: «А о тебе наслышались они, что ты всех иудеев (т. е. христиан из иудеев)... учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих...»

все христиане, вопреки мнению Тертуллиана, рождаются, т. к. они через духовное рождение делаются христианами.

Физический фактор рождения должен был вступить в действие во втором христианском поколении относительно крещения детей, рожденных от христианских родителей. Церковная практика должна была ориентироваться на первоначальную практику апостолов, когда им приходилось крестить семьи. Случаи крещения целых домов, рассказанные в Деяниях, не были единственными. Если в одних крещеных домах могло не быть малолетних детей, то их не могло не быть во всех случаях крещения семей. Не имея положительных данных относительно того, как действовали апостолы, мы имеем полное основание предположить, что они руководствовались иудейской практикой обрезания и крещения прозелитов. Аналогия крещения и обрезания подсказывала апостолам и их сотрудникам совершать одновременно с крещением взрослых и крещение их детей. Конечно, это только предположение, но наиболее вероятное. Некоторое подтверждение ему мы можем найти у ап. Павла. «Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы (ἅγια)» (I Кор. 7,14). Из слов ап. Павла ясно, что физический фактор рождения имеет прямое отношение к принадлежности к Церкви. Термин «ἅγιος», прилагаемый ап. Павлом к детям, рожденным от верующего отца или верующей матери,¹³ означает, что они принадлежат к народу Божьему. Эта принадлежность может ли создаваться самим актом рождения от верующего отца или матери? При таком предположении надо допустить, что ап. Павел не считал необходимым совершение крещения над детьми, рожденными от родителей, состоящих в Церкви¹⁴. Имея в виду учение ап. Павла о крещении, мы должны совершенно исключить эту вероятность. Кроме того, как мы уже знаем, факт рождения детей в Ветхом Завете от иудейских родителей не делал их без «печати» обрезания истинными членами народа Божьего. У нас не остается другого выбора, как предположить, что рождение детей от ве-

¹³ Это следует из того, что ап. Павел говорил о детях, рожденных от смешанных браков, возникающих из обращения в христианство одной из брачных сторон, что они «ваши» τὰ τέκνα ὑμῶν. Следовательно, они были рождены после обращения одной из сторон в христианство.

¹⁴ Этого мнения придерживается О. Cullmann в цитированном выше его этюде «Le baptême des enfants» и J. Jeremias в «Hat die Urkirche die Kindertaufe geübt?»

рующих родителей (отца или матери) открывало возможность их крещения: они «святы», потому что они были крещены.

5. Современное догматическое богословие утверждает, что крещение детей совершается по вере их родителей и восприимчивых: «Что касается до младенцев, которые сами еще не способны ни иметь, ни свидетельствовать своей веры и покаяния пред крещением: то они крещаются по вере родителей и восприимчивых, которые от лица их произносят и исповедание веры и отречение от диавола и всех дел его, обязываясь перед Церковью воспитать детей в вере и благочестии, когда они будут приходить в возраст»¹⁵. Это утверждение может быть правильным, т. е. отвечать тому, что содержалось в апостольское время, но может быть совершенно неправильным. Если его понимать в том смысле, что вера родителей или восприимчивых **заменяет** веру детей, то оно противоречит всему, что содержит Церковь. Вера есть личный дар, а потому отсутствие веры одного лица не может быть заменено верою другого лица, даже верою родителей. Такого рода идея замены появилась в средние века на Востоке, а особенно на Западе. Кающемся вменялись не только его добрые дела и благочестивые подвиги, но и добрые дела и благочестивые подвиги других лиц. В апостольское время и в древней церкви мы не находим даже следов идеи **замены**. Меня здесь не интересует вопрос, как эта идея проникла в православное богословие. Важно отметить другое, что эта идея замены имеет в виду сохранить неприкосновенной формулу: вера — крещение — вера, т. к. у детей и младенцев не может быть веры, которая у взрослых предшествует крещению. Фактически идея замены веры детей верою родителей не спасает формулы. Личной веры у детей и младенцев нет и не может быть. Личная вера предшествует крещению. На ее основании местная церковь решает о допущении кандидата к таинству крещения. В момент крещения вера крещаемого не играет активной роли, т. к. таинство крещения совершается Святым Духом в Церкви.

Тем не менее, вера родителей действительно обуславливает возможность совершения крещения детей. В формуле «вера — крещение — вера» предварительная вера крещаемого заменяется для детей фактом их рождения от верующих родителей. Церковь принадлежит к будущему эону, но пребывает в настоящем эоне.

¹⁵ М. Макарий. Православно-догматическое богословие. Т. II. СПб. 1895 г., стр. 344-345. Здесь же имеются ссылки на Православное исповедание и на Простр. Христ. Катехизис.

Физическое рождение является физическим фактором, относящимся к настоящему эону, но для лиц, состоящих в Церкви, оно является церковным фактором: физическое рождение влечет за собой духовное рождение для будущего эона. Если было бы иначе, то это бы указывало на то, что принадлежность к Церкви не отражается совершенно на пребывании христиан в настоящем эоне. Вступление в Церковь имеет отношение не только к вступающим в нее, но и к их потомкам¹⁶. Согласно основному иудейскому сознанию потомки включены в предках, а предки содержатся в их потомках. Обрезание, совершенное Моисеем, имело отношение не только к тем, над кем было совершено обрезание, но и ко всем их потомкам. В силу этого Авраам стал «отцом многих народов» (Рим. 4,17). Рождение от христианских родителей является свидетельством для Церкви, что Бог призывает рожденных от них детей в Церковь. Поэтому мы не можем говорить о том, что крещение младенцев нарушает их свободную волю, т. к. этой свободной воли вообще нет у детей, как мы не говорим, что физическое рождение нарушает свободную волю рожденных детей. Отсюда вытекает основной вывод относительно крещения младенцев и детей: оно совершается только над детьми лиц, состоящих в Церкви, т. к. только предварительное состояние родителей в Церкви может заменить предварительную веру крещаемого младенца. При крещении детей от нехристианских родителей предварительная вера остается незаполненной, т. к. вера восприимчивых не может восполнить отсутствие предварительной веры у детей.

Рожденный от верующих родителей вступает в мир как призванный Богом в Церковь. Через крещение, совершаемое Церковью, он становится членом тела Христова. Его активная жизнь в Церкви зависит от его последующей веры. Но последняя является личным ответом крещенного в детстве на призыв Божий. Вместе с тем, эта вера является и его ответом Церкви, которая на основании призыва Божьего совершила его крещение. Этот ответ может быть положительным и отрицательным, но в одном и другом случае он остается членом Церкви. Как нельзя изгладить факт физического рождения, так нельзя и изгладить факт духовного рождения. В силу своего рождения он оказывается одновременно пребывающим в настоящем эоне, но принадлежащим будущему

¹⁶ По всей вероятности, вступление в Церковь имеет отношение не только к потомкам верующего, но и в какой-то степени к его предкам, подобно тому, как неверующий муж освящается женою верующей, а неверующая жена освящается верующим мужем.

эону. От крещенного зависит реализовать свою принадлежность к Церкви. Ответственность за эту реализацию лежит не только на нем, но и на Церкви, которая на основании веры его родителей совершила его крещение, а следовательно и на его родителях.

6. Практика крещения младенцев постепенно поставила ряд практических проблем. Основываясь на I Кор. 7,14, можно с уверенностью сказать, что в древней церкви дети от смешанных браков, возникающих в силу перехода одной из сторон в браке в христианство, принимались в Церковь через крещение. Заключение браков христиан с нехристианами было редким явлением, но если такого рода браки заключались, то церковная практика по отношению к крещению детей от таких браков не должна была меняться. Конечно, в доникейский период нельзя говорить ни о какой юридической обязательности крещения детей от смешанных браков. В константиновский период браки христиан с язычниками и иудеями были запрещены государственным законом. Что касается браков православных с еретиками, то церковная власть решительно запрещала православным вступать в брак с еретиками, т. к. она запрещала религиозное общение православных с еретиками. Фактически такого рода браки не могли быть заключены, т. к. большей частью еретики были лишены целого ряда гражданских прав. В случае перехода обеих сторон в браке одновременно с ними переходили и их дети. Это вполне соответствовало, повидимому, апостольской практике. В трех случаях, описанных в Деяниях, при обращении в христианство целых семей согласие дает глава семьи, но крещение совершается над всем домом. Если такого рода практика нам может показаться нарушением свободной воли детей, то для древнего сознания, не только иудейского, но и эллинского, она была вполне нормальной и не вызывала никаких возражений.¹⁷ В случае перехода одной из сторон в браке государственный и церковный закон требовал перехода и детей. «Понеже в некоторых епархиях позволено чтецам и певцам вступать в брак: то определил святой собор, чтобы никому из них не было позволено брать себе жену иноверную: чтобы родившие уже детей от такового брака, и прежде сего уже крестившие их у еретиков, приводили их в общение с кафолической церковью: а не крестившие не могли крестить их у еретиков, ни совокупляти браком с еретиком, или иудеем, или язычником: разве в таком токмо случае, когда лицо,

¹⁷ См. J. Jeremías, op. cit. S. 23.

сочетавшееся с православным лицом, обещает перейти в православную веру»¹⁸.

Появление вероисповеданий постепенно вызвало изменение этой практики. Католическая и православная церковь принуждена была признать при известных условиях смешанные браки. После 1054 г. постепенно в Византии упрощается взгляд на католиков как на еретиков или, в лучшем случае, как на схизматиков. К ним стали применяться правила относительно еретиков, а следовательно, браки между православными и католиками разрешались только в случае перехода католической стороны в православие. Вековая связь восточной и западной церкви не могла оборваться сразу после прекращения общения между ними. Мы знаем, что браки католиков и православных заключались вплоть до падения Византии. Даже в XII веке византийские императоры вступали в брак с латинянками и выдавали своих дочерей за латинян. Так, первая и вторая жена императора Мануила Комнина были латинянками. Мария Комнина, племянница этого императора, была замужем за Фридрихом Барбароссой. Алексей II Комнин вступил в брак с французской принцессой Агнессой. Во всех случаях заключения смешанных браков одна из сторон переходила в соответствующее вероисповедание, т. е. если брак заключался в Византии, то католическая сторона переходила в православие, а если на Западе, то православная сторона переходила в католичество. Такого рода переход в то время не вызывал никакой религиозной коллизии. Аналогичная практика существовала на Западе. Другими словами, западная и восточная практика отрицала по существу смешанные браки. Только со времени Реформации появляются изменения этой практики. Католическая церковь принуждена была признать смешанные браки, но при условии, что брак будет заключен в ка-

¹⁸ 14-е правило Халкидонского собора по "Книге правил". Ср. 72-е правило Трулльского собора: "Недостойно мужу православному с женою еретическою браком совокуплятися, ни православной жене с мужем еретиком сочетаватися. Аще же усмотрено будет нечто таковое, соделанное кем-либо: брак почитати не твердым и незаконное сожитие расторгати." В России в синодальный период гражданский закон требовал крещения детей, не достигших 7-летнего возраста, одного пола с принявшим православие родителем. Этот закон относился только к родителям, ранее не бывшим христианами. В случае присоединения к православию из других вероисповеданий дети присоединялись к православной церкви только по согласию обеих сторон в браке. До 14-летнего возраста дети отдельно от родителей могли быть крещены или присоединены только с согласия родителей или опекунов, а после этого возраста их согласие не было обязательным.

толической церкви и дети от этого брака будут крещены в католической церкви. Католическая практика смешанных браков перешла в православную церковь. Как католическая церковь, православная церковь в новое время признает смешанные браки при условии заключения их в православной церкви и крещения детей в ней. Это создает неразрешимую в церковном порядке коллизию требований православной и католической церкви, которая может временно разрешаться в государственном порядке. Коллизия заключается в том, что без государственного законодательства, которое регулировало бы этот вопрос, либо одна, либо другая сторона в смешанном браке должна нарушить требования своей церкви и подвергнуться прещению. С другой стороны, эта коллизия свидетельствует если не о невозможности, то во всяком случае трудности заключения смешанных браков между православными и католиками. Браки православных с протестантами не вызывают такого рода трудностей, т. к. протестантская церковь не настаивает на крещении детей в протестантской церкви. Проблема крещения и воспитания детей от смешанных браков православных и католиков может быть решена только при соединении церквей, когда вообще эта проблема будет снята, или при сговоре церковных властей, но при современных отношениях церквей этот сговор неосуществим.

В русскую церковь перешло византийское законодательство относительно смешанных браков. Поэтому в Киевский и Московский периоды смешанные браки вообще запрещались. Только в Петербургский период они были допущены законом. До революции 1917 года церковный и государственный закон требовал крещения и воспитания детей от смешанных браков в православной вере¹⁹. Католическая церковь принуждена была признать русское государственное законодательство в вопросе смешанных браков и на себе самой испытать последствия своего собственного законодательства.

В связи с проблемой воспитания детей от смешанных браков разрешается вопрос о крещении детей от неизвестных родителей. В древней церкви дети от неизвестных родителей могли быть крещены только на основании их веры, т. е. они могли быть крещены в таком возрасте, который предполагает возможность сознательной веры и свободного решения. В Византии они крещались в православной вере, т. к. церковная власть исходила из официаль-

¹⁹ Исключение было сделано только для Финляндии.

ного признания государством только православной церкви. Это было несомненное нарушение учения о крещении, которое перешло в русскую церковь. В ней дети от неизвестных родителей крещались в православной вере согласно государственному закону.

7. Наконец, практика крещения младенцев поставила еще один вопрос, а именно вопрос о том, как быть с младенцами, относительно которых существует сомнение, крещены они или нет? Впервые этот вопрос в древней церкви возник в связи с нашествием варваров на окраины римского государства. В других случаях этот вопрос ставился очень редко, т. к. крещение младенцев, как и крещение взрослых, совершалось в церковном собрании, а не было частным делом родителей и того лица, которое совершало крещение. Карфагенский собор 401 г. постановил: «О младенцах, когда не обретаются достоверные свидетели, сказующие, яко без сомнения крещены суть, и сами они, по своему возрасту, не могут удовлетворительно отвещати о преподанном им таинстве, рассуждено, яко подобает без всякого сомнения крестити их, дабы такое сомнение не лишило их очищения сею святынею. Сие братия наши местоблюстители Мавританские присоветовали потому, что многих таких покупают у варваров»²⁰. При практике крещения детей от неизвестных родителей это правило дает единственное допустимое решение вопроса о детях, относительно которых существует сомнение в их крещении. Это правило Карфагенского собора почти дословно повторил Трульский собор²¹. На Западе в средние века количество случаев, когда возникало сомнение о крещении, значительно возросло. Решение Карфагенского собора казалось недостаточным. Догматическое богословие настаивает на неповторимости таинства крещения, а решение собора не дает гарантии относительно этой неповторимости. В VIII веке на Западе мы находим условную формулу крещения: «*Si baptizatus es, non te baptizo. Si non dem baptizatus es, ego te baptizo*». В XII веке папа Александр III издал постановление об обязательном употреблении формулы условного крещения для сомнительных случаев. Условная формула крещения была заимствована Петром Могилой: «аще не крещен...». Через его Третьяков она вошла в употребление в Московской Руси. Она оставалась обязательной

²⁰ 7-е правило Карфагенского собора 401 г.; по «Книге Правил» — 83 правило Карфагенского собора.

²¹ 84-е правило Трульского собора.

и в Синодальный период как содержащаяся в книге «О должностях пресвитеров приходских».

Условное крещение является не только догматическим и литургическим недоразумением, но и свидетельствует об утрате первоначального смысла учения о таинствах. Таинства не являются магическими актами, а совершаются молитвенным призывом всей Церкви. Может ли Церковь молиться условно и может ли быть вообще условная молитва? Несомненно, что на практику условного крещения в католической церкви повлияло ее учение о «*ex opere operato*», но православная церковь этого учения не содержит, а потому школьное богословие не может обосновать условное крещение, которое к тому же не имеет никакой опоры в церковном предании.

8. Церковь утратила практику крещения детей как вытекающую из учения о самом таинстве крещения. Церковное сознание хранит эту практику, но ее смысл и значение под влиянием школьного богословия в значительной степени затемнены. Крещение младенцев потерпело гораздо более значительные отклонения от своей нормы, чем крещение взрослых. При крещении взрослых личная свободная вера, как общее правило, осталась необходимым условием приема их в Церковь. Для малолетних и младенцев их личная вера была заменена верою их родителей в том смысле, о каком мы говорили выше. В формуле «вера — крещение — вера» первая часть, которая отсутствует у детей и младенцев, заменяется верою их родителей в момент крещения. Замена личной веры крещаемых детей верою их родителей открывала возможность недолжного перенесения личной веры на других лиц, если вера родителей была недостаточна или ее совсем не было. Это в свою очередь образовало тот прорыв в учении о таинстве крещения, который открывал широкий доступ принуждению и насилию, несовместимому с природой таинства. Крещение детей от неизвестных родителей, крещение пленных детей, крещение детей от смешанных браков указывает, какое широкое место заняло принуждение в совершении таинства крещения. Надо только удивляться, что в Византии и на Западе в средние века государственная и церковная власть не распространила принуждение на крещение всех младенцев, независимо от того, рождены ли они от христианских или нехристианских родителей.

К СПОРУ О СТАРООБРЯДЧЕСТВЕ

(Письмо в Редакцию)

Вопросы старообрядчества и его взаимоотношений с православием меня живо интересуют. Правда, прошло уже много лет с тех пор, как я писал в Риме свою диссертацию о «Поморских Ответах», знаменитой апологетической книге старообрядцев беспоповцев 18-го века. Многие из тогда прочитанного и проработанного я уже забыл, но интерес к этим вопросам остался, и я время от времени писал в немецких журналах об этих вопросах. Поэтому мне хочется сделать несколько замечаний по поводу интересной статьи Н. Н. («О старообрядчестве», Вестник РХД, № 125. — Ред.)

Конечно, я тоже читал упомянутую в ней статью о протопресвитера Александра Шмемана; хотя она мне в общем очень понравилась, но в отношении старообрядцев я был ею не вполне удовлетворен: мне показалось, что он все же недостаточно учитывает трудное положение старообрядцев 17-го в., оказавшихся, так сказать, между Сциллою и Харибдою: между категорическим повелением Стоглавого Собора (1551) креститься двоеперстно и не менее категорическим повелением Большого Московского Собора (1667) креститься троеперстно.

Но все же в своей критике о. Александра Шмемана Н. Н. идет, по моему суждению, слишком далеко, так что с высказанными им мыслями мне гораздо труднее согласиться, чем с высказываниями о. Александра.

В рамках письма в редакцию я ограничусь лишь отдельными замечаниями.

1) Мне кажется весьма мало убедительным утверждение Н. Н., что даже представителям крайних старообрядческих толков нельзя отказать в наименовании **п р а в о с л а в н ы е**, поскольку они сами считают себя такими и поскольку они не отрицают иерархию в **п р и н ц и п е**. Но ведь для того, чтобы быть православным, недостаточно объявить себя таковым: нужно находиться в общении, хотя бы частичном, с какою-либо православною церковью, признаваемою такою другими православными церквями. Где-то должно быть общение, где-то должен быть **м о с т** ко вселенскому православию. Такого общения, насколько я знаю, еще нет

и после снятия клятв со старообрядцев. Т. к. я всегда чувствовал глубокую симпатию к старообрядцам, то я от души желал бы, чтобы такой путь был найден.

2) Н. Н. высказывает предположение, что о. Александр не знает об «Окружном послании» старообрядцев-поповцев (1862), составленном Ксеносом (псевдоним Илариона Егоровича Кабанова) и обличающем тех, кто не признает благодатности Русской Синодальной Церкви. Но Н. Н., ссылаясь на это послание, в то же время совершенно замалчивает реакцию на него многочисленных старообрядцев.

Можно было бы, подражая Н. Н., также спросить: знает ли Н. Н. о той враждебной реакции многих влиятельных старообрядцев, на которую натолкнулось это «Окружное Послание»? Знает ли он о том, что его несколько раз объявляли уничтоженным «яко не бывшее», что оно раскололо Белокриницкую иерархию на «окружников» и «противокружников»? «Противокружники» отвергали даже то, что «господствующая церковь» молится **тому же** Иисусу Христу, что и старообрядцы. Знает ли он, что Белокриницкий митрополит Кирилл, которому тогда были подчинены и русские поповцы (за исключением «беглопоповцев»), неоднократно выступал то за, то против «Окружного Послания»? Правда, он был человеком безо всякого богословского образования и стал митрополитом сразу из псаломщиков.

Несколько лет тому назад я напечатал в немецком научном журнале довольно обширную статью, озаглавленную «Спор об «Окружном Послании»» (*Ostkirchliche Studien, Würzburg, 1970, № 2-3, стр. 135-166*). Поэтому мне показалось очень странным, что Н. Н., сделав упрек о. Александру по поводу упоминания им «Окружного Послания», сам замолчал весь возникший по этому поводу спор. Кроме открытых врагов «Окружного Послания», которых было тоже немало, существовало немало тайных врагов его, известных под именем «мнимых окружников», лишь внешне признававших его, но в душе отвергавших его. К ним принадлежало много очень влиятельных старообрядцев; сам долготный глава Белокриницкого согласия в России, архиепископ Антоний (Шутов), бывший беспоповец-федосеевец, был «мнимым окружником».

Конечно, это дело прошлого, но совсем не столь далекого прошлого; в наши дни «противокружники» почти совершенно исчезли; но если уже упоминать «Окружное Послание», то не следует обходить молчанием и яростную борьбу против него.

3) Н. Н. решительно отвергает цитированную о. Александром формулировку А. В. Карташева: старообрядцы «убежали от новизны пустяковой и вошли в дебри новизны сплошной догматической». Учитывая тогдашнее эсхатологическое настроение старообрядцев, предписание Стоглава и многое другое, я бы согласился с тем, что для тогдашних старообрядцев (т. е. 17-го века) реформы патр. Никона не были «новизной пустяковой». Но рассуждая объективно, с точки зрения нашего времени, и учитывая все то, что произошло в старообрядчестве за минувшие столетия, эту формулировку все же можно понять.

Православная церковь без епископов, иереев и диаконов, без принесения Евхаристической Жертвы, с урезанным до минимума числом таинств — такова беспоповская церковь. Разве это не сплошная новизна для православного сознания?

Конечно, у поповцев дело обстоит гораздо лучше. Они имеют теперь трехчинную иерархию и полноту таинств. Но ведь нельзя же забывать, что они почти 200 лет были «церковью без епископа» (а бывшие «беглопоповцы» даже более 250 лет). Разве такой перерыв не является для православного сознания «новизной догматической», гораздо более серьезной, чем изменения в рубриках и переводах литургических книг?

4) Поскольку в рядах «непоминающих» епископов не было никогда перерыва, а верные им священники и миряне никогда не оставались без епископа, то приведенная здесь Н. Н. параллель кажется мне совсем неудачной.

5) Преследование старообрядцев, конечно, вызывает к ним глубокое сочувствие и чувство горечи по поводу того, что иерархия Православной Церкви не свободна от участия в этом преследовании. Но ведь нельзя же забывать того, что свойственное нам понятие толерантности не было тогда еще общим достоянием христиан. Католики преследовали протестантов, протестанты католиков; неудивительно, что и в православной России преследовали лиц, не подчинявшихся признанной православной иерархии. А если бы у кормила власти стояли не «никониане», а старообрядцы, то трудно сомневаться в том, что они насаждали бы двоеперстие не менее радикальными мерами, чем «никониане» — троеперстие. Во всяком случае, протопоп Аввакум высказался на этот счет довольно определенно в одном из своих посланий царю Алексею Михайловичу.

6) Кроме преследования, заслуживает также глубокого сожаления и сокрушения тот факт, что сохранившиеся у старообрядцев

обычай, особенно двоеперстие, подвергались насмешкам и глумлению со стороны православных полемистов. Такие выражения (о двоеперстии), как «чертово предание», «армянский кукиш» и т. п., должны были бы быть совершенно недопустимы, тем более, что эти полемисты, хотя и не могли, конечно, тогда знать, что двоеперстно крестилась вся Русь с начала христианства в ней, но все же должны были знать, что по крайней мере после Стоглавого Собора (1551), (который опять-таки некоторые полемисты-острословы называли «безглавым собором») на Руси безусловно крестились двоеперстно, а значит так крестились и Святитель Филипп и другие святые того времени.

Но опять же надо спросить: «А как смотрели старообрядцы на троеперстие?»

Я хорошо помню мои долгие беседы — еще в России — с одним поморским наставником, отличным начетчиком. Он с глубоким убеждением утверждал, что три перста в «никонианской щепоти» (т. е. в троеперстном сложении) отнюдь не символизируют три Божественные Ипостаси, а «трех пребеззаконных: звья, змия и лжепророка; а посреди их — сам Сатана». Таким образом, если просить прощения за нанесенные оскорбления, то это следовало бы делать на основе взаимности.

7) В том, что Паисий Лигарид был действительно отъявленным мошенником и авантюристом, не может быть сомнения. Прав Н. Н. и в том, что патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский, участвовавшие в Большом Московском Соборе (1667), были объявлены Константинопольским патриархом лишенными их кафедр. Но вопрос заключается в том, имел ли Константинопольский патриарх, согласно православному взгляду на этот вопрос, такую власть в Православной Церкви, что мог смещать других патриархов? Если да, то чем тогда отличалось его первенство в Православной Церкви от примата Римских пап?

8) Совершенно непонятно мне далее, каким образом могли бы сохраниться у старообрядцев-беспоповцев «запасные Дары донионовского времени», которыми они, по мнению Н. Н., «до сих пор причащаются». Еще при Петре Великом братья Денисовы, отвечая в своих знаменитых «Поморских Ответах» на вопросы иеромонаха Неофита, признавали, что они причащаются «огнепальным желанием», т. е. искренним, глубоким стремлением получить это Таинство.

В заключение я хотел бы только добавить следующее.

Снятие клятв со старообрядцев было совершено Русскою

Православную Церковь в такой ясной форме, что оно должно было бы вызвать чувство удовлетворения у старообрядцев. По моему, это уже и есть первый шаг покаяния и его отнюдь не следует недооценивать. Мне лично кажется, что следующим шагом должно было бы быть ясно высказанное признание благодатности таинств у поповцев (по крайней мере, у Белокриницкого согласия, т. к., насколько я знаю, вопрос об обновленчестве епископа Николы (Поздеева), учредившего иерархию для беглопоповцев, является не вполне выясненным). Я знаю, конечно, что на пути к такому признанию имеются трудности, но, полагаю, не непреодолимые.

Католическая Церковь признала в начале 20-го в. благодатность Белокриницкой иерархии, приняв старообрядческого священника Евстафия Сусалева в сущем сане. То, что он впоследствии оказался весьма недостойной личностью, конечно, к данному вопросу отношения не имеет.

Аббатство Нидерсалтай .

Литература и жизнь

Иосиф БРОДСКИЙ

ПОЛДЕНЬ В КОМНАТЕ

I

Полдень в комнате. Тот покой,
когда наяву, как во
сне, пошевелив рукой,
не изменить ничего.

Свет проникает в окно, слепя.
Солнце, войдя в зенит,
луч кладя на паркет, себя
этим деревянит.

Пыль, осевшая в порах скул.
Калорифер картав.
Тело, застыв, продлевает стул,
Выглядит, как кентавр.

II

Вспять оглянувшийся: тень, затмив
профиль, чьё ремесло
затвердевать, уточняет миф,
повторяя число

членов. Их переход от слов
к цифрам не удивит.
Глаз переводит, моргнув, число в
несовершенный вид.

Воздух, в котором ни встать, ни сесть,
ни, тем болсе, лечь,
воспринимает 4, 6,
8 лучше, чем речь.

III

Я родился в большой стране,
в устье реки. Зимой
она всегда замерзала. Мне
не вернуться домой.

Там, заглядевшись на деву, ах
произносил корнет.
В цифрах есть нечто, чего в словах,
даже крикнув их, нет.

Птица щебечет, из-за рубежа
вернувшись в своё гнездо.
Муха бьётся в стекло, жужжа
как 80. Или 100.

IV

Там был город, где благодаря
точности перспектив
было вдогонку бросаться зря,
что-либо упустив.

Мост над замерзшей рекой в уме
сталью своих хрящей
мысли рождат о другой зиме.
Т. е., зиме вещей.

Где не встретишь следов. Рельеф
выглядит, как стекло.
Только маятник, замерев,
источает тепло.

V

Склонность поверхности к белизне
и углов — к прямоте
приводит архитекторов к грызне
балерин — к фугате.

В полдень комната есть торос,
полюс, где ваш овал

прямоугольный сухой мороз,
как Седова, сковал.

Тень вносит некоторый разнобой,
точно дробь — в абсолюте.
Можно упасть и накрыть собой,
как в Сахаре верблюдов.

VI

Там были также ряды колонн,
забредшие в те снега,
как захваченные в полон,
раздетые донага.

В полдень, гордясь остротой угла,
как возвращенный луч,
обезболивала игла
содержимое туч.

Слово, сказанное наугад,
вслух, даже слово лжи
воспламеняло мозг, как закат —
верхние этажи.

VII

Твердые вещи всегда тверды
в неких пределах. Свет
им сообщает углы, черты,
в сумерках — силуэт.

Взявшись из воздуха, то есть, из
небытия, рука
гладит поверхность предмета — и с
легкостью мотылька,

чувство реальности и т. д.
пряча в пыльной горсти,
возвращается в воздух, где
твердого не найти.

VIII

Там были комнаты. Их размер
порождал ералаш.
Отчего потолок, в чей мел
взор устремился ваш,

только выигрывал. Зеркала
копили там дотемна
пыль, оседавшую, как зола
Геркуланума, на

обитателей. Стопки книг,
стулья; в окне — слюда
инея. То, что случилось в них,
случалось в них навсегда.

IX

В будущем цифры рассеют мрак.
Цифры не умира.
Только меняют порядок, как
телефонные номера.

Сонм их, вечным пером привит
к речи, расширит рот,
удлинит собой алфавит;
либо наоборот.

Что будет выглядеть, как мечтой
взысканная земля
с синей, режущей глаз чертой —
горизонтом нуля.

X

Или — как город, чья красота,
неповторимость чья
отраженьем своим сыта,
как Нарцисс у ручья.

Так размножается камень, вещь,
воздух. Так зрелый муж,
осознавший свой жуткий вес,
не избегает луж.

Так, отчаянно по лицу
памяти пятерней скребя,
ваше сегодня, подстать слепцу,
опознаёт себя.

XI

Всё, что я говорю, могло
быть сказано до меня.
Я — лишь действующее стекло,
отражение дня.

Я готов повторить точь-в-точь
коридор, календарь,
комнату в полдень, число и проч. —
пищу для взгляда вдаль.

Так сильнее, чем детский визг,
вас терзает мотив,
что издаёт граммофонный диск,
двигаться прекратив.

XII

В будущем, суть в амальгаме, суть
в отраженном вчера
в столбике будет падать ртуть,
летом — жужжать пчела.

Там будут площади с эхом, в сто
превосходящим раз
звук. Что только повторит то,
что обнаружит глаз.

Я не умру, когда час придет.
Но посредством ногтя
с амальгамы меня сотрет
какое-нибудь дитя.

Знай, что белое мясо, плоть
искренний звук, разгон
мысли ничто не повторит, — хоть
наплоди легион.

Но как звезда через тыщу лет,
ненужная никому,
что не так источает свет,
как поглощает тьму, —

следуя дальше, чем тело, взгляд
глаз, уходя вперед,
станет назад посылать подряд
всё, что в себя вберёт.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Из Узла II,
« Октябрь Шестнадцатого »

56'

(Прогрессивный Блок)

Изо всех воевавших стран только Россия разрешила себе не думать о продовольствовании заблаговременно и даже с начала войны. Средний годовой российский урожай был — 4 миллиарда пудов зерна, а в 1913 — 5 миллиардов, и в самом 1914 на 200 миллионов больше среднего, и 1915 — нормальный, и даже в 16-м — лишь на 200 миллионов ниже. Годовой российский вывоз — 600-700 миллионов пудов, был высшим хлебным экспортом в мире. С начала войны вывоз прекратился, полумиллиардному избытку предстояло накапливаться ежегодно, так тем более не угрожали хлебные заботы. Из того избытка в 1914 военное ведомство не заказало себе даже и половины. Страна была переполненной чашей. И по многим другим продуктам, например по сахару, потребление никак не достигало производительности. Даже и к 1916 не убавилось в России ни крупного рогатого скота, ни овец, ни свиней, а жеребят по военно-конской переписи обнаружилось на 87% больше, чем в 1912 до всех мобилизаций. Посевная площадь, считая неиспользуемую, превосходила потребности страны в полтора раза.

В Германии с октября 1914 ввели обязательный процентный размол и примесь картофеля к хлебу, с февраля 15-го — карточную систему, 225 граммов муки, летом 15-го весь урожай, отделённый от почвы, тут же и отбирался государством; во всех европейских странах хлеб выпекался с примесями, союзников снабжала зерном Америка — лишь Россия одна не знала и не предполагала хлебного горя, — ни тёмные правители её, ни просвещённые думские экономисты. Запасы страны даже считать было лень.

Первое странное и удивительное было то, что с начала 1915 вдруг не стало овса. Скакали или топтались сотни кавалерийских полков, вся артиллерия перетягивалась на лошадях, все обозы и транспорты были лошажьки — а овса почему-то внезапно не стало. В том году для армии ещё хватило его, но уже Петроград и Москва ни по какой цене его не получали.

И как до сих пор все были к тому беспечны, так теперь спохватились все, кто дело с тем имел или не имел, — кто по службе, кто по выгоде, кто по гражданскому сознанию. Уже ни один пита-

Эта глава относится к роду обзорных глав (?), содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымышленных действующих лиц.

тельный продукт не оставили теперь без рьяного внимания общества, без ретивых правительственных мер. Тем более, что именно в том году осталась русская армия без снарядов, и общественные наблюдатели склонны стали предположить, что *это* правительство доведёт её и до голода. Действительно, экспорта не стало, продуктов увеличилось — а цены на них почему-то стали расти.

И появилось новое в России слово: продовольственные *заготовки*. И так это возникло поспешно и грозно, что не осталось времени разобратся, а как дело идёт само по себе? или составить общий план, или подумать, кому б это лучше всего делать? Десятилетиями закупал же кто-то деревенские продукты — посредники, скучпщики, торговцы, земства, кооперативы — всех теперь отстраняя, грянули поверх их *уполномоченные*. Министерству земледелия, всегда прежде занятому лишь землеиспользованием и землеулучшением, теперь поручили, не изменяя чинов и штатов, готовить продовольствие, и оно поспешно посылало на закупки несведущих людей, а военные власти и даже отдельные воинские части спешили слать своих заготовщиков и комиссионеров. При соревнующемся усердии властей и общества, создавались и начинали действовать многие бессистемные комитеты и надстройки *особо-уполномоченных*.

Так это возникло грозно, что уже 17 февраля 1915 был издан закон, разрешающий запреты местного вывоза и даже реквизиции. Полновластные губернаторы не прошли мимо тех разрешений, опоясали свои губернии заставами и запретами, и так другие местности оказались без притока хлеба и иных продуктов. И если проворные шуйские кооперативы извернулись купить себе хлеб заранее и свезли его в Кинешму на перемол, то теперь запрещён был вывоз из Кинешмы, и своего собственного хлеба Шуя получить не могла. Запретными законами в несколько месяцев были разорваны многолетние естественные связи между производителями и потребителями, разрушена работа и сеть сотни тысяч крупных и мелких хлеботорговцев, приобретавших опытность и умение с молодых лет и часто стоявших на своём деле наследственно. *Уполномоченные* получили право выслеживать хлеботорговцев, угрожать реквизицией, снижать цену — и попросту отобрать торговлю. Добросовестная торговля была контужена, с рынка ушла, и взамен выступила спекуляция, бравшаяся нарушать запреты и везти через заставы, хотя бы по взяткам.

И цены на продукты — росли. К началу 1916 они повсеместно удвоились.

Тогда и правительство бросилось бороться с дороговизною и тем более *общество* (городское, как известно), наиболее страдавшее от неё. Общество собирало съезды по борьбе с дороговизной, правительство — комитеты по борьбе с нею. Отдельно боролись с дороговизною губернаторы и градоначальники, как умели в областях своего властвования. Многодеятельный министр внутренних дел Хвостов-племянник изобрёл такую меру, слишком популярную в последующие годы, как «разгрузка железнодорожных узлов» через облавы на спекулянтов.

Так это высоко выросло перед Россией, что власть не взялась

оседлать проблему сама, обходя недоверчивое общество, но — дальновиднейших и образованнейших его представителей, тех же думцев, летом 1915 пригласила в Особое Совецание по Продовольствию, во главе которого стал министр земледелия. Новое учреждение натурально пополнилось своею собственной Комиссией по Дороговизне, и своими губернскими и уездными комитетами, и своими собственными, уже *главно-уполномоченными* по отдельным продуктам: по сахару, по маслу, по коже... И во всех крупных городах — Киеве, Харькове, Самаре, Саратове, Нижнем, продовольственное дело состояло в руках прогрессистов.

Но ещё могли быть разные направления внимания и усилий Особого Совецания по Продовольствию. Можно было обратиться к тому, что в иных губерниях — Саратовской, Воронежской, пустовали многие земли крестьянского поземельного банка — и передать их бездомным, бездельным беженцам, обращая тех ко временной оседлости. Можно было обратиться усилия на Волынь, возвращённую от немцев, но не восстанавливаемую после военных разорений по отсутствию средств у министерства земледелия; или на земли, отобранные у немцев внутрироссийских и сразу выпавшие из всякой производительности — те земли передавать опять-таки крестьянскому банку, или местным земствам, или пострадавшим воинам, и так возвращать их в дело.

Но нет, эти линии медленного труда не оказались привлекательными для Особого Совецания, где ни единое решение не было принято министром без одобрения общественных представителей. Представители вольнолюбивого русского общества, воспитанные в понятиях прежде всего *борьбы* классовой и экономической, получили внушительную возможность защитить интересы патристического городского населения от тёмных корыстных сил *аграриев* — термин, хотя и пришедший с Запада, но хорошо усвоенный русскою интеллигенцией: аграрии — это те, кто владеет землёй, то есть прежде всего и главным образом помещики, к ним же приходится отнести, больше некуда (подавляющая часть возделываемой земли), и крестьян. Обуздать же аграриев и спасти Россию можно было единственно только *твёрдыми ценами*. Чтоб не дать помещикам выиграть от хлебных цен — готовы были задуть крестьян.

Кто первый предложил твёрдые цены — оспаривали ту честь правительство и общественность. Да впрочем, носился же пред всеми и образец Германии, где твёрдые цены начали устанавливать на год раньше нас. Казалось бы, что в стране с избытком продуктов твёрдые цены не нужны: производители сами снизят их, наперебой предлагая свой товар. Но Особое Совецание по Продовольствию, и активная общественность, и ленивые правительственные уполномоченные громко стали требовать твёрдых цен — и в 1915 их вынужден был ввести, хотя сопротивляясь, тогдашний министр земледелия Кривошеин — сперва на овёс, затем и на другие хлеба. Однако установлены были твёрдые цены лишь для казённых сделок, на закупки для армии, установлены несколько выше существующих рыночных, «с походом», и установлены как раз вовремя, к концу урожая, когда хлеб уже везли, по привычке,

сложившейся веками. Частная торговля могла приобретать хлеб ниже твёрдых цен, и уполномоченные не сбивали, они тоже пользовались ценами ниже твёрдых. Благополучно снабжена была и армия, успела и вольная торговля заготовить все запасы, подвезти к своим мельницам, смолотить и обеспечить все местности северной России и центры её. Зимой с 1915 на 1916 год обошлась Россия без голода.

Но в 1916 всё в России продолжало дорожать (к августу от января рубль упал вдвое), общественность встрепетнулась и решила: твёрдые цены на хлеб должны остаться во что бы то ни стало умеренными, нельзя допустить обогащения аграриев и обеднения городов! Так ещё с весны 1916 возгорелся в Думе, в печати, повсюду, многогласный спор о твёрдых ценах на хлеб: какими они должны быть в наступающем году, как помешать им вырасти. На это могли ответить только широчайшие совещания. Земские статистики опрашивали производителей, исследовали составление хлебной себестоимости, в уездах и в губерниях собирались съезды землевладельцев и земледельцев и подсчитывали ту же себестоимость. Собирались совещания городских деятелей, чиновников и обывателей и тоже подсчитывали стоимость хлебного производства — и у них получалось гораздо ниже, чем в деревне, что и разносили газеты, все либеральные и все биржевые: голос *независимой* печати восстал против неслыханных аграрных аппетитов! Жадность аграриев! эгоизм земельных собственников! — обвиняла левая (она вся была левая) общественность. — Им только бы урвать и нажиться на народном горе, они не способны и не хотят подчинить владельческого интереса — государственному.

Главные ораторы и мыслители Прогрессивного блока в Особом Совещании по продовольствию были кадеты Воронков и Громан. Воронков, в соответствии с классовым пониманием, выдвинул такое рассуждение, что крестьянам *выгоднее* продавать *дешевле* и только помещики хотят продавать дороже; и если повысить твёрдые цены, то как же обойдутся крестьяне бесхлебных губерний, которые хлеб *покупают*? Именно забота о *крестьянах* и диктовала ему требовать для всей России наинижайших хлебных цен, на уровне Полтавской губернии. А единомышленник его Громан, либеральный учёный экономист, впрочем, сильно попортивший земское дело в Пензенской губернии, давал другое теоретическое обоснование тому же выводу: поскольку деньги подешевели, то высокою ценою на хлеб крестьянина не соблазнишь: продав 2-3 пуда, он уже удовлетворит свои нужды (так как не стало на Руси кабака, продажей зерна не добыть водки) — и больше на рынок не повезёт, а то, смотри, и сеять перестанет. А вот если установить *низкие* цены, то это *создаст* нужду на селе, и тогда город получит достаточно хлеба. (У Громана большое будущее: он ещё и первую пятилетку будет сочинять, но не так удачно.)

К тому же присоединялись и торгово-промышленные деятели (которые тоже хлеб ели, а не растили) и весь согласный общественный хор.

В этом хоре тонули и глохли слабые оправдательные голоса помещиков и крестьян, одиозные для общественного слуха и си-

ротливые в Думе: что твёрдые цены есть мера принудительного отчуждения хлеба, а став однажды на путь принуждения, с этого пути потом не сойдёшь; что при падении рубля вдвое, зерновые подорожали лишь на четверть-на треть, то есть по сути хлеб не подорожал, а *подешевел* (но мы-то, горожане, из кармана платим больше!); что низкие твёрдые цены скажутся на крестьянах никак не меньше, чем на помещиках, они несправедливы и для тех и для других; что если дуб обеспечивает жолуди — не следует требовать с него и корни; что погоня за дешевизною, низкий уровень твёрдых цен, даже ниже себестоимости (равнение всероссийских цен по полтавским) приведёт к разрушению сельско-хозяйственного производства или к тому, что хлеб с рынка уйдёт. (Это — угроза, что он *уйдет*? вы — *не дадите*? так и говорите! а крестьяне — охотно отдадут свой хлеб, он просто хлынет на рынок!)

Уровень твёрдых цен должен быть таков, чтобы хлеб охотно везли, ибо измыслить средства, чтобы его искусственно, а тем более насильственно извлечь из 18 миллионов хозяйств, где он находится, задача слишком трудная, быть может и непосильная.

И разные уже совсем мелкие, специальные доводы, призванные прикрыть затаённую собственническую корысть: что должны быть рассчитаны цены с учётом вздорожания гужа; что нельзя с городским неразумием лепить неосмысленные цены, кладя их и на семенной материал, какой получается лишь полпуда из пуда; что местный неурожай, как в Курской губернии, сразу удваивает себестоимость — и как же её оправдать ценою? Дескать, не только запретительные меры должны быть против деревни, но и какие-то укрепляющие, чтобы могла устоять производительность; ведь из сельской России взяли в армию 11 миллионов работников, вернули ей только 600 тысяч военнопленными, а требуют того же урожая и по неизменным ценам. Говорили защитники деревни, то есть правые:

Силу России создает крестьянство не в нужде, а богатое и хозяйственное. Как бояться переплатить крестьянину! Как бояться влить в тот бассейн, откуда вычерпают всегда!

Конечно, в образованной России уже полвека было так, что нельзя защищать деревню иначе, как защищая только и исключительно крестьян. Так и сейчас звучали в Думе и в Особых Совещаниях речи депутатов-помещиков. А кроме произносимых речей ещё было, конечно, сопротивление скрытое, действие тайных встреч, кабинетных разговоров. Весь 1916 год звенел разговорами о твёрдых ценах на хлеб, а цены эти никак не могли уложиться. Склонный к ним, поддержанный Блоком, министр земледелия Наумов был в июне снят, а заступивший не сразу граф Бобринский был противник их и вовсе не торопился.

Спор шёл не только о принципе твёрдых цен, не только об уровне их, но и о том, как широко их распространить. Ведь они родились в 1915 лишь для армейских закупок, долгое время не касались остальных сделок, и сохранялся старый непоощрительный порядок, что те, кому удавалось скрыть свой хлеб от уполномоченных, от нарядов, от губернских застав и не продать по твёрдым

ценам — те, перетаясь, могли потом вполне законно продавать свой хлеб по возвышенным *вольным* ценам.

Несносные аграрии расширяли ещё дальше: почему только о хлебе идёт спор? твёрдые цены — почему только на один хлеб? Вон, в Германии твёрдые хлебные цены низки, так там — и низкие твёрдые цены на все изделия *промышленности*, и деревня, дешево отдавая, дешево и получает. В Америке хлеб ещё дороже нашего, а промышленные товары, напротив дешевле. А у нас керосин, железо, сельско-хозяйственные орудия за время войны вздорожали в 10 и в 15 раз. Оттого наша деревня и чувствует себя так, словно город рвёт у неё питание изо рта. Осмеливались указывать аграрии, что их предпринимательская прибыль никогда не превышает 3%, тогда как за военные годы вакханалически увеличились доходы промышленников (например, Коновалова, виднейшего деятеля Прогрессивного Блока) — на 200-300% в год от основного капитала, а то и на 500 и 1000%. Казалось бы: откуда же эти барыши, если повысились цены и на материал, и на труд? Только от ограбления потребителей, другого источника не придумать. Нефтяные промышленники, ожидая повышения цен на нефть, у нас имеют возможность остановить нефть — не стесняясь остановкою мельниц. А склады банков, ломбардов и акционерных компаний у нас имеют возможность, не как в Германии, скрыть запасы любого товара до выгодного повышения цен. Устанавливать твёрдые цены — так надо же и для промышленности! Ограничивать прибыль — так надо же и для банков!

О нет! Именно в эту сторону, на промышленность, на банки, на акционерные общества не глядели, тупили глаза первейшие ораторы Прогрессивного Блока. Промышленников хлестали социал-демократы, попрекали правые, но либеральный центр, но его лучшие экономисты — никогда.

Так надулся вопрос, захватывая уже не хлеб один, а всю жизнь тыла. Трудно и страшно было русскому сознанию представить Россию зашнурованной как Германия — однако само дело начинало поворачивать к этому, уже страдая как будто не от зашнуровки, а от недотянутости. Вкрадывалось небывалое для России понятие: *диктатура*. Опережая нас, её вводили парламентские Англия и Франция, у нас же и правые возражали, что

тщетны попытки регламентировать такую страну, как Россия,

и Прогрессивный Блок воспротивлялся внеправовому насилию над свободным обществом! И когда в июле 1916 начальник штаба Верховного генерал Алексеев представил государю проект учредить должность чрезвычайного верховного министра, которому подчинялись бы все министерства и вся оборона, для чего милитаризовать оборонные заводы, тем самым устранив забастовки на них, одновременно обеспечив рабочие семьи дешёвым питанием, солдатским пайком, освободив их от добывания пищи, — свободолюбивые русские фабриканты, поддержанные кадетской и социалистической общественностью, возмущённо отвергли вмешательство военного произвола в заводские дела. Впрочем, и государь, не способный принять волевого цельного решения, ещё и опасаясь

создать рядом с собою другую концентрацию власти, поколебался и образовал несколько бездельных промежуточных комитетов.

За этими всеми спорами, за течением месяцев 1916 года твёрдые цены на хлеб, именно на хлеб, сами собою врезались в русскую тыловую жизнь. И военные власти, и государство, и общество сошлись на их неизбежности. От месяца к месяцу расширялся их охват: закупать по ним уже могли и уполномоченные оборонных заводов, и уполномоченные столиц и главных городов, и вот уже невыносимой становилась двойственная система хлебных цен, и съезды уполномоченных и земские, и думские деятели требовали полного запрещения нелепой *вольной* торговли, да и правые депутаты уже не видели иного выхода, ибо свободная торговля всё равно была сотрясена и убита.

А вводились твёрдые цены в 1916 так. Вся Россия, грамотная и неграмотная, ведала, что будут твёрдые цены, но спор идёт об их высоте. Уровень цен следовало объявить в начале лета, на юге закупка начинается с конца июня и постепенно передвигается на север. Но целое лето прошло в спорах. Наконец, в сентябре цены объявили (по настоянию потребительных членов Особого Совещания весьма умеренные), но и тут никто не поверил им, ибо тут же против них с двух сторон началась кампания: с городской — что полтора рубля за пуд ржи это непомерно много, с помещичьей — что это несправедливо мало. Мелькнуло в газетах, что три министра считают цены преуменьшенными. И так у сельской России не было уверенности, что вот и окончен спор, что не дожидаться цены повыше. Ещё хлеб помещиков шёл, ибо им нельзя остановить оборота, крестьянский же хлеб как заколодило. До твёрдых цен шла торговля ещё по *вольным*, и мельники на местных базарах ещё могли делать запасы и кормить население. А как только были назначены твёрдые цены, так крестьяне с ругательствами повернули с базаров свои возы домой.

Был упущен тот многолетний психологический момент, когда хлеб вывозится на рынок. А упустив, уже ничего нельзя было исправить — теперь не вызвать было хлеб, даже увеличивая твёрдые цены: не слишком нуждаясь в бумажных деньгах, производители ждали бы, что повысят ещё.

Армейские уполномоченные заготавливали хлеб реквизициями, но большая торговля не повезла хлеба ни по летним, ни по осенним рекам. В 16-м году упущена была вся навигация — главный питающий канал русской хлебной торговли. Нижегородский караван, традиционно забиравший 10 миллионов пудов нового урожая с нижней Волги, сходил в низовье зря и воротился на зимовку порожним. Первоклассные мельницы среднего и верхнего Поволжья, моловские для всего Севера по сто тысяч пудов в сутки, осенью 16-го остановились и распустили рабочих. И на станциях железных дорог немало товарных вагонов простояли пустыми, тщетно ожидая зерна. Новгородская, Псковская, Архангельская губернии всё непоправимее теряли возможность купить хлеб. А тут началась осенняя распутица, размыло русские грунтовые дороги — и хотя был ещё месяц навигации в запасе, но до пристани и до станции уже и при всей охоте было не довести зерна.

Урожай 1916 года был собран — солдатками, стариками и подростками — полноценный. Но оказался н е т а м, где был он нужен: по всей российской глуши он остался томиться в амбарах и в зародах, недоступный для мельницы, пекарен и городских булочных. Б ы л хлеб в России — и как бы не оказалось его. Не было в России голода — и вот он нависал к весне 1917 года. Уже с осени ощущали хлебные перебои даже южные Харьков или Ростов-на-Дону. Москва же и Петроград не сделали запасов, а питались ежедневным правительственным подвозом.

Прогрессивная общественность могла бы торжествовать: ей удалось навредить ненавистному помещику, добиться низких твёрдых цен. Но вопреки предсказаниям кадетских экономистов, к изумлению Громана, тяжёлое положение создалось не в деревне, гоня зерно на рынок, а — в городах, отягощённых ещё и беженцами с запада. *Аграриям* — нажиться не дали. Но дали — городским спекулянтам.

Перед громким самоуверенным голосом образованного общества лишь редкое стойкое правительство смеет упереться, подумать, решить самостоятельно. А русское правительство под укорами и настояниями общественности то уступало, то колебалось, то забирало уступки назад. Его воля была размыта, текла такой же жижей, как русские осенние грунтовые дороги.

Как во многих крупных общественных процессах, разновременные и разнонаправленные усилия отдельных групп постепенно складывались в единое движение истории. Концы какой-то непонятной верёвки, не различаемой на близком отстоянии, попали — один в руки общественности, один — в руки правительства, и те и другие то уверенно, то с колебаниями выбирали, тянули её к себе, сколько могли. И не осмотрелись, что верёвка та закладывается сама в себя в петлю, а та петля оказывается не где-нибудь, а на питающем горле России.

После роспуска Думы в сентябре 1915 кадетское разочарование было очень глубоко. Говорилось, конечно, что теперь события пойдут *мимо* монарха, что он сам себя поставил в положение *расплаты* и только придётся отложить её до поражения Германии. Даже сдержанный Маклаков прозрачно выразил это в «Русских ведомостях»:

Если по горной узкой дороге вас и вашу родную мать везёт шофёр, который не умеет править, или устал, ослеп, не понимает, что делает, но ухватился за руль и не хочет его передать — разве решитесь вы силою выхватить руль? Нет! Вы даже будете помогать ему советом и *отложите счёты с шофёром до того возжеленного времени*, когда на равнине...

Оттого что правая часть Блока не видела беды в происшедшем:

Мы отнеслись трагически к смене Верховного — а государь видел дальше, перемена оказалась к лучшему. Мы

настаивали сменить министров — остался самый нежелательный из них, Горемыкин, и война пошла лучше. Прекратился поток беженцев, не будет взята Москва! — это бесконечно важнее, чем кто там будет министром и когда созовут Думу. Итак, если будем махать руками против правительства — уроним свой авторитет, —

тем горше чувствовали себя кадеты: не зря ли в этот Блок вступили? Длинный фланг партий всё время перетягивал левое кадетское плечо, ведь партия уважалась интеллигенцией тем больше, чем она левей, и в их благородном веере кадеты были сборищем министриабильных оппортунистов. И в самой кадетской партии было своё левое крыло, его лидеры Некрасов, Маргулис, Мандельштам обвиняли Милокова, что он завёл партию в болото, требовали равнения налево, допустить нелегальные приёмы в тактике, соединяться с социалистами и уж конечно выйти из Блока.

Крушение надежд признавал и центр Блока.

Ефремов — Общество удручено, что Блок себя никак не проявляет. Закрыли сессию Думы — Блок промолчал, не приняли депутацию — Блок промолчал.

князь **Г. Львов** — Блок хотел принести жертву, разделить тяжёлую ответственность, тупые же люди объяснили стремлением к какому-то захвату власти. Блок ни в чём не ошибся. А вот Россия висит в воздухе.

С 1915 на 1916 нужна была Милокову богатая способность аргументировать, большая устойчивость в ногах над тем обрывом неопределённости, где замялся Блок. Рядовому взгляду так не проникнуть, но выдающийся лидер предвидел и открывал ближайшим: Блок — своего часа дожждётся. Едва кончится война — Франция и Англия уже ни копейки не дадут правительству, безответственному перед Думой. Чем ближе будет победа — тем сговорчивее станет наше тупое правительство к Государственной Думе: в споре с ней ему нельзя явиться на мирный конгресс. Тупей его самого тот тупик, в который оно себя загнало, начав войну с Германией. Только не дать ему помириться с Вильгельмом, а *знать* его на войну до победного конца! — и победа отдаст русское правительство в руки либералов. Отсюда стратегия: ждать и терпеть.

С другой стороны, конечно, нарастает революция, и в этом-то и сложность, и тут должно проявиться всё умение кадетской партии: сдерживать своё справедливое негодование, помнить: расплата с правительством после войны. Переносить от правительства унижения, притеснения, презрение — но не дать произойти общественному взрыву во время войны, чтобы не победил Вильгельм и не отдал бы нас в полную власть Николая. Когда же русское общество всё равно неминуемо взорвётся — это будет уже на другой день *после войны*, и трусливое правительство капитулирует так мгновенно, что русские либеральные образованные круги успеют бескровно перехватить власть, особенно с поддержкой Англии и Франции.

Так что мы всё равно скоро будем у власти.

Все месяцы они собирались по частным петербургским квар-

тирам; и у Милокова хватало методичности, не дремля, записывать для истории томительные колебательные прения.

Астров — Слой внизу испытывают к нам ненависть и раздражение. Гнев населения обрушивается не на правительствo, а на общественные организации.

Маклаков — Левые ведут отвратительную атаку против *цензовых*. Боюсь коренного разногласия с левыми.

Милоков — Надо готовить материал для самооправдания от левых.

Маклаков — Но с момента, когда мы начнём конфликт с короной — я не боюсь левых. На чём можем возбудить общественность? На эффектном лозунге. Поднять забастовки? Этому пути мы боимся. Я надеюсь на 11 марта. (День убийства Павла I.)

князь **Г. Львов** — Если упираться в конфликт с короной — может быть провал. Ведь мы соединяем людей деньгами и шкурными интересами.

Челноков — Боюсь, что «подъём» будет неврастенический. Сколько раз повторять резолюции? Как-то забрёл и

Гучков — Я готов бы ждать конца войны, если б он был обеспечен благоприятный. Но нас ведут к полному поражению и краху. Ваше и наше молчание будет истолковано как примирение с властью. Надо — разорвать мирные отношения с ней.

Меллер — Мы страшны теперь тем, что молчим. Наша позиция очень сильная.

Вл. Гурко — Если будем молчать — сам Гришка станет премьером. Действует только страх. Напугать их до белой горячки. Обращение к улице? Может быть, в крайнем случае.

Стемповский — Снабжение армии теперь наладилось. Так будем валить на правительство — дороговизну, железнодорожную разруху.

Ефремов — Надо прессу подговаривать.

Шидловский — Включить в будущую думскую резолюцию фразы и мысли патриотические, которые страховали бы Думу. Не поднимать рогатых вопросов, чтобы сохранить Блок.

Милоков представил проект резолюции ещё не собранной Думы. Было в ней, кажется, именно то, без чего невозможна победа над Германией: прежде всего — амнистия революционерам; потом — права евреям, умиротворение народностей; наконец, *правительство из лиц, сильных доверием страны*. И опять уперлись в это заклятое:

— Как выяснить власть этих лиц? Где признаки того, что лицо «обладает доверием страны»? Завтра скажет государь — «согласен» — а где они?

— Указывать имена не деликатно.

Димитрюков — Никакое *доверие* не значит ни в каком государственном праве.

(А между тем, почему бы ему не б ы т ь?)

Ефремов — Опасно придавать чрезмерное значение смене лиц. Необходимо менять систему. Формула «министерства доверия» — ошибка, министерство должно быть *ответственным*, министры — не выгоняться сверху, а — уходить, когда им будет отказано в доверии Думы.

Милоков — Это — смена самого государственного строя. Так не делают во время войны. Не перепрыгают лошадей при переезде через реку.

Но одну несомненную ближайшую главную задачу Блока приняли все:

— Сделать козлом отпущения Горемыкина. Всё валить на него.

— То мы говорили: Думу нельзя собрать с Горемыкиным, а теперь соглашаемся?

— Серьёзный разговор с Горемыкиным наступит только после войны. Набраться терпения и ждать.

— Нет, нельзя допустить, чтоб Горемыкин заключал мир.

— Если состоится полная победа над Германией — тогда уже не воскресим злобу против Горемыкина.

— Бить в набат: совет министров — единственная в стране непатриотическая группа!

Шульгин — Всю пьесу так и располагать: пока не разгонят — побольше сказать!

Но — ни к чему не годная неповоротливая власть опять сманеврировала быстрее Блока. В середине января, за три недели до Думы, был снят, уведен от удара закланный древний Горемыкин. И — кто же вместо? Николай II как будто нарочно сочинял фарс. При высшем напряжении всемирной войны и клокотании русского общества — кого же из одарённого своего народа, кого же из 170-миллионной России, по какому клоунскому признаку избрал он премьер-министром? Старательного службиста из департамента общих дел, прирождённого заведующего церемониальной частью, гофмейстера Высочайшего Двора, ещё и с немецкой фамилией — Штюрмера. (Вполне он был честный, да даже и деловой, только со слишком средними способностями, — а главное, уши императора не различали издевательского звучания.) Две горемыкинских далеко разведённых бороды сменились на одну гладкую длинную швабру, будто приклеенную, как у рождественского деда. И если прежний гадкий Горемыкин всё хотел править сам, без Думы, то новый всероссийский церемониймейстер не только не возражал против длительных её сессий, но он с Прогрессивным Блоком ладить хотел, он пригласил Думу — на раут!

Ошеломлённое бюро совещалось тайно:

Шидловский — Отчего бы на раут не пойти?

Милоков — Ни в коем случае, продешевим.

Ефремов — Выжидательной позиции занять нельзя: правительство почувствует себя уверенней. Сразу же сказать: правительству не верим!

Маклаков — Как же это: в первый день — и уже правительству не верим? Это будет предвзято.

А тут ещё воинственные земгоровцы привезли в Петроград свою записку думцам: не то что победы не будет, но и н и д н я дальше нельзя воевать при этом правительстве!

Н. Кишкин — Пути сообщения, продовольствие, беженцев — всё отнять у правительства, всё передать общественным организациям! А иначе — полный разрыв с ним!

Щепкин — Сохранять ли видимость Государственной Думы — просто для свободной кафедры? Или, при бесславном существовании, она уже потеряла своё значение, и полезнее для страны даже полный роспуск Думы?

Астров — В Записке мы хотели изложить наши впечатления. Исправлять — не надо: объективное изложение — не наше дело. Ждём от Блока уверенного грозного тона. Сердцевина общественных организаций утомляется.

Дума собралась 9 февраля 1916. Первоначально хотели оттянуть ещё на две недели и собрать её в прощённый день — последний день масляны, дорогой всякому русскому человеку, когда православные земно друг другу кланяются и просят прощения. Но кадеты были уже слишком далеки от того обычая и прощённый день мало обещал умягчить их. Однако, чувствовал трон какую-то неловкость или ошибку свою, и самый представительный толстяк России, Родзянко, имел успех: уговорил государя на необычный шаг — посетить Думу при её открытии, вообще первый раз в жизни посетить её. В Екатерининском зале собравшиеся депутаты крамольной Думы долго кричали государю «ура». Прошёл торжественный молебен — и члены Думы, кроме самых левых, пели «Спаси, Господи, люди Твоя». Государь был очень бледен вначале, войдя в эту клетку тигров, но постепенно успокаивался.

Если бы этот человек не был вечно скован закланию непростою от неуверенности в себе, — ещё и в этот день ему доступно было изменить историю России: вдруг бы глянув открыто, улынувшись широко, руки депутатам пожимая по-мужски, да даже взойдя быстро на думскую трибуну под свой же холодный длинноногий скованный портрет и оттуда с широкой душой открывшись российским подданным, что — трудно ему, трудно и тоскливо, но заодно с представительством, уж там народным или псевдо-народным, надеется он дружно одолеть Вильгельма, а мира сепаратного не будет никогда! и такой мысли в нём истинно нет, и такого движения никогда не делал, ибо для того надо быть предателем России, а он, царь её, первый должник её, уж там худо ли, хорошо, но по способностям своим радеет ей служить. И это чтобы не только словами, но самим голосом звучало твёрдо и громко! Да ещё сменить бы свой выбор министра-председателя, да вместо церемоний-мейстера и поставить какого способного человека — ведь хуже вряд ли бы получилось.

Но ещё со смертью Александра III умерла энергия династии и её способность слушать трезвые голоса, а не льстивых шептунов да забавных анекдотчиков; и способность самой говорить открытым полным голосом.

Увы, и в этот день выраженья лица, слова, жесты и действия монарха были самые скованные, самые уклончивые. Сказал незначущие слова кольцу окружавших его депутатов, впервые за 10 думских лет заглянул сбоку в зал заседаний, спросил самое важное — на каких скамьях какая партия сидит, расписался в золотой книге, приветливо поговорил с более понятными ему чинами канцелярии — и уехал. (Брат Михаил хоть остался поскучать на думском заседании.)

И на трибуну Думы взошёл вялый старый гофмейстер с долгощёточной бородой, и слабым голосом читал по тетрадке.

Отвечал

Милоков — С некоторого момента незнание специальности стало как бы патентом на министерское назначение. Это — *министерство недоверия* к русскому народу. Схожу с кафедры без ответа и без надежды получить его от нынешнего правительства.

Но прекрасно владел он этой мерой: как будто и рвать — а не напрочь. Край пропасти всегда ощущал он осторожным копытом.

Это главное усилие — удерживание, и выпало на Милокова почти во весь 16-й год: удерживать Прогрессивный Блок; и удерживать бешеную ЗемГорСоюз; и особенно удерживать левых в своей партии. В конце февраля на съезде кадетов левые уничтожающе крушили Милокова — резче всех кадеты Киева и Одессы, и московский присяжный поверенный

Мандельштам — Милоков уверен, что спасает партию от гибели, а между тем губит её. Пока не поздно, нам надо перейти на другой берег пропасти, заблокироваться не направо, а *налево*. В политических расчётах нужно исходить из того, что после войны должна быть расплата, строгий народный суд. Будем откровенны: в нашей среде есть много таких, кто в революции видит одну только пугачёвщину. Но если мы не хотим бессмысленного бунта, мы и должны стремиться играть в народном движении руководящую роль.

Отчасти склонялся к ним и

Шингарёв — Вся наша задача — не дать взрыву народного отчаяния похоронить победу над Германией. Но мы должны страшиться и того, чтобы после войны, когда начнётся строгий суд над преступным правительством (правительство — уже на *скамье*, это дело решённое)

нам не был бы послан упрёк, что мы оказывали ему поддержку. Нужно раз навсегда установить: Штюрмер для нас во сто раз хуже Горемыкина!

(Вот тебе так! Недавно — хуже Горемыкина придумать было нельзя, только бы Горемыкина *сшибить*, всех собак на него ве-

шая, теперь — ещё *во сто* раз хуже! На примере сердечного непосредственного Шингарёва особенно видно то карёжащее огрубление, какое творит всякая партия над своими членами.)

В лице Горемыкина мы имели по крайней мере прямолинейную честную власть.

(Этого никогда не молвили раньше.)

Там была безумная ставка реакции — погибнуть или победить. Штюмер — это воплощённая провокация, лисья тактика. Его задача — обмануть и выиграть время. Не будем же помогать Штюмеру исправлять страшные ошибки власти: пусть она тонет! т а к о й власти мы не можем бросить и обрывка верёвки! Никаких переговоров с ними!

Но — прочно, уверенно упирался

Милуков — Само существование Блока загнало власть в угол. Широкой оглаской в печати, энергичной критикой в Думе мы эту власть заставим подчиниться контролю общественных организаций!

А если ещё вспомнить стратегический расчёт кадетов: чем ближе к мирному конгрессу, тем вернее отдаётся им в руки царское правительство... Блок своего часа дожждётся...

И — выстоял. И большинство собрал. И надолго, почти, на весь 1916, Прогрессивный Блок как будто засел в окопы, лишь ожидая грозного конфликта, а пока занимаясь рядовыми думскими делами. Не разгонял их и Штюмер, воплощённая провокация, — и Дума спокойно проработала два месяца до Пасхи, а летом — ещё месяц. Даже сонностью повеяло от её заседаний. В этом году на фронте не было великого отступления, а были успехи против Турции, дела казались намного лучше, и правительство не падало, а как будто даже укрепилось.

Но через хладнокровный Прогрессивный Блок всё более перелёвывали сатанеющие Союзы. Едва кончился съезд гучковских Военно-Промышленных Комитетов,

...нынешний преступный режим, готовящий полный разгром страны... Государственной Думе решительно стать на путь борьбы за власть,

и вот уже съезжались в Москву делегаты Земского и Городского Союзов. Этим съездам бурно требовала провинция, а особенно — Киев, Одесса и Кавказ. Осмотрительный Челноков, как мог, оттягивал городской съезд, но вот пришлось открывать его:

Ничего не подготовив к войне, правительство на каждом шагу проявляет свою вредную деятельность. Когда мы увидели, что правительство ведёт страну к гибели и готовит армии разгром, мы принуждены были взять дела в свои руки. Мы не хотели заниматься политикой, но нас заставили. Как и в сентябре, мы требуем: прощения политических преступлений! уравнивания наций! ответственного...

Но, неукротимый

Астров — Правительство — в руках шутов, проходивцев и предателей!.. Опомнитесь! Уйдите! Скоро мы разобьём *вашего союзника Германию!*

Примчавшийся их уговаривать

Милуков — Резолюции съезда, как искра, могут вызвать большой пожар. Не нужно идти на полный разрыв с правительством...

Но круче всех восходила звезда князя Георгия Евгеньевича Львова. Он по кадетскому списку проходил в две первых Думы, ездил и в Выборг, но Воззвания не подписал, утёк. (Милуков: «Мы почувствовали его не нашим.») А уж в 1915-1916 и каждый образованный русский, не стоящий прямо у власти, прекрасно видел, как именно можно и нужно Россию спасти. Заразило, захватило и возносило князя Львова, председателя Земского Союза. И возглавлял он пышный объединённый банкет в ресторане «Прага», где сошлись после съездов наиважнейшие их участники.

Над сверканием скатертей, хрустала и серебра опять взмывали лучшие традиции 1904 года. Демонстративно, бурно чествовали представителей Польши, Финляндии, а особенно Кавказа, а особенно — тифлисского голову, который и на съезде, и на банкете, и в кулуарах повторял и повторял:

Знайте, что на Кавказе — нет правых! На Кавказе есть лишь: умеренно-левые и крайне левые! И весь Кавказ нё просит, а требует! И чем громче, и чем решительнее...

Да что ж резолюции, что ж декларации, во всех этих общениях вырастал новый грандиозный план: *пора вообще игнорировать правительство* — и все российские дела, и всю Россию брать обществу в свои руки! Конечно, нас пока мало — но вокруг наших ячеек можно сплотить всё русское общество!

Дородный фабрикант, мануфактур-советник европейского лоска, большой либерал и пианист-любитель, а речью скудный

Коновалов — Под флагом Военно-Промышленных комитетов возрождаются рабочие организации. На предстоящем рабочем съезде родится Всероссийский Союз Рабочих. Эта стройная организация увенчается как бы Советом Рабочих Депутатов!

Очень ему желалось Совета рабочих депутатов! А вместе с Гучковым и Рябушинским он спешил создать и Торгово-Промышленный Союз. И уже сейчас создать Центральный Продовольственный Комитет, который совершенно изымет из рук правительства продовольственное дело.

Сложнее обстояло с созданием Всероссийского Крестьянского Союза, но и его готовили под видом Всероссийского Кооперативного.

Повторялись, повторялись золотые гордые звучания, набегали святые тени того первого решительного Союза, который породил все прочие союзы и слил их в грозный Союз Союзов!

Некрасов — И когда они все возникнут, то выделят высший орган — и это будет штаб общественных сил России.

К нему примкнут и все национальные организации. И, с опорой на мобилизованный народ и мобилизованную армию (нет разницы между казармой и улицей, благоприятная конъюнктура!), — вся Россия в наших руках!

Так это дивно звучало на банкетах, так это стройно разогналось, и оставалось ждать плодов. Не выпуская в газеты, тихо подрабатывали и состав правительства доверия. В премьеры теперь намечался уже не Родзянко, который своею бычьей фигурой не достаточно противостоял короне, и даже подозревался в низком консерватизме, а — духовный гигант князь Георгий Львов, по всем данным — великий человек и прирожденный вождь свободной России. Дела иностранные бесспорно доставались первейшему их знатоку Милюкову; торговля и промышленность — конечно, трудолюбиво Коновалову; военные дела — пожалуй, Гучкову.

Увы, весна и лето 1916 не оказались благоприятны для российского Освободительного Движения. Правительство доверия было створено, однако к управлению не звали его. Союзы были кликнуты — но что-то не создавались. Корыстные торговцы не захотели, чтобы движение товаров и цены на них определялись бы кадетами, а приказчики, покинув прилавки, выступали бы с речами. Крестьяне по темноте не валили в Кооперативный Союз. Продовольственному Комитету никто не подчинялся. Тем временем *преступный режим проходивцев и предателей* начал наступление (брусиловское) против своего союзника Германии — и армия дала себя увлечь, пошла в наступление и имела успех, и даже стало так казаться, что эту войну Россия не обязательно и проиграет — чем чёрт не шутит, ещё и выиграет. В марте казалось: уж так всё натянато до предела, вот лопнет! — но правительство Штюмерера, во сто раз худшего, чем Горемыкин, необъяснимо сидело на том же месте — и, опаснее того: в обществе как будто ослаблялась враждебность к правительству, появлялась готовность сотрудничать с ним.

Более того, правительство решилось на беззащитный натиск: в апреле было издано небывалое, почти террористическое распоряжение о запрете самовольных съездов! Но ЗемГор не мог помочь армии лишь в форме повседневной работы — он нуждался в частых губернских и всероссийских съездах! Тогда власти решили присылать на каждый съезд вице-губернатора, который имел бы право прекратить собрание, если б оно вышло за рамки деловой программы. То есть, у общественности отнималось последнее право: собраться на казённый счёт и вволю обнести и понести правительство! Задохнуться можно было от такого террора!

А тут ещё департамент полиции выпустил из рук свой тайный обзор деятельности общественных организаций. Обзор выглянул и в печать, ходил по рукам, — и многие деятели с неприятностью узнали, что их планы и высказывания на весьма как будто конспиративных встречах отлично известны в департаменте полиции. А так как свободолюбивые гражданские речи их...

Аджемов — ...содержат все юридические признаки статьи о ниспровержении существующего строя, и правительство лишь по непонятной простоте так ни к кому до сих пор и не применило этой статьи, — то многие деятели стали держаться поосторожнее.

И — глубокое разочарование овладело самой передовой общественностью.

Тоже и Государственная Дума на своей скучной июньской

сессии никак не добивалась власти, и депутаты даже плохо посещали заседания. Попросту дремал (в ожидании *своего часа*) Прогрессивный Блок, а его лучшие лидеры и вовсе отсутствовали: на несколько месяцев поехали в Европу в парламентской делегации.

Правда, эта поездка была удобный способ для того единственного, что русской общественности осталось: пожаловаться союзникам на императорское правительство, самой же наглядно представиться парламентским кругам демократических стран, просить их помощи себе и отговорить от займов России после войны. (Коновалов, по-фабрикантски неутомимый, а для политики не жалеющий ни времени, ни денег, предложил передовой русской общественности даже готовить особый журнал на английском и французском языках, издаваемый на Западе, где пояснялись бы западному обществу суть и ход борьбы либеральных русских сил против своего реакционного правительства, давались бы личные характеристики как негодных министров, так и — крупных фигур левого лагеря, готовых принять власть. Такое издание, рассылаемое на Западе бесплатно, очень бы способствовало завоеванию сердец европейской и американской общественности.)

Милюков свою заграничную поездку был не то, что доволен, но просто упоён. Да после безвыходных партийных русских склок — как было не расцвести в европейском воздухе! Он вернулся в Россию, чтоб успеть ещё выступить перед закрытием думской сессии, и тут же, узнав этот вкус, снова уехал на лето — почитать лекции в Христиании, в Оксфорде, затем и просто отдохнуть на Женевском озере от этой ужасной войны. Он воротился в Россию лишь в сентябре, — но тут его ожидали политические удары.

В безбоевом течении этого года — от драматических дней создания Прогрессивного Блока, что-то было Блоком упущено или пересижено, так ощущалось в российском сентябрьском воздухе: *блок своего не дождался*. Начало ощущаться, что за сиденьем его отесняют другие. Уже такое немыслимое понесли по обществу, что Дума есть *буржуазное сборище прихвостней Штюмерера!*

Надо было спешить оправдаться перед демократическими кругами! Хотя и нехотя, а начинать какой-то натиск. В конце концов, и сам Павел Николаевич мог так потерять своё лидерство...

Что ещё уязвляло его лично — что уволив Сазонова, человека почти блокского, драгоценное министерство иностранных дел вручили той же швабре Штюмеру.

А тут ещё сильно намутил, навредил Прогрессивному Блоку Протопопов. Это был предводитель симбирского дворянства, ещё — владелец суконной фабрики, теперь по моде и член военно-промышленного комитета, уже всем бы тем представитель общественности, но более того — давний и нерядовой член Государственной Думы, и хорошего направления — ещё в 3-й Думе вёл запрос о незаконной деятельности Союза Русского Народа, а в 1914 был избран подавляющим большинством в Товарищи Председателя Думы — и никто не усматривал в нём каких-либо пороков. По положению своему он и возглавил заграничную делегацию Думы, так что формально стоял выше Милюкова, а возвратясь — был принят

государем по поводу постороннему, но из свидания истекло событие почти громовое: член Прогрессивного Блока и один из лидеров Думы в сентябре был назначен на должность министра внутренних дел!

Что случилось? Блок победил на внезапном направлении и во внезапный момент! Колоссальная победа общественности (и капитуляция власти), о которой нельзя было и мечтать! Это и был первый шаг в создании министерства доверия: вот стал министром человек, облечённый доверием Думы, то есть всего народа! — теперь надо ожидать и последующих приглашений: после министра-октябриста вполне возможен и министр-кадет. Вся печать приветствовала назначение Протопопова, а биржа ответила повышением бумаг.

Увы, и власть и сам Протопопов тут же разбили надежды общества. Протопопов стал говорить, что он обворожён государем, готов положить силы на укрепление самодержавия, а в одном разговоре даже признался, что основа его программы — борьба с общественными организациями! Всё назначение оказалось не началом новой эры, но мелким подлым перебежничеством! Оказалось, что думцы недостаточно приглядывались к своим товарищам, которых возносили на кафедру. Зато теперь они с удивлением разглядели его: он не имел никакого образования, ни в чём не был знаток, был чужд всем слоям общества, захудалый дворянин, хилый промышленник, да и в Думе не имел серьёзного влияния, прошёл под модным флагом левого октябризма. Сам по себе был человек избыточно-нервный, юркий, истеричный, легко поддающийся впечатлениям, даже нервно-больной, так что одно время уходил от семьи и лечился у тибетского врача. У него не было никаких талантов, ни привычки к систематической работе, ни определённых взглядов на государственные вопросы, даже устойчивой ориентации в действительности — то, что называется «без царя в голове». Вспоминали, не был ли он приятель Сухомлинова, а уж к Распутину конечно вошёл в милость. И назначение этого ненормального человека и нечестного изменника никак не была та желанная угадка *некоего лица*, по скромности не названного, но — хитрый манёвр на раскол Блока.

За какой-нибудь месяц Протопопов сосредоточил на себе презрение и ненависть общественной России — и сам же этого не выдержал, заметался, делая смешные шаги: то в Думе, где ему не давали ответить на обвинения, пересаживаясь с министерского места на депутатское, то на частную встречу с лидерами Думы приходя в жандармском мундире — и уж вовсе губил себя в их глазах. Двизбранник — Думы и престола — заметался и в своих министерских действиях и проектах: то укреплял расслабленную в губерниях полицию, требовал телеграфных докладов о политических речах в земских собраниях, готовил проект предварительной цензуры (без которой Россия так и прошла всю войну), тайно выслеживал сношения главарей Блока с английским послом Бьюкеном, — то собирался докончить разрушение еврейских ограничений, не то начинал готовить закон о принудительном отчуждении помещичьих земель (чем очень напугал Думу, потому что обезору-

живал её революционно). Зачем-то затеял и открыл поддержанную всеми банками и всеми писателями новую газету «Русская воля», которая с первого же номера начала его и травить. (Травле помогла история его возвышения: ведь первый раз он принят был государем для доклада о своей произвольной встрече с германским дипломатом за границей.) В министерстве своём он создал хаос нерассмотрением бумаг, в помощь себе пригласил старую опытную полицейскую собаку Курлова — но, трепеща Думы, опасаясь открыто провести его назначение, и это вызвало новый скандал. В октябре 1916 колебался он: не запретить ли предстоящую сессию Думы.

Активность Протопопова не миновала и хлебного вопроса. Он присоединился к точке зрения (компрометируя её) свободной торговли и отмены твёрдых цен. Опротестовал циркуляр министерства земледелия о всеобщей системе закупки и распределения хлеба с привлечением местной общественности, комитетов и кооперативов (довольно справедливо подозревая, что комитетская помощь будет направлена к возбуждению населения, как это и делали съезды по дороговизне), запретил комитеты в волостях, добился у царя передачи всего продовольственного дела к себе в министерство внутренних дел, но получив такое одобрение (и уже проект просквознул в газеты) — побоялся опубликовать его перед открытием Думы, и стал сам опровергать и оттягивать, а хлебное дело так и зависло между двумя министерствами, в ещё худшей неподвижности.

Да не хлебный вопрос волновал кадетских лидеров, а вся позорность этой истории с Протопоповым, кладущая пятно на Прогрессивный Блок, как раз когда Блок высмеивался даже левым крылом кадетского ЦК.

Коновалов, отзывчивый на подпор общественного возмущения и достаточно свободный в средствах, завёл новый тип *коноваловских совещаний* в своём московском доме — с целью *оживить пульс московской жизни*, заложить мост между к-д и с-д.

На другой день после мира у нас начнётся кровопролитная внутренняя война. В России уже сейчас нет никакого правительства, — говорилось там и, правда, напуганное правительство всё меньше давало себя знать как реальность.

Предстоящая сессия Государственной Думы должна быть решительным натиском на власть. Более благоприятный момент для *штурма власти* едва ли повторится.

Да, это уже кадеты понимали:

Мы дошли до момента, когда терпение *окончательно* истощено и доверие *до конца* использовано.

Больше года терпеливая либеральная общественность предлагала перенять управление и спасти страну — но нельзя было убедить корыстных слепых безумцев, вцепившихся в руль! Отложить выступление ещё? — дождёмся, что и Думу обзовут черносотенной. Хоть нежеланно, хоть через силу, а надо действовать.

23 октября собралась, закрыто от прессы, всероссийская конференция кадетов. И тут снова решительные провинциалы захлест-

нули столичных соглашателей левым негодованием: осторожность Милокова убивает партию в глазах всё левеего общества; разезжая по заграницам, он не знает настроения; а ведь в 1917 году будут выборы в 5-ю Думу; если в последнюю сессию 4-й не набрать авторитета, не показать народу своей решительности, не хуже левых партий... И так уже прохлопали польскую автономию, не добились — и вот Вильгельм объявил польскую независимость! Разве кадетам надо объединяться с умеренными? Нет, с ЗемГором! с кооператорами! с рабочими! профсоюзами! Бороться — в н е Думы! И лучшая платформа — продовольственный вопрос!

Да, это правильно, продовольственный вопрос очень был выгоден для возбуждения и для ударов по правительству, но дело в том, что сами кадеты не знали, как его решать. Можно, конечно, ожидать, что как только крестьяне услышат о создании правительства *доверия* — так сейчас же, порывом, валом повезут в город дешёвый хлеб. В этом продовольственном вопросе и в этой дороговизне таилась грозная загадка: тёмный обыватель был живее захвачен ими, чем даже войной, победой и проливами. Но интеллигентная партия кадетов не могла опускаться так низко и утеривать историческую перспективу государственного величия.

Однако, всё более косный, всё более упрямый, всё более оглячивый **Милоков** и тут устоял: ограничиться только думской борьбой и — никакой нелегалщины, никакой подпольщины!

Охваченное ужасом правительство в последний момент, конечно, хватится за нас, и тогда нашей задачей будет не добивать его, а обосновать конституционный строй. Вот почему в борьбе с правительством необходимо чувство меры. Народная мысль и без того имеет опасный уклон в сторону анархии, в тёмных умах подорвана государственная идея.

Устоял и собрал голоса, но уж в Думе в этот раз было не миновать атаковать.

Заклятый клин: или военная победа без нас (если будем слишком сдержанны) или революция поверх нас (если будем слишком буйны). Свалить правительство — возможно ли без массового движения? А массовое движение перекинется в революцию?.. Легко провинциалам съехаться, пошуметь и разъехаться. Но каково парламентариям, у которых нет никакой силы, даже силы голосования. И только может быть в том единственная сила Думы, что её нельзя разогнать: если разгонят, то такое начнётся, такое! вся Россия долготерпеливая подымется!

А вдруг — и не подымется?..

Изо всего выход был ясен: сбить Штюмерера. Продолжение войны третий год было не опасно, всем своим красноречием Прогрессивный Блок гнал русское государство глубже и дальше в эту войну. И недостача хлеба, дороговизна его и возможный голод тоже не были так опасны. Главная опасность была — Штюмерер. Если бы Штюмерера снять и заменить кем-нибудь из Прогрессивного Блока — перед Россией открывался путь спасения.

Чем ближе к ноябрю, тем меньше дневного света в Петрограде. И собирается ли бюро Блока на частных квартирах в долгие вечера или в 11-й комнате Таврического дворца нерассветающими утрами

— всё при электрических лампах текут их тягучие трудные совещания, под кругами настольных ламп на зелёных бархатных скатертях лежат белые листы, и Милоков, успевая то гнуть, то держать свою трудную линию, успевает и записывать для нас те беседы.

Милоков — Сосредоточить удар на Штюмерере.

Шульгин — Нет сильнее средства против Штюмерера, чем *борьба с немецким засилием*. Я — за ломку шеи правительству, но рядом должны быть меры органического характера.

Каппист — Согласен: для успокоения страны — ломать шею правительству! Но немецкое засилие не дать обсудать — это оружие в руки правых.

Шингарёв — С немецким засилием — надо найти формулировку такую, чтоб ударить по правым. Надо показать, что мы умеем и работать. Ставить большие вопросы, волостное земство...

Ефремов — Да, ломать шею правительству! Первую неделю — никакой мирной работы, а только *валим кабинет!* Разрабатывать советы для *этой* власти — трата времени, *они* всё равно ничего сделать не могут. Да и вообще, предлагать конкретные планы, вносить проекты самим — не дело законодательной власти, это рискованно, нести лишнюю ответственность. Выгоднее роль критика.

Шульгин — А вам скажут: пожалуйте к власти. А вы и не готовы — чем заменить.

Маклаков — Как же вы верите в ответственное министерство и не хотите давать советов в исполнительной сфере? Боюсь, скомпрометируем мы парламентаризм.

Ростовцев — Страна не поймёт: ругаются, а ничего не предлагают.

Родзянко (он не допускал вольности зачислить себя в Блок, но заседания иногда посещал тайно):

Правительство никуда не годится, с этого и придётся начать представителям Блока. Конечно, ряд вещей говорить нельзя: о ведении войны, о дефектах дипломатии. Революционизировать страну нельзя. Но и совершенно молчать невозможно.

Вот и задачка Милокову: ни о чём говорить нельзя — и молчать нельзя. Советов давать нельзя — и без советов нельзя.

Шидловский — *Чего хотим* — не скажем, иначе наши поправки примут — и исправят законопроекты.

Как уже и случилось с твёрдыми ценами: Блок бросил эту мысль от щедрости своих идей, а правительство подхватило и тем укрепилось. Теперь изменник Протопопов перехватит продовольственный вопрос — облавами, заставами, обязательными поставками — и опять неплохо получится, вот в чём трагедия.

Стемпковский — Одних твёрдых цен недостаточно. Надо идти до *реквизиции с развёрсткой*.

В. Львов — Мы уже пошли по пути государственного социализма. И нужна общественная диктатура продовольствия.

Шингарёв — Надо решить — будем ли отстаивать или херить путь государственного социализма? Тут можем раскориться.

Стемповский — Если мы просто перейдём к деловой работе по продовольствию — армия нас не поймет.

Да нет, какая деловая работа! — надо готовить грозную сокрушающую Декларацию!

Милоков — Красная нить должна быть — наш патриотизм: они не могут довести войну до победы.

Трагедия ещё и в том, что военная катастрофа отступила, она не грозит больше, как в прошлом году. Даже: Россия сейчас сильнее, чем была при начале войны. Но так — говорить нельзя, не это должно звучать в думских речах, иначе вся политика Блока развалится.

Ефремов — Положение очень тревожно. Замечается упадок энергии в обществе. Наше положение трагично, потому что наш долг *произвести переворот*, чтобы добиться победы в войне. Но производить переворот во время войны — предательство, при любви к отечеству — невозможно. Я не говорю: братцы, свергайте правительство! Будем строить речи так, чтобы призыв к революции не вытекал. Наметить пределы, за которые не выходить.

Стемповский — Без резкого поворота мы всё равно проиграли дело. Будем менее агрессивны, излишне спокойны — страна опередит нас. Вдали от столиц говорят: измена, царица чуть не с Вильгельмом в дружбе. Если не сделаем решительного шага и дадим распустить Думу — будем сами виноваты. Для меня несомненно: ещё несколько месяцев этого режима — и Россия погибнет.

Капнист — В случае роспуска Думы волна захлестнёт нас. Надо идти путём Павла Николаевича — булавочные уколы. Только в случае сепаратного мира можно идти революционным путём.

Шингарёв — Не верю, что сепаратный мир вызовет революцию. Масса усталых людей скажет: дайте выспаться, вымыться и поесть. Конечно, удар по национальному самолюбию не пройдет бесследно. Но если есть злая воля, которая готовит сепаратный мир — надо по ней и ударить. Надо назвать это действие и з м е н о й — и Государственная Дума создаст себе недостижимую позицию! Это вызовет удовлетворение и в армии, где об этом говорят на каждом шагу. Мы попадём в самое больное место.

В. Львов — Высокопатриотический лозунг: спасти страну от правительства!

Да, эта позиция — очень сильная: объявить себя патриотами, а правительство — пораженцами и изменниками. Главная опасность

— правительство Штюмера! В октябре день ото дня Милоков писал и переписывал новые и новые проекты Декларации Блока. Иногда, наслушавшись коллег, — очень резко, да отчего и не дать свободу перу, бумага терпит? Потом — одумывался или его отговаривали, и начинал смягчать. При каждой переписке и перепечатке одни ядовитые колкие выражения обидно терялись, другие приходили.

Предательское поведение власти... Глубокое падение нравов в руководящих кругах... Привилегированное хищничество... Всеми ненавидимая и презираемая власть... Это всё — не тайна для врагов... Государственная Дума слагает с себя ответственность за национальную растрату крови и мук армии и указывает на истинных виновников...

И день за днём обсуждали проекты (Шульгин тоже представил).

Крупенский — Не надо этих терминов — «измена», «предательство». Трон окружён чёрной шайкой, да, но этого не следует говорить вслух. Слишком суровой критикой понизим дух страны. Не надо выставлять правду, чтоб не уронить подъяма. И не «злая воля», а — полная неспособность. Главное — уничтожить Штюмера. На него и направить обвинение в измене и неспособности. И не надо раздувать заслуг Англии, как у Милокова.

Шульгин — Валить на отдельных министров, расписывать, что они злодеи — мелкий масштаб. Я понимаю, политика требует, чтобы мы говорили только чёрные вещи. Но надо сделать выбор: если виновата система, при чём тут злодеи? И надо говорить правду о Верховной власти — а мы не можем.

Капнист — Цель декларации должна быть — что Русь велика и обильна. А дальше — громить беспорядки.

Родзянко — Помягче, помягче, а то как бы Думу не распустили.

Ефремов — Но ведь и в обществе: нажива, стремление урвать. А если упрекнём общество, то нападки на правительство умалим, тоже нельзя.

Шингарёв — Правительство всё понимает и сознаёт. Им на Россию наплевать, а только бы удержаться. Деятельность правительства по результатам равносильна преступлению. Если Дума не будет резка, страна скажет: ну, и последняя надежда пропала. Сгустить краски гуще того, что в жизни — невозможно. Вот-вот не будет хлеба в городах, рабочие вырвутся на улицу. Страна уже порывается к самосуду. Ждать, пока улица заговорит? Или публично объявить: и з м е н а ! !

Кое-как соединили текст, утвердили. Отпечатали шесть экземпляров и раздали по одному на фракцию — утвердить их там. И вдруг — предательство! утечка! Напуганный старец Крупенский (центр) *показал* Протопопову, а тот Штюмеру — и из правительства *передали*: р а с п у с т я т Д у м у ! За такую декларацию — сейчас и разгонят!!

Такой провал! — за три дня до сессии! когда и менять уже поздно! Да — и опасность какова!

30 октября собрали чрезвычайное совещание — думского бюро (разумеется, исключив предателя) и ведущих из Государственного Совета.

Шидловский — Наиболее сильное впечатление — от слова «измена». Произнесенное с кафедры будет иметь характер удостоверения для народа. И поведёт к торжеству в Германии. Угрозе — не уступать, но об измене — второстепенное место. Снизу требуют «кричи», а иногда нужно и промолчать. Мы ведь не делаем революцию, а предупредим её.

М. Стахович — Конечно, это повредит правительству, но это поможет стране. Не говорить прямо «измена», но: такая система управления приводит к толкам об измене. Если же из-за угрозы совсем исключить «измену», члены Думы будут грызть себе руки, что пропустили момент сказать. Не спасовать бы нам на компромиссе. А Думу не распустят.

Милоков — Ничего невозможного в роспуске нет.

Да, вляпались с этой «изменой» — и оставить нельзя, и убрать нельзя. Разумнее было бы отказаться, но общественность раскалена и скажет, что Дума испугалась, покрыла измену.

Голицын — Будет роспуск — не считаться с ним! И — не разъезжаться по домам! Иначе наступят репрессии и страна погрузится во тьму. Но лучше — до роспуска не доводить. Изложить осторожнее: либо круглые идиоты, либо изменники, выбирайте сами.

Эта мысль Милокову западёт, неплохо.

Шингарёв — Об угрозе правительства слух распространится, и если декларация не будет прочитана, скажут: Дума сдрейфила. Хотя бы ценой роспуска, но сохранить моральное значение народного представительства!

Пятится

Стемпковский — Конечно, угроза не должна влиять, Дума должна быть безукоризненна. Но видеть и другое: мы торопимся. А вдруг за нашим актом не последует ничего бурного, а — петроградская погода, серо-чёрная неподвижная пасмурная слякоть?

Вдруг общественность перенесёт все издевательства, и война кончится благополучно? И скажут: «а мы победили и без Думы»? Не отложить ли нам резкое осуждение, пока не станет ясно, что уже в с ё проиграно?

Пятится и

Шульгин — Дума, которая может считаться с угрозой — вообще не нужна! Но если можно добиться не роспуска, а перерыва — было бы важно!
(Многие члены Думы оценят эту разницу: при перерыве —

платят депутатское жалованье и в армию не берут, при роспуске — кой-кому придётся зашагать и простым солдатом.)

Если место с «изменой» — ненужная опасность, можно и уступить.
(Они не представляют, что корона напугается ещё больше.)

Вл. Гурко — Пускать мысль об измене — и есть увеличение смуты в стране. Масса схватывает общий тон, впечатление получится: во главе России предатели, а потому будем их гнать. А измены правительства, как таковой — нет, это представление ложное. Но можно усилить: правительство столь глупо, что приводит к ложным слухам об измене.

Опять разошлись — советоваться со своими фракциями. 31 октября, уже в самый канун думского открытия, сошлись опять, вот беспокоество, вот подкатило.

Шульгин — Бороться надо, правительство — дрянь. Но так как мы не собираемся идти на баррикады, то не можем подзуживать и других. Исходная программа Блока была, на чём мы сошлись, — поддерживать власть, а не свергать её. Дума должна быть клапаном, выпускающим пары, а не создающим их. Поэтому: абзац об измене должен быть удалён.

Стемпковский — Мы не желаем никого звать на баррикады и сами не пойдём. Нельзя говорить так, чтоб ещё более возбуждать толпу. Отделить правительство от Верховной власти и последнюю — не обвинять.

Капнист — Но как же теперь — разрушить думское большинство? Не выступить с декларацией — показать признаки разложения.

И переделывать уже поздно.

Шидловский — А без Блока что? Подпольная работа? Грош ей цена. Да нет ничего коренного, разъединяющего нас. Просто непривычка к коалиционной работе.

Милоков — Трещина в Блоке была и с самого начала, но теперь она меньше.

Ефремов — Трещина — коренная. Декларация — слишком слаба и мягка. *Измена*, если она будет доказана — уголовное преступление. Настаивать на учреждении следственной комиссии! Только суд и кара могут успокоить народную совесть, предотвратить народную месть!

(после перерыва): Фракция прогрессистов выходит из Блока.

Так от самого создания не совершив решительного шага, — перед первым решительным шагом треснул Прогрессивный Блок.

НЕИЗДАННОЕ

Эту рукопись мы получили из Финляндии.

Помещаемые ниже записи В. В. Розанов не включил в оба короба своей книги «Опавшие листья». Напомним: Розанов часто поддавался впечатлениям данной минуты, очень уж всё заострял, иногда искажал. Чтобы судить о нем, нужно знать его в целом — со всеми метаниями между Ветхим и Новым Заветами. Евреи Розанова то отталкивали, то привлекали. То же самое можно сказать и об его отношении к русскому народу и духовенству (см. письмо к П. Б. Струве, «Вестник» РХД, № 112-113). В русской литературе он был выразителем самых противоположных настроений. Ничему не учил и не хотел учить. Он всегда волнуется, часто раздражается, но и будит мысль, заставляет задумываться.

Вот несколько откликов о Розанове.

ЗИНАИДА ГИППИУС: «...писание было у него не писательством, а, по его выражению, функцией, как бы дыханьем, выговариваньем полноты ощущения каждой своей минуты».

А. М. РЕМИЗОВ: «У Розанова *природный русский язык*, как у Аввакума ('вяканье'). Их синтаксис *живой, изустный, мимический*».

Осип МАНДЕЛЬШТАМ: «...у Розанова анархическое отношение ко всему решительно, но не к языку. Он не мог жить бессловесно; он дорожил словом и всеми его оттенками».

Лев ШЕСТОВ: «...у Розанова «несравненное литературное дарование». Он вышел из Достоевского, но отказался от его дарований. У Розанова не было огненной веры автора Карамазовых. Самоочевидности жизни, быта были ему дороже Бога».

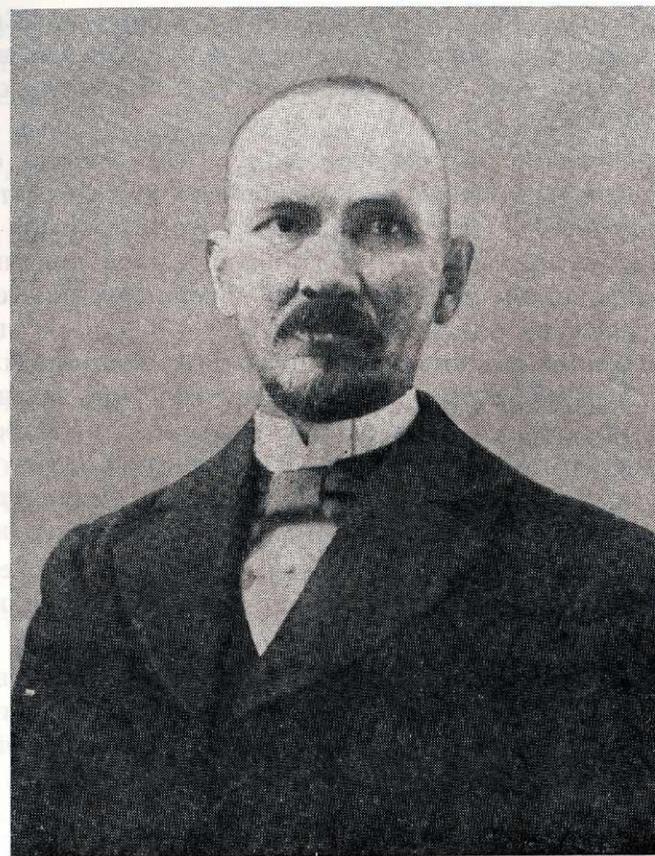
Отец Георгий ФЛОРОВСКИЙ: Розанов «не слеп к религии, но слеп в религии».

Корней ЧУКОВСКИЙ сравнивал Розанова с Уолтом Уитменом: первый — «исхищенный, извилистый, кокетливо-лукавый писатель», второй — варварски прямолинеен. Но тема у них одна: это пансексуализм.

Виктор ШКЛОВСКИЙ (об «Уединенном»): «эта книга была героической попыткой уйти из литературы, «сказаться без формы», и книга вышла прекрасной, потому что создала новую литературу, новую форму».

Д. С. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ в своей английской истории литературы утверждает, что Розанов был самым замечательным писателем предреволюционной литературы.

Б. Афанасьевский

В. В. РОЗАНОВ

1856 — 1919

(фото 1889 года)

«ОПАВШИЕ ЛИСТЫЯ»

6-II-1914

...да писатели — просто шушера около общества. Сколько я бывал в домах у писателей, я замечал, что в них вообще *никакой жизни нет*, никакого *лица* нет, и никакого ни к чему *интереса*.

«Неинтересное об неинтересном». Так можно озаглавить и все их разговоры. — Кто написал какую *статью*. — Она *остроумна*. — Нет, я не нахожу, что остроумна (спор, почему сие «в-шестых»). — Тот сделал *выпад* против того-то. — Анненский вообще очень симпатичный человек. — Правительство опять провалилось. — Такое-то высокое лицо в близких отношениях с такою-то женщиной. — В «Речи» я больше не участвую, потому что туда принимают только одних евреев, и даже в конторе нет не еврея или не еврейки (это — буквально). В «Русском Слове» платят хорошо: там главная сила — не редактор, а Дорошевич. — Дорошевич начал свою карьеру с «Одесского листка».

Тут не течет крови ни под одним словом. И все слова вы сейчас же забываете. И возвращаетесь домой как оглушенный.

Пустыми звуками в бессодержательном пространстве: курятник. Огороженное место, где куры и петухи. Они обыкновенно клохчут и суетятся. Но о чем — не поймешь.

6-II-1914

Цветков сказал раз: — у *теперешних* писателей вообще нет никакого «*уединенного*» в душе, в жизни; ничего «*своего*» и «*внутреннего*». Они все — наружные, видимые. И пишут статьи в журналах и газетах, потому что это вообще «*делается*» и отчего же и *им* не «*делать*». Потому и посмотрели на ваше «Уед.» как на нечто вовсе дикое, непонятное, ненужное.

«Но они — не все, напротив ваше «Уед.» сразу понятно множеству людей. Людей, а не писателей».

Я думаю, это — так.

После «Уед.» я стал получать совершенно другого тона письма. Как мне дорог этот тон, как мне нужны эти письма.

О литературе моей, «как написано», «умно ли» — ни слова. Все письма говорят из человека к человеку, из сердца к сердцу.

Да ведь по правде-то и я люблю только свое «Уед.» и «Оп. л.»

6-II-1914

...И у Нади взято, и у Паши. У Наташи попрошено, — все «до пятницы». У Андрея в «Нов. Вр.» 3,5,1 рубль. Прежде — у Юр. Беляева, у Гея — 5 р., от 11-ти до 13-ти тысяч в год. Никогда не бываем в театре (кроме «даровых билетов») и вообще никаких удовольствий. И уже давно, года три, не «откладывается». Как же живут бедные?

Квартира в 7 комнат, и «спальня наша», с 15 летним сыном вместе, помещается за «ширмочкой» в маминой гостиной с семейными портретами. Да и вообще «отдельной своей спальни» мы никогда с мамой не имели, «притыкаясь» туда и сюда. «Туалета» мама никогда не имела, и в молодости, т. е. «вот зеркало, перед ним столик; вокруг зеркала тряпочки» и «барыня сидит перед зеркалом». Никогда. Да и презирали. Вся жизнь была трудовая, заботная с раннего утра до поздней ночи.

За квартиру платил 165 р. При мне (когда был учителем) — ведь это *все учительское жалование*. А остальные откуда же? Еда? «Учитель без еды»... Брр...

(Надя — горничная. Паша — кухарка; Наташа — курсистка ближняя). (Тоже и у Домны Васильевны — бонна-шитье — забирает на неделю).

7-II-1914

«Но же вы видите, что России все не удается»...

— Вот поэтому-то я особенно с нею, и говорю: Ты Великая и Славная...

«Но ведь это не эмпирика, а свыше. Ее оставил Б...»

— Теперь-то я особенно ее и люблю.

«Значит вы идете против Христа...»

— Убирайтесь к черту.

«Значит, вы постановляете национализм — во-первых выше Владимира Соловьева, и во-вторых выше христианства»...

— Городовой, убери этих нахалов. Они мешают мне спать.

(спор с Кондурушкиным и Философовым).

7-II-1914

...ведь не могли же, кто читал, не видеть, о чем идет речь и в «Уед.» и в «Оп. л.»: о боли... Всяческой, и душевной и физической. И что читающий вообще ходит около болящих...

И вот пошли эти сапожищи, эти каблучища. — Он не любит «нас», он не согласен «с нами». — Он вообще «не наш». С клюками, с палками, с дрекольями. С калошами и прямо с улицы. «До него дела нет, но он не почтил *«мать»*. — «Ни — наших авторитетов». — «Не почтил Щедрина, не почтил Михайловского. И даже не уважил великого Спенсера».

Мне со стороны было в высшей степени любопытно, неожиданно и ново увидеть этих «захвативших будущее» господ, как же они относятся к «боли», которая не «с нами»... Есть люди, с которыми теоретически я во всяком случае «не согласен»: Гл. Успенский. Но о его боли я не только «по поводу» (прочтешь где-нибудь) неделями думал, но и постоянно думал, его боль была моей знакомой, «жила у меня в дому». И никогда *злостного слова* я не сказал же о Глебе Успенском, не застучал же сапожищами «в палате №11». И не я только, но Рцы, Флоренский, Цветков, Над. Романова, «друг», — ни вообще поп и дьякон, ни вообще человек «церковного строя», не застучал же

около него каблуками. Тишина. Молчание. Слово утешения. И — «все упреки умерли, упреков уже *не было*». Вот это и показывает разницу «наших миров». «Наши миры» расходятся вовсе не созерцаниями, не «убеждениями». Все это пустяки. «Мысли бывают разные» (мой афоризм). «Наши миры» разнятся температурой. У нас «комната натоплена», у них «сквозной ветер». Дефекты конечно есть там и тут. Но суть «церкви» и «религии» заключается, что «тут тепло». Это не «другое мирозерцание», не «перемена убеждений», не «новые понятия», с предрассудками или суевериями. Это «все не то», и это «совершенно все равно». Суть, что «ближе к солнышку», что не «арктический полюс»; суть в мировом *тепле* и в близости или приближении к источнику мировой теплоты.

Спенсер, Бокль и т. п. болваны не потому не нужны, что они ошибались (м. б. и нет), а потому что они — амфибии, земноводные, с холодной кровью в себе. «А я хоть и мышка, но у меня горячая кровь». Дитятку я рожу горячекровную, самку я полюбил горячекровную. Вот это и кладет разницу на «поганое» и «чистое». Позитивизм — поган, атеизм — поган, революция погана, социализм поган, п. ч. хотя он может быть и «мудр» и «абсолютно верен», как «абсолютно верна задачам своего устройства ящерица», но он — амфибия, липкое, холодное существо, которое «гадко взять в руки».

Эти-то амфибии окружили несчастное человечество и высовывая двоящиеся языки быстро произносят всякие «хорошие слова» и заманивают его «к себе», — обещаниями. И позитивизм «обещает» и атеизм «обещает», и революция «обещает», и социализм «обещает». Все «обещают»: приди «к нам», прими «нас». Тепленькие старые дома растворяются и амфибию выпускают. Амфибия вползает на стол, на стул, лезет в детскую, лезет в спальню. Всех лижет. И всем холоднее и весь дом становится холоднее, «непонятно отчего», — «потому что ведь ласковый зверек всех лижет». Но в него вошло новое существо с новою душою и новым законом жизни.

Это — смерть.

Позитивизм есть смерть.

Атеизм есть смерть.

Социализм есть смерть.

Смерть и только.

Еще приходит мысль: «старые дома» защищались огнем и наказывали огнем. «Огонь отделяет их от внешнего круга». Огня не будет в позитивизме. В «позитивном царстве» врагов отечества будут замораживать в каком-нибудь административном погребке, устроенном «по всем правилам науки»:

- Вы нам не нужны...
- Вы вредны отечеству...
- Вы разрушаете наши принципы.
- И мы вас заморозим.

«Заморозим» какой-нибудь гадкой химической солью, быстрым испарением и прочее. По Столетову или по К. Тимирязеву.

(за набивкой табаку).

II-1914

Хима, Вася и Надя.

Хима была кошка, довольно худощавая, и не представляла ничего особенного. Но очевидно — на взрослый взгляд. Потому что Вася и Надя привязались к ней совершенно неестественным образом.

Я зашел под дом: оказывается под домом, под фундаментом его, было целое «помещение», с одной или двумя комнатами и вообще «подразделениями этого подвала»: там они устроили из чурбанов столик, втащили туда большие камни «вместо сидений», натаскали туда хлеба, яблоков и устроили себе «целую усадьбу». Туда они скрывались по временам. Там должно быть жила и Хима.

В одно утро они прибежали все восторженные: «У Химы — котятка», «Хима окотилась». И сейчас же всю любовь от Химы перенесли и на котят ее.

Говорят (и читал я), что кошка привязывается к дому, а не к человеку. Это не всегда так и должно быть взаимно. Ничего не было прекраснее связанности Химы, Васи и Нади.

Бывало идем мы, и «тут где-то бегут» Вася и Надя.

— Смотри, папа, — и Хима.

Действительно, прокрадываясь около кустов, незаметная, почти невидимая, идет и Хима, — боязливо взглядывая на своих братьев и сестер, Васю и Надю. Но и они же платили ей: они были как-то поглощены своей Химой. И родители играли ничтожную роль около Химы.

Нас это не обижало. «Всё же дети около места», т. е. занимаются своей Химой — далеко не уйдут, не «попадут в опасность» (вечный страх родителя). Таким образом они берегли Химу (молоко), но и Хима их оберегала, сосредотачивая на себе.

Раз мамочка проснулась испуганно и закричала:

— Кошка!!!

Я еще занимался с лампой. Очевидно, не разобрав, что это — не дети, Хима вкралась в «спальную кровать» и грелась около одеяла и ног.

Мама всегда боялась кошек, с детства, почему-то думала, что она «загрызет».

— Ты не знаешь: она думает, что это мышь, когда дышит человек, и *бросается на горло*.

Я думаю, что это глупость. И кошек не боялся.

С этого времени мы осматривали спальню перед сном.

Раз лил дождь и я услышал часу в 11-м ночи, слабое мяуканье под окном. Открыл окно:

Мяукает Хима (просится в комнату, к детям).

Дождь!!! Могла бы сидеть «под фундаментом», в сухе. Известно, как камни не выносят мокроты.

— Мамочка, я впустил бы?..

— Что ты! Разводить такую безобразную привычку. Она будет к ним бегать по ночам и они потеряют сон (будут заниматься ею).

Я закрыл окно. Она также продолжала сидеть и изредка мяукала.

Пошли снимать Васю и Надю (здесь на фотографии) — я «не представлял себе», чтобы их можно было снять без Химы, лучшего их украшения за лето, осмыслившего и опоэтизировавшего их жизнь.

И в фотографию (довольно далеко) нес на руках. Мама шла вся расстроенная.

— Ты постоянно придаешь *мне трудности*.

— Пожалуйста, не обращай на меня внимания, и тогда тебе *не будет трудности*.

Пришли в фотографию. Я спустил Химу на пол и она убежала.

А хотел снять «детей с кошкой».

Вечная память Химе. Теперь она конечно умерла (лет 7 назад).

(В Кисловодске, дача Мар. Павл. Ярошенко).

8-II-1914

Вы всегда считаете, что *вам положено* в карман; и никогда не подумаете, что бы «нам положить в карман этому убогому».

Это не *лично*, а *исторически*; это не *есть*, а *было*.

Вот и все мое «расхождение с христианством», вся моя (якобы) «ненависть к Христу», — о чем произнес речь в Рел. фил. общ. и теперь напечатал ее в «Церк. общ. Вестн.» К. М. Агеев.

Я очень хорошо помню, как сахарясь и тщеславясь К. М. Агеев лет пять назад поведал в Рел. фил. собрании «тайну своей исповеди», что к нему «приходят» исповедоваться даже проститутки, и что он так добр, что даже их «не отталкивает». Хотя очень интересно знать, как бы он их смел оттолкнуть, когда ему законом (гражданским) приказано исповедовать вообще всех проходящих без оговорки о проститутках, что таких можно и не исповедовать. «Даже другой раз слово доброе скажешь», — истекал он медом. «И отпустишь грехи, что делать».

Да, это — «вот как я добр».

Все «я», нигде «он», «она», «они».

Это — исторические. Это не «от себя». «По примеру прежнего» и «по примеру отцов».

Но ведь девица глупая и ожидалось бы, что Константин Маркович несколько «посложнее ее». Однако традиция и школа, которая на либерального и жидовствующего

Константина Марковича давит ничуть не менее, чем на заскорузлого отца Ф. Орнатского, мешает ему лишь в сем случае «сложнее».

Традиция и школа сказали ему: «о сем вообще *не стоит думать*».

Вот и только, и все мое «расхождение с христианством». В нем виноваты — вы, попы, и никто еще не виновен. Еще в Ельце я с такою любовью целовал (прикладываясь ко кресту) руку у попов.

Пока не заметил, что ручку для поцелуя они протягивают, а двух копеек ближнему в карман никогда не положат.

Вот и Филевский дня три назад писал письмо: «Как я рад, что вы возвращаетесь, возвратились к Церкви». Она «окормляет народ», «выпестовала» историю народную, и все такое хорошее. Прочел и не дочитал письма. Тоска взяла. Тоска и скорбь как за все двадцать лет:

— А развод?

— Поп, дай мне две копейки.

Двадцать лет стою около тебя и прошу две копейки. Ну, раскошешься, пожертвуй. Ну если я и не прав, зол, дурен, дай «все равно Розанову» две копейки, не ради его добродетели, а *ради щедрот твоих*.

— Ведь ты богат, у тебя *все христианство*. С «тобой Христос». Да и не ты ли за ранней обедней в Светлое Воскресение читаешь:

«*Ныне* приидите вы, кто постился и *кто не постился*, кто был трудолюбив и *кто празден*, приидите в девятый час, *приидите в одиннадцатый час — ВСЕМ ПАСХА!!!*»...

Кто щедр, кто богат, кто счастлив и радостен, — «всем отваливает», и я сам, сколь ни убог и ни дурен, сколь ни «разбойник», получив гонорар в пятницу — всегда прибавляю извозчику «гривенник». И мамаша, в такой бедности, получив пенсию, «прибавляла же извозчику».

Но ведь у вас-то «целое христианство». Почему же, почему, скажите, — вы не дадите «двух копеек» не потому, что я «заслуживаю», а «просто так», потому что «в радости», в «Пасхе» и «теперь всем даете». —

— Поп, две копейки...

Зажимает карман...

— В Пасху?...

Не слышит.

— Двадцать лет прошу.

Пуще не слышит.

Да что такое, думаю, отчего он «не слышит»?...

Константин Маркович не слышит.

Рачинский (С.А., — Татев) не слышал.

Победоносцев не слышал.

Митрополит Антоний расположен был ко мне — не слышал.

Из всех, из всех *только единственный был в свете* А. П. Устинский, который услышал, — по невыразимому и исключительному благородству и тонкости души его. Но так как «все не слышат», то я не знаю, не твердо решил, не есть ли это «его личное». Хотя это более относится в «его мудрое», нежели в «его доброе».

Услыхали, правда, нигилисты (печать), но их слышания мне было не нужно. Я не хотел хаоса, а хотел гармонии. Я не хотел беззакония, а хотел закона. Я хотел, чтобы все было правильно, ясно, по закону, как Он хотел, сказавший: *не человек для субботы, а суббота для человека...*

Нет, от Христа я не ушел. Сказавший о субботе и о человеке дал бы гармонию, ясность и закон. Он не просто «простил блуднице», как величественный либерал Константин Маркович, а принял помазание ног своих блудницею, сказав: «*О сем будет вспоминаться всегда, где будет проповедано Евангелие*». Т. е. он ее как-то умирил, ввел в гармонию, дал ей место в царстве и иерархии христианской, и видя и не видя ее порок, но во всяком случае видя ее лицо и душу.

Вы, господа, вообще не видите души человеческой и лица человеческого; вы именно «господа» и «милостивые государи», а нисколько не священники, и уж не понимаю, с каким духом «отпускаете грехи»...

Так вот. Устал писать.

Суть в том, что вы «субботники», а не христиане, и что и до сих пор еще «суббота» вам выше всякого «человека». Суть в том, что вы, весь сонм ваш, только на словах и в обряде празднуете «Пасху христианскую», а в сердце-то у вас стоит «ветхозаветная пасха», иудейская пасха, с «зака-

лаемым тельцом», которым иногда случится быть и «Андрюше Ющинскому»...*

Кому угодно «случится»... Той блуднице, которую исповедовал Константин Маркович, и подумал *не о ней а о себе* («как я добр был с нею»), пьете у него чай в гостях, ведете беседы на литературные темы, но о разводе ни-гу-гу...

Около вас сидел в Рел. фил. общ. «В. Розанов», и около духовенства всероссийского вообще терся «В. Розанов». Двадцать лет не малое время. Вы очень хорошо понимали все время, отчего «у Розанова происходит колебание между христианством и просто язычеством: «вопрос шел собственно о «двух копейках», но на этот раз «из вашей мощны», из «поповского кармана». Вам надо было отказаться от некоторой гордости и самолюбия. Сознаться, что «степени родства неверно сосчитаны», — с *убавкою на одну степень* против степеней Ветхого Завета, с четкою ссылкой, что «*муж и жена едино*» стало *только в Новом Завете*, а *будто бы в Ветхом они не были «едино*». Что вообще в образец брака вы взяли *римский языческий закон*, закон Зевса и Юноны. — *Lucinae*** (покровительницы браков), библейский же закон (с многоженством и с не осуждаемыми даже у левитов наложницами) вами незаконно весь отменен и наречен преступным и подлежащим ссылке в каторгу (случай двоеженства). И прочее.

Надо было поступиться *самолюбием* и сказать просто, ясно и закономерно:

— Мы не правы.

Так что «двух копеек» вам не надо было даже вынимать из своего кармана, а просто «вычеркнуть» из неправильного счета заимодавца.

Но вы не сделали...

Ни в Пасху, ни в Великий пост...

* Розанов здесь имеет в виду процесс Бейлиса (1913 г.), обвиненного по навету Союза Русского Народа и Союза Двуглавого орла в ритуальном убийстве 13-летнего мальчика. Суд признал обвинение необоснованным, и Бейлис был оправдан. В своих статьях Розанов полностью поддержал обвинение, что повлекло его исключение из петербургского Религиозно-философского общества. (См. его книгу: *Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови*. СПб, 1914). Прим. Ред.

** Люцина — имя Юноны или Дианы как родовспомогательницы.

И никогда вы вообще ничего не сделали и что я ужасаюсь даже подумать в душе — и в будущем не сделаете...

(прочел газетную вырезку с речью К. М. Агеева в Рел. фил. собр.)

9-II-1914

Хочется или не хочется, а искусство — *будет*.
И хочется или не хочется, а наука — *будет*.
Потому что будет «мне нравится».
И будет — «мне любопытно».

(читая «Письма Страхова и Толстого» об искусстве и науке).

....да и порок будет, хочется или не хочется даже самому Богу.

Потому что: «Боже, я *слаб!*»

Эх вы, учителя человечества: все-то вы молоды.

Не молода вот Библия, которая просто и династически передает, что «завет человека с Богом заключен был в странах Содомских и Гоморрских»...

«и передвинулся Лот в долину реки Иордана, там где стояли города Содом и Гоморра» Бытие, XV.

А вы все, молоденькие, прячетесь в прятки.

Воришки рвутся разграбить дом. Какие же они «граждане этого дома», когда они его не чувствуют, «отцовским домом», «отеческим домом».

Они и суть воришки «с большой дороги и чужие». Между тем они действуют как «граждане этого дома»,

с правами граждан и с гонором граждан. «Давайте нам права заседать в Г. Думе», «дайте нам право издавать журнал».

Между тем у Пешехонова, Короленко и Струве есть только права сесть на скамью подсудимого, надеть на ноги кандалы, пройти пешком в Сибирь, быть застреленными при «поимке воров» и быть повешенными после поимки воров. Укажите мне строку у этих господ, где сказало бы: «Россия — наше милое отечество».

Между тем без такой строки, без такой мысли в душе, нельзя быть «подданным» и «верноподданным».

Можно быть «лжеподданным». И только милость всеильного Старца (ОТЕЧЕСТВО), который даже забылся во всеилии, дает ему слепоту именовать таких своими «гражданами», «верноподданными», с правом «газеты» и «журнала».

10-II-1914

Драгоценные камни.

.....
.....

Грибоедов, Герцен. Замечательно, что они не растут. Герцен только раздробился. В Грибоедова все смотрелись: и говорили:

«Как я хорош».

И еще:

— Благодарю тебя, Боже, что я не таков, как этот Скалозуб; как этот семинарист — Молчалин; как этот старожил Фамусов.

И во-вторых еще:

— Но *этот* — совершенный Скалозуб!!!!

От Грибоедова больше чем от кого, пошла интеллигенция и «кающийся дворянин», и вообще русские кающиеся сословия и классы.

Один господин, всмотревшийся в Грибоедова, даже воскликнул:

— Я сделаюсь никчѐмен.

Это был, конечно, Боборыкин.

10-II-1914

На чем же нас будут жарить на т. св. (на том свете — Ред.), на древесном угле или на каменном?

И не на древесном и не на каменном, а на угле твоей совести. Может быть его нет?

Если очень больно, то помилуй и «черт».

(смотря как стекло на каменном угле долго — ровное, потом стало гнуться, — ослабло в составе).

12-II-1914

Я лежу пьян, развратен, — поднимает голову младший:

«Значит и нам можно?»

Я его застреливаю.

Ибо если он *старшего* увидя ослабевшим, не сознал, что должен стоять «на часах» удвоенно, оберегая и его, и Россию, то какой же он гражданин? Его надо убить как собаку.

Ибо я просто пьян как человек, а он собака без отчества.

(молоденький офицер сказал в вагоне — «не дозволено» на почтительный вопрос двух ЮНГ: «можно ли им курить?» Он был чуть-чуть старше их и — «повелел» так великолепно. Я думал — вагон «не курящий», — и спросил офицера. Он ответил: «в моем присутствии я не разрешаю им курить. (А вагон вообще «курящий»). Изменники подзуживают солдат не повиноваться, когда офицер пьян, когда офицер — трус (хотя «офицер не может быть трус»). Во всех подобных случаях пьяный или трусливый офицер должен застрелить и солдата и критика, и тем — спасти отечество. Самому же — отправиться на гауптвахту).

13-II-1914

....да, все это так: «Гоголь *не знал*», «Гоголь *не видел*», «Гоголь *не реалист*».... Но *отчего* всем показалось, что он «реалист», «видел» и «знал»?

Отчего же, отчего?! Боже, — отчего? Вопрос этот до такой степени углубляет и, если можно выразиться, *устрашает* «загадку Гоголя» что... ум кружится и руки опускаются....

«Не видя видел», «не зная — знал», «фантазируя — был реалист».

Это-то и есть *суть* всего. Ведь Ноздрев и Кот его, толстый, что съел осетра, — «ни на кого не похожи», «не были», «не жили» и вместе они «на всех похожи», «были», «жили» и *суть* просто «мы». «Съесть» конечно осетра не возможно, п. ч. объем осетра больше величины желудка: но....

....хочется *съесть именно всего осетра*, мне, вам, всякому.

Гоголь подсмотрел или вернее по нутру своему знал (его слова в письме) низкие поползновения человека, подлые аппетиты его, уровень душонки человеческой. Правда, что он «клеветник» как дьявол; но клевета-то его если и не реальна *в действительности*, то совпадает с «образом создания человеческого» и достигает глубины клеветания на Бога.

О, не о человеке мы плачем, читая Гоголя.

Мы плачем, читая Гоголя, о Боге.

Вот в чем ужас, вот где Преисподняя.

Но к делу, к делу! Мелочи, мелочи! Как же он «уловил человека и обличил Бога»?

Почему мы думали и все времена думали, что «Гоголь изобразил неверно?...»

Тут что-то больше и страшнее, чем я сказал: поползновения. Нет, ведь есть сходство в чине, в «ухватке», как поступает человек и как он «принимается думать».

Чертовым глазом он подсмотрел «ухватки человеческие». Для этого не надо годы изучать людей, а взглянуть на минутку глазком.

Как этот «Кувшинное Рыло» (заседатель, с КОЛОДОЙ) покрыл десятирублевку книгой (взятка), ни малейше не дав почувствовать, что он десятирублевку заметил и «берет». И Павел Иванович — понял.

Это — «ухватка». Чтобы увидеть это, и нужна одна минута. Но Гоголь понял, что в Испании «иначе берут», что вертлявый и пустой француз «иначе возьмет», что в Турции турок тоже иначе [возьмет — Ред.] свой «бакшиш». Он понял дьявольской угадкой, что это единственное, solo: — от «покрыл десятирублевку книгой» повел линию размышлений и наблюдений дальше и дошел до «Елизаветы Воробей», и как Коробочка «не понимает»...

Ведь «ухватка». «Не понимают» и в Испании, но там из-за этого дерутся на ножах или шпагах. Русские конечно «беспокоиться не станут» ни на ножах, ни на шпагах, потому что у них есть ум и они обойдут дело осторожнее. Кувшинное Рыло «покрыл книгою»: это такой простой разговор с давальцем взятки, что чище не выдумаешь. «Ничего не сделал»: он просто переложил книгу с места на место, а Чичиков забыл, что положил «тут» деньги. Чичикову нужно было, чтобы «дело сладилось», прошение его в канцелярии «было принято». И он знал, что если не вспомнить о деньгах, то оно и будет «принято».

Все так благородно и тихо, как бывает только в благородной и тихой Руси.

Вот это-то он и схватил: «полное благородство» и тишь. Ну, и скажите, что на Руси не тихо и не благоговейно?

И Гоголь повел дальше рукою и вывел «тип русско-го». Рисунок этого, идею этого.

Позвольте: тихий и Платон Каратаев. Платон Каратаев тоже не шумит и *ни за что не зашумит*. А праведный. Праведники на Руси тоже тихие. И что «обделывают дела свои» — тихие. Гоголь и соединил. «На Руси всё тихо».

Теперь другое: Ноздрев шумит. Ноздрев совсем другая категория, новый тип, иное творение. Он шумит без толку, без пользы, бескорыстно и часто с арестом для себя, со штрафом, с побоями.

У него всегда «не вышло». Гоголь думал-думал, повел рукою и сказал: — Он показал Павлу Ивановичу конюшню, в которой стояли велико-лепные лошади.

— Так ведь *стояли*, а теперь их *нет*, — изумлялся Чичиков.

На этот раз изумляется Ноздрев-идеалист и упрекает реалиста Чичикова:

— Так что же, что «нет»: но *КАКИЕ* это были лошади...
Согласитесь, что это спор Аристотеля с Платоном и наших революционеров с «проклятым правительством».

Правительство говорит:

— Не осуществите, господа.

Те мучатся — отвечают:

— Но до чего ведь это *благородно*, если бы...

Согласитесь, что такая широта «обхвата Гоголя», от Платона до нигилиста, должна была заставить забыть, что он «в сущности ничего не видел».

Не видел — да.

Но душою своею всецело он видел «преисподняя земли»...

И дольней лозы прозябанье...

И гад морских подводный ход...

Увидим, как «растут растения», «под землею»...

А на земле ему и не надо было ничего видеть.

16-II-1914

Пока он был юн, зелен и свеж, его держали над книгою. Когда же одряхлел, ему напоминали, что пришла пора любви.

Он женился.

Дети рождались хилыми. И в младенчестве умирали.

И жена и он возились с докторами. Рождали и хоронили.

Выжил из детей один. Он был слабоумен и не мог учиться. Небольшой капитал, оставленный родителями, он пролечил, проел и проковылял.

Когда умер — клюку его положили с ним в гроб. Поставили дорогой памятник и написали на нем:

здесь покоится

последний из славного рода

КОСТЫЛЯЕВЫХ.

16-II-1914

До чего обвалялся Мережковский с Чеховым и Сувориным (статья Гарриса в Гол. Москвы; прислал Нестеров).

Нет, прав я был, сказав, что он «мил, но не умен». И все его «валянья» с Тютчевым и с «тайной Некрасова» (?!!), Боже, до чего все не умно. Спрашиваешь себя: «зачем? зачем? Что-то похожее на то, как Соловьев победил» Страхова, Данилевского, всех славянофилов. Да уж не подражает ли Мережковский Соловьеву?

У Гарриса верно: «кричит он не от силы, а от слабости». В тоне Мережковского всегда была эта струна где-то треснувшей скрипки.

Или неопытный голосок вставшего на цыпочки трехмесячного петушка:

Ку-ку-ре-ку !!!

Так он пел на заре юности:

Мы для новой красоты

Опровергнем все черты.

И «Юлиан» — петушок.

И «Леонардо да Винчи» — петушок.

И теперь публицистика — старый и все-таки петушок.

Но он добрый и в сущности благородный. Даже после отзывов о Суворине, столь ужасных.

17-II-1914

Случается и барину ходить в опорках...

Если он хулиган.

Бывает и барин одет лакеем.

В маскараде.

Вот проституция. Это маскарад и озорство.

И не вспомнить ли мне старое гимназическое:

Навести жерла пушек на весь этот маскарад и озорство и испепелить всё... всех...

Разумеется — заготовив целинную землю под плодородие, так — чтобы земли и «готовности» было всегда более, чем самых сил «рождать»...

Рождают, рождают, рождают... а земли все еще много: и она просит: нет ли еще семечка?

При теперешнем скопчестве конечно проституция неизбежна... Как поджарые старые девки и хулиганящая — мужская молодежь, говорящая при предложении жениться:

— Для кого? Для приятелей? чем же я гарантирован в верности жены?

— Чем гарантирован, что она меня не разорит?

— Что не отравит?

— Не бросит?

В самом деле, «брошенный муж», «покушение на жизнь мужа», «мотовство его имущества» и «сиденье на коленях у его друзей-приятелей» включено в брак, не расторгает его: ибо все это еще не есть:

СОВОКУПЛЕНИЕ ПРИ СВИДЕТЕЛЯХ, каковое есть у католиков, у нас, у лютеран.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОВОД К РАЗВОДУ, он-то и погнал всех в проституцию, — по Флоренскому: «в высший этаж существования», — и погнал «своим особо высшим характером, своим аристократическим тоном брака».

Хороша «аристократия» — хоть «с конюхом»... Ибо уже во всяком случае посидеть-то на коленях у конюха всякой христианской супруге разрешается, и смешно было бы муж пришел к архиерею жаловаться:

— Горько мне. Жена все, как я ни отвернусь, то обнимается с лакеем, то переглядывается с кучером. И даже заставал на коленях, и что прислуга ходит к ней за пазуху.

— Только-то и всего? — скажет демократический архиерей. — С малым же ты пришел. Наш брак *крепок*, — и по таким пустякам не расторгается.

Так муж и сидит «в крепком браке».

Молодежь, посматривая его, бежит мимо.

Старые девицы утешают себя, променируя в городском саду.

И архиерей тоже умилен, кушая просфору и наблюдая «крепость христианской семьи в своей епархии».

Суть в том, что самая душа евреев (семитов) молитвенна, что молитва составляет не момент или состояние этой души, не «иногда» ее, а что *сама эта душа* в ее обыкновенном и всегдашнем состоянии — молитвенна, устремлена к Богу. Смотрите, вдова Сарепты Сидонской говорит пророку Илии о смерти своего сына от прихода этого пророка (как она думала, как она приписывала), — с грустью, но не с раздражением. У нее жалоба льется как молитва, и она назвала его даже «человек Божий», а не обругала, не кинулась на него с кулаками, *как сделал бы весь свет*. Это особенное, специфически-ихнее. Но и с другой стороны: так же тихо и покорно воле Божией они избивают целые племена. «И побили всех жителей, и женщин, и детей», сказано в Книге судей израилевых о городе Лаисе, о котором всего 15-ю строками ранее было сказано: «и были они тихи и беспечны, и не было, чтобы кто-нибудь обижал в той земле другого». У египтян: «евреи, воспользовавшись смятением (от смерти всех первенцев страны) унесли серебряные и золотые вещи», — спокойно и ясно, как бы вовсе не было никаких владельцев этих вещей. Они не чувствуют лица человеческого, не чувствуют людей: — кроме случая, когда на этом лице лежит свет Божия слова: тогда они с ним взаимодействуют, как с живым. Но «до Божьего слова» все люди точно мертвы для них, а уж вещей — и вовсе нет, физического мира, нашего «грома», нашего электричества — и совсем нет. Бесшумно они «исполняют закон» (Божий); и как «исполнение закона» всегда благочестиво, то они «точно стоят на молитве», когда воруют или когда убивают (г. Лаис). — «Сестра, исполним закон земли» (Божий), говорит старшая дочь Лота сестре своей: и одна за другой, поочередно и в порядке, совокупляются с отцом своим, беременеют, рожают; и не скрывают ни от кого этого, а громко и радостно нарекают младенцам имя, свидетельствующее о способе происхождения: «он — от отца моего» («Моав»). «Ложная метрика» не представима у евреев; и в силу того, что «все как на молитве», на протяжении всей истории их, с убийствами, кровосмещениями, вероломством, нет ни одного слова *трусливой лжи*, — лжи *прикрытия* и *прикрашивания*. Что же это такое? — Первое появление семинариста на

земле. Семинарист есть весьма особое существо, не похожее на других людей. Семинариста никогда ни одного не было в Греции, семинаристов кажется не было и в Египте. В Риме не было. Семинарист весьма удивил всех, когда впервые появился на земле. «Что это такое?», спросили все, видя, что он постоянно богословствует, и Бога видит, а людей не видит, Бога слышит, а людей не слышит. Еще о «великих отцах» еврейства (Авраам, Исаак, Иаков) можно поколебаться сказать «семинарист», но Моисей и Аарон и все потом не только семинаристы, но «кутейники». До того специфический семинарский запах разит от них. Семинарист, когда тянет «аллилуйю», ничего не слышит и не видит. И добрый ли он или злой — нельзя понять. До евреев было благородное, великое, прекрасное. Но все было без «елей». «Елей» на землю принесли евреи, вот начиная с Аарона и Моисея, и начали им маслить волосы, промаслилась им одежда их, и они обтирают масляные пальцы свои, с «благочестивым запахом», об одежду соседей, всех. Суть «духовного влияния». Они стали растить косичку (у дьяконов), не стали стричь волосы; получилась «духовная особа», ни на кого в мире не похожая, на которую и намек не было у греков или у римлян. До евреев — ни одного нигде дьячка; *после* евреев — все дьячки, все *немного* дьячки, с «дьяконским духом» в себе. Этот «дьякон в истории», такой масляный, с масляной октавой, с масляным обращением, с большим удом, скромный, тихий, приятный, «благоувежливый» ко всем, очень многодетный, скопидомный, трудолюбивый, домовитый, беззаботный о мире и весьма и весьма заботливый о «доме своем», и составляет *суть* всего в «истории евреев», о которой не догадался ни Грек и никто. Все писали глупости о евреях, — вся и все — одни-одни глупости, воображая, что они сражаются как Александр Македонский (Маккавей), воруют — как вообще все воруют, «со взломом», играют на рояле как Шуберт и могут изучать ботанику как Бюффон. Между тем как в «еврее» пришла новая «категория» человека, — и именно пришел «отец дьякон», который конечно есть новая и неслыханная «категория» среди греков и римлян, между Ликургом и Катонем. В евреях никакой «крупницы» нет нашего, нет французского, нет немецкого, нет английского. Ничего европейского нет и не будет. Сказано — масло. Сказано — олива. Сказано — лампадка. И длинные

волосы и бархатный голос. С евреями ведя дела, чувствуешь, что все «идет по маслу», все стало «на масло», и идет «ходко» и «легко», в высшей степени «приятно». Это и есть «о семени твоём благословятся все народы» и «всем будет хорошо с тобою» (около тебя). Едва вы начали «тереться около еврея», как замечаете, что у вас все «выходит». И вы «маслитесь» около него, и он «маслится» около вас. И все было бы хорошо, если бы вы не замечали (если успели во-время), что все «по маслу» течет к нему, дела, имущество, семейные связи, симпатии. И когда наконец вы хотите остаться «в себе» и «один», остаться «без масла», — вы видите, что все уже вобрало в себя масло, все унесло из вас и от вас, и вы в сущности высохшее, обеспложенное, ничего не имущее существо. Вы чувствуете себя бесталантым, обездушенным, одиноким и брошенным. С ужасом вы восстанавливаете связь с «маслом» и «евреем», — и он охотно дает вам ее: досасывая остальное из вас — пока вы станете трупом. Этот кругооборот отношений всемирен и повторяется везде — в деревеньке, в единичной личной дружбе, в судьбе народов и стран. Еврей сам не только бесталанен, но — ужасающе бесталанен: но взамен всех талантов имеет один большой хобот, маслянистый, приятный; сосать душу и дар из каждого своего соседа, из страны, города. Пустой — он пересасывает из себя полноту всего. Без воображения, без мифов, без политической истории, без всякого чувства природы, без космогонии в себе, в сущности — *безъяичный*, он присасывается «пустым мешком себя» к вашему бытию, восторгается им, ласкается к нему, искренно и чистосердечно восхищен «удивительными сокровищами в вас», которых сам действительно не имеет: и начиная всему этому «имитировать», все это «подделывать», всему этому «подражать» — все искажает «пустым мешком в себе», своею космогоническою *без-яичностью*, и медленно и постоянно заменяет ваше добро пустыми пузырями, вашу поэзию — поддельною поэзиею, вашу философию — философической риторикой и пошлостью. Сон фараона о семи тучных коровах, пожранных семью тощими коровами, который пророческим образом приснился египетскому царю в миг, как пожаловал в его страну Иосиф «с 11-ю братьями и папашей», — конечно был использован Иосифом фальшиво. Это не «семь урожайных годов» и «семь голодных годов», это

судьба Египта «в сожительстве» с евреями, судьба благодатной и полновесной египетской культуры возле тощего еврея, с дяденьками и тетеньками, с большими удами, без мифологии и без истории, без искусства и философии. «Зажгут они лампадки» и «начнут сосать». Плодиться и сосать, молиться и сосать. Тонкий подведенный живот начнет отвисать, наливаясь египетским соком, египетским талантом, египетским «всем». Уд всегда был велик, от Харрана, от Халдеи, от стран еще Содомских и Гоморрских. Понимания — никакого. Сочувствия — ничему. Один копеечный вкус к «золотым вещцам» египтян.

И так — везде.

И так — навечно.

(вагон, «allo»)

Из юношеских стихов *

ПОЭТУ

Тернистый путь лежит перед тобою;
Он будет полн страданий и борьбы;
Борьбы с суровою, железною судьбою
И с злобою бесчувственной толпы.
И ты узнаешь жизнь... и ты ее узнаешь...
Не ту, которую в невинности своей
Мечтой незлобивой и детскою ласкаешь
В дремоте сладких грез счастливых, юных дней.
И ты поймешь людей... и злобой, и презреньем
Ответят гордо на любовь они твою...
Пустым, жестоким, ядовитым сожаленьем
Скрывая ненависть холодную свою...

* Юношеские стихи В. В. Розанова получены нами также из Финляндии. Его стихотворные опыты — беспомощные, слабые и характерные для той надсоновской эпохи. Всё же, их следует знать для понимания Розанова.

И твой призыв, могучий, благородный
В пустых сердцах без отклика замрет, —
Так семя, на скале упавшее бесплодной
Плода хорошего весной не принесет.

Укоры горьких слез увидят равнодушно,
И с смехом выслушают жгучую мольбу,
И оттолкнув тебя сурово и бездушно
Как с ложа скверного колючую иглу.

И ты прости!... Слезу свою скрывая,
Больного сердца стоны заглуши...

И проклинающих тебя благословляя,
От них венец терновый прими...

Окт. II-14-1879-Москва

Виолетта ИВЕРНИ

ПОСТИЖЕНИЕ

(О творчестве В. Максимова)

«Всякий человек есть сам по себе запись всей земной истории. В нас с вами записано все: охота на мамонтов и восточная клинопись, тайны пирамид и Библия, откровения французской кухни и теория относительности. Все, буквально все зашифровано в наших генах. Надо лишь подобрать ключик к этому шифру. (...) К сожалению, мой друг, а, может быть, к счастью, ключик этот спрятан весьма надежно. Иначе бы на земле от пророков проходу не стало. (...) Кое-кому, правда, удается огромным усилием ума и воли вскрыть в себе частичку-другую. В результате на свет появляется Магомет или Бах, или еще что-нибудь стоящее. А мы с вами, мой друг, можем только догадываться, догадываться и уповать. Да, да, догадываться и уповать. Иной раз провидение балует нашу память мимолетным фрагментом из давно минувшего, и мы начинаем томиться духом и скорбеть. И все, и ничего более. Никто не может прочесть всего, никто. Никому, никому не дано заполучить ключик».

Это — откровения Ивана Ивановича Иванова, странного и настырного человека, подозрительного своей вездесущностью, трезвостью и безукоризненными манжетами, в общую пьянь и путаницу застрявшего в карантине поезда вносящими некий порядок, почти оскорбительный для действующих лиц.

Дьявол он? Ангел? Современный Вергилий с булавкой в галстук и иронической улыбкой на вечных устах? Ничего определенного не говорится о нем в романе «Карантин», мы закрываем последнюю страницу с тем же тревожным чувством, что приоткрыли для себя что-то, не поддающееся окончательному, гладкому выводу и вообще исключаящее гладкопись мысли.

Между тем мне представляется очевидным, что Иван Иванович Иванов — самый главный для автора персонаж, и это имеет отношение не только к «Карантину», но ко всему, написанному Владимиром Максимовым. Именно поэтому «выходной монолог» Ивана Ивановича должен, мне кажется, открывать любой разговор о творчестве Максимова, служа ему как бы эпиграфом. Если мы попробуем разглядывать всех его героев — Виктора Суханова («Мы обживаем землю»), Сергея Царева («Жив человек»),

Ивана Васильевича Грибанова («Дорога»), Михея («Стань за черту»), Савву («Сага о Савве»), братьев Лашковых («Семь дней творенья»), Бориса Храмова («Карантин»), Влада («Прощание из ниоткуда») — если всех его главных и неглавных героев мы попробуем увидеть через эту линзу: «Всякий человек есть сам по себе запись всей земной истории», то станет понятным мучительное, почти болезненное стремление Максимова через их посредничество пробиться к зернышку, из которого произрастает этот таинственный плод — дитя человеческое. Зачем оно рождается? Где место его? В чем предназначение? Какой незримый долг лежит на нем, какую миссию послан он исполнять сюда, на эту грязную, воющую, дивную землю? Каким кодом занесено оно в книгу Времени, что и кого продолжает и как и кому передает неподнятую тяжесть, невыполненный урок?

Всякий раз, рассказывая нам очередную историю (бесчисленные истории, сонм историй), писатель словно задает быстрые, захлебывающиеся вопросы — даром что повествование само по себе никуда не торопится, возвращается, кружит, непременно притягивается к какой-то детали, к подробности биографии, к имени, фразе, неясному бормотанию памяти. Но в самой старательности, с какой автор окунает нас в темное (всегда темное, светлого нет, ибо его не бывает) прошлое своих героев, таится судорожная поспешность выйти в конец как в разгадку, в ясность. Но ясность не приходит, ибо ответа нет. «Никто не может прочесть всего, никто. Никому, никому не дано заполучить ключик». Слышите, сколько отчаяния заключено в этих «никому, никому», «никто, никто» — в этом повторе, похожем на причитание. А ведь это слова всезнающего Ивана Ивановича, которому все открыто. Но на момент общения с простыми смертными он становится рядом с ними, он не кичится Знанием, он почти рад человеческой слабости. Вот так и создатель его (или отгадчик? подслушал просто?) Максимов не нависает над читателем средоточием последнего Знания, мало того — признается в бессилии открыть последнюю дверь в Истину. «А мы с вами, мой друг, можем только догадываться и уповать, догадываться и уповать. Да, да, догадывайся и уповать». Тройной повтор: во всю горечь неведомой тьмы, в которой рождены, в которую погружены; во все величие признания: «никому, никому», «никогда, никогда». «Я — писатель — не для того существую, чтобы научить вас миру, истории, будням, но всего лишь для того, чтобы формулировать вопросы, чтобы ставить их вам без конца, до изнеможения — одни и те же проклятые и проклятые вопросы, как я ставлю

их себе; распинать вас на них, как себя распинаю», словно говорит нам Максимов, и не лжет: вот они, безмерные пространства, — он обходит их вместе с нами, он вместе с нами теряет надежду, догадывается и уповает. От этого все творчество его — не попытка построения какой-нибудь модели, хотя бы и наиболее целесообразной, оптимальной, а признание в модели существующей. И не для констатации — чем питается унылый реализм, — а предлогом, глиной для вопроса: кто мы? куда идем? зачем? зачем все, что нас окружает, что нас рождает, что убивает — зачем? Признание это всегда у Максимова интимно, словно бы со следом неловкости, но безудержно, как вагонная откровенность: облегчающим потоком, без плотин, от анонимности — мимолежного духовника своего не увидишь больше. Максимов интимно и анонимно признается нам в чужой жизни (чужой нет — вся своя: «всякий человек есть сам по себе запись всей земной истории»). Анонимность и интим достигаются просто: одной доской, на которой писатель и читатель стоят рядышком, на равных, отсутствием в писателе высокомерия. Не пророк среди непосвященных, не святой среди грешников, но — страдалец среди страдалцев, но — из всех виновных виновный. И — читатель им обезоружен. Все доспехи: обжитая позиция, удобная точка зрения, мозолями покрытая, потом выдранная уверенность — все отшелушивается и падает, как не было. Все наши «я знаю, как надо» начинают казаться мелкими и стыдными.

Прием этот — не великая, вроде, хитрость, но вся она в том, что хитрости никакой нет — такое не придумывается, с умением так взглянуть и так свой взгляд рассказать, и так открыться, чтоб ничего больше, только голый человек на голой земле, с этим рождаются. Поэтому дело — не в определительных категориях «хорошо»-«плохо», к которым мы так нежно — по слабости нашей, по бессилию — привязаны. Ничего ими не скажешь о произведениях Максимова. Он с нами жесток, он загодя исключает для нас все удобства. Он такие простые вещи рассказывает, что нас тянет на легкость формулировок, на привычные слова «добро», «зло», и тут мы начинаем понимать, что ничего этим не сказали, ибо Максимов идет дальше: что есть добро? и что есть зло? бывает ли зло добром и — наоборот? Границы. Где границы, как найти нам границы, если мы и граней не различаем?

От всего этого — от сознания и природной неточности выработанных человеком понятий и критериев; от бесовской легкости, с которой они переходят в свою противоположность; и от изначальной, кровной и плотской, убежденности в том, что Бог

что-то хотел сказать человеку, да человеку-то в близорукости своей и глухоте никак этого не прочесть и не услышать; и от мучительного желания все-таки услышать, понять, сподобиться, — так часто возникающее у героев Максимова физическое забвение, беспомощность.

Никогда не пишет Максимов человеческую биографию в хронологической последовательности, от начала к концу. Всегда — возвращением назад, воспоминанием ли, горячечным бредом, пьяной галлюцинацией. Разве что первая его повесть — «Мы обживаем землю» — построена в естественном течении времени, в порядке наблюдаемых нами событий. Но чисто реалистический этот прием ослабляет повесть, он ей узок. Простейшие человеческие действия должны приобрести в ней смысл более крупный, широкий, но мы догадываемся об этом только в конце, вернее — вслед за кульминацией: гибелью цыгана. Тогда нам приходится мысленно возвращаться к прочитанному ранее и сожалеть, что сразу не поняли, что пропустили что-то. Максимов вначале предлагает нам рассказик из привычных, уже примелькавшихся, только что написан смачно, с лаской к слову и глазу: своему и нашему; а выводит его потом — в притчу. В той первой повести Максимов еще не знал, что ему на роду написано писать притчи, только притчи и ничего больше, какую бы форму он им ни придавал, какой бы феней ни полнил. Из наших сегодняшних прозаиков это удалось ему одному: неожиданно вывести чистый языковой быт, без малейших потуг на стилизацию — «пишу, как слышу», фонетическое изображение жизни — в округлую законченность баллады, былины.

Это в нем непридуманно: «а напишу-ка я, братцы, сегодня... этакое что-нибудь... эпохальное...», он вообще чужд писательского корыстолюбия, соблазн которого лежит в самой профессии, в разврате словом, в лукавой и обманчивой близости к Вечности. Нет в Максимова дурного писательского актерства, кокетства с профессией и с читателем. «Живу — стало быть, вопрошаю; вопрошаю — стало быть, пишу, пишу — стало быть, живу», так можно сформулировать принцип его внутреннего ощущения, передаваемого нам в строках его прозы.

Но вернемся к излюбленному методу Максимова строить биографии своих героев непременно в ретроспективе. Форма, в которую укладывается ретроспектива — почти всегда забвение, сон. Или воспоминание, от чего-то толкнувшееся, по большей части неожиданно. Если мы снова вспомним Ивана Ивановича Иванова, с его основным: «все, буквально все зашифровано в наших генах»,

то станет понятной простота, с которой герои Максимова погружаются во временную прострацию: прошлое становится добычей безмерного времени, прикасаясь к нему — из настоящего, мы тем самым прикасаемся к Вечности и пытаемся разгадать ее шифр. Реальность настоящего слишком суетна, она отвлекает от попытки найти ключ. Но настоящая жизнь — жизнь человеческого духа — состоит в непрерывном процессе постижения. Другими словами — герои Максимова живут по-настоящему, то есть наиболее полно и достойно этого слова, только находясь в состоянии полусна, полузабвения, полумедитации.

Их действия в реальности, их участие в сиюминутно совершающихся событиях есть всего лишь знаки, отзвуки той стороны бытия каждого из них, которое течет в потемках сознания, на оборотной стороне памяти, в самых бессветных ее углах. Они часто изменяют этой своей ипостаси, они по большей части о ней не помнят — и тогда выплывает на поверхность некое безудержное зло, дикость, скудость, безжалостность. Максимов этого от нас не скрывает — иначе как бы ставил он свои вопросы? — он не брезгает коснуться налипшей на них грязи, но всегда и твердо верит, что наступит час очищения, час возврата.

В каждом из его героев чередуются доктор Джекил и мистер Хайд, в разных пропорциях, частоте и последовательности. Проступающее в них зло — есть автоматическое отрубание связей — между человеком и человеком, между человеком и Временем, между человеком и Богом, между человеком и его собственной памятью, между человеком и его прошлым, между человеком и его жизнью. Простить, любить — значит вспомнить и связать, продлить, заживить, увидеть. Чередование это происходит с неизбежностью смен дня и ночи, с резкостью шрама на гладкой коже. Но что это — соединение или раздел? Ночь — отрезает день ото дня или связывает их? Шрам, шов — соединяют или разделяют ткань? Забвение — только короткий перерыв в реальности, или наоборот — реальность всего лишь антракт между двумя актами настоящего действия? Максимов не может ответить на это, ибо «никому, никому», «никогда, никогда» не найти решения. Но он видит свою задачу в том, чтобы этот вечный вопрос оставался вечной раной, чтобы он не перестал кровоточить. Ибо только так он может родить в человеке сознание своей ответственности.

Эта тема — ответственность человека перед веком своим и другими — прошедшими — веками, перед землей и перед самим

собой — самым естественным образом вытекает из тех взаимоотношений с миром, которыми Максимов наделяет своих героев. На ней покоится средний план повестей, рассказов, романов. (Ближний, крупный — отдельная человеческая судьба, взятая во всей единственности своей, но об этом речь ниже.)

В сущности, именно об этом Максимов и пишет всю жизнь.

Виктор Суханов («Мы обживаем землю») решительно не представляет себе, чтобы душа человеческая могла его одарить еще каким-нибудь откровением. Всего, что он видел, что видит теперь, когда начинается действие повести, ему вполне довольно, чтобы составить весьма нелестное мнение о роде человеческом. Не то чтобы он себя как-либо выделял — разве что способностью трезво оценивать окружающее. Он уверен в том, что человек бескрыл и безлик. Что он испытывает унижительную необходимость служить — или услуживать какой-нибудь мелкой страстишке: кто пьет, и за глоток спиртного что угодно отдаст; кто копейки считает, и уж за копеечку-то родную мать продаст, не задумываясь. И вот на глазах у Виктора происходит странное — то, что по всем его раскладам должно обернуться лишней пакостью, мелочью оскорбительной, разворачивается в трагедию, и все персонажи ее оказываются достойными высокого жанра. И совесть грызет Виктора — что не сумел увидеть, что не ждал, что удивился силе духа, вдруг возникшей в жалком, как ему казалось, создании.

То же происходит и с Сергеем Царевым («Жив человек»). Царев законы муравейного общества, чем-то живущего, как-то качающегося вокруг него, переступил давно, и жалеть об этом не собирался. Весь его опыт был за то, что жалеть не о чем, да и не о ком. И сам он был ни жесточе, ни добрее — как все, кто его окружал. И кровь у него на совести была — чистеньким никак он не мог себя назвать, да и не тшился называть. Он давно уже ничего не тшился называть, ничему не искал имени, все сложилось в корку законченных и привычных оценок-ощущений. Но вот пожертвовал же за него жизнью какой-то нелепый парень — и зачем, почему? Врача решил привезти в метель, по тайге. И парень-то — ничего особенного, никчemuшный скорей всего парень, но он Сергея спас, наткнулся на него, лежащего без памяти в лесу. Не знал, конечно, что тот из лагеря бежал, но ведь и не спрашивал. И притащил на себе в деревенскую больничку, и уже не мог позволить Сергею умереть, потому что, спасши его, словно подарил ему жизнь, родил, и нестерпима была ему мысль, что крестник умрет все-таки. И погиб.

Всеми оставшимися у него силами сопротивляется Сергей рождающейся в нем теплой благодарности, любви, вине перед незнакомым парнем. Не должно быть так, не должно, — твердит ему годами выращенное, мудрое, заскорузлое недоверие. Но живая душа не выдерживает в нем — его покаянный крик еще не к небесам, но уже — к ближнему.

Михею («Стань за черту») в самом черном сне привидеться не могло, чем кончится его возвращение домой — виноват он был перед женой и детьми — не больно-то его дома видели: то бродяжничал, то по лагерям, потом снова бродяжничал. Искал ли чего? Или просто не привязать себя было к месту, к дому ли, к корню своему? К старости стынуть стал, тепла захотелось. Не сразу в дом вошел: прогонит Клавдия, куда ему тогда? Но вышло хуже. Не прогнала Клавдия, простила. Дети не простили. Дети судили отца, не зная, что он за стеной, что слышит все, до последнего слова. Своя-то совесть тоже иголок не пожалела. Но то — простое дело, не такое уж редкое. Когда дети судят отца, пусть и виноватого — берут ли они грех на душу? Чей грех больше? На каких весах это может быть взвешено и кто имеет право на суд? И куда деваться подсудимому? Михей — ушел в смерть. Переступил черту. Только мертвого — его простят. Только мертвый — уйдет он от приговора, произносимого своей же плотью-кровью, детьми.

Иван Васильевич Грибанов («Дорога») вовсе не виновен в том, что строительство дороги свертывается. Приказ свыше. Не обсуждается. И — захочешь, так бесполезно, только рану кровянить. Поначалу это для него — только личная боль: слишком много вложено было в эту дорогу, наверняка последнюю в жизни: года уже не те, чтобы снова начать что-нибудь. Но вот идет Грибанов по трассе — и понимает, что великое множество людей поставило на эту дорогу жизнь, как на карту. Всех что-то с ней связывает. Куда ни двинется Грибанов — всюду поминают дорогу: и работа будет, и города строить начнут, значит — школы, детям будет где учиться, не уйдут, значит, осядут, не бросят. Частные, личные заботы огромного человеческого муравейника вдруг оказались связанными с этой неживой лентой, готовой подмять под себя простую черную землю, и один Грибанов знает, что дороги не будет, что все упования — напрасны. Он бессилен изменить что-либо. Но и вынести ужаса открывшегося ему близкого крушения Грибанов не в силах. Ему подарено избавление: сердце не выдерживает, на множество построенных им дорог ис-

траченное сердце. Оно останавливается, как останавливается на полпути последняя его дорога.

Все ранние повести Максимова, собранные в первом томе, несут тему ответственности по нарастающей, ибо к ответственности всякий раз добавляется вина — тайная ли, явная, самим ли человеком нажитая или взваленная на него обстоятельствами, но непременно осознаваемая героем мучительно и фаталистически, как горб — на роду написанный, но оттого не менее тяжкий и не менее горько признаваемый: мой! От повести к повести вина героев вырастает: Виктор Суханов всего лишь свидетель, события развиваются помимо него, счет его — сначала к людям, затем — к себе — невидим для окружающих, и судит он себя за всего только дурную мысль. Сергей Царев — тоже сам себе судья, но, сам того не желая, он оказывается связанным с другим, незнакомым, лишним ему человеком, который ни о чем его не просил, просто жизнь отдал. И эта неожиданная, непрощенная связь — навеки: с мертвым. Раздавляющая тяжесть этой мысли: «зачем?!» и «навечно!» бросает Сергея к людям, скручивает его воплем раскаянья: облегчить! разделить! Он сам выносит свой суд наружу, делает его гласным.

Михея судят дети — на этот раз приговор исходит из чужих уст, которых и своими нельзя не признать и не уйти от них: сам лепил. Судей себе рожал.

Если у Виктора и Сергея была возможность выбора, другого исхода, то у Михея ее уже нет. И у Грибанова нет — его вина на него взвалена другими, но искупать ее — ему: смертью.

Во все более и более жесткие обстоятельства ставит Максимов своих героев. Словно изучает сопротивление материала. Что будет с человеком, если — так? А так? А — так если? И как ни выкручивай, а получается все то же: вина. У этого вечного комплекса максимовских героев есть некая связь с древнегреческой «трагедией рока», и истоки, в сущности, те же: тоска по последней Истине, томление возвыситься до Знания и унижительное ощущение своего бессилия, бескрылия. Ключика не найти — ведь «никогда, никогда», оттого и виноваты. Но уже способность ощутить эту вину означает готовность принять неведомое на плечи: то, что мы называем ответственностью. И тот, кому это дано, — уже не пропал. И чем меньше расположен писатель пристраивать проблему на котурны, равно как и весьма нереспектабельных, по большей части, персонажей, тем звучнее становится голос трагического хора. Чем ниже человек в своем земном (вре-

менном) падении, тем неожиданнее в нем взлет духа. Чем неожиданнее взлет духа, тем чище и выше жанр: проживаемая им жизнь, жанр: жизнь, изображаемая писателем.

В «Саге о Савве» — повести, завершающей первый том, много света, почти мелодического. Через все страшное, что рассказано в ней, тянется уверенность: человек может, в состоянии назвать всему на свете настоящую цену. Себе — тоже. Это не спасает его от ошибок, это не превращает его в ангела, это поворачивает душу к Божьему свету: чего же больше желать нам?

«Семь дней творенья». Максимов к этому роману пришел — всем, что писал раньше. Как если бы все, что написал раньше, из drobных кусков, увиденных когда-то ближним планом, соединилось и слилось в один напряженно пульсирующий круг, совместившийся с Россией послереволюционных десятилетий, данных не в документальной исторической перспективе, а в частно-биографическом плане. И оттого этот круг — проблем, судеб, взаимоотношений с миром, биографией, псевдонимически очерчивающий биографию страны как ее личную, тайную, тоже частную жизнь, отпечатывается на ней ожогом. Земля все терпит, все сносит. Она молчалива. Ей не изойти криком, не прорваться упреком — ей себя не облегчить. Что-то со спокойной уверенностью творили на ней люди, произнося цельнометаллические заклинания. Они кажутся столь простыми, столь логически завершенными — эти заклинания, что в конце концов приходят к естественной и изящной последовательности взводимого и спускаемого курка. Проще не бывает, но от этого почти поэтического — в рифму — движения обрывается чья-то жизнь.

Петр и Андрей Лашковы желали России «много счастья в личной жизни». Они и есть — ее личная жизнь. В романе каждый из них проживает свой путь, свою правоту и вину, как и свое очищение, наедине с собственной душой (последовательность действия опять-таки обращена ретроспективно, и от этого видится через взгляд героя, обращенный внутрь, в себя). В сущности, «Семь дней творенья» — это роман одиночества. Одиночество каждого, ибо никто не разделит его разговора с собственной душой и памятью; одиночество всех вместе, ибо «вместе» только подчеркивает обреченность каждого его судьбе; одиночество страны, земли, которая существует только в детях своих, в неразумных детях, жонглирующих истинами и факелами.

От Петра Лашкова, как от вершины, где никому и не может быть места — на то она и вершина, — начинается наше путешест-

вие к основанию пирамиды. Петр — воплощение Высшего Принципа. Не суть, в чем он состоит, этот принцип, важно, что Принцип для Петра — та самая крупица, вокруг которой только и могут образоваться жемчужины. Нам хорошо известны все слова и все возможные сочетания и перестановки из них, которые практикуются у нас на родине. Феи не подкладывали в наши колыбели душистых пожеланий, нас встречал у входа в мир Великий Принцип, состоящий в том, что человек — всего только пылинка перед его, Принципа, лицом.

И Петр Лашков, одиноко стоя среди человеческого месива, вызывавшего в нем всего лишь легкую брезгливость, а то и не вызывавшего ровно ничего — если не трогали, не лезли слишком близко, вдруг обнаружил, что в привычном и правильном его одиночестве появилось нечто неустойчивое. От пустяка, совершенной чепухи — увидел вдруг, что дочь, о которой он знал все, до тишайшего вздоха, — пьяна, и не в первый раз, должно быть, обрушился весь привычный порядок вещей, в котором главное было: не существует ничего непостижимого. А в его-то годы, да с его умением знать, как надо, — и ничего неизвестного. Но вот дочь жила рядом тихонько, вся наружу, вся — выученная наизусть, вся — к нему обернутая, ему посвященная, а оказалось — у нее есть какая-то своя, от него хранимая жизнь. Петр злым не был, дочери худого не желал, и от маленького камушка, брошенного в мерно катившееся колесо его существования, почти что собственной волей пошел навстречу своей вине, суду и раскаянию. Он и не знал, что воля его, которой он сам так привык доверяться и потому спокойно и без малейшего сомнения подчинял ей людей, заведет его в самые дебри того человеческого месива, которое он привык презирать и которое вдруг перестало быть месивом, бесформенной, неразумной, не различающей добра и зла массой, а распалось на отдельных людей. И каждый из них, этих людей, внезапно приобрел способность сообщить Петру что-то неожиданное и одаряющее.

Андрей — не Петр, не «воплотитель», однако же Лашков: воитель за тот же Принцип. Ему пришлось много тяжелее, чем Петру, потому что он-то всегда был среди людей, только неловко как-то: то ли чужаком, то ли оборотнем. Он был в той размытой средней полосе, которая его лашковскую твердокаменность быстро обратила в страдание. Он жаждал любви, но сам любить не умел: спотыкался о Принцип. Личность его была разъята, раздвоена, потеря памяти была естественным завершением этого разъятия и давала возможность двух исходов: гибели или

воскресения. Андрею суждено было воскресение: восстановление цельности души, возвращение естественного тока крови.

Петр идет к душевному воскресению через деталь, взятую крупным планом, погнавшую его в память (воспоминание). Андрей — через беспмятство. Но у Максимова — как я уже говорила раньше — беспмятство почти всегда есть высшая форма воплощения памяти, ее надмирная, надвременная реальность. Поэтому болезнь Андрея на самом деле была выздоровлением: душа лечила вывихнутые суставы исчезновением из земного бытия.

Василий Лашков, в отличие от своих братьев, растворен в том великом море, которое носит название «множество», «все». Его фамильная самоуверенность продержалась недолго: на той ступени социальной лестницы, куда поместила его судьба, с гонором не проживешь. Извечным инстинктом низшего в иерархии он недолюбливает братьев — Петра в особенности. От Лашковых у него — одиночество. Он плывет по воле волн, стимул каждого из его поступков оказывается лежащим вне его, словно кто-то неведомый движет его полусонное бытие. Двор старого московского дома, давно срастивший своих обитателей в некое многоголовое существо, для Василия — маленькая планета, его мир, колыбель и забота. Он — дворник, двору прислуга, нянька и немного — хозяин, владетель. Поэтому все, происходящее в этом дворе, все биографии, судьбы, насущные мелочи и мировые (дворовые) катаклизмы словно проходят через Василия, оставляя в душе его маленькие зазубрины, как на старом хлебном ноже. С годами он становится словно бы просто отражением двора, его многоголосого и не очень счастливого существования, в котором с покорной последовательностью чередуются смерти, влюбленности, аресты, дружбы, потери, возвращения. Двор скрипит и раскачивается несмазанным, раздолбанным дурной дорогой колесом, и жизнь Василия, в сущности, совершенно та же: неуверенная, слепо катящаяся, не ищущая себе самой ни оправдания, ни спасения, ни продолжения, ни смысла. Она — всего лишь данность, случайная география неведомых генетических нитей, соединившихся в человека по имени Василий Лашков, а сам он к этому никакого отношения не имеет, ни жизни, ни смерти не ищет, ни жизни, ни смерти не бежит.

Так строится в романе линия трех братьев: от диктующего свою волю Петра до не имеющего своей воли Василия. Корень лашковский словно проклят — за отнимавших у других Петра и Андрея отнимается у Василия. Некая тайная, безмолвная и вни-

мательная, невидимо написанная в романе Высшая Справедливость вершит судьбы этого рода — судит и распределяет благо. Отмеряется страдание внуку Петра — Вадиму и дочери его Антонине, только проживающей свою позднюю свободу, как живут в войну: год за три.

Каждая из глав романа «Семь дней творенья» имеет своим основным действующим лицом одного из Лашковых, причем написаны они все словно глазами этого главного персонажа, через его собственное восприятие. Это не значит, что автор не позволяет себе посмотреть на самого героя со своей, авторской высоты, поэтому всякий раз нам кажется, что мы находимся в самом выгодном пункте наблюдения и обзираем разом все поле действия. Между тем, мы никогда не видим событий или людей, находящихся вне поля зрения героя, мы видим либо его одного, либо все остальное вместе с ним. Это очень любопытный прием, я думаю, родившийся у Максимова спонтанно, а не вычисленный им, не расчерченный стратегически: он слишком сложен, невероятно труден для исполнения, чтобы настолько удалиться от начала до конца, чтобы быть найденным чисто рационалистическим ходом: никакие логические построения не помогли бы продержаться до конца столь сложной задачи на столь высоко взятой изначальной ноте. Прием этот труден больше всего простотой своей, требующей чистоты в продолжении и совершенно исключаяющей возможность сбиться на соблазнительное авторское всемогущество. Объективная реальность, увиденная двойным взглядом: автора, пишущего своего героя, и героя, размышляющего собственную биографию, в которой автор, отступая в тень и ступенькаясь, не позволяет себе оценивать происходящее иначе как через призму восприятия героя, говорит не за него, но только и м, — эта объективная реальность на самом деле субъективная реальность, и другой нам не дается. Да и не может быть другой. И только таким ходом можно заставить читателя поверить в эволюцию характера, во внутреннее перерождение его. Попытка изобразить эволюцию человека, момент его слома или распрямления, или причудливого чередования взлетов и падений аккуратным изложением стороннего наблюдения неслучайно приводит к дидактичности, тенденциозности и в конечном счете — к искусственности. В жизни внутреннее перерождение по большей части происходит не от крупных событий или потрясений, но от мелочей, которые для окружающих могут решительно ничего не означать. Но для отдельного человека незначительная крупица бытия, сместившаяся с того места, которое

ей, как ему прежде казалось, изначально предназначено, может оказаться дверью в откровение, знаком иного высшего смысла.

Поэтому в методе, примененном Максимовым, есть мудрость, точность и самый короткий, хотя, повторяю, и очень трудный путь к правде, правде образа. Мы видим Узловск глазами Петра, и он почти безлюден, этот город, ибо для Петра люди существуют только тем, что он их видит: живые, движутся. Они никак не затрагивают его внутреннего зрения, и потому и для нас они на долгое время остаются неясными фигурами, мелькающими в отдалении и видимыми словно через неподходящие очки. И по мере того, как Петр начинает всматриваться в них, мы тоже четче и четче их различаем. Он регулирует фокус своего внутреннего, душевного бинокля, для нас этот фокус регулируется тоже — пристальным наведением авторского текста.

Мы видим пыль и сумятицу военных дорог глазами Андрея, и она соединяется для нас с сумятицей в андреевой душе, с гулом и гудом любви в ней и растерянности, и с растерянным же желанием подавить в себе плотское (человеческое, природное) неистовство: не ко времени, не к месту. Клубок разнонаправленных устремлений в Андрее словно повторяет бесчисленные столкновения разнонаправленных интересов людей, которых война связала одной судьбой: метаться в поисках защиты хрупкому своему телу, которое начинает вдруг казаться огромным и неповоротливым — мишенью. Опасность усугубляет живущее в каждом чувство одиночества и наделяет его привкусом обиды: а вдруг — меня? А если — меня? Почему — меня?

В Андрее одиночество существует изначально: «Лашковы, начальнички, идейные шибко!» Его обида — не от страха погибнуть, а от видящейся ему во всем человеческой неблагодарности, тупого нежелания выбрать правильно, отличить свое благо. Ему никак не понять, что у каждого своя правда, и что только в этом и состоит правда общая. Он все норовит наладить людей действовать по его, Андрея Лашкова, представлениям о правде, и люди уходят от него. Так все в этой главе незаметным образом рассматривается под единым углом зрения, и этим достигается крепость и цельность ее.

Но самой блестящей в этом плане частью является, несомненно, глава «Двор посреди неба». У двух предыдущих есть моменты, облегчающие работу писателя: первая сконцентрирована на единственном герое — Петре Лашкове; вторая строится на одном, объединяющем все судьбы обстоятельстве: война. Что

касается владений Василия Лашкова, то здесь персонажи объединены единственной общей деталью: местом действия. Объединение это — чисто механическое, формальное, и ничего писателю подсказать не может. Они — двор, ковчег в океане, гудящем прямо у его скрипучих, ненадежных бортов, но сам по себе факт местонахождения в ковчеге решительно ничего не говорит ни о чистых, ни о нечистых. Более того — единство места требует, чтобы персонажи были как можно более разными: формальность должна быть компенсирована и оправдана глубиной проникновения в суть. И в то же время должно здесь быть нечто — какой-то фактор, общий сучок, который мотивировал бы присутствие всей этой толпы на страницах романа, иначе каждое вновь появляющееся действующее лицо, потеряв связь с общей тканью, превратится в героя отдельного дивертисмента, и каждая новая история станет просто вставным номером. Задача эта требует тонкости и безошибочности хирурга, делающего пластическую операцию: мало просто прирастить друг к другу куски ткани, важно, чтобы они не смотрелись лоскутками; сторона эстетическая едва ли не преобладает над физической.

Глава эта особенно удалась Максиму, во-первых, потому, что он сумел написать и «плебеев», и «патрициев», и «третье сословие», ни в едином звуке не сфальшивив. Каждый из них увиден и воплощен с абсолютным актерским слухом, я настаиваю на этом: именно актерским, с поражающей нас всегда в большом актере способностью перевоплощения в образы, отстоящие друг от друга на расстояние неизмеримое.

Взвинченная ранимость Левушки Храмова — истончение и умирание старой интеллигенции, ушедшей в иллюзиях столь далеко, что всякая связь с реальностью для нее потеряна. Эти прекраснотеленные мечтатели, которым всегда было и недосуг, и стыдно разглядывать грешную землю, не заметили, как они взрастили дикую, жестокую силу, раздавившую, в конце концов, и их самих, и их чудесные словосочетания, изнасилованные новыми хозяевами и занявшие свое место в борделе новой фразеологии.

Светлое безумие Ольги, сестры Храмова, сродни безумию Офелии — она совершенно так же не выдержала тяжести свалившегося на нее окружающего мира. С одной только разницей: Офелия невинна, Ольга же искупает грехи своего класса, смерть была вложена в нее вместе с жизнью. Она обречена.

Каждый из персонажей, выводимых Максимовым на сцену в этой главе, опирается на традиции и мораль своего сословия, круга и клана, и сделано это безошибочно. Бывший царский офи-

цер Козлов, заботливо готовящий белые подворотнички: умирать с честью; приходящий ему на смену в прямом и переносном смысле Никишин, представитель славных войск ГПУ-НКВД, кончающий жалким слабоумием после десятилетий упоения властью над человеческой жизнью и смертью; дантист Меклер, глядящий на жизнь ореховой скорбью еврейских, только в горе верящих глаз; водопроводчик Штабель, основательный и солидный, не знающий метаний, словно фермер, покуривающий трубку у порога обихоженого своего дома, где все стены увешены вышитой на салфетках мудростью; и Любушкин — вот уж русская душа! — мастер на все руки, на золотые руки артиста в своем деле, да подрубили в нем корень: талант его никому больше не нужен, век случился нелюдской, и запил Любушкин горькую, и все ему — трын-трава; и семейство бандитов Цыгановых — представителей чисто городского, заводского люмпенства: без роду-племени, без памяти, без любви, без добра, и отламывающаяся от них тонкая веточка Сима, искупающая звероподобность своего семейства такой дрожащей и светлой любовью, что никак не выжить этой любви — как Левушке Храмову, которому так коротко она досталась; и над всем этим — вечно бормочущая, бессмертная старуха Шоколинис, то ли выросшая, то ли сросшаяся со своей фамилией: и шепот, и шелк, и шорох, и кокон, и лист — сухой, обреченный, но упрямо не падающий с окоченелой ветки, и вся — шипение: проклятие? пророчество? провидение? ворожба? — напоминание: все тлен.

И все это стучится, вламывается, течет в глаза, уши и душу Василия Лашкова — он и есть точка пересечения всех судеб. Тот самый авторский прием, о котором я говорила раньше — не выступать из-за спины героя, в главе о Василии Лашкове приобретает оттенок виртуозного изящества: всех персонажей мы видим не просто глазами Василия, мы видим их только с о д в о р а, что сюжетно совершенно оправдано: Василий по большей части находится во дворе. Но таким образом двор как таковой начинает выступать в роли действующего лица, безмолвно участвующего во всех событиях. Двор-общность, двор-почва, двор-родина и родильная постель, от которой толкается всякая жизнь здесь, с которой всякий связан невидимой пуповиной — будь то на радость или на проклятье.

И если в главе «Перегон» обстановка, в которой действует герой — Андрей Лашков — является, скорей, проекцией его собственного внутреннего разлада, чем самостоятельно существующей реальностью, то в главе «Двор посреди неба» жизнь двора,

то есть, собственно двор как действующее лицо, как многоликое существо проектируется на Василия, сливается с ним, становится им. Он здесь — лицо страдательное, он вторичен, он — отражение. Поэтому, несмотря на то, что мы видим его реальным участником событий или просто объектом внимания автора гораздо реже, чем любых других жителей двора, мы, тем не менее, никак не отделяем любую из судеб, любое из событий от личности и души Василия: Василий для нас и есть «Двор посреди неба», затерявшаяся в мировом океане душа, губкой впитывающая и хранящая в себе другие души. И умерев, Василий остается там, он всего лишь уходит за сцену, он растворяется, наконец, полностью в незримом герое по имени «Двор».

Глава рода Петр Лашков, наделивший всех единокровных своих страданием за его грехи, через них же приходит к возрождению Духа. Дочь Антонина и внук Виктор заставляют его зажить их жизнью, примерить на себя их печали, неудачи, горести, заставляют Петра внезапно открыть для себя собственную вину за эти горести. Он начинает понимать, что в ломаных жизнях детей повинен он сам, что много лет назад он собственными руками подложил мину замедленного действия в тот мир, куда они тогда еще не пришли, но который неизбежно должен был стать их миром. Он не думал о них, хотя слово «будущее», многожды повторяемое и склоняемое, привычно и приятно взбадривало его, было красивым псевдонимом отнюдь не самой чистой работы. Скорые расправы, реквизиции, чьи-то слезы и проклятия (слепых, конечно, не понимающих Высшего Принципа) — все было возможно и справедливо, потому что — во имя будущего. Но вот будущее стало настоящим, и дети его сгинули в общей мясорубке, а оставшиеся — Антонина и Виктор — продолжают получать увечья от той самой, десятилетия назад заложенной мины. И с той же твердостью, с какой когда-то рушил свою и чужие семьи, начал Петр Лашков лечить и привечать последних живых детей своих. С пониманием относительности всех земных истин приходит к нему единственная вечная истина — любовь.

Роман «Карантин» обнаружил новую тенденцию в творчестве Максимова — тенденцию для него скорее неожиданную: освободиться от фабулы как таковой, сломать действие — его направленные течение, которое при всех кругах ретроспекций все-таки всегда норовит выстроиться в нечто традиционно отлажен-

ное, отглаженное. Он делает это в «Карантине» почти издевательски — сваливает в кучу судьбы, анекдоты, байки, смешивает фарс и психологическую драму, романтическую легенду и застольную — под селедочку — сплетню. Как при жребии перетряхивают в шапке бумажки (и каждому ведь что-то суждено там прочесть!), так перетряхиваются в «Карантине» лица, истории, История; будущее, прошлое, настоящее: время лишается своей прерогативы строить все в определенной последовательности. Оно вообще теряет всю полноту власти — оно становится лишним, как трезвый в пьяном застолье. Никто не испытывает в нем ни малейшей необходимости, никого оно не беспокоит, ибо — карантин! — велено стоять, и мы стоим, мы неподвижны и потому вольны двигаться внутрь себя и других, сколько душа просит. Пространство ограждено, запрещено, закрыто, — что ж, сделаем время своим прогулочным двориком; время и чувство; времена и чувства. Теряя горизонталь, мы приобретаем вертикаль, ибо не будь потери, нам некогда было бы вглядываться, напрягать глаза, искать петушиное слово, вытаскивать исподники воспоминаний, не заботясь разглядить их, для постороннего глаза: для этого слишком тесно дышится и видится в карантине.

Одним только этим словом, словом-условием: карантин — Максимов открыл себе богатейшую возможность пересыпать человеческий муравейник, как ему вздумается, как Бог на душу положит. Остановленное мгновение; застывший поезд, которому назначением одним надлежит двигаться безостановочно, легко, не задыхаясь; люди, застигнутые врасплох, как при внезапной остановке кинокадра, когда смертельно раненный не успевает упасть на землю и останавливается, образуя с ней некий угол — нечеловечески дикая, оскорбительная геометрическая фигура, в которой падение и смерть становятся непереносимо многократными, длящимися вечно, — и это истязает наши глаза и душу; все это заложено в слове «карантин» и, начиная от самого этого слова — то есть от обложки, от названия — готовит нас к тяжести, к тяготе, вызывает к мужеству. И от одной страницы к другой нарастает гул голосов, они смешиваются, перекрывают друг друга, гаснут, чтобы возникнуть снова, потому что автор не балует нас появлением собственной персоны, способной, как «бог из машины», принести нам хоть краткое успокоение и отдых.

Мы бродим в этой путанице до конца, погружаясь в беспмятство времени, которое отнюдь не сон и забвение, но второй, третий, — бесчисленный подвал памяти и, сами того не замечая и не желая, мы что-то ищем в нем. Я говорю — «мы», потому что,

переходя от одной истории к другой, от рассказа к рассказу, от кадра к кадру, мы в конце концов начинаем отождествлять себя если не с кем-то из говорящих, то с кем-то из молчаливо слушающих. В этом бесконечном разнообразии и дичайшем сочетании судеб не может не быть места и для читателя, и он незаметно для самого себя теряет привилегию стороннего наблюдателя и погружается в лучину, клокочущую в карантинных берегах.

Пучина эта и зловонна, и благоуханна, она внушает отвращение и привораживает, она оскорбляет эстетическое чувство, вызывает желание заткнуть уши, она терзает одним тем, что сам ты — ее часть, ты в ней заперт, мы все — в карантине, но надежда нам остается.

Что же это такое — карантин? Временной отрезок, в который мы, современники, согнаны (не сами выбирали!)? Страна — Россия, оплетшая нас корнями? Эти самые корни, из которых мы (тоже не выбирая) выросли? Неважно. И то, и другое, и третье. Все зависит от взгляда — с какой стороны посмотреть, что захотеть увидеть.

Максимов ставил себе цель более локальную: увидеть истоки нашего падения, проследить их в обратном путешествии по российской истории, нащупать момент рождения сегодняшнего российского карантина. Но эта задача оказалась слишком рационалистической для его интуитивного шага, для его увлекающейся прозы. В плаванье по внефабульным волнам романа первоначальный замысел растерял определенность и четкость, роман начал развиваться по собственным законам и повел автора за собой. Отсюда фактическая незавершенность образа Ивана Ивановича, который по первому взгляду заставляет подозревать в себе сатану — бесстрашием, сияющими манжетами, булавкой в галстук. В этот пир во время чумы он входит ферментом, вызывающим брожение, не дающим пиру угаснуть. Мы понимаем, что он преследует какую-то цель, но цель эта до конца автором не проясняется, оставляя возможность множественных прочтений.

Однако стоит нам отвлечься от зудящего желания **н а з в а т ь** этого героя его настоящим именем, как роман естественно растворяет его в себе, в своей стихийной, нервной ткани, и мы отдаем себе отчет, что Максимов неудачей выиграл, ибо вместо не свойственной ему академической идеи воплотил нечто большее: эпоху, страну, общество; низость падения; мрачное величие преступного духа; суетливость эгоизма; разъятие личности — в амплитуде между «все дозволено» и бессловесностью раба; безмерную сладость греха; слабость силы и силу слабости; и вечно возрож-

дающуюся из пепла любовь. Открытый прием фрагментарности неожиданно дает обратный результат: вызывает впечатление единого, живого, дышащего тела.

«Прощание из ниоткуда» — последнее большое произведение, написанное Максимовым в России. Прощание — это не просто заголовок, имя, это его жанр. Как бывает повесть, роман, пьеса. А это — прощание. Как оглядывают комнату, выходя из нее в последний раз, чтобы назвать своим домом другую комнату, на другой улице. Но в этой, старой, остается часть жизни, ею выставлены стены, пол и потолок, ее отсюда уже не унесешь, с ней надо — прощаться. Прощание — всегда взгляд назад, воспоминание, поминовение, благодарение. «Присядем на дорогу» — а дорога уже холодит внутри, уже отрывает от прошлого. И прошлое начинает мучительно и отдельно болеть — как отрезанная рука или нога. «Прощание из ниоткуда» — печаль. Порой сдерживаемая, порой забываемая автором на минуту, но всегда присутствующая, если не в слове, то в интонации, хочется сказать — в жесте, ибо в нем есть отчетливо чувствующееся движение героя-автора, реальное физическое движение человека, который разглядывает что-то, затем отворачивается, мысль его переходит на другое, и он начинает говорить об этом другом. Поэтому сцены воспоминаний, перемежающиеся с реальным моментом, не воспринимаются происходящими в другом временном отрезке, как если бы герой-рассказчик сам переходил в сцену прошлого, делая его синонимом настоящего. В этом есть глубокий смысл, ибо прошлое в минуту прощания с ним делается единственной реальностью, вне которой не существует бытия. И оно требует гамбургского счета. Под двойным знаком — прощания и суда — и разворачивает Максимов повествование о своей жизни. Именно в таком порядке: прощания и суда. Потому что с первых страниц мы ощущаем, что герой заранее и не сожалея отказался предъявлять счета кому бы то ни было, кроме себя самого, что он давно, без остатка простил — правых ли, виноватых — всех, все, навсегда. Он находится в той неопределенной точке своего существования, когда не только будущее, но словно и настоящее еще не наступило, а прошлое уже за порогом (прощание), и он говорит с ним — из ниоткуда. Он уже не в России, он оторван, но только Россия и наполняет его «нигде».

У этого «нигде», «ниоткуда» есть еще один, чисто писательский аспект. В «Прощании из ниоткуда» мы увидели всех основных героев предыдущих произведений Максимова. Он раскрывает «псевдонимы» — выводит на сцену прообразы своих персонажей и позволяет им действовать уже в собственном обличье. Они и в собственном обличье действуют теперь как герои — но уже в присутствии автора, который здесь тоже — один из героев. Тем самым Максимов как бы завершает огромный период своей жизни, подводит ему итог — как фокусник, объясняющий секреты фокусов. Раскрыв тайну, он ее исчерпывает, он с ней прощается: все, что будет потом — уже другое, новое и неизвестное пока: «нигде», «ниоткуда». Замыкая круг реального и творческого существования этим признанием в своей жизни и ремесле, Максимов как бы отдает дань прошлому, оставляя его здесь, в России, — словно на камень положил и — ушел налегке, с пустыми руками. Не отказался от него, не отделался, просто не смог и не сумел унести то, что кровно соединено с этой землей, ей принадлежит, и унести — было бы украсть. Поэтому его «налегке» — опустошительно и тяжело, оно скручивает в бараний рог. Он не клянет эту землю, никогда не спешившую его отогреть и сунуть на дорогу хлеба надежды. Он просит у нее прощения за ее высокомерную дальнорукость, он благодарит за рубашку, в которой родился (а он родился в рубашке: не только выжил, но сохранил душу живую), и эту рубашку он возвращает теперь своей земле — отныне он гол и не защищен ничем.

В скитаниях Влада, уже, в сущности, нам хорошо знакомых по прежним вещам Максимова, возникает, тем не менее, нечто новое: интонация рассказчика, не скрывающего своего присутствия и поэтому приобретающего право на собственное отношение к рассказу. Иногда он не то что устраняется, но старается быть бесстрастным, дабы действие говорило само за себя. Но исчерпав событие сюжетно, он снова выходит на первый план, не скрывая ни усмешки, ни плача — если плачется, переходя с диалога с невидимым собеседником на печальное бормотанье с самим собой; от этого повествование движется толчками, как бы пульсируя, создавая впечатление спонтанности рождения слова — как будто если мы заново сейчас откроем книгу, то она окажется состоящей уже из других слов, событий и героев.

В возникающей перед нами пестротой поражает не только то, что она — всего лишь биография одного человека, хотя ее с лихвой хватило бы на несколько разных, несхожих жизней. Поражает сохранность его души, неистребимая цельность добра, в

нем живущая, в него заложенная независимо от собственного его желания, при полном его неведении, словно кто-то выбрал его хранителем этого неделимого ядрышка. Быть может, случайно, как в земле семя, — прорастет ли, нет ли — неизвестно, а оно проросло. И как ощущается нами спонтанность слова в этом произведении, так ощущается в его герое спонтанность добра — тоже пульсирующего, тоже безостановочно гонящего кровь. И безо всякого на то устремления автора книга его вдруг становится уроком безгневности и прощения, потому только названных до конца, что, как в кокон, заключено в прощание-жанр, как плач и причитание по умершему — есть тоже жанры поэзии.

Творчество Максимова отличается счастливой цельностью. От неспособности лукавить, от скороговорки возникающих внутри вопросов и нетерпеливого желания их разрешить, внимательно обсказав; от нежелания настаивать на единственности возможного решения, от готовности признать свое решение если не ошибочным, то, быть может, не самым оптимальным — возникает та интимная нота, которая заставляет читателя безоговорочно верить каждому слову. Открытый нам до самых глубин процесс бытия неожиданно дополняет нашу собственную картину мира — не матрицей чужого (авторского) предствления, но состраданием и благодарностью за то, что он доверчиво предполагает в нас носителей добра. В родниковой чистоте шага навстречу — его последняя ценность.

Ф. РАЗУМНОВ

ОТКРОВЕНИЕ В ИСТОРИИ*

Есть два распространенных отношения к Ветхому Завету. Одно — как к исключительно историческому повествованию о судьбах одного из древнейших племен. Другое — как к более или менее замкнутому изложению религиозного учения Израиля. Историческое повествование одними может быть воспринято как достоверное, другими как легендарное. Религиозное учение одними воспринимается как истинное, другими как ложное. Но во всех случаях оба эти отношения лишают возможности понимания текста Ветхого Завета. Правда заключается в том, что Ветхий Завет — это история, но история постепенного раскрытия Откровения пророками и учителями Израиля, и в том, что Ветхий Завет — это изложение религиозного учения, но учения, открывающегося в истории Израиля.

Автор рассматривает исторический период от VIII до IV веков до Р.Х. — период выступления пророков, период разрушения Храма Соломона и обретения Торы, период восстановления Храма и создания Закона. В этот период Ветхий Завет принял в основном форму, в которой мы его получили. По книге Э. Светлова читатель сможет получить отчетливое представление о структуре Ветхого Завета, о том, из каких слоев состоят книги Завета, что идет от седой древности, что от Моисея, а что было добавлено иудейскими священниками в Вавилоне и позже. В приложении № 1 автор специально выделяет пять священных историй, сплавом которых и является Ветхий Завет. Выделяется и жанровая структура книги: притчи — такие, как легенда о пророке Ионе, пророчества, исторические хроники, заповеди Закона и т. д.

Книги Ветхого Завета писались людьми и о людях. В них нет никаких мифов о богах, героях и царях. И об исторических царях Израиля Библия повествует без патриотического восторга, в той или иной мере присущего летописям или мифотворцам других древних народов. Если исключить особенных царей — Давида и Соломона, с которых началась история Храма в Иерусалиме, и, что вероятно еще важнее, которые обладали святым даром

* О книге Эммануила Светлова «Вестники царства Божия», Жизнь с Богом, Брюссель, 1972.

слова, то «библейские авторы как бы намеренно делают упор на ошибках, слабостях и преступлениях царской власти». И дело не в том, что цари Иудеи и Израиля были хуже других, и не в том, что монархия представлялась авторам Библии худшим образом правления. И то, и другое неверно. Дело в том, что библейские авторы проникнуты особым видением истории — как реализации Завета, данного Ягве своему народу, а через него всему миру. «Да будет воля Твоя» — это не новшество, раскрытое Евангелием, а лейтмотив обоих Заветов. Понимание смысла истории и судеб Израиля раскрывалось через откровение пророков. Период, рассматриваемый в книге Э. Светлова, — это время явления основных библейских пророков, обличавших в своем племени пороки и беззакония людей и провозвестовавших явление Царства Божия.

В этих пророчествах, данных маленькому, замкнуто живущему народу, постепенно раскрывалось Откровение всему человечеству, подготавливались те духовные корни, без которых невозможно было бы благовестование Христа. Сама духовная атмосфера ожидания Мессии, ожидания Того, Кто явит миру Истину и Любовь, создавалась и накапливалась в рамках откровений Ветхого Завета. Безмерно трудно падшему человеку уверовать в Христа, еще труднее доверить себя Ему. Усилиями пророков Израиль был подготовлен к тому, чтобы стать колыбелью христианства, местом рождения Спасителя, обращенного уже не к своему племени, а раскрытому ко всем людям доброй воли. Для того, чтобы нашлась горстка учеников, поверивших Христу, нужны были совместные усилия пророков, открывших идею покаяния и спасения — основу религии единобожия. Именно поэтому и для этого пророки вынуждены были обращать свои обличения на беззакония своего племени. В том-то и состоит покаяние, чтобы узреть собственные душевные язвы и отвергнуть собственную скверну. Если бы пророки обратили свой пыл на обличение ужасов и жестокостей могущественных врагов Израиля, это было бы справедливо по современным меркам социальной справедливости, очень патриотично и весьма мудро с политической точки зрения. Но это не было бы покаянием и не было бы путем к спасению. Величие библейских пророков в том и состоит, что будучи обычными людьми, они сумели судить себя и свой народ не по ограниченному людским, а по божеским меркам. Это были люди, действовавшие в конкретных исторических условиях, их пророчества были связаны с конкретным бытием народа, но в них постепенно раскрывались вечные истины.

Автору книги удалось воссоздать живые образы Амоса, Осии, Михея, Исаяи, Иеремии, Иехемии и других пророков в их живом окружении. Читателю становятся близки и понятны их побуждения. Возникает типичный эффект присутствия — мы начинаем мыслить о пророках не как о суровых орудиях в деснице Ягве, а как об обыкновенных людях (неожиданно молодых — пророческое призвание открывалось в них, как правило, между 20 и 30 годами), сумевших принять волю Ягве. Но при этом, в отличие от других восточных мистиков, пророки Израиля (особенно это относится к Иеремии) не растворяют в экстазе собственную личность. Они мучаются сомнениями, страдают, задают вопросы. Для них исполнение воли Ягве есть результат собственной свободной воли. Описания пророков и их деятельности сделаны настолько плотно и густо, что пересказывать их в рецензии — пустая задача. Книгу надо читать и верующему христианину, чтобы осознанно представить себе природу и структуру Ветхого Завета, и верующему иудею, чтобы понять глубинную связь своей религии с явлением Христа, и неверующему, чтобы освободиться от нелепых представлений о характере библейских преданий.

Мы попробуем здесь остановиться только на некоторых важных моментах, связанных с этой книгой Э. Светлова. Представить людей, живущих за две с половиной тысячи лет до нас, можно только попытавшись поставить себя на их место. Живость и яркость описания, присущая перу Э. Светлова, волей-неволей приводит читателя к вполне современным аллюзиям. (Впрочем, автор иной раз говорит о них явно, но это излишне — все очевидно само собой). Так, когда повествуется о культивировании в Израиле «астральной религии», импонировавшей образованным людям, сразу приходят на ум разнообразные псевдорелигии научно-го толка, столь импонирующие тем или иным поколениям интеллектуалов. Восторг иудеев перед технической и военной мощью мощного Ассира — не напоминает ли нынешнее противопоставление религии и научно-технической революции? Все уже было и человечество не учится на своих ошибках...

Основная концепция книги Светлова — что история Израиля это разворачивающаяся борьба магизма и единобожия, отраженная в книгах пророков. В более широком плане концепция магизма и единобожия как главного противопоставления в религиозной истории человечества сформулирована в книге того же автора «Магизм и единобожие». Стоит подчеркнуть, что суть этого противопоставления наиболее глубоко отражается в личностной установке, которую религия требует от человека. Поэтому борь-

ба между магизмом и единобожием происходит в рамках религиозной системы, принимая самые разнообразные идеологические формы. Внутри монотеистической религии — это конфликт идеала с его неполным воплощением, с его ложными или чисто формальными интерпретациями среди адептов этой религии. В самых общих чертах здесь идет речь о противопоставлении «торгово-потребительского» отношения к правящим этим миром силам и открытого предстояния перед Господом. Первый тип отношения состоит в том, что жертвоприношение, ритуальное поклонение, исполнение требований Закона мыслится как гарантия ответного благоприятствования правящих высших сил. Здесь естественно думать о том, как получить побольше, отдав поменьше. Вторая установка основана на том, что душа обнажена перед Господом и только абсолютное покаяние, только абсолютная жертва, принятие себя на алтарь Господень, дают надежду на спасение. Но при этом возникает новый источник надежды, основанный на том, что и Господь находится со мной не в отношениях сборщика податей, считающего каждый собранный грош, но в свободном отношении любви.

Этому Богу я могу доверить себя целиком, я не должен застраховываться от него магическими действиями и мелкими подачками. Надо сказать, что суть обозначенного противопоставления еще требует богословского и философского раскрытия, пока же оно только намечено Э. Светловым как путеводная нить.

В истории Израиля это противопоставление реализовалось и как непосредственная борьба с языческими культурами, и как идейная борьба в рамках религии Ягве. Известно, что после занятия Земли Обетованной среди племен Израиля долгое время существовали языческие культы, вплоть до культа Ваала, которому возносились человеческие жертвоприношения в долине Генном. Здесь действовали по крайней мере три важных фактора. Первый — влияние языческих культов, распространенных у коренного населения Ханаана. Второй — влияние языческих религий могущественных соседних империй. Третий — существование магического сознания у самого народа Израиля. Дело здесь не в пережитках языческого прошлого, а в естественном возникновении магической установки к миру и царящим в нем силам при каждом отпадении от Бога. В некотором смысле магизм есть естественное состояние падшего человека. Если у меня нет полного безоговорочного доверия ко Всеблагому Богу, то единственный путь как-то охранить себя в этом мире — это вступить в сговор с демонами, попытаться как-то откупиться от них. И это объясняет

ту странную вещь, что пророкам Израиля приходилось не только обличать прямое идолопоклонство, но и магизм в формах и рамках религии Ягве. Вера Израиля, пишет Э. Светлов, не была безоблачной и наивной, но проходила горнило сомнений, но это не были плоские сомнения нынешней образованщины в существовании Бога. Это «сомнение в Его благодати, в Его промысле. Оно есть н е д о в е р и е к Богу, отдаление от Него, богооставленность, утрата чувства Его присутствия». Это мучительные сомнения того рода, которые уже в рамках христианства сумел выразить Достоевский. Опыт религиозных сомнений Израиля, опыт борьбы магизма и единобожия в истории избранного народа вызывают еще две важные аллюзии на современные темы. Первая из них заставляет поразмыслить над непрерывным проникновением магической установки в саму христианскую церковь, реализующуюся как своеобразное христианское фарисейство. В православии это часто бывало и бывает связано с превалированием национального над религиозным, с пренебрежением покаянием в «бытовом православии». Я не хочу этим сказать, что в православном кругу надо иметь в виду в первую очередь собственные типические формы ухода в магизм.

Вторая аллюзия состоит в том, что отношение к обществу и государству всегда есть в той или иной степени магизм. Общество ставит перед личностью определенные требования, выполнение которых должно гарантировать этой личности допустимые блага. С другой стороны, требования общества или государства никогда не могут быть этическим абсолютом. Если один человек способен подняться до высот богопознания, то мнения и оценки, принятые в обществе, в лучшем случае — это примитивизация божественной истины, а в худшем случае ее грубое искажение. Попытки общества в те или иные периоды поставить перед согражданами абсолютные этические нормы и взять на себя контроль этой нормы всегда приводили к чудовищному ханжеству и жестокосердию. Обожествление кесаря (буквально или в лице общественной демократии) — это худший вид магизма. Никакое идеальное устройство не спасет от магической установки к обществу. Не спасали от этого теократические монархии, не спасает от этого и никакая демократия, какую бы нелепость мы под этим ни подразумевали. С религиозно-христианской точки зрения, хорошим будет не то общество, которое дает согражданам максимум прав или благ, а то, которое минимально претендует на обожествление, на статус источника нравственного абсолютного. Блага, получаемые от града земного, всегда

относительны и сомнительны. Эти блага, как показывает исторический опыт, всегда покупаются за счет утеснения определенного слоя, всегда связаны с вопиющей несправедливостью. Зато требования почитания кесаря абсолютны и неукоснительны. Единственный религиозно-допустимый выход — не предъявлять слишком больших требований к устройству града земного и не поклоняться ему, а алкать Града Небесного.

Впрочем, это одновременно дает способ сделать и град земной пригодным для обитания.

На стр. 487 выделен итог богословских изысканий в области Ветхого Завета (одновременно — это как бы итог рецензируемой книги): «Пророчеством о Христе были не столько отдельные изречения Божиих посланцев, сколько в целом весь библейский мессианизм в своей глубочайшей духовной сущности».

Именно этот мессианизм делает религию Израиля религией спасения. Исторический парадокс состоит в том, что эта религия, подготовившая на деле явление Спасителя, оказалась неспособной Его признать. Этот парадокс отчасти раскрывается в книге Э. Светлова, показывающей, как всемирно-мессианские элементы иудаизма вступили в сложный конфликт с законническими стремлениями к религиозно-национальной замкнутости. Конфликт этот очень непросто еще и потому, что в какой-то период строгое религиозное отгораживание от язычников было необходимым условием сохранения монотеистического учения. Без Христа это учение было слишком слабо, чтобы пролить свет на весь мир, и нуждалось в очень прочной скорлупе, которая потом помешала понять и признать Мессию.

Любопытна глава о религии Авесты, из которой видно, почему зороастрические маги (евангельские волхвы) имели религиозно подготовленную возможность узнать о Спасителе и поклониться Ему.

Мне представляется, что главный урок книги Э. Светлова состоит в том, что в истории является Откровение, что история наполнена Смыслом. Может быть, исторические события, свидетелями и участниками коих мы являемся, несут в себе Откровение. Дай, Господи, силу и разум понять слова Твои!

Духовный мир Д. П. Кончаловского. Изд. Пять Континентов, Париж 1977, 180 стр.

Для христианина ведение дневника опасное дело. Вместо того, чтобы отражать голос совести, дневник часто бывает зеркалом, глядясь в которое, человек любит себя. Дневник незаметно приукрашивает его автора, становится источником лжи.

Правдивый, полезный дневник — редкость. Дневник есть всё же род воспоминаний, и порою трудно провести грань между мемуарами и дневником.

К этого рода книгам следует отнести и “Дневник” Дмитрия Петровича Кончаловского. Особенность её в том, что автор не священнослужитель, а рядовой, хотя и необычайно одарённый, мирянин-интеллигент. Это некая икона идущего к Богу человека. Созерцание такого рода “иконы” может стать доступным для многих современников.

Но книга не только дневник; он печатается, чередуясь с глубокими размышлениями о судьбах России и Европы, о русских писателях и о значении русской литературы. Некоторые страницы или только строки о судьбе Западного мира поражают пророческим провидением. Дмитрий Петрович глубоко ощущает, что Западный мир скользит в бездну и что, может быть, мы находимся накануне мировой катастрофы, которой, по существу, уже и была русская революция.

Страницы Дневника от начала до конца книги чередуются со страницами размыслений автора, что придаёт особый рельеф обоим основным элементам книги. Так, страницы Дневника ясно показывают, что размышления автора являются плодом не холодного разума, а горячего христианского сердца или души, которая всё время рвётся и пробивается к высшему Источнику Света. (Важно отметить, что Дмитрий Петрович проверяет себя постоянно по Евангелию и по опыту Отцов и Учителей Церкви.)

Страницы размыслений показывают, что отражённая в Дневнике работа автора над самим собой не обособляет его от страдающей России и погружающегося во тьму Западного мира. Скорбь о себе, о своём недостатке не уменьшает его острой боли о России и о Европе. Он сознаёт и чувствует также, что, если мировая катастрофа ещё может быть предотвращена, то это возможно только через стремление к внутреннему очищению и к Иисусу Христу.

Может быть, некоторые взгляды автора противоречивы; может быть, кое-что в них и спорно, но они всегда значительны и пробуждают мысль читателя.

Многие страницы Дневника столь же ценны, как, например, речения Исаака Сиринна, но они могут, благодаря современному языку, быть лучше поняты современным читателем.

Очень хорошо помещена как заключение книги “Молитва”. Молитва эта представляет действительно резюме книги.

Новая книга Д. П. Кончаловского — книга не для всех, но, может быть, всё же для многих. И хотелось бы пожелать, чтобы она стала настольной для тех, кто любит Россию, любит и Западный мир и сознаёт, что для обоих единственный путь к спасению есть возвращение к Христу.

Епископ Александр
(Семенов Тянь-Шанский)

Николай Никанорович Трубетцкой
(1907—1978)

Родился 26.12.1907 г. в семье священника. Окончил Рижскую семинарию, а в 1934 г. — Св. Сергиевскую Духовную Академию в Париже, под руководством о. С. Булгакова. Вернувшись в Ригу, был рукоположен в сан священника, служил в Покровской церкви. В 1944 г. был арестован МГБ и провел 10 лет в заключении. В 1955 г. амнистирован и вернулся в Ригу, где служил протоиереем храма Нерукотворного Спаса.

Священник Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ

ПРАВОСЛАВНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ В ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

I

Начало христианскому богослужебному пению было положено Иисусом Христом на тайной вечери, когда Он, после установления таинства св. Евхаристии, отправляясь на вольные страдания, в последний раз со своими учениками воспел псалмы (Мф. 26,30; Мр. 14,26).

Религиозное одушевление, охватившее апостолов и других учеников Христа после Его воскресения, по свидетельству евангелиста Луки, проявлялось в том, что они целые дни проводили в Иерусалимском храме, «прославляя и благословляя Бога» (Деян. 2,42...) Но прославлять Бога в иудейском храме можно было только в еврейских богослужебно-обрядовых формах.

Хотя сущность ветхозаветного храмового богослужения составляли жертвы, но всегда в него входил музыкально-певческий элемент настолько, что оно как бы превращалось в музыку и пение. Еще пророк Давид для пения псалмов за богослужениями выделил из 38.000 левитов 4.000 певцов и музыкантов (1 Парал. 23, 3-5), образовав этим своего рода наследственную касту. Но музыканты были допущены для исполнения богослужебного материала (псалмов) только по необходимости, для облегчения голоса певцов, в качестве аккомпаниаторов, да и то не всегда. Судя по надписаниям псалмов, некоторые из них исключительно предназначались для пения (напр. Пс. 30,45,48 и др.) В наиболее торжественные моменты богослужения к хору певцов присоединялся и весь народ, роль которого в пении ограничивалась подпеванием (припеванием) припева к псалму или отдельного к нему стиха. Известна и еще одна форма иудейского богослужебного пения — т. наз. кантиляция, представляющая собою нечто среднее между чтением и пением, и самое пение Свящ. Писания с

музыкальной акцентуацией, которая менялась сообразно с содержанием священных книг; так, при чтении Пятикнижия требовалось употреблять мягкие и низкие звуки, книга Пророков читалась высокими и грозными звуками, Притчи — вкрадчивыми и т. д.

Ветхозаветное храмовое пение, в отношении музыкального построения, отличалось той простотой, какая была свойственна всей древности; оно было, конечно, унисонным (одноголосным), на что есть указания в Библии (2 Парал. 5,13). По мнению одного немецкого ориенталиста, древне-еврейское пение было диатоническим, т. е. таким, когда музыкальная фраза состоит из сочетаний звуков обычной гаммы, без диэзов и бемолей.

Привычный, освященный вековой ветхозаветной традицией и законом способ исполнения псалмов и иного богослужебного материала, естественно, лег в основу богослужебно-певческой практики первохристиан, ибо мы знаем, что апостолы и наиболее значительные члены первенствующей церкви были иудеи, и если вера и упование их были уже не ветхозаветные, а новые, то богослужение их не могло далеко выступать из тогдашних иудейских форм, а потому и богослужебное пение христиан I века должно было находиться в прямой или косвенной зависимости от иудейского богослужебного пения.

Хотя ветхозаветные псалмы имели, и весьма широкое, применение на богослужебных собраниях первохристиан, но первохристиане творили и собственные, новые песнопения. В разных местах книги Апокалипсис приводится до 10 гимнов в честь Агнца, которые являются прекрасными образцами такого первоначального гимнографического творчества, а евангельские песни Захарии, Богоматери и Симеона Богоприимца являются яркими примерами того, как в тесной связи с ветхозаветными прообразами христианский дух творил свои новые песнопения.

Скудные исторические свидетельства II и III веков дают нам все же некоторую возможность определить тот путь, по которому пошло дальнейшее развитие христианского богослужебного пения. Особенно ценные сведения по этому вопросу содержатся в известном донесении Вифинского проконсула Плиния Секунда императору Траяну. Историки этот документ относят к 111-114 годам. Произведя по поручению Траяна дознание о христианах, Плиний, между прочим, доносит ему следующее: «Они (христиане) клянутся, что вся их вина или заблуждение состоит в том, что они имеют обыкновение сходиться в известный день перед рассветом и петь попеременно друг с другом песнь Христу, как

Богу». Не менее ценным является и другое свидетельство древности — одно из предсмертных посланий св. Игнатия Богоносца († 107 г.) к своей пастве, к которой он обращается, между прочим, с таким призывом: «Составляйте из себя все до одного хор, чтобы, согласно настроенные в единомыслии, дружно начавши песнь Богу, вы единогласно пели ее Отцу через Иисуса Христа».

Плиний ясно указывает на уже вошедший в церковную практику христиан определенный способ исполнения песнопений — антифонный. Хотя св. Игнатий в своем призыве и не указывает на какой-либо способ пения, говоря только о его типе (общенародном), но что он был ревностным сторонником и распространителем именно этого же способа исполнения песнопений, о котором говорит Плиний, об этом свидетельствует историк Сократ, прямо приписывающий св. Игнатию введение в Антиохийской церкви антифонного пения, а последнее, как известно, изобилует богатством музыкально-технического разнообразия, а именно: песнопения на богослужениях могли исполняться общенародно то мужскими, то женскими, то смешанными (а может быть и детскими!) голосами попеременно; певец мог возглашать одну часть песнопения, а собрание другую, или певец — один стих, а собрание — другой и т. д.

Не меньшее разнообразие существовало в рассматриваемую эпоху и в отношении мелодий, каковые заимствовались христианами у язычников и переносились в церковь. Очень ценными являются соображения, высказанные по этому поводу Климентом Александрийским († 217 г.) о приличной для христиан и их богослужения музыке («Строматы», «Педагог»). Климент прежде всего обращает внимание на отличие христианской богослужбной музыки от иудейской и языческой: «мы, говорит он, для прославления Бога единственно пользуемся мирным словом и уже не пользуемся ни древней псалтирью, ни трубою, ни тимпаном, ни флейтой...» Останавливаясь на существовавших в его время родах вокальной греческой музыки, завоевавшей внимание всего тогдашнего мира, Климент находит некоторые из этих родов совершенно неприемлемыми для христиан и церкви: «Должна быть отвергнута музыка чрезмерная, говорит он, надламывающая душу, вдающаяся в разнообразие, то плачущая, то неудержимая и страстная, то неистовая и безумная... «Мелодии мы должны выбирать проникнутые бесстрастностью и целомудрием; мелодии же разнеживающие и расслабляющие душу не могут гармонировать с нашим мужественным и великодушным образом мысли и расположений».

Однако в языческой греческой музыке Климент все же находит и образцы для священной музыки и, как на таковые, указывает на Дорическую и Фригийскую гармонию.

Климент впервые наметил определенный путь для дальнейшего развития богослужбного пения христиан в отношении самого напева его. Позднейшие организаторы церковного пения — на западе свв. Амвросий и Григорий Великий, а на востоке св. Иоанн Дамаскин — совершенно сообразно с указаниями Климента, в свою систему гласов не допустили напевы хроматического строя и приняли дорический и фригийский строй диатонического характера. Но указанный Климентом путь к церковно-музыкальному стилю не без борьбы пролагался и усваивался общим сознанием Церкви, члены которой еще целиком находились под влиянием языческой культуры.

IV и V века были веками усиленной певческой деятельности христианской церкви. Этому содействовало с одной стороны прекращение гонений, оживление богослужбных чинов, а с другой стороны — появление ересей, в борьбе с которыми свв. отцы Церкви: Василий Великий (329-379), Григорий Богослов († 389), Иоанн Златоуст (347-407), Ефрем Сирий († 373), Афанасий Великий (296-373), Амвросий Медиоланский (373-397), Блаженный Августин († 430) и др. — пользовались пением как одним из могущественнейших средств воздействия на народ в противовес еретикам. С этой же целью свв. отцы Церкви занимались и усиленной гимнографической деятельностью. На востоке в этой области прославились, главным образом, Ефрем Сирий и Григорий Богослов, а на западе — Амвросий Медиоланский и бл. Августин. Их авторству предание приписывает обильнейший церковно-певческий материал, главным образом, догматического содержания.

Естественно, что исполнение этого быстро накапливавшегося богослужбно-певческого материала церковью — неизбежно вело к уклонению от тех норм и стиля исполнения песнопений, которые были указаны Климентом Александрийским. Это хорошо видно из одной беседы св. Иоанна Златоуста, где он, говоря о церковном пении, выражает сожаление, что многое из того, что слышно на сцене, заимствуется христианами и переносится в церковь, и своим слушателям ставит вопрос: «К чему такое усиленное выкрикивание? К чему насильственное напряжение духа, испускающего звуки, которые ничего естественного не выражают?» Этот же мотив звучит и у блаженного Иеронима (330-

420), который, обращаясь к молодежи, поющей в храме, увещевает ее, что петь Богу надлежит не столько горлом, сколько сердцем: «горло и уста в храме не должны быть таковы, как в трагедии; в храме надлежит благоговейно произносить и познавать св. Писание, а не петь театральные мотивы».

В целях ограждения церковного характера в церковном пении от привносимых извне не церковных мелодий, отцы Церкви на Лаодийском соборе (343 г.) вынесли запрещение петь в храмах народу самостоятельно, по их произволу, без особых руководителей-певцов, получавших от епископа посвящение (хиротесия), на обязанностях которых лежало предначинать народное пение, руководить им и не допускать театральности и светскости в церковном пении. Наконец, в тех же целях св. Амвросий Медиоланский впервые ввел в употребление так наз. церковные лады, решительно изгонявшие из церкви светские музыкальные хроматизмы.

Небезынтересно отметить, что рассматриваемая эпоха была самой замечательной эпохой в смысле богослужебного единства всего христианского мира. Историк Евсевий Памфил (ок. 270-340) говорит об этой эпохе так: «ныне населяющие север поют одни и те же песни с обитателями полуденными». Это единство еще более подчеркивалось тем, что богослужебное пение в эту эпоху представляло собою один определенный тип — тип общенародного пения. «Древле, говорит св. Иоанн Златоуст, все пели вместе, что и мы теперь делаем... «жены, мужи, старцы и юноши различные полом и возрастом, ни мало не различествуют песнями, ибо все составляют единое сладкопение»...

В период с VI по VIII век на востоке начинает составляться годовой круг церковных богослужений, что происходит в тесной связи с деятельностью песнотворцев. Собственно, только с VI века гимнографическое творчество на востоке достигло бессмертия, так как ни одно песнопение до этого времени не дошло до нас, по крайней мере с именем автора. Замечательно, что именно в эту эпоху гимнографическое творчество на западе почти замирает. Причину этому усматривают в том, что западные песнотворцы продолжают довольствоваться общими неопределенными темами в составлении (сочинении) гимнов, тогда как восточные живо откликаются на развитие церковного богослужебного года, стараясь исчерпать каждую церковную память о святых как тему для песнотворчества.

С именем преподобного Авксентия († 470) исторически достоверное предание связывает начало древнейших из дошедших

до нас видов церковной песни этой эпохи, а именно: тропари и стихиры. Можно думать, что преп. Авксентий распевал с народом свои тропари и стихиры на определенные мелодии — гласы. Существование и употребление гласов в это время уже в некоторых местах известно. Св. Павел Нитрийский (жил в нач. V в.) упоминает о пении на гласы в церквях Александрийских и Константинопольских, а св. Анатолий, патриарх Константинопольский († 458) в это время писал уже на определенные гласы воскресные стихиры, т. н. «Восточные» или «Анатолиевы». Новый вид церковной песни — тропарь и стихира, стали быстро умножаться и распространяться в богослужебной практике восточной церкви, но благодаря быстрому умножению и распространению их, народ не успевал запомнить эти песнопения, и тогда взамен всенародного пения всего тропаря и стихиры за богослужениями стали петь (всенародно) только последние их стихи, в качестве припева к целому ряду тропарей и стихир. С изменением способа пения изменялось и название таких песен и они стали называться кондаками и составлялись песнотворцами применительно и соответственно их способу исполнения. Кондаки вели за собой целый ряд других песней, называвшихся икосами.

Основателем такого рода церковной песни считается преп. Роман Сладкопевец (VI в.), сириец, певец константинопольской церкви св. Софии. Первым кондаком, по преданию, сочиненным и пропетым им по особому небесному вдохновению, был кондак на Рождество Христово: «Дева днесь». На основании разных исторических свидетельств этой эпохи, творчеству преп. Романа приписывается свыше 400 кондаков и икосов. Кроме преп. Романа такого рода песни творили и целый ряд других песнотворцев и создали особый период в истории богослужебного пения, носящий название кондакарного строя богослужения, который продолжался до конца VII века. В VII веке появляется, однако, новый род песнопения, т. н. канон, который очень скоро вытеснил кондакарную систему, как и кондакарная система в свою очередь вытеснила в V веке тропарь и стихир (а последние м. б. явились на смену антифона). Самыми плодотворными творцами канонов были св. Андрей Критский († ок. 712 г.) и св. Иоанн Дамаскин († ок. 780 г.) Первый прославился своим знаменитым покаянным каноном, который по своей гениальности, глубине и силе выраженных в нем покаянных чувств не имеет себе равных в истории подобного рода песнотворчества; второй — гл. обр. своими восторженно-вдохновенными воскресными канонами октоиха. Кроме названных творцов канонов, известны еще: св. Косма, еп. Маюм-

ский, св. Герман, патриарх Константинопольский, св. Сафроний, патриарх Иерусалимский (основоположник канонов) и целый ряд других лиц.

Греческая церковная песнь всех видов (тропарь, кондак, икос, стихира, канон) была поэтическим произведением — поэзией, которая строилась на так наз. стихотворной ритмической системе, причем этот поэтический материал неизбежно облекался немедленно же, большею частью под пером одного и того же автора, в форму музыкально-певческую, ибо это было «песнопение», «гимно-графия». Здесь гимн, как хвала, не мог оставаться исключительно в оболочке слова, не доходя до завершения в мелодии — песне. Такой характер творчества в конце концов приводил к тому, что в основе музыкального изложения лежала та же самая форма, какая была положена в основу словесного.

При таком громадном росте богослужебно-певческого материала соответственно расширялись, а вместе с тем и усложнялись музыкальные формы его исполнения, что в свою очередь не могло не вызывать у руководителей церкви известного опасения насчет неповрежденности уже почти установившегося определенного церковного стиля. С этой целью при церквях вводятся обязательные штаты церковных певцов — специалистов своего дела, которым, видимо, вменялось в обязанность не только руководство народным пением в богослужениях, но и наблюдение за церковным стилем исполнения песнопений. О такой роли певцов можно судить по одной из новелл Юстиниана (562 г.), узаконяющей при Константинопольской церкви св. Софии постоянный штат церковнослужителей, где на 60 пресвитеров, 100 диаконов, 40 диаконисс, 90 иподиаконов и 110 чтецов было всего только 25 человек певцов. Из этой же новеллы можно заключить, что пение в Константинопольской церкви в эту эпоху было общенародным. Такое же количество штатных певцов (25 чел.) при Константинопольской церкви утверждает и император Ираклий новеллой от 612 г., из которой можно судить, что и во времена императора Ираклия роль певцов в общенародном пении была та же, что и при Юстиниане.

В 691 г. на VI Вселенском соборе (Трульском), 33-м правилом было узаконено и обязательное церковнослужительское пострижение для священно-певцов и чтецов. Можно думать, что Отцы церкви, вынося это постановление, руководились вполне обоснованными соображениями: не допускать певцов к руководству народным церковным пением без соответствующей подготовки. На этом же соборе Отцы церкви определили на вечные

времена и особый церковный стиль богослужебных песнопений в следующих словах:

«Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика и не вводили ничего несообразного и несвойственного церкви, но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, назирающему сокровенное».

Только теперь окончательно был приведен в порядок и установлен, как на западе, так и на востоке, круг богослужебных напевов. К существовавшим четырем церковным Амвросианским ладам, о которых уже было упомянуто выше, папа св. Григорий Великий прибавил новые четыре лада, сродные с Амвросианскими.

Столько же ладов-гласов и с таким же музыкальным характером установил и св. Иоанн Дамаскин в восточной церкви.

Таким образом, церковное пение, создавшееся многовековой церковной практикой, сложившееся при участии выдающихся церковных деятелей, — только к началу IX века выкристаллизовалось в разработанную, стройную, музыкально обоснованную художественную систему восьми гласов, получившую название «осмогласия» или «октоиха». Осмогласие стало основным законом богослужебного пения в практике всех восточных церквей, придав определенность и устойчивость делу церковного пения, и, к началу X века, достигло своего пышного расцвета и славы. Не без основания историческое предание сохранило слова русских послов св. ки. Владимира, которые, прослушав богослужение в константинопольской церкви св. Софии, воскликнули: «когда мы были в храме греков, то не знаем — на небе или на земле находились».

II

Пышный расцвет осмогласного церковного пения в X веке явился, можно сказать, концом истории его развития в Византийской церкви и началом истории его дальнейшего роста в Русской церкви.

Исторически достоверно, что на Русь церковное пение проникло с юга двумя параллельными течениями: из Болгарии и непосредственно из Греции.

По свидетельству летописца, русские с большой любовью приняли новое для них «изрядное осмогласие», т. е. систему 8-ми

греческих гласов. Это «изрядное осмогласие» было записано особыми музыкальными знаками — «невмами», которые русские быстро усвоили и переименовали в «крюки» или «знамена», а самое осмогласие — в «крюковое» или «знаменное» пение. Но оторванное от родной византийской почвы, знаменное пение вскоре подверглось существенным изменениям и в новых условиях на Руси приобрело особый, специфический облик, как в отношении своей организации, так и в отношении самых мелодий, напевов. Такой специфический облик сразу же приобрело т. н. кондакарное пение, являющееся древнейшей, если не первоначальной формой русского пения, о чем свидетельствуют рукописи этого пения, относящиеся к XI веку. Многие исследователи пытались разгадать происхождение этой формы русского церковного пения, но происхождение ее так и осталось неразгаданным. Главнейшими особенностями кондакарного пения являются т. н. попевки или прибавления к тексту песнопений посторонних слогов на особо торжественных местах. Так например, в некоторых песнопениях слово «аллилуйя» полагалось петь с такими припевами: «алене-луиа-аленеве-еневене-дуиа-аленеве-еневе-невене-еневе-енелуиа». Подобные попевки сохранились еще и в современном греческом, южно-славянском и старообрядческом пении. У старообрядцев эти попевки носят название «аненаек». Однако система кондакарного пения в Русской церкви просуществовала недолго. В XIV веке она теряет следы в истории.

Другой, более расшифрованной и известной формой специфически русского пения является так наз. «стихирарная» система пения. Первыми русскими образцами этой системы являются службы свв. Борису и Глебу (перенос мощей 1072 г.), преп. Феодосию Печерскому (1108 г.) и др., изложенные музыкальными знаками — «знаменами» и занесенные в первые певческие книги в XII и XIII веках.

Эти памятники наглядно свидетельствуют о том, что русские песнотворцы к XII веку уже твердо и ясно усвоили характер, форму и дух недавно принятого греческого осмогласного пения.

Резкое разграничение всего мирского от церковного (особенно наблюдавшееся на Руси в этот ее ранний период), боязнь ввести какие-либо новшества в церковное пение, невозможность противопоставить сложной системе греческого пения какую-либо свою, — все это лишило русских возможности заниматься свободным творчеством в области церковного пения и заставляло сконцентрировать все свои певческие способности в приспособлении новых русских богослужебных текстов к существовавшим знамен-

ным мелодиям. Так как греческие богослужебные тексты имели стихотворную форму и размер, а новые русские и переводные тексты писались прозой, то естественно, не всегда укладывались в музыкальный размер греческого мелоса и часто, благодаря этому, изменялись в новые мелодии, хотя и тесно связанные в музыкальном отношении со своими славяно-греческими прототипами. Появляющиеся новые мелодии русские также называли знаменными распевами, так как они записывались «знаменами». Как основной путевой, подобно столпу, на котором утверждалось все церковное осмогласие, знаменный распев назывался еще «путевым», «столповым». Протяжный и расцвеченный многими мелодическими прикрасами, он назывался «большим знаменным распевом», а более простой, сокращенный — «малым знаменным распевом». Его частные виды и варианты получили название: «ино знамя», «ин перевод», «перевод», «ин распев» и т. д.

В процессе образования знаменных распевов громадную роль сыграла особенность распеваемых богослужебных текстов, особенно в период с XI по XIV век. Таковую особенность представляло из себя так называемое «раздельноречие» или «хомония», имевшая специально певческий характер и бывшая большим злом в русской церкви. Хомонией называлось пение со вставкою в тексте под нотными группами лишних гласных «о» и «е», которые должны были заменять собою глухие «ъ» и «ь», потерявшие свое произношение. Благодаря этому, например, слова древнеславянской транскрипции: «дньсь» — днесь, «Бъгъ» — Бог, «бъхом» — быхом, — распевалось под мелодии, как: «денесе», «Бого», «быхомо» и т. д.

Насколько это явление было серьезным, говорит тот факт, что еще и в настоящее время старообрядцы-беспоповцы поют не иначе, как только «раздельно-речно», «на он», как они выражаются, т. е. с хомонией. Это историческое «недоразумение» могло случиться, конечно, только благодаря низкому культурному уровню церковно-певческих деятелей того времени. Только этим можно объяснить и другое характерное явление в древнерусском богослужебном пении, а именно так наз. «неединогласие» пения или его «разгласие». Разгласие произошло вследствие житейской необходимости сокращать уставные богослужения, затягивавшиеся на 5-6 и более часов. Так как церковным уставом требовалось полностью вычитывать и выпевать положенные за богослужения чтения и песнопения, то русские, сокращая время продолжительности службы и вместе с тем соблюдая букву устава, находили компромисс в смысле одновременного чтения и пения

за одним и тем же богослужением совершенно различных по содержанию молитв и песнопений. Такое древнерусское богослужение бесчиние нашими прадедами именовалось сравнительно скромным термином «разгласие»...

Далеко немаловажную роль в процессе образования знаменых распева сыграли также учителя церковного пения и творцы русских церковных напевов, которые, увлекаясь разнообразием церковных распевов, продолжали творить новые и в этом чрезмерном увлечении подчас слишком далеко отходили от своего прототипа. Такое вольное творчество получило название «произволь» или «произвольных напевов».

К началу XVII века русское церковное пение обогатилось и новыми мелодиями, занесенными в Россию болгарскими и греками. Эти мелодии назывались «Болгарским», «Сербским», «Афонским» и «Новогреческим» распевами. Достиг большого распространения и так наз. «Киевский» распев, образовавшийся из знаменного, посредством его сокращения.

К началу XVII века церковное пение в России развилось мелодически настолько, что вполне удовлетворяло все богослужебно-певческие потребности церкви в целом. Серьезность, искренность, сдержанность, скромность и необычайная простота — вот общий характер церковных мелодий русской церкви. Этот общий характер еще как бы более подчеркивался унисонным исполнением этих мелодий.

Нужно заметить, что весь богослужебно-певческий материал в Русской Церкви исполнялся унисонно, в один голос, и имел такой же строгий, бесстрастный, спокойный и умиленный лик, как и лики святых на древних иконах рублевского и строгановского письма. Однако, было бы ошибочным утверждать, что русские до начала XVII века не имели понятия о многоголосье, как некоторые склонны думать. В русской церковно-музыкальной литературе известны древние списки нотных служб — хоровые партитуры, относящиеся к периоду ранее XIV в., писанные особыми музыкальными знаками и, к сожалению, еще не расшифрованные. Количество отдельных голосовых партий в этих партитурах иногда достигает 8-ми и более. Кроме того, в Византийской церкви, как об этом уже упоминалось выше, существовало наряду с унисоном и многоголосье, и можно думать, что русских послов св. кн. Владимира прельстило именно многоголосное пение греков. Исторически достоверно и то, что в 888 г. в Киев, вместе с греческой царицей Анной прибыл и греческий придворный хор культурного Византийского двора. Через этот хор могли, конечно,

русские вполне усвоить характер и технику многоголосного исполнения песнопений, но почему многоголосье не вошло в практику Русской Церкви, а если даже и вошло, то не привилось — остается не выясненным в истории и до сего времени. Хорошо известно только то, что к началу XVII века на Руси в богослужебно-певческой практике уже повсеместно господствовал унисон и считался обычной традиционной формой исполнения богослужебно-певческого материала.

Однако и унисонное пение не закрепилось в церковной практике. Случилось так, что православная Русь изменила своей церковно-певческой традиции и с унисонного пения перешла на многоголосное. Начало в этом было положено Киевской Русью, которая уже задолго до XVII в., когда она вошла в состав Польского Королевства, ознакомилась сама с польским католическим многоголосным пением, а в начале XVII в. явилась и проводником его на Москву. По многим историческим свидетельствам этой эпохи видно, что Москва уже тяготела к многоголосному церковному пению. Царь и патриарх первые стали заводить у себя многоголосные хоры. По свидетельству современников, царь Михаил Федорович сам привез в Москву из «страны ляхов» много казаков-певцов, а у патриарха Никона был хор «паче органа бездушного и такового пения, якоже у Никона, ни у кого не было... Он наполнил клиросы певчими предивными со гласы преизбранными»...

В православной массе, привыкшей к церковному унисону, многоголосное пение насаждалось и прививалось не без борьбы. Со стороны народа по отношению к этому нововведению на первый план выступал вероисповедный критерий: православно или не православно новое пение? Уже одного факта, что это пение шло на Русь не с традиционного востока, а с латинского запада, было достаточно, чтобы считать его еретическим. Когда во времена Московского лихолетья в Кремле поляками был построен костел, в котором совершались католические богослужения с органом и хором, святейший патриарх Гермоген с болью в сердце говорил: «латинского пения слышать не могу». Слова патр. Гермогена были голосом всей древней Руси. Смущало русских в новом пении то, что «поют ни по гречески, ни по словенски, а согласием органным», т. е. поют не унисонно, а многоголосно. Среди духовных лиц и мирян появился целый ряд как сторонников, так и противников многоголосного церковно-певческого искусства. В литературе XVII века разгорелась настоящая полемика между ними. Но все же, как нам известно, «согласие органное» победило

унисонное пение. Русских певцов прельстило польское многоголосье не только новым своим способом исполнения на 3-4 голоса, но главным образом более свободным подходом к выражению религиозных настроений, чем в строгом знаменном распеве, иначе говоря, — своими мажорными и минорными ладами.

Первая пора увлечения новым чужим искусством у русских выражалась в том, что они, еще не умея объединять в одной форме свое и чужое, перенимали целиком, в полную собственность, польские католические «канты» и «псалмы» почти без изменения редакций их напева, гармонии и даже текста (напр., излюбленная православными польская канта: «Под Твою милость»), а иногда придавая специфически католическому тексту только более православный вид, — переносили их прямо на церковный клирос. Вскоре, после поры увлечения, стали русские проявлять и самостоятельные опыты в смысле приспособления к новому стилю произведений своего певческого искусства. Наиболее удобным материалом для таких опытов были мелодии тех кратких и позднейших напевов, которые особенно отступали от древнейших форм мелодического искусства — знаменного распева, так наз. «произвольные роспевы», о которых уже была речь выше.

Хотя многоголосное церковное пение никогда не воспрещалось в православной церкви и русские церковные власти ввели его в богослужбное употребление по согласию с восточными православными патриархами (1668 г.), но это польское «органное согласие» или «музыкальное искусство» (как оно в это время еще называлось) — не имело высокой музыкальной ценности и представляло из себя всего лишь плохое подражание итальянской музыке. Для невзыскательного русского уха, однако, эта новинка показалась целым открытием.

Наиболее ярким представителем этого «музыкального искусства» был некто Н. Дилецкий (род. 1630 г.), приглашенный из Польши в Москву царем Федором Алексеевичем, где он занял пост директора царской певческой капеллы. В Москве он перевел на русский язык написанную им в Вильне «Идею грамматики музыкальной» и издал ее в 1679 году, а также и другие подобные трактаты по музыкальному искусству и сделался, т. о., авторитетом в области церковного пения для всей православной России.

В своих трактатах Дилецкий излагает теорию музыки и дает наставления и указания к «творению духовных концертов» с «хроматизмами», с «восшествиями» и «нисшествиями» в стиле «польского искусства», при этом рекомендует не музыку писать

на богослужбные тексты, а под музыку тексты подгонять, часто ей не соответствующие.

Вскоре, в результате таких советов, появились и первые «концерты» уже чисто русского производства, представлявшие из себя наиболее уродливое детище польского влияния на русское православное церковное пение. Эти «концерты» быстро распространились и распевались в русских, главным образом, городских храмах. Над их составлением много напрасного труда положили первые русские композиторы из тогдашних певчих дьяков, как напр. Бавыкин, Титов, Сифов, Беляев, Калашников и др. Самые затейливые названия их шумных и вычурных композиций — «концертов», вроде «Херувимская — Волянка», «Милость мира — Скок», «Труба», «С выходками», «С переговоркою», «Веселого распева» и т. д. прекрасно говорят сами за себя. В одной только библиотеке рукописей бывшего Синодального училища хранилось свыше 500 подобных произведений этого польского направления.

Со времени царствования Петра Великого, который более всего заботился о привитии русскому народу нравов и обычаев по образцу Зап. Европы, церковное пение пошло еще дальше. В 1736 г., по приглашению двора, в Россию прибыл итальянский композитор Франческо Арайи для постановки оперных концертов во дворцовом театре. В этих оперных постановках самое деятельное участие принимали в качестве хористов — певцы придворного церковного хора. Быстро усвоив итальянский стиль, эти певцы вскоре стали распространителями итальянской музыки и в церковных богослужениях, чему немало способствовали итальянские композиторы, живущие в России (Арайи, Галуппи-Буранелло, Джузеппе Сарти и др.), писавшие специальные композиции-концерты для православного богослужения. Правда, итальянцы насаждали в церковном пении вполне разработанный стиль, но он еще больше, чем стиль польский, оказался чуждым православному церковному пению. Уже в начале второй половины XVIII века русские окрестили этот итальянский стиль в церковном пении как «бесвертошный, балалаечный, скомороший шум».

До какой степени итальянский стиль унизил церковное пение и развратил вкусы, говорит хотя бы то, что в церквях за богослужениями пели, например, басовую арию жреца из оперы Спонтини «Весталка» на слова «Тебе поем», а на музыку хора жриц из «Ифигении» Глюка пели «О, всепетая мати...» Одним словом, под влиянием итальянских духовных сочинений православные церковные клиросы обратились в концертные эстрады.

Из русских церковных композиторов, учившихся у итальянцев и действительно талантливых, нужно отметить ученика Сарти — прот. Турчанинова и ученика Галуппи — Бортнянского. Турчанинов написал много вдохновенных древних мелодий разных роспевов, которые почти все целиком вошли в богослужебно-певческий репертуар, как носящие молитвенный и церковный характер и исполняются в наших храмах и теперь. Бортнянский оставил богатое наследие свободных композиций-конcertов, а также и несколько свободных переложений древних напевов, из которых самый церковный характер носит на себе покаянный канон Андрея Критского. Что же касается его concertов, то они нашли у П. Чайковского такую оценку: «Бортнянский был человек не бездарный и знаток хора, но крайне бедный изобретением, однообразный до тошноты, манерный, пошловатый, а главное — до такой степени далекий от понимания настоящих потребностей нашей церковной музыки»...

В 1837 г. на пост директора придворной певческой капеллы и цензора духовно-музыкальных сочинений в России был назначен А. Ф. Львов. Будучи воспитанником немецкой классической музыки, Львов властно стал проводить гармонизацию всех церковных напевов на немецкий лад — с хроматизмами, диссонансами, модуляциями и проч. характерными особенностями немецкой музыки. При участии композиторов Ломакина, Воротникова и др. он издал «Полный круг богослужений простого нотного пения на 4 голоса» в тесной, специфически немецкой гармонии. Эти нотные издания Львова быстро распространились по России и в качестве «образцового придворного пения» способствовали тому, что в русских православных храмах вместо итальянской музыки зазвучала немецкая.

Преемник А. Ф. Львова, другой директор капеллы и цензор духовно-музыкальных сочинений (1861-1883 г.) — Н. И. Бахметев оказался еще более решительным. Переиздав «Полный круг богослужений» Львова, он еще резче подчеркнул все недостатки стиля своего предшественника, доведя их до крайности. Пользуясь прерогативами цензора духовно-музыкальной литературы, Бахметев не разрешал к печатанию и распространению такие сочинения, которые были не в его духе. Благодаря этому «Обиход нотного пения» Бахметева прочно укрепился на православных церковных клиросах и, с тех пор, по выражению одного музыканта, своды старинных наших храмов еще и до настоящего времени оглашаются его бездарными, тощими органически и музы-

кально-нелепыми безделушками, известными у нас под именем «придворного» и «обычного» напевов.

С таким печальным положением вещей в деле православного церковного пения, естественно, не могли мириться в первую очередь те, для кого западная церковная музыка является несовместимой с православной богослужебной архитектурой точно так, как несовместима старинная Рублевская икона Богоматери с Мадонной Рафаэля, или православный храм Новгородской и Византийской архитектуры несовместимы со строгим готическим стилем немецкой кирхи. И мы видим, как с 60-х годов прошлого столетия начинается серьезная реакция против существующего стиля в православном церковном пении. Начало этой реакции было положено кн. Одоевским и прот. Разумовским, к которым скоро присоединились: Потудов, Глинка, Римский-Корсаков, Чайковский и целый ряд других лиц. Направление, задачи и деятельность этой реакции сложились в определенную идею, которую можно выразить словами Чайковского, а именно: «возвратить православной церкви её собственность, насильно от нее отторгнутую, путем гармонизации древних напевов в строгом стиле».

На заре нашего века уже выходит целая плеяда музыкально образованных людей, как напр.: Кастальский, Чесноков, Яичников, Балакирев и целый ряд других, которые с энтузиазмом берутся за изучение и широкое использование мелодий древних православных распевов не только в качестве образцов для гармонизаций, но главным образом в качестве высшего критерия стиля, критерия, властно определяющего и мелодический материал и формы его многоголосного изложения. Однако, волею Провидения, эта в высшей степени важная и необходимая работа в самом же своем начале должна была приостановиться.

Итак, из приведенных здесь кратких и отрывочных исторических данных, все же можно установить тот факт, что православным церковным сознанием всегда велась упорная борьба в лице ее лучших, как духовных, так и светских, представителей за охрану и неповрежденность драгоценнейшего наследия Церкви, каким является православное церковное пение. Благодаря многовековому периоду развития православного церковного пения, в этом его развитии принимала участие Церковь разных эпох, а каждая из этих эпох имела свою силу и красоту и отразила их на нашем церковном пении. Православные церковные мелодии создавала Церковь Апостольская и Соборная, как по месту, так и по времени.

От подлинно православных церковных мелодий веет умиленным духом древней церковной жизни то благочестивого Константинополя, то подвижнического Египта и Фиваиды, то богобоязненной древней Руси.

Непосредственными авторами наших древних церковных песнопений были люди, не имевшие часто другой жизни, кроме молитвы и поста.

Мелодии наших древних песнопений — это результат молитвенных слез глубокого покаяния и умиления, результат слез небесного восторга всей Церкви.

В этом тайна глубокого действия подлинно православного церковного пения на всякую религиозную душу; в этом кроется и глубокий смысл борьбы церкви православной за сохранение веками накопленных церковных мелодий и строгого стиля в исполнении своих песнопений.

Судьбы России

Ален БЕЗАНСОН

РОССИЯ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Между советской Россией и ее прошлым существуют два рода отношений: нормального типа и исключительные. Что значит нормальные отношения? Некоторые связи между старым и новым не подлежат сомнению. Географическое пространство со всеми его особенностями, население, с учетом демографических пертурбаций — последствием революционных событий, даже социальные группы — остаются элементом постоянным и легко распознаваемым. Нельзя ликвидировать декретом крестьянство, рабочих, интеллигенцию. Остаются нормальными и исследования — научного типа — ведущиеся в поисках ответа на вопрос: что произошло? Какие элементы в ситуации России накануне революции сделали революцию вероятной, возможной? Историческая теория, созданная для ответа на эти вопросы, принадлежит к нормальному типу, если советская реальность рассматривается по обычным законам, как каждая другая.

Исключительным является использование истории для оценки — разного рода — советской реальности, привлечение прошлого в качестве свидетеля обвинения или защиты в процессе, в котором стороны не могут прийти к соглашению о фактах, о характере советского режима. Исключительно и многообразие взглядов на суть старого и нового режимов. Я дам краткое определение четырех типов интерпретации: советской, троцкистской, голлистской и славянофильской.

Мне кажется, что все эти взгляды интерпретируют неверно совершенно очевидный факт: исключительную комбинацию сходств и расхождений между старым и новым режимами, которая мешает достигнуть согласия в оценке советской реальности. Совершенно очевидно, что изучение советского режима в его связях с прошлым позволяет лучше понять его нынешнее состояние.

Официальная история СССР подчинена историософии. Дан исторический процесс — от начала и до конца времен, — в

котором русской истории определены место и смысл, заключающийся в пришествии «социализма» и поражении сил, ему противостоящих. Но эта официальная история значительно отличается от марксистской историософии, известной до революции. Плеханов сделал из русской истории вывод, что и для партии, и для всех лучше было бы не брать власти. Троцкий, не находясь больше у власти, мог дать допустимую, хотя и марксистскую, теорию русской революции. Будучи в высшей степени схематичным, он все же сохранял контакт с реальностью. В России действительно существовали социальные классы, слабое государство, партия большевиков и была проиграна война. Все это изменилось после прихода большевиков к власти.

Взяв власть от имени историософии и ею обосновав свою легитимность, большевики должны были историософию реализовать. Необходимо было, чтобы социализм на практике соответствовал потенциальному социализму, точный и общеизвестный образ которого имелся. Если этого соответствия не было, следовательно историософия ошибалась, а следовательно подрывалась легитимность, а затем и сама власть. Поскольку образ был канонизирован, а реальность жила своей независимой жизнью, следовало придать реальности иной образ, засыпая образовавшуюся пропасть. Большевики, как Демиург, рассчитывали переделать вещи, пристально всматриваясь в модель — социалистическую Идею, но поскольку вещи сопротивлялись, большевики переделывали представление об этих вещах.

История, следовательно, переписана. Рождается то, что К. Папаиоанну назвал «**метаистория**» и «**субистория**»¹. «**Метаистория**» — жизнь, становящаяся с каждым годом «лучше и веселее», как выразился Сталин в 1934 г. «**Субистория**» — это фашистско-троцкистские чудовища, выползающие ночью для совершения своих преступлений. Открытый перелом, возникающий между идеей и реальностью, разрывает псевдоисторический бинт, которым пытались рану прикрыть. Собственно история исчезает между **мета- и субисторией**.

Как выглядят в этих рамках отношения между настоящим и прошлым? Логически оправдание настоящего производится с помощью четырех маневров, которые могут производиться в различных комбинациях и дозировках: легенды старого режима, революции, контрреволюции, социализма.

Легенда старого режима долго удержаться не могла. В течение нескольких лет советская историография сохраняла инерцию революционной критики. Писалось об отсталой России, заставшей на месте, о тюрьме народов. Фикция «пустого места» позволяла отнести на счет нового режима весь экономический и культурный капитал, существовавший помимо него. Образ царской каторги оправдывал жестокость социалистических методов. Было трудно, однако, скрыть дореволюционные достижения России. Поскольку революция была пролетарской — понадобился пролетариат. Национализм восторгался достижениями русских и, во вторую очередь, славян. Следовало неумеренно превозносить русский вклад в мировую цивилизацию, до минимума ограничивая ее вклад в русскую культуру. Местные национальные герои, такие, как Шамиль, должны были уступить место неизвестным сторонникам «дружбы народов». Многочисленные историки, слишком долго остававшиеся верными черной легенде царизма, жестоко поплатились.

Легенда революции и захвата власти — самая увлекательная из историософских схем. Это — *historia salutis*, святая история. История большевистской партии — это учебник посвящения и положительной теологии члена партии. Именно поэтому на всей территории международного коммунистического движения изучают события, которые даже специалистам по этим вопросам кажутся незначительными: раскол в болгарской партии, споры среди армянских дашнаков, съезд корейской или филиппинской компартии. В секретной истории все становится точкой отсчета. История секретна — ибо архивы находятся под замком, а смысл событий меняется в зависимости от степени посвящения. Историки несут политическую ответственность и их рассказ kaleidosкопически изменяется в зависимости от поворотов «генеральной линии». Эта история снабжает партийных деятелей аргументами и ярлыками. Различные отклонения от «генеральной линии» квалифицируются как экономизм, в необходимых случаях приводятся ссылки на «священную историю», завизированную Лениным, хотя, по утверждениям специалистов, она не имеет никакого соответствия с известными историческими фактами.

Основная тема третьей легенды — легенды контрреволюции — заключается в представлении ее всегда наступательной и когерентной. Она выступает в форме заговора, который может называться по-разному: Антанта, Империализм, Фашизм, Буржуазный Национализм. Заговор этот может быть разоблачен лишь

¹ К. Papaioannou — *L'idéologie froide*, Paris, 1967, chapitre 5.

марксистско-ленинской теорией и разгромлен средствами революционной власти.

В четвертой легенде — легенда социализма — доминирует метаистория. В оглавлении классической «Истории ВКП(б)» содержание 1935-1937 гг. изложено так: «Дальнейший подъем промышленности и сельского хозяйства в СССР. Досрочное выполнение второй пятилетки. Значение кадров. Стахановское движение. Подъем народного благосостояния». Но недалеко и субистория: «Ликвидация остатков бухаринско-троцкистских шпионов, вредителей, изменников родины». И, в заключение: «Курс партии на развернутую внутрипартийную демократию».

Таким образом в советской историографии сознательно выстраиваются прошлое и настоящее. Но чтобы лучше понять эту историографию, необходимо иметь в виду, что управляется она двойной бессознательной проекцией. На прошлое проецируется то, что принадлежит сегодняшней реальности. Дореволюционный режим изображается тогда по образу сталинского режима. В то самое время, когда десятая часть населения сидела в лагерях, выходил исторический журнал «Каторга и ссылка», рассказывавший о десятке тысяч ссыльных и каторжников XIX в. Журнал прекратил свое существование после ареста всей редакции. В эту же эпоху специалист-пенитенциарист Гернет написал «Историю царской тюрьмы» в пяти томах. Другая проекция — изображение противника по своему образу и подобию. Имперское петербургское государство с его бюрократией и его полицией изображаются по образу партии, которая, кстати, представляла собой деформированного близнеца того государства, которое она хотела свергнуть. Троцкизм, международный сионистский заговор — двойники подлинных действий Коминтерна, проецированных на организации-фантомы.

Симметрично выталкиванию зла путем проецирования происходит введение добра. Новый режим присваивает все хорошее и общепризнанное, что было в старом режиме. Древние церкви, Пушкин и Толстой, балет и икра вырываются из исторического контекста и становятся созданием **русского народа**, который ныне представляет советская власть. Таким образом все хорошее записывается на счет нового режима и сохраняется в той степени, в какой это придает ему блеск. Восстановленная старинная изба — это русский народ. Изба с тараканами — это капитализм.

Следует отметить, что мировое общественное мнение с удовольствием участвует в этой игре. Француз, присутствовавший со мной на представлении в московском Большом театре, с удо-

вольствием глядя на спектакль, археологически точно восстанавливавший императорский балет с теми же костюмами и декорациями, не мог удержаться от выражений благодарности советской власти за чудесный вечер. Возвращаясь морозным вечером, по снегу, и глядя на пьяниц, он пожалел старую Россию: «Предстоит еще много сделать, но они прошли длинный путь».

Рассмотрим теперь интерпретацию противников советского режима. И начнем с левых.

С наибольшей полнотой точка зрения левых выражена в троцкизме. В 1930 г. Троцкий писал: «Октябрьская революция унаследовала от старой России кроме внутренних противоречий капитализма не менее глубокие противоречия между капитализмом в целом и докапиталистическими формами производства».² В переводе это должно означать, что Россия не обладала необходимой экономической базой для строительства социализма. Власть имущие пользуются своим положением для того, чтобы не страдать от нехватки продуктов. Они становятся привилегированными. Отрезанная политикой «социализма в одной стране» от мировой экономики, паразитическая бюрократия отнимает политическую власть у пролетариата. Так происходит «термидор» (после высылки Троцкого) и бонапартистский переворот со Сталиным в роли Бонапарта. Интернационалист, замороженный своей теорией перманентной революции, Троцкий равнодушен к русскому наследству. Он задерживается лишь на экономическом аспекте, на отсталости. Политические прецеденты он ищет в прошлом другой страны, в истории революционной Франции. В этом он — европеец. Но подлинный европеец обнаружил бы русские черты в режиме Сталина. Троцкий их не видит и в этом проявляются русские черты его характера.

Западные ученики Троцкого более внимательны. Виктор Серж писал в 1937 г.³: «В поражении социалистической революции значительную роль сыграло влияние старой России. Факторы, порожденные историей, продолжают действовать с удивительной силой. Преемственность политических мер ужасна». Он вспоминает Ивана и Петра, недоверие к иностранцам, сочетающееся с лихорадочным подражанием иностранному. «Старые тюрьмы выполняют старые функции. Суздальский и Соловецкий монастыри, куда отправляли еретиков, превратились в **изоляторы** для еретиков социали-

² L. Trotski — Préface à l'édition américaine de la Révolution permanente, 1930.

³ Victor Serge — Destin d'une révolution, Paris, 1937, p. 315 et ss.

стических». Дейчер, проведя, в троцкистском духе, параллель между французской и русской революциями, резюмирует: «Наполеон окружен блестящей атмосферой, пышными красками и элегантною Версая и Фонтенбло, в то время как фигура Сталина гармонирует с жестоким климатом Кремля»⁴.

Ни один троцкист не может, однако, пойти слишком далеко в этом направлении, ибо в принципе они согласны с тем, что в России произошла необратимая социалистическая революция. Ее руководители изменили Октябрьской революции, но они ее еще не ликвидировали. Революция обладает огромной способностью к сопротивлению, вытекающей из новых производственных отношений, силы пролетариата и т. д. Виктор Серж подчеркивает, что существуют «социалистическая экономика, план и психологические достижения (?)»⁵ По мнению Дейчера, Сталин великий революционер, подобный Кромвелю и Робеспьеру. Он понял **смысл** истории, в то время как Гитлер, несчастный, не понял. «Дело Сталина», которое «быть может следует очистить», сохраняет всю свою ценность и должно быть хранимо для будущего.⁷

Левые видят в советской России прежде всего социализм внациональный, принадлежащий всему человечеству. Русское прошлое — это балласт, гиря у ног. Это мертвец, хватающий живых. Но социалистическая суть сохранена. Прошлое преодолено. Оно может только **исказить** облик.

Тема левых — **искажение**. Тема правых — **маска**. Вместо социалистической реальности под одеждами — русская реальность, прикрытая социалистической одеждой.

«26 ноября мы приземлились в Баку. На аэродроме, выслушав приветствия представителей советских властей, я принял парад прекрасного подразделения — винтовки на руку, грудь вперед, они прошли печатая шаг. Не было сомнения — вечная русская армия». Легко узнается стиль генерала де Голля.⁸ О Сталине де Голль пишет: Один лицом к лицу с Россией, Сталин видит ее таинственной, более сильной и более прочной, чем все теории и все режимы. Он ее любит по-своему. И она приняла его как царя до истечения страшного времени и поддер-

⁴ I. Deutscher — Staline, Paris, 1961, Préface.

⁵ L. Trotsky — La Révolution trahie, Paris, 1936, p. 284.

⁶ Victor Serge, *ibid*, p. 322.

⁷ I. Deutscher, *ibid*, p. 589.

⁸ Mémoires de Guerre, t. III, p. 71.

живает большевизм, чтобы использовать его как орудие. Собрать славян, раздавить германцев, распространиться в Азии, получить доступ к свободным морям, такими были мечты родины, такими стали цели деспота»⁹.

Голлистская версия удивительным образом совпадает с версией троцкистской. И одна, и другая считают себя свободными от официальной мифологии. И одна, и другая отвергают часть реальности, считая ее поверхностной и временной. Есть «глубина», а в «глубине» есть Россия, социализм. Эмпирическая реальность — это то, что необходимо преодолеть для достижения сути, которая и принимается за подлинную реальность. Совершенно естественно, что обе политики, основанные на симметричных миражах, увенчались как нельзя более горькими неудачами. Но эти неудачи неспособны обогатить опыт, ибо догматизм заранее дает аргументы, объясняющие неудачи. Каждая неудача, рассматриваемая в связи с очередными достижениями русской нации или социализма, признается **случайностью**.

Более тонки взгляды русской эмиграции, продолжающей традиции славянофильства. Типичен здесь Бердяев. Россия, говорит он, была всегда апокалиптической и мессианской. Она никогда ни в какой форме не принимала ни права, ни частной собственности, ни гуманистического индивидуализма, ни буржуазии. Пролетариат в марксистском мифе это возрожденный в новой форме миф русского народа. Ленин, считая крестьян революционным классом и естественным союзником пролетариата, воплотил это возрождение. Парадокс русской судьбы заключается в том, что «либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 г., и наиболее верным некоторым исконным русским традициям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования».¹⁰

Бердяев писал далее: «Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к

⁹ *ibid*, p. 74.

¹⁰ Николай Бердяев — Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, стр. 93.

славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского: «ex Oriente Lux».¹¹

Здесь мы снова обнаруживаем близость идеи славянофильской и революционной. Они разнятся лишь знаком. «Миссия русского народа, — пишет Бердяев, — сознается, как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире».¹² Большевистское государство осуществляет это недостойными средствами. Но оно сохраняет идею русской нации и само существование Святой Руси, а поэтому большевизм, оставаясь демоничным, превосходит своей сутью пошлый буржуазный Запад. Советская власть «это единственная власть, выполняющая хоть как-нибудь Защиту России от грозящих ей опасностей».¹³ Бердяев целиком присоединяется к практической позиции, занимаемой в это время Троцким: необходимо любой ценой защищать советскую Россию, как хранилище России, или как крепость пролетариата. Славянофильский апокалипсис становится неотличимым от большевистского катастрофизма.

Этот краткий обзор основных исторических взглядов не приблизил нас ни на шаг к нашей теме, неверное освещение которой сводится к одному: Советский Союз явно и неизбежно вызывает в памяти историю дореволюционной России. Две обычные и наивные реакции формулируются так: «Всегда то же самое», «Точно так же было и раньше».

Раскроем Кюстина:¹⁴ «Русские охотно делают святых из своих героев. Они с удовольствием смешивают ужасные добродетели своих господ с благотворным могуществом своих святых и стараются прикрыть верой жестокость истории». Или, в менее возвышенном жанре: «Нам присуща слабость болтовни, их силу составляет секрет: в этом прежде всего их ловкость». «Вам ни в чем не отказывают, но вас всюду сопровождают: вежливость становится здесь средством слежки». «Только в России существует профессия: мистификатор иностранцев». И так далее.

Можно заполнить целые страницы подобными цитатами. В одних излагаются основы деспотизма, в других детали русской

обыденной жизни: полицейская слежка, административный балаган, проникающий всюду запах кислой капусты. Составленные из Кюстина антологии укрепили иллюзию правых от Ш. Моррасса до Де Голля: ничего не изменилось.

Но это еще одна иллюзия. Книга Кюстина не была исследованием: она — пророческий кошмар. Его описания пристрастны. Он не видел того, что избегло сферы правительственного деспотизма, что начинало реагировать против него в форме русской культуры. Он плохо измерил и границы самого деспотизма, бывшие вполне реальными в царской России, христианской стране, заимствовавшей модели на Западе. Описания Кюстина пристрастны и потому, что преувеличены. К тому же они быстро устарели. Кюстин познакомился с русским государством. Интуитивно он почувствовал русского революционера, человека без корней, невежду, фанатика, готовящего новый деспотизм. Но, быть может под влиянием католической мысли де Местра и поляков, он даже не заподозрил существования третьей силы, ценности и силы русского либерализма в западных формах — кадетов, социал-демократов. В 1914 г. Россия почти совсем не походила на «Россию в 1839 г.» Анатолий Леруа-Болье, Уоллес, описавшие земство, полу-парламентаризм, народное просвещение, печать, даже не вспоминали Кюстина. В это время он был всего лишь курьезом.

А потом выяснилось, как верно отметил Джордж Кеннан,¹⁵ что «если мы даже согласимся, что «Россия в 1839 г.» не очень хорошая книга о России в 1839 г., мы окажемся перед тревожным фактом, что это великолепная книга, несомненно самая лучшая из книг о России Иосифа Сталина и совсем неплохая книга о России Брежнева и Косыгина». Как же случилось, что фальшивая книга о 1839 году оказалась правдивой в 1939 году? На этот вопрос можно ответить так: история России вышла из гроба, но обезображенная длительным там пребыванием. Советский режим вызвал возрождение всего архаичного в русской истории, всего того, что Кюстин описал, но что накануне революции постепенно исчезало.

Не вся история возродилась таким образом. Но важнейшие ее классические периоды находят кажущееся соответствие в истории современной.

В советском ритуализме нетрудно было обнаружить сходство с церемониальной книгой священного дворца. Византийский

¹¹ *ibid*, стр. 116.

¹² *ibid*, стр. 120.

¹³ *ibid*, стр. 120.

¹⁴ *La Russie en 1839*, *passim*.

¹⁵ G. Kennan — *The Marquis de Custine and his Russia in 1839*. Princeton, 1971, p. 124.

монизм, совмещающий власть духовную и власть земную, нашел своеобразный эквивалент в правлении диктатора-теоретика. Монголы дали прецеденты жестокости «азиатскому деспотизму» Ленина и его наследников. Москва Ивана III предоставила в идеологии третьего Рима первый набросок советского мессианства. Иван Грозный дал модель кровавых чисток, бессмысленных, уничтожающих классы, дробящих общество, разоряющих страну. Петр Великий — это эскиз авторитарной модернизации, приобщения к Западу «восточными» средствами, подмены рыночного механизма государственным принуждением, использования архаичных средств в военном деле. Хитрая петербургская дипломатия, империализм, притворяющийся славянской солидарностью, коррупция зарубежной печати, вытягивание денег у союзников, рассылка во все стороны шпионов и пропагандистов — все это, казалось бы, продолжается без всякого перерыва.

Будем, однако, и здесь осторожны. Спросим: не искажены ли эти мнимые прецеденты ретроспективной проекцией советского мира в прошлое? Именно таким образом совершают несправедливость по отношению к Византии, которая никогда не знала советской степени совмещения духовного и земного, где, к тому же, духовное существовало. Обижают монголов, высоко ценивших справедливость и честь. В XVI в. Иван Пересветов писал, что если бы к христианской вере России могло присоединиться татарское правосудие, ангелы могли бы жить в этой стране.¹⁶ Совершают несправедливость по отношению к петербургскому государству, которое было способно к реформам, которое способствовало значительному развитию культуры, богатства, свободы. К тому же сходство одной эпохи с другой не означает передачи каких-то качеств, если это не доказано со всей убедительностью. Необходимо употреблять понятие прецедента с большой осторожностью.

Мы можем сделать в этом месте два замечания. Предполагив, что перед нами феномены одного и того же типа, мы обнаруживаем между ними огромное различие в интенсивности. Нет общей мерки для строительства Петербурга и сталинскихстроек, как ее нет для Петропавловской крепости и архипелага ГУЛАГ. Если история повторяется, то следует перевернуть формулу Маркса: последующая трагедия позволяет рассматривать прототип как благожелательный фарс.

¹⁶ A. V. Soloviev — Holy Russia, S. Gravenage, 1959, p. 24.

Отметим далее, что все феномены, проявляющиеся в этой жестокой и преувеличенной форме, принадлежат к сфере государства и власти. В то же время все то, что составляет живую ткань общества, его обычаи, стиль, повседневная жизнь, существует в совершенно иной форме.

Русская национальная жизнь выжила, но либо в разрушенной, либо в ослабленной и стерилизованной форме. Россия сохраняет последнее в Европе традиционное крестьянство, но это крестьянство обнищавшее, не имеющее права покинуть свои разваливающиеся избы, находящееся в крепостной зависимости без помещиков, живущее коллективной жизнью без мира, в деревнях без праздников и церквей. Россия сохраняет последний пролетариат, описания которого мы встречаем у Золя или Горького, пьяный и неумелый. Как говорит рабочий у Василия Гроссмана: «Рабочий без права бастовать, разве это рабочий, я вас спрашиваю?»¹⁷

Источники иссякли и советская Россия превратилась в музей мертвых форм. Все, что не умерло, помещено в некрополь, в заповедник, в котором бесконечно переиздают все тот же слегка чеховидный роман, в котором не перестают играть Чайковского и размножают копии националистической и социалистической живописи 80-х годов прошлого века. Это касается и нравов. Это касается и того, что осталось от политической жизни в обществе. На схеме оппозиции, нарисованной Амальриком, сохранились все формы русской общественной мысли XIX в.: славянофильство, западничество, либерализм, социализм. Сегодня, как и тогда, герой национальной жизни воплощен в Писателе, религиозная жизнь разделена между ритуализмом закабаленной церкви и болезненным мистицизмом многочисленных сект.

Поверхностный взгляд не обнаружит различия между этими двумя видами существования старинной России — красочное возвращение всех исторических форм Власти и мумифицированное, хрупкое существование всего остального. Поскольку все выглядит так, как если бы все оставалось на своем месте, верной представляется точка зрения правых, и именно она принята западными дипломатами, балующимися историческими занятиями.

На самом деле представление о том, что в России все сохранилось, как было — тончайшая из иллюзий. Большевиком не является простым воскрешением разрушенного, ни простой оста-

¹⁷ В. Гроссман — Все течет...

новкой истории, он — псевдоморфоз, точнее — извращенное подражание, *perversa imitatio*. И это я хочу продемонстрировать.

Констатируем сначала, что при поверхностном взгляде ленинский режим может показаться синтезом трех основных течений, рожденных в царствование Николая I и питавших последующую политическую жизнь России. Ленинизм принял наследство западников: стремление к просвещению, к образованию, к разуму, к организации. Западные левые узнают себя еще в ленинском сциентизме, в придавании этических ценностей революционным действиям. Одновременно он принял и значительную часть славянофильского наследия: идею коллективизма, идею мессианства, презрение к гнилому Западу, компенсирующий национализм. Он унаследовал, наконец, официальный национализм, т. е. доктрину петербургского государства. Партия, если использовать выражение Герцена, расположилась в России, как армия в оккупированной стране. Сегодня, после построения «социализма», она претендует, как и дореволюционное русское государство, на **внеклассовость**, объявляет себя «над классами». Большевики присвоили себе казалось бы всю русскую историю. Именно поэтому они пользовались доброжелательностью всех партий, которые были ликвидированы после революции. Дело было не только в национализме; всем этим партиям, от Брусилова до Мартова, казалось, что выполняется их программа. Но наследник откачивается от наследства. Снаружи синтез представляется осуществленным, изнутри — он отвергается.

Ленинизм — учение марксистское — ни в коем случае не может признать даже малейшего родства со славянофильством. Он выбрасывает из западничества его либеральный элемент, что, кстати, влечет за собой очистку марксизма от наличного в нем либерализма. Он выворачивает триаду официального национализма: демократия занимает место самодержавия, атеизм — православия, интернационализм — народности. Конечно, он принимает государственные функции. Сталин отмечал, что советское государство значительно сильнее государства «буржуазного», т. е. царского. Но новое государство объявило себя демократическим по принципам, коммунистическим по цели: абсолютная свобода в условиях абсолютного изобилия.

Откуда же идет это отрицание наследства? Из свойственной ленинизму комбинации утопии, которая считает себя соответствующей сциентистскому порядку, установленному в Истории, и политики, которая должна ее осуществить. Ленинская идея заключается в том, что достаточно отбросить несколько полити-

ческих препятствий, чтобы история спонтанно и наконец-то свободно могла пойти по пути, который наметила для нее теория. В этом смысле ленинизм представляет собой **временно отложенный либерализм**, ибо достаточно поставить на свое место необходимые элементы, чтобы победил *laissez faire, laissez passer*, который подтвердит теорию. Вряд ли была когда-нибудь другая диктатура, которая так искренне считала себя временной, как диктатура большевиков в 1917 г.

К сожалению, как известно, утопия не реализовалась сама собой после того, как утописты пришли к власти. Наоборот, единственная «спонтанность», которую проявила первичная историческая материя, было сопротивление всеми силами, упорное нежелание пойти в ту сторону, в которую предполагали ее направить. В этот момент идеологические диктатуры обычно теряли власть. Первыми в истории большевики ее сохранили. Отсюда все дальнейшее.

Не имея возможности воздействовать на реальность, они сохранили возможность воздействовать на представление об этой реальности. Таким образом произошло вступление в мир фальсификации, в том числе — это нас и интересует — в мир исторической фальсификации. И немедленно история была уничтожена суб- и метаисторией. Частью более общего процесса было разращение языка. Язык, используемый обычно для передачи правды, во всяком случае как средство общения, используется теперь как инструмент власти, т. е. в магических целях. Сталин дал глубокое определение писателя, назвав его «инженером человеческих душ». Это не была ни софистика, ни молебен. Ибо молебен (и софистика) признает себя молебном. Ни Ленин, ни Сталин не потерпели бы, чтобы их захватили врасплох в момент молебна. Напрашивающееся сравнение (к нему всегда прибегают русские) — безумие.

Сумасшедший — это тот, кто под угрозой внутренних сил, которые им воспринимаются как внешние, авторитарно ремоделирует свои восприятия. Ремоделируя свои восприятия, он ремоделирует себя; осуществляя над собой диктатуру, он застывает в форме, неспособной к эволюции.

Ремоделирование реальности, без представления о том, что из себя представляет реальность, и потеря таким образом контакта с реальностью, вот то общее, что объединяет сумасшедшего и идеологию у власти.

Конечно, между психическим и идеологическим бредом имеются различия в природе, этиологии, симптомах, а главное в

следующем: психический больной не может авторитарно зайти слишком далеко в ремоделировании воображаемой и личной реальности. Как только он становится опасным для себя и для других, его — по закону — изолируют. Большевизм обладает могучим инструментом воздействия на реальность — современным государством. Что он с его помощью делает?

Прежде всего сохраняет бешеный бег идеологии. Идеологию можно рассматривать, в некоторых отношениях, как замок, прочно блокирующий возвращение к реальности, мешающий, можно бы сказать, **проснуться**. Идеологический язык, осуществляя немедленную интерпретацию всего того, что может произойти, уменьшает давление реальности, удерживает на расстоянии ее отражение, сохраняет место сна в реальности, постоянно легитимизирует действия государства. Навязывая идеологию, государство сохраняет защитную функцию безумия. В то же самое время государство стремится включить в сферу своей власти весь комплекс общественной реальности. Государство сокрушает сопротивление реальности, которую оно наполовину психопатически воспринимает как заговор белогвардейцев, троцкистов, сионистов, империалистов и т. д., давая политическое решение неразрешимым проблемам. Это поглощение всей социальной и культурной жизни политикой Сталин резюмировал в 1934 г. тацитовской формулой: «И доказывать нечего, да, пожалуй — и бить некого».¹⁸

Государство бредит, излагая свои цели, но оно рационально в средствах и способах, используемых для сохранения и расширения своей власти. Расширение государственной власти — функция пустоты и ирреальности ее программы. Поглощение общества становится таким образом суррогатом в связи с невозможностью осуществления утопии. В никогда не виданных ранее масштабах государство заменяет общество, которое не способно осуществить то, чего от него хотят. Здесь, мне кажется, находится ключ к историческому парадоксу, который объединяет СССР и дореволюционную Российскую империю и разделяет их.

Общество покалечено. Сведенное до минимума экспансией государственной сферы, одурманенное идеологическим карцером, обескровленное периодической резней, организуемой партией в периоды параноидальных кризисов, оно неспособно создать иное искусство, кроме протестующего, неспособно создать оригинальную экономику и достойный жизненный стиль. Поэтому мне ка-

жется двусмысленным определение советского общества как общества индустриального. Не потому, что нет индустрии, а потому, что нет общества, т. е. коллектива людей, связанных организованными отношениями и взаимными услугами. Все это взяло на себя государство. Общество сведено до состояния тени в Гадесе. Оно лишь силуэтом напоминает дореволюционное общество, но лишено цвета крови и тепла жизни. В лучшем случае оно находится в состоянии гибернации. За одним исключением: все то, что служило резервуаром государственной мощи — армия, национализм, военная технология, развивается, как раковая опухоль.

Каково будущее Государства? Навязав фикцию, которую реальность обнажает как утопию, государство стремится эту утопию осуществить. При этом оно имеет (после уничтожения внутренней спонтанности) лишь одну конкретную модель — Запад. Потому государственной программой становится: догнать и перегнать. Но сделать это оказывается невозможным. Чем больше советская Россия внешне имитирует Запад, тем меньше она похожа на него внутренне. Государство не может возместить инерцию русского общества, стремясь имитировать спонтанное развитие западного общества. К тому же оно его имитирует не потому, что хочет быть на него похожим, а потому, что хочет осуществить утопию и быть одновременно Западом и его противоположностью. В этом смысле СССР может быть лишь сфабрикованным и ирреальным двойником Запада, его Големом.

По своей форме советское государство не имеет иностранного образца. Ни одно государство, ни западное, ни восточное, никогда такой формы не имело, никогда такой функции не выполняло. В русской истории можно найти богатый набор различных форм абсолютной власти. Византийский ритуализм, монгольская жестокость, мессианизм XVI в., петровский волюнтаризм, петербургский империализм — все это рецепты и формы, готовые к немедленному использованию. В России не было исторической последовательности, переходов, традиций. Был каталог пустых и отживших форм, ожидающих лишь того, чтобы их использовали, хотя бы и в иных целях. Почему новое государство ухватилось за них?

Прежде всего они дали ему дополнительную, кроме идеологической, легитимность. Новое государство изображает себя наследником старого. По мере своего развития оно реабилитирует великих деспотов прошлого: Петра Первого со времен Ленина, Ивана Грозного при Сталине. С некоторого времени оно позволяет реставрировать некоторые церкви и восторгаться иконами,

¹⁸ И. Сталин — Сочинения, т. XIII, стр. 347.

в той степени, в какой часть православного ладана всегда воспарила к темному лику русского государства.

Во-вторых, эти формы были уже приспособлены к осуществлению абсолютной власти. Конечно, ни одно прежнее русское государство не имело ирреальных и неограниченных притязаний. Ирреальность — сфера нового государства. Поэтому оно деформирует до карикатуры прежние формы. Именно потому, что оно их карикатурирует, Кюстин оказался реалистическим портретистом с опозданием на один век.

Тем не менее, остается фактом, что принуждение и подмена общества государством составляет историческую оригинальность России. Стоит подвергнуть здесь анализу точность концепции **псевдоморфоза**, сформулированной Шпенглером по поводу именно дореволюционной России.

«Я называю историческим псевдоморфозом случай, когда чужая старая культура расцветает не на своей почве с такой силой, что препятствует молодой культуре дышать, и та не может не только развивать чистую собственную форму выражения, но и не может достичь полного развития собственного самосознания».¹⁹ Относится ли это к русскому случаю? Ответ сложнее простого «да» или «нет». Не было спонтанного развития в заимствованных формах. Государство изготовляло поочередно формы — по образу Византии, степной империи, монархий центральной Европы, — в которые государство же вливало пассивную и молчаливую человеческую массу. Авторитарный способ имитации делает из русского псевдоморфоза особый вид — **извращенное подражание**. Это Византия — без высокого христианства, монгольская империя без права и чести, западная монархия без собственности и свободы. Имитация была постоянно отравлена завистью и ненавистью и, как писал Шпенглер, «вместо взлета вверх жизненных независимых сил, только соки ненависти к далеким силам питают гигантские ветви».²⁰

Но советское государство, имитируя Запад в отчаянной попытке дать тело утопии, доводит свое отвращение к образцу до такой степени, что его уже нельзя узнать. В этом оно превращается в революцию абсолютную, которая не остановится, пока не уничтожит свою модель. С другой стороны, карикатурно имитируя исторические формы русского деспотизма, советское государство осуждено в лучшем случае быть псевдоморфозом псев-

доморфоза. И в этом отношении оно является абсолютным консерватизмом.

Таким образом мы имеем дело со странным государством, одновременно всемогущим и не имеющим собственной сути, которое, в еще большей степени, чем во времена Карла Маркса, «даже после осуществления планов мирового масштаба, продолжает рассматриваться как дело веры, а не факта».²¹ Коммунистическая утопия ответственна за это положение. Ошибка Де Голля — придавать видимым формам государства достоинство и ограничения, присущие дореволюционному режиму. Ошибка славянофилов в том, что они убеждены в жизненности старинных социальных и культурных ценностей, жизненность эту потерявших. Если ход моих рассуждений верен, то именно тогда, когда СССР больше всего походит на Россию и, казалось бы, надевает облик вечности, тогда он наиболее революционен и тогда следует его трактовать как коммунистическую державу.

Пост-скрипtum

1) Ход моих рассуждений основан на том, что я различаю два типа сохранения прошлого, которые в других теориях отождествляются. Я делаю различие между формами власти, воспринятыми и развитыми новым государством с целью осуществления утопии (идеологической), и формами гражданского общества, продолжающими существовать в искаленном и стерилизованном виде. Подтверждается ли эта теория, если ее применить к другим государствам, кроме русского? На первый взгляд — да. Пруссачество в ГДР, имперский церемониал в Китае находятся как-будто в том же самом отношении к коммунистическому режиму, как и царский режим в России.

2) Токвиль отметил, что революция завершила государственную эволюцию старого режима. В префекте он видел очевидного наследника интенданта. Но вряд ли он мог обнаружить прямую связь между интендантом и Карьером, который топил подвластных ему граждан, или Фуше, который их расстреливал. Для того, чтобы связь не прерывалась, необходим отказ от утопических целей. Только реставрация (наполеоновская или монархическая) позволяет восстановить историческую преемственность, включить в нее революцию. Но до сих пор ни одна большевистская революция не закончилась реставрацией.

перевод с французского

¹⁹ O. Spengler — Le déclin de l'Occident, Paris, 1948, t. II, p. 173.

²⁰ *ibid.*

²¹ Karl Marx — La Russie et l'Europe, Paris, 1954, p. 207.

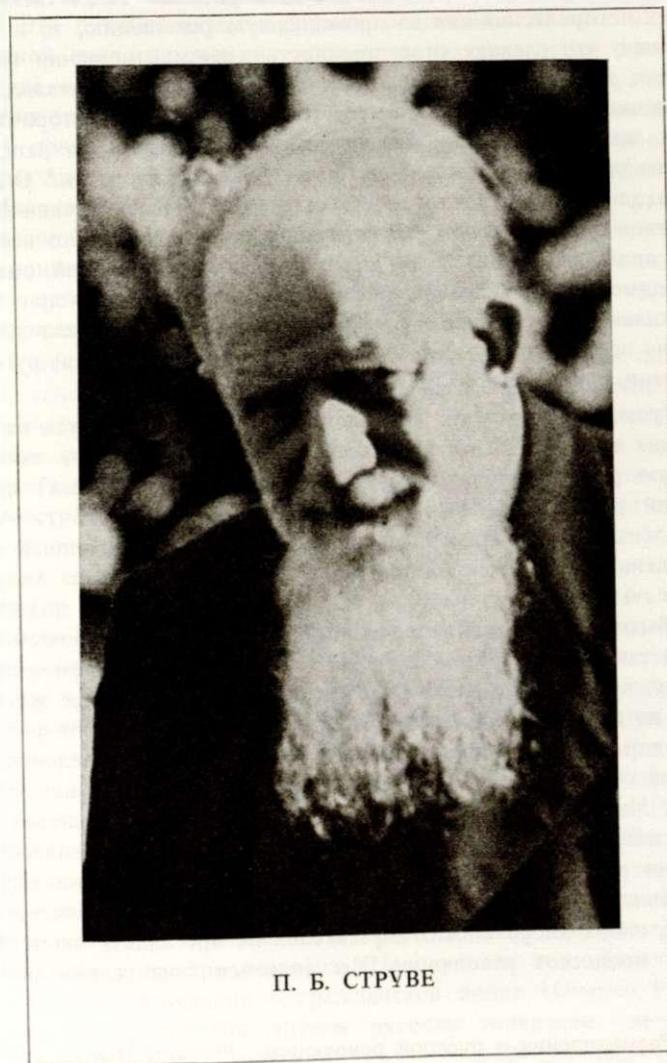
П. Б. СТРУВЕ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

Большевизм нездоров — и как народная дикость, и как интеллигентская этикетка. Но и в том и в другом своем качестве он глубоко национален, он подготовлен всем историческим развитием народа и интеллигенции. Это — глубокая и в известной мере органическая болезнь, от которой нельзя излечиться одними лишь хирургическими средствами.¹

Всю свою жизнь Струве интересовался русской революцией в широком значении этого слова. В молодости он был озабочен тем, как её избежать, в среднем возрасте — каким способом ввести ее в созидательное русло, в пожилом возрасте — как её преодолеть. Не следует поэтому удивляться тому, что он был активно захвачен русской политикой в продолжение и после 1917 года, а также постоянно задумывался над причинами и значением крушения России. Летом 1918 г., когда он в Москве прятался от ЧЕКА, он нашел время для редактирования сборника ИЗ ГЛУБИНЫ, в задачу которого входил анализ Революции и где он поместил свою длинную статью. В ноябре 1919 г., во время последнего и гибельного наступления Деникинской армии на Москву, он в Ростове-на-Дону прочел лекцию на ту же тему. Наконец, в продолжение своего 25-летнего беженского пребывания в Западной Европе, он снова и снова возвращался к этой теме в целом ряде статей, часто полемического характера. Взгляды его по этому вопросу, как впрочем почти по всем другим, не были систематическими и не всегда последовательными. Струве всегда стремился рассматривать вопросы с разных точек зрения (в качестве «социолога», «историка», «политического деятеля» и т. п.), придавая значение то одной, то другой. По временам, увлеченный полемической страстью, он выражал прямо противоположные мнения.

* Это исследование является отрывком из готовящейся биографии П. Б. Струве, *Правый либерал, 1905-1944*. Первый том, *Струве, Левый либерал, 1870-1905*, был опубликован в 1970 г. издательством Harvard University Press.

¹ «В чём возрождение России.» *Северная жизнь*, Хельсинки, № 1, 3 января 1919 г.

П. Б. СТРУВЕ

Так например, он виновниками революции 1917 г. считал то германских «режиссеров»,² то исключительно русскую интеллигенцию. «Если позволительно вообще говорить об ответственности разных исторических сил за происшедшую революцию, то я всегда думал, что главная ответственность в этом отношении падает все-таки на русскую интеллигенцию».³ Обычно он заявлял, что революционная склонность имеет глубокие русские исторические корни, но иногда считал, что ее истоки надо искать на Западе и что она совершенно лишена русских почвенных истоков.⁴ Однажды он даже дошел до того, что стал превозносить «техническое качество» императорской бюрократии и полиции.⁵ Однако всё это было лишь уклонами и они не отражали его основной оценки, проводимой им с большой последовательностью в течение всей его жизни и сводившейся к тому, что революция была подготовлена всей русской историей и, в частности, политикой русской монархии, начиная с 1730 года.

Русские толкователи революции 1917 г. распадаются на две широких школы. Писатели левых политических взглядов считают русскую революцию повторением (с малыми вариантами) французской революции. По их взглядам Россия до 1917 г. имела феодальный строй, давно отживший и давно подточенный возникновением новых экономических и общественных сил. Анархия 1917 г. и большевистская диктатура были аналогичны подобным же событиям во Франции после 1789 г. Они были обречены окончиться таким же образом, приведя к своего рода синтетическому режиму, который, отбросив революционные эксцессы, всё же узаконил ее позитивные достижения, как например народное участие в государственном управлении и массовое перераспределение земельной собственности. Этой точки зрения держался Павел Николаевич Милуков, ставший в 20-х годах ведущим глашатаем социалистических и лево-либеральных кругов русской эмиграции. В серии лекций в США в 1921 году Милуков сурово осудил большевистскую разруху в России, одновременно предостерегая, однако, своих американских слушателей не проглядеть «конструктивных процессов революции. Мы являемся свидетелями рожде-

ния русской демократии среди осколков прошлого... Я уверен, что предстоящее развитие завтрашней России не обманет ожиданий, которые наша Великая Революция возбудила в этой стране».⁶ Эта оптимистическая оценка, основанная больше на исторической аналогии, чем на подлинных фактах, стала очень популярна в не меньшей мере из-за того, что это оправдывало русских эмигрантов, столь склонных заниматься своей личной судьбой и предоставлявших судьбу своей страны неизбежным историческим процессам. Оппозиция почти всей левой эмиграции Белому Движению была основана на вере — подлинной или рационализованной — в то, что победа белых разрушит добрые плоды революции наравне со злыми. Если представить революции свободно идти своим путем, то возбужденные революцией здоровые демократические силы в конечном счете восторжествуют.

Русские консерваторы, со своей стороны, отвергали ложную, с их точки зрения, аналогию с французской революцией или историческими событиями, пережитыми другими странами. Они считали русскую революцию безусловной катастрофой, полным развалом организованной жизни страны, главным образом по вине иностранных держав (в частности Германии) или из-за измены этнических меньшинств (евреев, латышей, украинцев и т. п.). По их мнению единственной близкой аналогией того, что случилось в России в 1917 г. и в последующие годы, можно считать эпоху Смутного Времени. Подобно этой эпохе начала 17-го века, неожиданное исчезновение монархической власти привело к политическому кризису, породившему социальные конфликты, которые, как они надеялись, в свою очередь вызовут национальную реакцию — схема, схожая с толкованием историка Сергея Платонова в его известном исследовании Смутного Времени. Теперь, как и тогда, иностранные державы, в стремлении расчленив Россию, возбуждали и поддерживали анархические силы; в 1600-х годах это были поляки, теперь — германцы. Ныне, как и тогда, порядок может быть восстановлен лишь патриотическими вождями и их призывами к национальному восстанию против иностранных захватчиков и их приспешников. Не случайно ген. Деникин назвал свои воспоминания о гражданской войне «Очерки Русской Смуты», т. к. подобно другим русским генералам, он считал себя новым князем Пожарским, главой национального восстания, которое в 1613 г. изгнало поляков и Лжедмитрия. Аналогия с

² «Размышления о русской революции». *Русская Мысль*, январь-февраль, 1921, стр. 23.

³ «Дневник политика», *Россия*, № 31, 24 марта 1928 г. стр. 1.

⁴ «Россия», *Русская Мысль*, март, 1922 г. стр. 114-115.

⁵ «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», *Из Глубины*, Париж, 1967, стр. 291.

⁶ Paul N. Miliukov, *Russia, to-day and to-morrow*, New York, 1922.

эпохой Смутного Времени преобладала в трудах всех, кто участвовал или помогал Белому Движению.

Из этих двух толкований Струве несомненно предпочитал второе. Он в общем был согласен с мыслью об аналогии с эпохой Смутного Времени и решительно отвергал аналогию с Французской революцией. Однако можно считать, что он лишь в очень ограниченной степени был согласен с преобладавшим консервативным толкованием с его склонностью к конспирации и теории исторической случайности, указывая на слишком большую разницу между поведением русского народа в 1613 г. и в 1917 г. и отвергая эту историческую аналогию.

Что касается параллели между 1917 и 1789 годами, он считал ее явно ошибочной. Русская и французская революция были по существу совершенно разными явлениями, происшедшими в совершенно различных обществах.⁷ Франция эпохи Бурбонов отличалась тремя признаками: 1) партикуляризм (раздробленность) правопорядка и администрации, препятствовавший национальному и культурному единству, 2) связанность торговли и промышленности, и 3) «крайнее развитие сословных привилегий и, в частности, податное неравенство сословий». Ничего этого не существовало в России до 1917 г. При старом режиме Россия всегда отличалась высшей степенью административной и юридической монолитности. Свобода торговли и промышленности существовала с 18-го века, даже до Французской революции. Что касается сословных налоговых привилегий, они были упразднены еще до 1917 г. Струве выводит заключение: «Большая часть задач Французской революции была в России осуществлена так называемым старым порядком».⁸ России не нужен был революционный мятеж для завоевания благ «исторической миссии» Французской революции. Другая разница заключалась в том, что во Франции 18-го века не существовало значительного интеллектуального движения, кроме того, которое победило в 1789 г. (т. е. философский радикализм), в то время как в дореволюционной России существовали сильные течения мысли, выраженные Пушкиным, Гоголем, славянофилами, Достоевским, Розановым, К. Леонтьевым, В. Соловьевым, резко отличавшиеся от революционного духа, восторжествовавшего в 1917 г.⁹ Короче говоря, аналогия с Францией совершенно ошибочна.

⁷ «Россия», стр. 110-112.

⁸ «Ошибки и софизмы 'исторического' взгляда на революцию. По поводу статьи К. И. Зайцева.» *Русская Мысль*, март 1922, стр. 159.

⁹ «Россия», стр. 114.

Позже Струве протестовал против модного в эмигрантских кругах взгляда на революцию как на «коммунистический Термидор» и сравнивавшего Сталина с «советским Бонапартом». Во многих случаях он обращал внимание на сходство 1917 г. со Смутным Временем,¹⁰ однако не столько для проникновения в смысл этой параллели, сколько с целью призыва своих соотечественников к следованию примеру героев 1613 года.

В конце концов Струве верил в то, что русская революция была явлением *sui generis*, вне всякой параллели с историческими событиями в истории России или в других странах, разве что с гибелью Священной Римской Империи. В 1935 г., даже до того как полная мера революционных последствий еще не была обнаружена, он писал: «Мы пережили несравненные ни с чем испытания и катастрофы, мы находимся в совершенно несравнимых ни с чем положениях».¹¹ Единственным свойством русской революции была его особая, интегральная разрушительность; в этом историческом событии он не видел ничего творческого. «Вообще созидательных потенций нет и не видно в русской революции», «это государственное самоубийство государственного народа», «наверное, самое истребительное событие в мировой истории».¹² В противоречии с Милоковым и со всей политической левой, Струве не видел никакой возможности эволюции. Русская революция неспособна эволюционировать. Она может быть лишь преодолена. По этой причине Струве иногда задавал себе вопрос, можно ли к такому землетрясению применять название «революция». Однажды он назвал её исторической противоположностью процессу, известному в биологии под именем «регрессивная метаморфоза».

Как оказалась возможной такая совершенно нигилистическая революция? И почему она произошла именно в России? Обычно считают, что необузданный характер русской революции объясняется низким культурным уровнем населения, огрубевшего из-за столетий рабства и — как это саркастически выразил Троцкий — от того, что правители России не сумели научить народ хорошим манерам. Это толкование не удовлетворяло Струве. Он не отри-

¹⁰ Например, «Размышления о русской революции», стр. 23-27, и рецензия на книгу С. Ф. Платонова *Борис Годунов* в *Русской Мысли* апрель, 1922, стр. 216-218.

¹¹ «Дневник политика», *Меч*, Варшава, 13 октября 1935.

¹² «Исторический смысл», стр. 300; «Размышления», стр. 22; рецензия на *Борис Годунов*, стр. 217.

цал культурной отсталости русских народных масс — всё же он сам, уже в разгар революции, создал «Лигу Русской Культуры», чтобы с этой отсталостью бороться, но он всё же считал это объяснение неудовлетворительным по двум причинам. Во-первых — русские народные массы были на еще более низком уровне во время Пугачевского и Разинского восстаний 17-го и 18-го вв. и всё же им не удалось свергнуть власть. Во-вторых — во время английской и французской революций 1688 и 1789 гг. английские и французские народные массы были не намного культурнее русских мужиков в 1917 г.

«У нас как-то очень легко забывают, что «культурность» народных масс там, где она налицо и поскольку она действительно наблюдается, есть приобретение почти исключительно XIX в., и что для XVII и XVIII в. о культурности этих масс даже у самых передовых народов Запада речи быть не может».¹⁴

Основную причину особо разрушительного хода русской революции Струве видел в неучастии в политическом ее процессе двух самых главных слоев русского населения — образованной элиты и крестьянской массы. Его диагноз в сжатой формулировке звучит так:

«Несчастье России и главная причина катастрофического характера русской революции и состоит именно в том, что народ, население, общество (назовите как хотите) не было в надлежащей постепенности привлечено и привлекаемо к активному и ответственному участию в **государственной жизни и государственной власти**».¹⁵

Этот основной вывод, написанный в начале 1919 г. и повторяемый Струве в разных формулировках до самой его кончины через 25 лет, свидетельствует о последовательности его мысли. С тех пор как он начал, еще будучи студентом, писать, он настаивал на том, что единственный выход из постоянно возникающего в императорской России кризиса состоял бы в большем привлечении населения к политической жизни страны и политического «воспитания» народа. Уже в его «Открытом письме Николаю II» в 1895 г. он предупреждал царя, что режим губит себя, если будет настаивать на управлении страной бюрократическим методом.

¹⁴ «Исторический смысл», стр. 290.

¹⁵ «Размышления», стр. 29-30.

«Дело проиграно», если самодержавие «возможно только при совершенной безгласности общества». «Оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалеком будущем, падёт под напором живых общественных сил».¹⁶

В дальнейшем он никогда не менял этого мнения, несмотря на его политический уклон с левого крыла на правый. Его взгляд на императорский период уже после крушения последнего был следовательно выражен не «задним числом», а лишь подтверждал его предупреждение императорскому режиму, высказанное им, когда этот режим еще существовал и был способен к реформам.

Этот диагноз, однако, ставил вопрос: почему Россия не оказалась способной к эволюции центральных и местных органов управления и к привлечению населения в принятии решений, что лишало его политического воспитания и чувства ответственности, т. е. того, что предохранило Западную Европу от революций, подобных русской? В период разгара русской революции Струве считал, что большевизм совершенно немыслим на Западе.¹⁷ Другими словами, какими чертами русского народного характера или исторического опыта можно объяснить принятый ею путь? В качестве неуклонного западника Струве не разделял мнения, распространявшегося в эмиграции Бердяевым и евразийцами, будто русская революция был «другой», т. е. сама Россия была «другой». Если же революция в основном не была «другой», чем можно объяснить ее «единственность»?

Разбираясь в этой проблеме, Струве основывался на истории, однако ему так и не удалось разрешить эту дилемму. По его мнению уклонения России со своего пути объясняются конкретными решениями, принятыми при критических обстоятельствах исторического развития России определенными личностями. Наиболее мрачными в этом смысле были меры, принятые во время конституционного кризиса 1730 г., когда только что избранная императрица Анна, опираясь на среднее дворянство, пресекла попытку Димитрия Голицына и старого дворянства конституционно ограничить царскую власть. По мнению Струве, это явилось поворотным пунктом русской истории.

«Владимир Ильич Ленин-Ульянов мог окончательно разрушить великую державу Российскую и возвести на место ее

¹⁶ «Открытое письмо к Николаю II», В. Бурцев, *За сто лет, 1800-1896*, Лондон, 1897, стр. 266.

¹⁷ «Размышления», стр. 15.

развалин кроваво-призрачную Совдепию потому, что в 1730 году отпрыск династии Романовых, племянница Петра Великого, герцогиня курляндская Анна Иоанновна победила князя Дмитрия Михайловича Голицына с его товарищами-верховниками и добивавшееся вольностей, но боявшееся «сильных персон» шляхетство, и тем самым окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них верховной властью. Своим основным содержанием и характером события 1730 г. имели для политических судеб России роковой предопределяющий характер».¹⁸

Предопределение кризиса 1730 г. путем укрепления самодержавия имело, среди прочего, последствием отсрочку освобождения крестьян до 1861 г. и учреждение парламентского строя до 1905-1906 г. Обе эти отсрочки имели губительные последствия для развития в России частной собственности и демократических учреждений и, в связи с этим, отстранение граждан от государственного и юридического участия в управлении. Это объяснение можно считать убедительным, но лишь до известной степени, т. к. оно шло недостаточно далеко. Во-первых, оно не указывало, почему проект конституционной реформы 18-го века, несмотря на постигшую его тогда неудачу, не мог снова быть выдвинут. Струве также не поставил себе вопроса о том, какой вывод можно было сделать из разрешения кризиса 1730 г. касательно наличия живых конституционных сил в России. Во всяком случае по его мнению события 1730 г. имели два серьезных и связанных между собой последствия: для отвлечения внимания дворянства от политики русская монархия даровала ему всякие материальные блага, принеся ему в жертву нужды большей части крестьянского населения. Упорное желание монархии сохранить за собой монополию политической власти привело высшие классы, из которых вышла интеллигенция, к устранению ее от государственных дел, а крестьянство лишило собственности и правовой защиты. Такой была историческая основа катастрофы. В 1918 году Струве писал:

«Теперь для нас должно быть совершенно ясно, что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства».¹⁹

¹⁸ «Исторический смысл», стр. 292; «Размышления», стр. 30.

¹⁹ «Исторический смысл», стр. 295.

Следовательно, в конечном счёте вина за то, что произошло, всецело лежит на монархии — мнение совершенно противоположное тому, которого придерживались русские консервативные круги. То, что Струве держался этого толкования и до и после 1917 года, ясно указывает, что, несмотря на правизну, его политическая традиция была либеральной. Дальнейший его анализ объясняет, что полное отстранение монархией имущих и образованных классов от участия в политическом управлении страной, вызвало то, что эти классы стали чуждыми и безответственными.

«Извращенное же идейное воспитание интеллигенции восходит к тому, что близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчуждало от государства широкий круг образованных людей, ослепило его ненавистью к исторической власти, в то же время сделав эту интеллигенцию бесчувственной и слепой по отношению к противокультурным и зверским силам, дремавшим в народных массах. Старый режим самодержавия опирался в течение веков на социальную власть и политическую покорность того класса, который творил русскую культуру и без творческой работы которого не существовало бы и самой нации, класса земельного дворянства. Систематически отказывая сперва этому классу, а потом развившейся на его стволе интеллигенции во властном участии в деле устройства и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства. Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вождельниками, сокрушила великое и многосоставное государство».²⁰

Подчиняясь воле правительства (абстрактному государству), русская интеллигенция постепенно потеряла чувство «реальности» государства, с его чиновниками и учреждениями (то, что Струве уже указывал в 1909 г. в своей статье в «Вехах»). Она стала жертвой всякого рода абстракций, особенно социализма, который по хронологическому совпадению овладел умами на Западе в тот самый период, когда русская интеллигенция создавалась, и подпала под влияние интеллектуальных течений, возникавших на

²⁰ «Исторический смысл», стр. 291-292.

Западе.²¹ Таким образом русская интеллигенция стала не только виновницей, но и жертвой; ее действия были следствием того, что монархия, ревниво охранявшая свои автократические prerogative, отказалась предоставить ей возможность приобрести иные политические навыки. Искра, зажегшая революцию, была вызвана политическим и духовным искоренением дворянства и ее наследницы — интеллигенции.

«Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации».²²

Этот факт объясняет, почему в 1917-20 годах русские высшие классы вели себя совершенно отлично от поведения своих предков в пору Смутного Времени и не сумели объединиться для защиты народных интересов.

Сами по себе эти асоциальные и аполитические тенденции русской интеллигенции могли бы и не привести к столь разрушительным результатам, если бы в России нашлись другие силы, способные им противодействовать, как это имело место во Франции, где консерватизм народных слоев всегда был способен умерять утопические мечты метрополии. В России же этот консервативный противовес отсутствовал; безграмотные крестьянские массы, не менее образованных классов, оказались во власти безграничной разрушительной страсти.

Если высшие классы сделались анархистами из-за отсутствия добровольно взятой на себя политической ответственности, низшие классы поддались этому из-за того, что им не была дана возможность развить чувство частной собственности, которое, по мнению Струве, является главным средством политического и правового воспитания масс. Частная собственность появилась в России поздно и не успела пустить глубоких корней в народном самосознании.

«Чувство и идея собственности чрезвычайно слабо развиты в широких массах русского народа. Это вовсе не делает русский народ социалистическим в культурном западно-европейском смысле слова, в этом выражается лишь известная его хозяйственная незрелость, связанная со слабым развитием в нем правосознания. Ибо несомненно, что факт и идея

собственности есть тот главный стержень, на котором развивалось, опиралось и упразднялось человеческое правосознание вообще».²³

В другом месте Струве писал:

«Тогда как западно-европейский феодально-крепостнический строй в своих недрах выработался и преобразовал крестьянскую собственность, в России именно этого не произошло, и, хотя ни в одном крупном европейском государстве не было в момент русской революции такого абсолютно и относительно значительного количества хозяйственно самостоятельных землевладельцев, сидящих не на чужой земле, — крестьянской собственности в России еще не существовало. Не существовало в том смысле, что институт собственности не сделался еще привычкой, не стал еще прочным регулирующим началом жизни народных масс. Комбинация социализма образованных классов и отсутствие духа собственности в крестьянской массе создала ту духовную атмосферу, в которой протекла русская революция. Институт собственности был беззащитен с двух сторон: от него духовно отреклась интеллигенция и к нему еще не пришли народные массы. Этим исторически определилось то отсутствие стойкого и сознательного сопротивления, которое встретила в России революция, «обращенная против собственности».^{23а}

Виною этого было конечно крепостное рабство, длившееся до середины 19-го века, в отличие от привилегированного положения дворянства, дарованного ему как плата за невмешательство в политику. «Крепостным правом русская монархия откупила от политической реформы».²⁴

Крепостное право помешало русскому крестьянству познаться с принципами собственности и права, и потому оно легко поддавалось проповеди классовой войны и анархии, проповедуемых интеллигенцией. Крестьянство восприняло лишь частичные идеи этой пропаганды, а именно лишь то, что относилось к погрому и грабежу; оно совершенно не поняло конструктивных идеалов социальной справедливости и высокого уровня идеи демократии в социализме, оставшейся ему совершенно непонятной.

²¹ «Размышления», стр. 31; «О своеобразии русского исторического развития», *Россия*, № 28, 3 марта 1928.

²² «Размышления», стр. 20.

²³ «В чем возрождение России».

^{23а} «Россия», стр. 109.

²⁴ «Исторический смысл», стр. 295.

«Отвлеченное социологическое начало классовой борьбы, брошенное в русские массы, было ими воспринято, с одной стороны, чисто-психологически, как вражда к «буржуям», к «господам», к «интеллигенции», к «кадетам», юнкерам», к дамам в «шляпах» и к т. под. категориям, не имеющим никакого производственно-экономического смысла; с другой стороны, оно, как директива социально-политических действий, было воспринято чисто погромно-механически, как лозунг истребления, заушения и ограбления «буржуев». Поэтому организующее значение идеи классовой борьбы в русской революции было и продолжает быть ничтожной, а ее разрушительное значение было и продолжает быть безмерно».²⁵

Ответственность за катастрофу 1917 г. таким образом установлена. Основными разрушительными факторами ее, — возникшими из-за политики монархии, слишком долго и слишком ревниво охранявшей свои автократические прерогативы, — были: интеллигенция и крестьянские массы, и та и другие отстраненные от государственного управления, собственности и правосознания. В 1917 г. эти две силы объединились.

«Из политического беспорядка дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, проникнув в крестьянство, до 1861 г. жившее без права и прав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры».²⁶

В России 20-го века основы культурного бытия попали под перекрестный огонь двух различных элементов — элиты и масс, объединившихся для разрушения государства, права и собственности — опустошительный союз, не встречавшийся ни в какой другой революции. Главным виновником этой трагедии была монархия, не сумевшая вовремя ввести политические и социальные реформы. Струве писал, что конституция и освобождение крестьян должны были быть введены не позже начала 19-го века. «Слишком поздно свершилась в России политическая реформа: слишком поздно произошла отмена крепостного права».²⁷

Таковыми были продолжительные исторические события, предшествовавшие 1917 г. Ход событий после февраля 1917 г. — исчезновение династии, бессилие Временного Правительства, триумф большевизма — ни одно из этих событий не было предвидимым и неизбежным.

«Конечно, кто «сделал» февральские дни (если кто-нибудь их сделал), тот совершил, с моей точки зрения, огромную историческую ошибку. Но если 27 февраля—5 марта были сделаны ошибки, то это вовсе не значит, что тогда, после 5-го марта до самого большевицкого переворота, эти ошибки не могли быть умелыми и дерзновенными действиями исправлены. Никакая историческая ошибка, своя или чужая, не может наперед почитаться неисправимой. Утверждать противоположное, значит именно впасть в фатализм».²⁸

То же самое относится и к Белому Движению.

Со временем Струве стал относиться более терпимо к Николаю II, которого в молодые годы он считал воплощением зла. Не следует однако думать, что он был склонен простить последнему царю его политику. Он считал его глубоко ответственным за неспособность императорского правительства привлечь русское общество к активному участию в государственных делах, а также за дурное обращение со способными и преданными слугами, как Витте и Столыпин.²⁹ Однако «буддистская» покорность, с которой Николай II и члены династии приняли свою гибельную судьбу, отказ царя воспользоваться самому и своей семье возможностью уехать за границу, — поведение это, по мнению Струве, достигло такого уровня, к которому не применимы политические критерии.

«Царь отстранил себя от престола ради спасения России. Пусть отречение Николая II означало великую политическую ошибку или роковую историческую неизбежность, во всяком случае это решение, как оно было принято и выдержано до конца, было со стороны царя **героическим** решением — принять на себя **мученичество** за Россию и во имя России, было мученическим **подвигом**. Своим отречением Николай II сам сквозь свой спорный, как всё в политике, политический облик

²⁵ «Исторический смысл», стр. 298.

²⁶ Из Глубины.

²⁷ «Размышления», стр. 30.

²⁸ «Дневник политика», *Россия и славянство*, № 90, 16 авг. 1930.

²⁹ «Размышления», стр. 32. «Witte und Stolypin», P. R. Rohden u. J. Ostrogorsky, *Menschen die Geschichte machen*, Bd. III, Wien, 1931, p. 272 и «П. А. Столыпин», *Возрождение*, № 481, 26 сентября 1926 г.

выявил другой и непререкаемый нравственный облик, который мало кто подозревал в нем и который будет всегда сиять неуываемой красотой».³⁰

Кончину Николая II можно считать мученической. Струве полагал, что поведение царя лучше всего можно объяснить религиозными мотивами. Это политика почитания предков, укорененная в убеждении, что царская власть является священным заветом. Для Струве это являлось наиболее удовлетворительным объяснением колебаний Николая II в решительные годы истории России.³¹

«Die politische Gesinnung Nikolaus II. hatte die Festigkeit einer das ganze Wesen beherrschenden Religion. Sie war in einer an Ahnenkultus streifenden Pietät dem Vater und dessen Vermächtnissen gegenüber und in einer Anhänglichkeit an den ererbten und gottgewollten Beruf des Selbstherrschers zutiefst verankert. Nikolaus II. war ein begabter Mensch mit raschem Auffassungsvermögen und schwachem Verwirklichungswillen. Dieser schwache Wille, dem formell die grösste staatliche Macht der Welt gehörte, war eben durch die Stellung seines Trägers als eines unumschränkten Monarchen von allen erfrischenden Eindrücken der Aussenwelt gänzlich abgeschnitten. Und in diser seiner Weltfremdheit war Nikolaus II. einer politisch-religiösen Gesinnung untertan, für welche die Voraussetzungen in der politischen Wirklichkeit völlig abgestorben waren».³¹

Гораздо нетерпимее относился Струве к Керенскому, чья слабость не могла быть ничем оправдана. Керенский был психологически укоренен в старом режиме и оказался неспособным приспособиться к изменившимся условиям, вызванным револю-

³⁰ «Неувядаемая красота», *Возрождение*, № 45, 17 июля 1925.

³¹ «Witte und Stolypin», Seite 267.

³¹ «Политическая установка Николая II была твердо основана на его религиозном мировоззрении, всецело проникавшем его личность. Она была глубоко укоренена в почитании — близком к культу предков — своего отца и переданных им заветов, как и в преданности к унаследованному им и богоугодном призвании самодержца. Николай II был человеком способным и быстро схватывающим идеи, но мало способным к их осуществлению. Это слабование носителя величайшей государственной мировой мощи совершенно отчуждало этого неограниченного монарха от всех прочих освежающих впечатлений внешнего мира. И в этом отчуждении от мира Николай II стал рабом политико-религиозного мировоззрения, для которого понимание условий политической действительности совершенно отсутствовало.

цией. Это имело особенно губительные последствия в Корниловском деле, которое Струве считал решающим фактором в победе большевиков. Керенскому следовало объединиться с Корниловым против крайне левых, вместо того чтобы обвинить Корнилова и его последователей в измене и приказать арестовать его — что было не только «ни с чем несравнимой низостью», но и «величайшей политической глупостью».³² По отношению к Корнилову Керенский вел себя не как революционер, а как «демократическое подобие» покойного А. Д. Протопопова, последнего министра Внутренних Дел Николая II.³³ Если бы Керенский проявил такое же мужество, как германские социал-демократы Эберт и Носке в 1918 г., когда их стране грозил большевистский переворот, «большевикам не удалось бы усесться в России на эти последние 12 лет».³⁴

Вспоминая «проклятые дни октября 1917 г.», которых он сам был свидетелем, Струве больше всего поражен, как мало людей оказалось готовыми стать на борьбу за свободу и проявить патриотизм против малой кучки узурпаторов — горькое наследие традиции непричастности русской элиты к политическому управлению страной, в чем он видел основную причину русской революции. В своей речи по случаю десятилетия большевистского переворота, Струве особенно сильно подчеркнул патетический характер протivления этому. Он напоминает, что Временное Правительство было дезорганизованным и нерешительным. Военный министр Керенского полк. А. И. Верховский, который был ответствен за порядок, уже продан большевикам, к правительству которых он впоследствии примкнул. Немедленно после большевистского переворота стало ясно, что в Петрограде любое сопротивление безнадежно. Единственная надежда оставалась опереться на таких генералов как Алексеев, чтобы уцелеть и организовать оппозицию в другом месте. Кроме отрядов молодежи — почти детей — центральная Россия не проявила никакого сопротивления большевикам, она лишь ожидала избавления. «Это было не жертвенное дерзание, а жертвенное претерпение».³⁵

Завершение революции и гражданской войны представлялось ему почти предрешенным, без участия народных масс. Борьба за

³² «Две речи», *Русская Мысль*, книга III-V (1923), стр. 278-279.

³³ «Историко-политические заметки о современности», *Русская Мысль*, май-июль. 1921, стр. 278-279.

³⁴ «Дневник полнтика», *Россия и славянство*, № 90, 16 авг. 1930.

³⁵ «Борьба до конца», *Россия*, № 12, 12 ноября 1927.

Россию между «белыми» и «красными» в 1918-1920 гг. оказалась борьбой между двумя меньшинствами. Победила та сторона, которая была лучше организованной и приспособленной к условиям революционной борьбы, а не вследствие бóльшей поддержки ее со стороны населения.³⁶

«В вопросе о неудачах «белого» движения всё время применялся публицистический трафарет, который совершенно затемнял существо дела и тем самым не давал, по моему глубочайшему убеждению, возможности сосредоточиться общественному мнению на подлинных причинах самих неудач и на надлежащих приемах борьбы.

Трафарет состоит в том, что причины неудачи искали в области плохой политики «белого» движения. Вопреки этому суждению я, на основании и непосредственных наблюдений, и размышлений над вопросом, категорически утверждаю, что неудачи «белого» движения везде и всюду сводились к недостаткам **военной**, или общёе, **боевой** организации и к характеру ведения военных или, общёе, боевых операций. Победила в конечном счёте военная или боевая организация большевиков, как более крепкая.

Возможно, что «политика» белого движения бывала часто или даже сплошь плоха. Но это не имело того значения, которое приписывается этому обстоятельству. Во-первых, как бы ни был плох «белый» режим, он всегда, в каждый данный момент, с точки зрения населения, могшего сравнивать два режима, не мог не быть лучше красного. Поскольку же население не знало большевизма и не могло сравнивать два режима (это было как раз в Сибири, где белое движение не было предварительно достаточно глубоким проникновением большевизма), постольку процесс большевизации населения был совершенно неизбежен.

Но и не это самое главное. Я утверждаю, что ни в одном случае столкновения белых с красными вопрос не решался отношением населения к той или другой стороне. Вопрос всегда решался только одним — качественным и количественным соотношением сил, которые одна сторона могла противопоставить другой.

Можно сказать, конечно, что именно это качественное и количественное соотношение сил зависело от отношения населения. Но как раз это утверждение неверно; оно и есть

тот публицистический трафарет, который не дает возможности видеть суть дела. Население всегда составляло либо совершенно пассивный элемент, либо, в лице зелёных и иных банд, элемент одинаково враждебный обеим сторонам. Гражданская война между красными и белыми велась всегда относительно ничтожными меньшинствами при изумительной пассивности огромного большинства населения. Большевизм был популярен в населении, когда он призывал к прекращению войны, т. е. к уходу с фронта, когда он разнуздывал в массах грабительские инстинкты, но когда он стал тащить на фронт, когда он стал обдирать население в пользу красной армии, вообще, когда он формально стал вести себя как государство, он стал ненавистен массам. Мобилизации большевистские были даже еще более непопулярны, чем мобилизации царские и белые.

Я не хочу, чтобы моя мысль, которая сложилась на основе наблюдений над гражданской войной, начиная с конца 1917 г. до конца 1920 г., была понимаема в грубой форме. Я весьма хорошо, а в некоторых случаях и довольно близко, по собственному опыту, знаю недостатки разных «белых» режимов и не желаю вовсе ни затушевывать, ни оправдывать этих недостатков. Но я всегда утверждаю, что дело вовсе не в них...

Неудача «белого» движения, таким образом, коренится в том, что в нём никогда не была достаточно хорошо организована боевая сила, приспособленная к гражданской войне. Она не была организована ни как военная, ни как революционная сила. По своей психологии большевики оказались более приспособленными к гражданской войне, чем белые. Поэтому боевое, ударное ядро красной армии оказалось сильнее такового же ядра белой армии. В этом нет ничего удивительного. Мне, как человеку, имеющему несколько другое прошлое, чем большинство «белых», всегда бросались в глаза революционная наивность и неподготовленность белых деятелей...

Конец декабря и начало февраля 1918 г., т. е. первую эпоху существования Добровольческой Армии, я провёл в Новочеркасске и Ростове. Когда я бывал в Парамоновском особняке в Ростове, где помещалась, после переезда из Новочеркасска, ставка Корнилова и Алексева, меня всегда поражало сходство, внешнее и внутреннее, этой новой ставки с прежней, Могилевской. В распоряжении последней став-

³⁶ «Историко-политические заметки», стр. 211-215.

ки было около 10 миллионов солдат, в распоряжении первой едва ли состояло даже три тысячи бойцов. По объективному положению одна ставка была абсолютной противоположностью другой. Но на отношении к внешнему миру и к врагу, с которым приходилось бороться, и вообще на психологии участников борьбы, это различие в объективном положении отражалось очень мало. Психологически белые держали себя так, как будто ничего не случилось, а между тем целый мир рушился вокруг них и для того, чтобы одолеть врага, им самим в известном смысле нужно было переродиться. Вот этого перерождения и не произошло. Тогда же я своими размышлениями и политическими соображениями на эту тему поделился с покойным Л. Г. Корниловым, который со свойственным ему боевым темпераментом очень быстро и живо уловил практическую суть моих мыслей.

Дело тут, конечно, не только или даже не столько в практических приемах и методах борьбы, сколько в ее психологии. Слабый может постепенно сделаться сильным, и он должен стремиться к этому; но он ничего не достигнет, если он будет просто вести себя как сильный, не будучи таковым. Ничто не было столь вредно для «белого» движения, как именно состояние **психологического пребывания в прежних условиях**, которые перестали существовать; это не программная, а психологическая «старорежимность». В России 1917 г. началась длительная революционная борьба, в которую руководящие «красные» вошли с революционными навыками, а руководящие «белые» с навыками «старорежимными», соответствующими старому общественному укладу и прочному государственному порядку. Между тем ни того ни другого уже не существовало. Люди с этой «старорежимной» психологией были погружены в бушующее море революционной анархии, и в нём они психологически не могли ориентироваться. Я нарочно подчеркиваю, что «старорежимность» я понимаю в данном случае вовсе не в программном, а в чисто психологическом смысле. В революционной буре, которая налетела на Россию в 1917 г., даже чистые реставраторы должны были бы стать революционерами в психологическом смысле. Ибо в революции найтись могут только революционеры.^{36а}

Иногда, в пылу полемики о Белой Армии и ее будущей роли, Струве доходил до крайностей в защите своего тезиса. Так на-

^{36а} «Историко-политические заметки», стр. 211-215.

пример, в одной из своих газетных статей в начале 1921 г., когда политические группы эмигрантов делились на два лагеря «сопротивленцев» и «непротивленцев», он приписывал неудачу Деникинско-го наступления в 1919 г. слабости белой кавалерии.³⁷ Подобные полемические аргументы конечно не имели ничего общего с его анализом в моменты спокойного размышления.

Взгляды Струве на большевизм — его прошлое, его действия, его направленность — основывались на общей оценке социализма. Правда, он иногда отрицал в большевизме всякую связь с социализмом, называя его «пугачевщиной во имя социализма», или детищем «народничества», или еще «абсурдом» с марксистской точки зрения.³⁸

«Ленин и его товарищи в своем практическом делании осуществляли, осуществили и до сих пор отстаивают ту программу экономического развития России, которую **экономически реакционное** народничество, в лице В. П. Воронцова, выдвигало в 90-х годах против так названного (Лениным) «буржуазного марксизма».

В этом вопросе он был особенно непоследовательным по понятной причине, ибо соглашаясь с тем, что большевизм произошел от марксистского социализма, он тем самым мог быть обвинен в личной ответственности за Ленина и Сталина, в качестве одного из основателей русского марксизма. Всё же, в более спокойные периоды, он признавал, что большевизм законное детище социализма. В 1921 г. он писал: «Экономическая политика советской власти всецело подчинена социалистической идее и программе... Отрицать социалистический характер советского законодательства значит отрицать нечто логически очевидное».³⁹

Следовательно, хотя во многих своих проявлениях и в особой жестокости большевизм и уклонился от идеалов социализма, в своих основных чертах он всё же был его выражением.

Что это доказывало? Что социализм неосуществим. Двадцать шестое октября 1917 г., день большевистского переворота, оставался для Струве «проклятым днем», убившим идеал социализма, которым жили поколения интеллигенции.⁴⁰ Большевизм подтвердил

³⁷ «Историко-политические заметки», стр. 211-214.

³⁸ «Размышления», стр. 35 и «Дневник политика», *Россия и Славянство*, № 5, 29 дек. 1928.

³⁹ П. Б. Струве, *Итоги и существо коммунистического хозяйства*, Берлин, 1921, стр. 14-15.

⁴⁰ «Дневник политика», *Россия*, № 11, 5 ноября 1927 г.

пророчество Чаадаева: «Мы будто живём для того, чтобы дать какой-то великий урок человечеству»⁴¹ — и что этот урок состоял в том, что социализм не осуществим.⁴²

«Социализм требует, во 1-х, равенства людей (эгалитарный принцип). Социализм требует, во 2-х, организации и всего народного хозяйства и, в частности, процесса производства.

Социализм требует и того и другого, и одного — во имя другого. Но оба эти начала в своем полном или конечном осуществлении противоречат человеческой природе и оба они, что быть может еще несомненное и еще важнее, противоречат друг другу. На основе равенства людей вы не можете организовать производства. Рост производительных сил есть теоретическая и практическая альфа и омега марксизма, этой основы научного социализма.

Социализм — учит марксизм — требует роста производительных сил. Социализм — учит опыт русской революции — несовместим с ростом производительных сил, более того, он означает их упадок.

Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение социализма, в его подлинном смысле учения об организации производства на основе равенства людей, есть опровержение эгалитарного «социализма».

Опыт русской революции окончательно исцелил Струве от тех мечтаний, которыми он всё еще жил после разрыва с социализмом, как и от мысли, что, хотя бы теоретически, возможно создать свободное и справедливое общество на социалистических принципах. Революция научила его тому, что свобода и социальная справедливость осуществимы лишь на базе рыночной экономики, краеугольным камнем которой является частная собственность.

Еще очень давно Струве пришёл к убеждению, что большевистский режим не способен к естественной эволюции и достижению более демократических форм правления. Эта позиция, которую он твердо защищал в 1920-1930 годы, вызвала возражения многих русских эмигрантов, как и иностранных наблюдателей, которые, основываясь на аналогии с французской революцией, были уверены в том, что советский Термидор неизбежен. Струве же считал, что русские народные массы совершенно не

⁴¹ *Итоги и существо*, стр. 23.

⁴² «Размышления», стр. 19.

были знакомы с созидательными элементами социализма. Связь радикальной интеллигенции с крестьянскими массами, явившаяся причиной падения русского государственного строя, имела определенно негативный характер: это было связью «против», а не «за». Летом 1918 г. он так определил свои выводы:⁴³

«Торжество социализма или коммунизма оказалось в России разрушением государственности и экономической культуры, разгулом погромных страстей, в конце концов поставившим десятки миллионов населения перед угрозой голодной смерти.

В том, что произошло, характерно и существенно своеобразное сочетание, с одной стороны, безмерно рационалистической гордыни ничтожной кучки вожаков, с другой — разнузданных инстинктов и вожделений неопределенного множества людей, масс.

Таково реальное воплощение в жизни проповеди революционного социализма, опирающегося на идею классовой борьбы. Вожаки мыслят себе организацию общества согласно идеалам коммунизма как цель, разрыв существующих духовных связей и разрушение унаследованных общественных отношений и учреждений — как средство. Массы же не приемлют, не принимают и не могут понять конструктивной цели социализма, но зато жадно воспринимают и с увлечением применяют разрушительное средство.

Поэтому идея социализма, как организации хозяйственной жизни, — безразлично, правильна или неправильна эта идея, — вовсе не воспринимается русскими массами; социализм (или коммунизм) мыслится ими только как раздел наличного имущества, либо как получение достаточного и равного пайка с наименьшей затратой труда, с минимумом обязательств. Раздел наличного имущества, равномерный или неравномерный, с признанием или непризнанием права собственности, во всяком случае ничего общего с социализмом, как идеей организации хозяйственной жизни, не имеет и есть не конструктивно-социалистическая, а отрицательно-индивидуалистическая манипуляция, простое перераспределение или перемещение благ или собственности из одних рук в другие.

«Справедливое распределение» в смысле получения каждым гражданином достаточного и равного пайка с наименьшими жертвами есть в лучшем случае заключительный победительный результат социализма. Без социалистической ор-

ганизации народного хозяйства этот результат безжизнен и висит в воздухе, есть чистейшее «проедание» без производства.

Таким образом, социализм, как идея строительства планомерной организации хозяйства, явился в русской жизни рационалистическим построением ничтожной кучки доктринеров-вожачков, поднятых волной народных страстей и вожделений, но бессильных ею управлять. Социализм же, как идея раздела, или передела имуществ, означая конкретно уничтожение множества капитальных ценностей, упирается в пассивное потребление или расточение, «проедание» благ, за которыми не видится ничего, кроме голода и борьбы голодных людей из-за скудного и непрерывно скудеющего запаса благ».⁴³

Это основное противоречие между созидательными чаяниями большевистских вожачков и жадными инстинктами масс исключало возможность какой-либо значительной эволюции Советского государства. Его система была замкнута в жуткой внутренней несостоятельности: ее вожди были принуждены либо держаться за власть и отказаться от какого-либо поднятия экономической продуктивности, без которой социализм немислим, либо предпринять шаги к оживлению национальной экономики, что значило бы возвратиться к свободе предприятий, т. е. крушению социализма и собственной власти.

«Своей собственной эволюцией, и, в частности и в особенности, эволюцией своей экономической политики большевистская власть создает только, так сказать, технические предпосылки своего собственного низвержения и физического истребления».⁴⁴

В мае 1921 г., в то самое время, когда введение Нэп'а родило большие надежды, Струве писал, что внутренний конфликт между политическими и экономическими требованиями неизбежно укоренены в коммунистической системе. Результатом этого явилось некое «замерзание» Советской России.

«Хозяйственное и социальное задание есть цель, политический режим есть средство. Таково исходное соотношение между экономикой и политикой в большевистском перевороте и большевистском режиме. Но это только исходная точка.

⁴³ «Исторический смысл», стр. 297-298.

⁴⁴ «Историко-политические заметки», стр. 222.

Разрушив хозяйственную жизнь и создав вместо нее экономическую пустоту, советская власть **перевернула соотношение** между своей экономикой и своей политикой. Хозяйство Советской России влечит призрачное существование, реальностью же является могущественная политическая организация, опирающаяся на армию и на господство в ней скованной железной дисциплиной партии. И в то же время — и в этом заключается парадоксальность того явления, которое представляет советская власть — от призрачной коммунистической экономики эта, казалось бы, могущественная политическая власть и организация не может отказаться, ибо на ней и ею она только и держится. В самом деле, предположим, что советская власть, разом или постепенно, отказывается от своей экономической системы, что она, как принято теперь говорить, эволюционирует. Тогда она лишается кадров своих приверженцев, каковыми являются непосредственно зависящие от нее привилегированные и «коммунистические» элементы и, что еще важнее, открывает путь для образования, сплочения и работы в стране кадров абсолютно враждебных. Полное удушение как экономической свободы, так и личной и имущественной безопасности городского населения есть одно из основных условий **экономического** упадка и регресса советской России. Но в то же время именно это удушение есть безусловно необходимое условие **политического** господства коммунистической партии; вне этого условия оно не может чисто полицейски продержаться и несколько дней. Вся сложная система экономических ограничений, свободы передвижения, собственности, хозяйственного оборота теперь уже существует не столько ради экономических и социальных целей данной системы, сколько в силу политической и полицейской необходимости этих ограничений для самой власти».⁴⁵

Уже в 1921 году, анализируя советское государство, Струве был поражен преобладанием политики над экономикой, причем эти две силы находились в постоянном неизбежном напряжении. Его анализ указывал на возможность принудительной централизации советской экономики, т. е. ее организации на социалистических принципах, то что фактически и произошло в 1928-1932 годах. Однако, по его мнению, даже такая драматическая мера

⁴⁵ *Итоги и существо*, стр. 28-29.

не помогла бы большевистскому режиму разрешить стоящую перед ним дилемму. Перед коммунистами стояла альтернатива: экономическая неудача и, следовательно, низкая продуктивность, или политическое крушение — *tertium non datur*.

«Препоны и шиканы экономические, из которых соткан весь коммунистический строй, выполняют сейчас, главное всего, задачи в узком смысле полицейские. В силу этого соотношения между экономикой и политикой большевизма, эволюция большевизма будет условием и сигналом для революции против большевизма. Это не значит, что такая эволюция невозможна, но это определяет политический и социальный характер этой эволюции и ее неизбежный и скорый исход».⁴⁶

В 1920 г. Струве писал:

«Даже той степени свободы, которую мог в свое время допускать Иван Грозный, Ленин допустить не может, просто потому, что в таком случае он и ему подобные будут безошибочно и очень быстро... истреблены. Большевизм есть система милитаристического террора, абсолютно несовместимая с самой ограниченной дозой свободы, личной и хозяйственной, даже отдельных индивидов.

Вот почему формула: «эволюция большевизма» вызывает только улыбку у тех, кто знает историю России, кто, как пишущий эти строки, с ранней юности своей боролся за свободу и значительную часть своих духовных сил потратил на эту борьбу. Для нас тот, кто говорит «эволюция большевизма», тем самым говорит — революция против большевизма».⁴⁷

Так как Струве считал, что деятельность Ленина и его приспешников прежде всего мотивирована властолюбием,⁴⁸ этот анализ привёл его к неизбежному выводу, что режим этот не справится с экономикой, что в свою очередь значило, что России предстоит неопределенный период бедности и культурного упадка. Нововведения Нэп'а с его частичным допущением частных предприятий не произвели на Струве большого впечатления, в отличие от Миллюкова, который в своих «Последних Новостях» взволнованно

⁴⁶ *Итоги и существо*, стр. 30.

⁴⁷ «La séance continue» *Общее дело*, Париж, № 125, 17 ноября 1920.

⁴⁸ «Подлинный смысл и необходимый конец большевистского коммунизма. По поводу смерти Ленина». *Русская Мысль*, кн. IX-XII, 1923-1924, стр. 315.

возвещал о полном экономическом перевороте советской политики.⁴⁹

Вспоминая Ленина лет их близкого знакомства, Струве писал:

«Властолюбие было у Ленина подлинной стихией его существа. Вся его личность была объята этой похотью. В этом страшном властолюбии была его сила как политического деятеля и организатора партии».⁴⁸

Струве предусматривал от Нэп'а целый ряд опасностей для советского режима и не видел в нём ничего, предвещавшего полный разрыв с большевистским прошлым.⁵⁰

« Il apparaît clairement que la « nouvelle politique économique », c'est-à-dire le retour partiel à l'ordre capitaliste, n'est qu'un moyen de conservation politique des communistes qui espèrent des temps meilleurs. L'orientation nouvelle de la politique économique n'est d'ailleurs, de l'aveu même des autorités soviétiques, que temporaire, nullement définitive ; c'est la révolution mondiale qui demeure, conformément au par. 9 de la Constitution soviétique, le but essentiel du pouvoir bolcheviste. Car, malgré la proclamation d'une nouvelle politique économique, le pouvoir des Soviets maintient intact les quatre principes fondamentaux de sa politique : nationalisation de la terre, des transports, de la grosse industrie et du commerce extérieur.

Ainsi, il ne s'est produit aucun changement radical et profond dans la politique des Soviets. »⁵⁰

Этот анализ того, что произошло в России в 1917 г., и после лег в основу политической деятельности Струве в эмиграции.

⁴⁹ «К открытию съезда», *Последние Новости*. Париж, № 330, 13 мая 1921.

⁵⁰ Ясно, что Нэп, т. е. частичный возврат к капиталистическому строю, является лишь средством к сохранению политической власти коммунистов в ожидании лучших времен. Новая ориентация Нэп'а является, впрочем, по признанию самих советских вождей, лишь временной мерой и никак не окончательной; основной целью большевистской власти, согласно § 9 Советской Конституции, остается мировая революция. Так как, несмотря на введение Нэп'а, советская власть сохраняет неизблемыми четыре основных принципа своей политики: национализацию земли, средств передвижения, крупной промышленности и внешней торговли. Следовательно, в политике Советов не произошло никакого радикального и глубокого изменения.

⁵⁰ Вступительная статья к *La Débauche des Soviets et la restauration économique de la Russie*, Paris, 1922, p. X-XI.

Так как он не верил в спонтанную эволюцию Советской России, он считал, что надо бороться с ее правительством, если возможно военными, но и политическими силами, а если этого не удастся, следует за рубежом не дать угаснуть пламени русской культуры, основной сущности национального сознания. У него не было ни малейшего сомнения в том, что победа коммунистов во время революции и гражданской войны является лишь одним актом продолжающейся разыгрываться драмы, которая впоследствии захватит весь мир.

«Как старый борец против самовластия, я говорю сознательно и уверенно: борьба не только не прекратится, она станет, наоборот, более напряженной и более глубокой, ничем не связанной в своих методах, наоборот, более гибкой и всесторонней... Обрушившийся на нас тяжкий удар не лишает нас бодрости и веры в окончательную и даже весьма близкую победу. Сейчас, с поражением последней значительной антибольшевистской военной силы, еще резче чем прежде выступит мировой смысл большевизма. С исчезновением крымской цитадели сцена борьбы между большевизмом и культурой расширяется. Большевизм есть мировое явление и судьба его будет решена только на мировой сцене».⁵¹

*(перевод с английского Т. Клепининой
цитаты все приводятся по подлинникам.)*

Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

РОССИЯ В ОТРИЦАТЕЛЬНО-МИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

«Россия при старом режиме»* — так озаглавлена книга американского историка Ричарда Пайпса, вышедшая в 1974 году на английском языке, а сейчас, по слухам, уже переведенная на русский язык для скорого издания. Работа эта очень характерна для определённой тенденции в изучении русской истории на Западе, в подходе к России, к её прошлому, к её роли и к её значению в мире.

Старый режим — это, в понимании автора, всё то, что было до революции, от Киевского княжества до конца царствования Николая II. Хотя Пайпс и ведёт свой анализ в основном от возникновения московского государства, но множество ссылок и описаний одновременно создаёт впечатление, что охватывается и предыдущий период. Вообще это не столько историческое исследование, сколько защита тезиса, который ясно отразился в последней главе книги: **На пути к полицейскому режиму**. Весь исторический путь России толкуется и представлен, как подготовка к окончательному осуществлению полицейского государства, которое создано при советской власти. Эпоха Московской Руси — тот период русской истории, который легче всего использовать при попытке доказать правильность этого тезиса, поэтому понятно, что ему отводится особое место. Одновременно множеством ссылок на предыдущий исторический период читателю подсказывается, что отрицательные черты Московской Руси (о которых дальше будет речь) на самом деле всегда были налицо в русской истории, они её естественная и неотъемлемая составная часть. В после-Московский период они, конечно, тоже присутствовали и именно они в конце концов восторжествовали.

Наряду с изложением фактов и описанием исторических моментов в книге Ричарда Пайпса всё время проходит, как скрытая и тем не менее определяющая тема, вопрос о том, почему Россия обязательно должна была развиваться в полицейское государство. Есть попытка дать марксистский ответ на этот вопрос, всё объясняя, в основном, природной средой. Самого автора попытка эта очевидно не полностью удовлетворяет. И вот тут мы

* Richard Pipes, **Russia under the old regime**, Charles Scribner's Sons, New York, 1974. 361 p.p.

⁵¹ «La séance continue».

сталкиваемся с присущей очень многим западным исследованиям России странностью: обыкновенно как раз те, кто наиболее издевательски относится к славянофильской идее особой миссии России и мистического лица нации, в то же время молчаливо, но вполне чётко именно приписывают России особое назначение и особый национальный характер, настолько не объяснимый рационально, что его только и можно назвать мистическим — но уже полностью отрицательным.

Удивительно, правда, как редко встречается в западных исследованиях российской истории спокойный, трезвый и непредвзятый подход. В наши дни делаются попытки бесстрастно-уважительной оценки Советского Союза, с той точки зрения, что он — «такое же государство, как и все иные». А это как раз не так: Советский Союз действительно совершенно особая государственная, общественная и философская форма. Но такого подхода по-прежнему нет по отношению к прошлому России, т. е. к тем моментам её истории, когда она была воистину одним из мировых государств, со своими особенностями, достоинствами и недостатками, со своим характерным развитием, но не была противоположностью всему достойно-человеческому, чем является Советский Союз. В наши дни мы постоянно наблюдаем, как и те западные исследователи, которые дошли всё-таки до правильного понимания этой античеловеческой сущности советского строя, всё ещё пытаются выводить её из российского прошлого: из того отрицательно-мистического образа России, который они сами для себя создали. К этой категории исследователей принадлежит и профессор Пайпс, или во всяком случае принадлежал, когда писал рассматриваемую книгу.

Историко-философское и социологическое исследование прошлого России было бы весьма интересно и ценно, если бы было непредвзято и не направлено на доказательство априори принятого постулата. Тезис о мистически-предопределённом стремлении России к полицейскому режиму между прочим с большой охотой подхвачен был так называемыми еврокоммунистами, так как он позволяет «спасти идею коммунизма»: полное фиаско этой идеи и все ужасы построенных на ней обществ объясняются очень удобно «русским варварством», особенностями русского склада ума и русской психологии. Именно, дескать, из-за этих русских характерных черт неизбежна, с одной стороны, авторитарная, полицейская власть, а с другой — рабское ей подчинение, органическая неспособность отстаивать свои права и своё человеческое достоинство. Поразительно, что на эту удочку попадается и профессор

Пайпс, у которого, как будто, нет никаких иллюзий насчёт коммунизма; а вот, оказывается, есть, раз он не может или не хочет понять, что коммунизм есть всечеловеческая болезнь и как таковая — страшное пресечение и извращение русской истории, а не её развитие.

Надо сказать, что книга **Россия при старом режиме** не достигает намеченной цели и не доказывает, что неизбежным историческим путём России был путь к полицейскому режиму. Это не удалось автору, несмотря на то, что под влиянием предвзятого мнения он освещает преимущественно те моменты и аспекты, которые подходят под его толкование российской истории, а всё противоречащее этому толкованию обходит молчанием. Тем не менее однозначной общей картины не получается; и вообще не получается никакой цельной картины именно из-за одностороннего подхода, вследствие которого то даются мельчайшие подробности, хотя и не всегда точные, то вдруг повествование идёт слишком широкими, импрессионистскими мазками. Между прочим, накопление «диких» и «экзотических» деталей, когда речь идёт о России — излюбленный приём западных историков, потому что он создаёт впечатление эрудиции, но в то же время он характерен для их подхода к теме, согласно которому сама Россия есть нечто в лучшем случае экзотическое.

Структура изложения не хронологическая, а тематическая, способствует впечатлению сумбурности и часто допускает даже значительные противоречия между отдельными главами. Человек, не знающий русской истории, от прочтения этой книги ясного представления о ней не получит — но у него останется общее впечатление всегдашней античеловеческой сути русской нации, и в этом глубокая неправда книги и глубокий от неё вред, в первую очередь Западу. Тот, кто русскую историю знает, если сам не в плену у теории об обязательном развитии России в кровавую и агрессивную диктатуру, с недоумением и огорчением остановится перед неточностями, умолчаниями, перед крайне поверхностным изложением того, что самому автору непонятно, перед частыми перегибами в желаемую сторону. Такой подход к России, как уже было сказано, не единичен на Западе и очень интересно было бы исследовать и понять его корни и подлинные причины. В известной мере он носит откровенно мещанский характер: неприемлемо и подлежит осуждению всё то, что «не как у людей» (т. е. «не как у нас»). Но тут даже больше, тут налицо как бы некая поразительная форма расизма, тем более странная у людей, сделавших анти-расизм и неконформизм сво-

ими лозунгами. Меньше всего, казалось бы, можно её ждать от американцев, столько раз испытавших, например, европейское недоверие, пренебрежение, даже презрение к Америке, по сути дела именно из-за того, что она — «иная». Во всяком случае отличие её от общепринятых стандартов — частый повод для её осуждения и развенчивания; а каковы настоящие причины, это вопрос сложный и наверно тоже достойный исследования, как и в отношении России. Факт тот, что это развенчивание и неизменно априори отрицательное толкование американской истории и американской действительности в какой-то мере захватило уже и многих представителей американской интеллигенции; но те из них, кто в эту волну не влился, должны были бы понимать, как несостоятелен такой подход вообще.

До сих пор русский читатель ещё не мог познакомиться с книгой Ричарда Пайпса, потому стоит перечислить её отделы и главы, которые сами по себе дают довольно ясное представление о её замысле и направленности, и остановиться на содержании некоторых из них. Книга построена следующим образом: первая, вступительная глава посвящена **Природной среде и её последствиям**. Она направлена на то, чтобы доказать, что первоначальное русское государство было чрезвычайно бедным от природы, расположено в областях с тяжёлыми климатическими условиями, неблагоприятными для земледелия, что вызывало необходимость экспансии и жажду приобретения всё большего количества новых земель. В этой главе особенно наглядно характерное для всей книги и сильно сбивающее с толка (в некоторых случаях повидимому намеренное) смешение исторических эпох и моментов, без указаний или пояснений. Согласно автору книги, бедность и вызванное ею непомерное расширение по земной поверхности естественно вели к децентрализации, во всяком случае экономической, в то время как постоянная угроза нападений извне вынуждала к созданию центральной власти для защиты и военной организации страны. Таким образом центральная власть (повидимому княжеская, ещё в киевский период?) возникла, по мнению автора, как бы параллельно с жизнью и деятельностью населения страны и была ей совершенно чужда. Но когда князья, очевидно в московскую уже эпоху, почувствовали необходимость эти две стороны государственной жизни слить, то приступили они к этому и провели это в жизнь очень простым образом: созданием «вотчинного государства», т. е. присвоением себе в

личную собственность всех земель и всех богатств страны. И такой «хозяйский» подход, по Пайпсу, оставался всегда у всех русских государей, от московских князей до императора Николая II; он в этом подходе находит объяснение нежеланию или неспособности русской монархии признавать и обеспечивать гражданские права подданных: раз они и всё вообще в стране — личная собственность монарха, то какие же могут быть права? Таким образом, бесправие было последствием «хозяйского» отношения монарха ко всему в пределах его страны. Но в то же время и для удержания абсолютной власти надо было, чтобы жители страны были бесправны: поэтому хозяйский подход и условия «вотчинного государства» по Пайпсу искусственно поддерживались во всю русскую историю, и тогда, когда обстоятельства этого больше не требовали.

(Интересно тут замечание автора о том, что децентрализованная и весьма свободная система экономики так и просуществовала в России, с большими или меньшими изменениями, вплоть до революции, и лишь при советском строе установлена была строжайшая централизация также экономическая. Однако это коренное различие не является в глазах профессора Пайпса указанием на изменение самой сути строя.)

Дальнейшие части и главы следующие: Часть первая. **Государство**, делится на три главы — «Происхождение вотчинного государства в России», «Торжество вотчинной системы» и «Анатомия вотчинной системы». Часть вторая, **Общество**, подразделена на главы «Крестьянство», «Дворянство», «Отсутствующая буржуазия» и «Церковь как служанка государства». Часть третья озаглавлена **Интеллигенция против государства** и содержит всего две главы: «Интеллигенция» и «На пути к полицейскому режиму». Внутри каждого раздела и каждой главы рассматривается вся история России с основания её и до революции, с упором на тех отдельных периодах, которые могут быть лучше использованы автором для доказательства правильности его тезисов. Смешение периодов и исторических обстоятельств всюду чрезвычайно, почти всегда без указания дат, в такой степени, что иногда трудно понять, какой собственно исторический момент автор имеет в виду. Вообще положительного общего стержня в книге просто нет: между отдельными главами и даже внутри отдельных глав очень велико количество противоречий. Есть как бы некий отрицательный стержень, вытекающий иногда из подлинного непонимания, иногда из того нежелания понять, о котором уже была речь. Кроме того есть и почти неизменно присущее западным

историкам России желание во что бы то ни стало сказать новое слово и *épater les bourgeois*. Из всего этого вместе и вытекает, например, трактовка всех самых страшных и судьбоносных периодов русской истории, калечивших её или резко ломавших, как органических моментов в развитии страны, вполне соответствующих мистически-отрицательному характеру русской нации.

У историков этого толка такой подход к России, как правило, особенно ярко проявляется в их анализе царствований Ивана Грозного и Петра Великого. В известной мере это наблюдается и у Пайпса, хотя подробного разбора этих исторических эпох нет. Эпоха Ивана Грозного интересует автора как момент конфликта с боярством, с его точки зрения — как один из этапов становления и укрепления «вотчинного государства». Сосредоточение внимания на борьбе центральной власти с боярством естественно вытекает из замысла книги, хотя надо оговориться, что автор очень упрощает этот момент, игнорируя все те его аспекты, которые к его концепции не подходят. Но знаменательно то, что этот частичный анализ сопровождается пренебрежительно-насмешливыми описаниями бессмысленной жестокости и разгула опустошения в это трагическое царствование, даже учреждения опричнины, как нормальных фаз развития русского государства. Что же касается Петра, то он «прорубил окно в Европу азиатскими методами», которые были ему свойственны просто потому, что он — русский, и тоже были для русской истории совершенно нормальными, разве что градус грубости и произвола был чуть сильнее обычного вследствие силы его личности. Есть тут Петру и неожиданная похвала: оказывается, он был первым русским правителем, который внёс в государственный строй понятие общественного блага. На самом деле это долгая и сложная тема, понятие это было вполне преемственным, только в несколько иной форме. Самое же глубокое и чреватое последствиями для будущего России Петровское новшество — разрыв гармонии между государственной властью и церковью — здесь просто не принято во внимание.

Наверное, основная трудность для профессора Пайпса при попытке осмыслить и истолковать русскую историю заключалась в полном неприятии им исторически вряд ли оспоримого факта, что в развитии русского мышления и сознания и даже в развитии российской государственности первостепенную и, скорее всего, решающую роль сыграло христианство. И культура России, и правила индивидуальной и общественной жизни родились с христианством и глубоко были им пронизаны. Если этого не учитывать

или, хуже того, отказаться это видеть, и если отказаться вообще признавать роль духовного начала в историческом развитии нации (проявление сильного влияния марксизма на многих современных историков, даже отнюдь не марксистов), — то действительно русская история может представиться некоей головоломкой, и очень легко её такой представить другим. Пайпс же, если упоминает о моментах, с христианством связанных, то говорит исключительно о светской роли церкви как исторического института (другая роль и значение её ему, по всей вероятности, так чужды, что он их просто не воспринимает), и при этом с явным и повидимому всё-таки намеренным выдёргиванием отдельных фактов и эпизодов, бросающих на роль церкви в русской истории не только отрицательный, а прямо-таки порочащий свет. Некоторые из данных, которые он приводит в доказательство того, как примитивна, груба и порабощена государственной властью была церковь в России, соответствуют действительности, но не имеют ценности большей, чем та, которую можно приписать отдельному эпизоду. Таких эпизодов много было в истории всех церквей мира. Совершенно не соответствует действительности общий облик церкви в России, нарисованный Пайпсом, его общая оценка её роли в русской истории — роль эту он считает в лучших случаях нулевой, а вообще отрицательной. Причём и тут он не разделяет эпох, не отличает церкви допетровской от дальнейшей.

Уже само заглавие главы о церкви — «Церковь как служанка государства» — свидетельствует о её предвзятости и исторической несостоятельности. Пайпс говорит ведь о церкви на протяжении в с е й русской истории, а о порабощении церкви государством можно в какой-то мере говорить, только рассматривая последние двести лет этой тысячелетней истории; и надо бы во всяком случае не проглядеть русского религиозного возрождения начала века, пресечённого и удушенного революцией, но Пайпс его полностью обходит молчанием. Из всей книги эта глава, пожалуй, самая поверхностная, предвзятая и неточная, и местами самая жестокая и оскорбительная в своём непонимании и замалчивании правды; так, в конце автор рассуждает о естественном «повиновении» русской церкви советской власти, о «традиционном равнодушии к страданиям людей вокруг, лишь бы ей, церкви, можно было безбедно жить!» Всё это настолько ложно и так много в этом общих мест давно знакомой и очень поверхностной антицерковной полемики вообще, что не стоило бы, пожалуй, на этом и останавливаться (как ни болит сердце

при мысли о всех замученных за веру в Советском Союзе людях, о всех расстрелянных и загубленных в лагерях священниках и монахах), если бы это не было одним из аспектов общей и очень страшной системы мышления, согласно которой в России так плохо было всё, даже то, что по назначению и определению своему должно было быть хорошим, — как христианская церковь, — что ничего, кроме так называемого сталинизма, от России ждать не приходилось и не приходится.

Весь богатый цвет русской духовности Ричард Пайпс полностью игнорирует, естественно игнорируя и глубокое влияние её на народную жизнь. Ему достаточно свидетельства одного Белинского, чтобы записать весь русский народ огулом в безбожники. Ни одним словом не удостоил он бесчисленных русских святых и подвижников; даже Преподобный Сергей Радонежский в книге просто не упмянут. Последнее умолчание, впрочем, становится понятным, если учесть, что он обвиняет церковь в сговоре с татарами, которые её вследствие этого сговора не трогали — и это было всё, чего церковь хотела, до страданий других ей ведь не было дела. Татарское иго даже названо «золотым веком русской церкви»! Разумеется, нет речи и о всех святителях и митрополитах, о тех, кто правил Русью вместе с князем или царем, наравне с ним нося почётное звание «великого государя» и постоянно монарха наставляя и направляя; о святителях Петре, Алексее, о замученном Иваном Грозным Филиппе, о патриархе Гермогене, о патриархе Филарете: все они вместе удостоились одной скупой фразы, мимоходом, что были, мол, иногда редкие и исключительные случаи некоторого сопротивления слишком вопиющим монаршим несправедливостям. А Нил Сорский, оказывается, был слегка безумный монах-фанатик, которого использовали князья и бояре в надежде таким образом отобрать у монастырей их земли — и только. (Интересно было бы узнать мнение профессора Пайпса о Св. Франциске Ассизском и о всём движении монахов-спиритуалов в Западной Европе).

И о роли церкви в Смутное Время не сказано ни слова. Вообще же Смутное Время вспоминается в основном, как «один из редчайших примеров попытки со стороны русской аристократии по западному образцу ограничить власть монарха» — это когда сговаривались с польским королем о восшествии на престол его сына при условии, что он примет православие!

Много зато говорится об испорченности иерархов и о низком уровне развития и духовности священников; о том, как церковь не претворяла в жизнь христианских заветов. В общем,

привычная графаретная антицерковная полемика, одинаковая повсюду и всегда. В ней всегда есть доля правды: но ведь только доля, а история церкви — не только это, и сознательно делать вид, что ничего другого нет и не было, это подтасовка истории. Так же как подтасовка истории отказываться проследить и оценить роль христианского мировоззрения, христианского сознания в развитии русской мысли, русской культуры, русского общества, русской государственности. Когда Ричард Пайпс говорит о подходе русских монархов к государству, как к своей вотчине, к своей частной собственности, и толкует это как грубо материальный собственнический подход, он совершенно упускает из виду основной и отличительный принцип власти русских правителей, от киевских князей до последнего русского царя, неоднократно этот принцип провозглашавших и всегда с печалью, с трепетом, даже страхом, как когда говорит человек о непомерном тяжком бремени, которое на него возложено: принцип ответственности перед Богом за вверенные ему землю и народ, за их судьбу. Другой вопрос — как этот принцип претворялся в действительность, как он на неё влиял и как он может преломляться в зависимости от личных качеств данного правителя. Но тут наличие самого принципа игнорируется, а толкование форм правления даётся под сильным влиянием марксистских категорий.

Возможно, впрочем, что этот аспект русской государственности не устраивает автора еще и как роднящий русскую монархию с Византией. Ведь Ричард Пайпс считает, что никакого родства с Византийской Империей не было, что Московская Русь — это просто точное воспроизведение татарского образца государства. А поскольку по мнению автора российская самодержавная монархия постемосковского периода вытекает только из Московской Руси, то и она косвенно воспроизводит татарский образец, примитивный и жестокий. Татары же, когда покорили Русь (после Владимира Святого, после Ярослава Мудрого, после Владимира Мономаха) были на «значительно высшем культурном уровне», чем поработенная ими страна. Вообще же татарское иго не то что является естественным и закономерным развитием русской истории, как большевизм, но мирно и вполне беспрепятственно в неё вписывается, всеми князьями с охотой принимается и используется для подавления народа, в своих вотчинных интересах. (Прямо как в советском учебнике). Ни слова об Александре Невском — а интересно бы узнать, как Пайпс толкует его роль в русской истории? Ни слова о Дмитрии Донском. Татарское иго, согласно профессору Пайпсу, не прерывало русской

истории и не калечило её; а кончилось оно просто так, само собой, русские тут никакой роли не сыграли.

Не понятно автором собиранье земли русской, ставшее реакцией на раздробление страны удельной системой, потребностью объединить её и укрепить в первую очередь именно для борьбы с внешним врагом. Автор толкует его исключительно как проявление «вотчинного», собственнического духа московских князей, а дух этот по его мнению выработан был удельной системой. На самом же деле, удельная система имела как раз обратные последствия: постоянное скольжение князей с одного «стола» на другой и вечное стремление дойти до «стола» главного приводили к тому, что на свои уделы князья смотрели как на временное местопребывание, в худших случаях даже как на «ничью землю», никоим образом не как на свое хозяйство. Вообще во всей книге рассыпано немало произвольных толкований разных моментов истории; иногда они принимают вид парадоксальных высказываний, иногда и пошловатых общих мест. Екатерина II «известна в основном своими любовными приключениями»: старый пришедший *von mot*, который, однако, серьёзному историку не приличествует повторять, потому что это исторически несерьёзно. От смерти Петра I до восшествия на престол Павла I «российских правителей выбирали высокопоставленные чиновники... предпочитавшие женщин с малосерьёзной репутацией, которые бы возможно меньше занимались государственными делами». Во-первых, не высокопоставленные чиновники, а в основном... гвардия, т. е. изначально-вернейшие Петру, а затем можно считать, что решение было в руках дворянства. Но ведь надо было бы объяснить, почему сложилось такое положение, т. е. сказать об отсутствии законного наследника престола и о том, что во всех принятых решениях всегда налицо попытка возвести на престол человека, имеющего на то законное право: это очень важный момент русской истории вообще. Определение Пайпса в какой-то мере можно оправдать только в отношении Анны Иоанновны, которая, однако, была дочерью старшего брата императора Петра, царя Иоанна. Елизавету Петровну царицей провозгласили гвардейцы потому, что она была дочь любимого их императора Петра и они ждали от неё восстановления славной (с их точки зрения) петровской Руси. А уж про Екатерину сказать, что от неё ждали, что она не будет заниматься государственными делами, и совсем трудно. Но как одной пренебрежительной фразой очеркивается целый период русской истории, чрезвычайно важный, например, в отношении дворянства и усиления его роли в госу-

дарственной жизни. Об эпохе великих реформ, замечательном историческом периоде, открывшем путь к небывалому расцвету России, прерванному и раздавленному революцией, мы узнаем всего лишь, что Александр II освободил крестьян отнюдь не из нравственных и этических соображений, и даже не ради государственной пользы вообще, а по военно-политическим соображениям, поняв после Крымской кампании, что России не выиграть больше ни одной войны, если сохранится крепостное право. И так далее. Цитировать можно было бы ещё многое, но дело ведь не в отдельных моментах, а в совокупности их и в вызываемом им общем впечатлении.

Глава о крестьянстве наверно удивляет многих западных читателей (да может быть удивила бы и наших) неоднократным опровержением широко распространённого мнения о том, что российские крестьяне поголовно голодали и вообще жили в условиях невообразимой нищеты и беспризорности. Автор признаёт экономическое положение крестьян, особенно при крепостном праве, не только не катастрофическим, а даже совсем, в общем, не плохим, и говорит о том, что сами они вовсе не чувствовали себя обиженными или несчастными. Переходя к обсуждению положения крестьян после отмены крепостного права, Пайпс упоминает об их недовольстве и о постоянном давлении с целью получения гражданских прав, равных тем, какими пользовались остальные сословия, в первую очередь права собственности на землю. Крестьянство составляло подавляющее большинство населения Российской Империи; давление всего сословия с целью получения гражданских прав указывает на то, что не так уж рабски покорны и бессловесны были все русские, что они от природы способны не только на голодный бунт. Но к этому выводу автор книги не приходит, а его неожиданно благоприятное описание жизни крестьян и их настроения при крепостном праве в конечном итоге оставляет у читателя впечатление, что рабское состояние, как таковое, русскому человеку вовсе не противно. Интересно, что во всей главе о крестьянстве автор ни одним словом не упоминает о Столыпинской реформе, а описывая беспорядки и назревавшую атмосферу восстания в начале XX века, просто забывает о существовании профессиональных революционеров-агитаторов и об их роли в направлении недовольства по нужному им руслу. Данные о крестьянском владении землей и скотом в 1916 году (три четверти обрабатываемой земли и девять десятых скота принадлежали самостоятельным крестьянам, по данным профессора Пайпса) он приводит в главе о дворянстве, где они служат дока-

зательством полной утери этим сословием всякого веса в государстве, а не в главе о крестьянстве: это характерно для тенденции даже положительные данные использовать в отрицательном контексте. Сначала похвалив крестьян, со слов иностранного путешественника, который, как ни странно, вынес от них хорошее впечатление, Ричард Пайпс очень скоро опровергает благоприятность этого образа весьма научным методом: он цитирует русские пословицы, в доказательство цинизма и жестокосердия русского крестьянина, толкуя их, как общепринятые правила жизни. Например, пословица «чужие слёзы вода»: она означает, что русский крестьянин считает совершенно ненужным беспокоиться о чужом горе, это его принцип...

Всем историкам, видящим Россию в прошлом и СССР как одно и то же деспотическое государство, которое по природе своего народа не могло и не может быть иным, всегда очень трудно приступить к главе об интеллигенции, которую никак нельзя назвать раболовной и покорной, которая протестовала и бунтовала постоянно (когда на благо родине и народу, а когда, наоборот, на зло) и всеми силами рвалась к идеалу справедливости и гуманности, больше, чем какие-либо подобные группы на Западе — более самоуверенные, бескомпромиссные, часто самопожертвованные, часто самообичужающие и самопорочащие. Что же с ней делать, с этой интеллигенцией, как её вписать в общую картину «рабского народа»? (Та же дилемма встает сегодня перед так называемыми советологами: как им объяснить существование людей, за убеждения свои идущих в ссылку и в лагеря? Сегодня отделяются, говоря, что это — крошечная группа, изолированная от всего населения, «исключение, подтверждающее правило»). Выходят из положения, трактуя российскую интеллигенцию как совершенно отдельную от народа группу — какой она действительно была по реальным обстоятельствам существования, но не этнически же и не психически, и во всех отношениях никак не отдельной от правящих кругов. Так же, как стоящую вне русского народа группу, рассматривает её и профессор Пайпс, вследствие чего эта глава у него более объективна и исторически правдива, чем все остальные — потому что тут он правды не стесняется — за исключением, конечно, самой ошибочной предпосылки, на которой всё построено, и за исключением некоторых общих мест, как определение Достоевского «архиконсерватором», как будто такой гений, как Достоевский, вообще может быть классифицирован политическими категориями.

Заключительная глава, «На пути к полицейскому режиму».

должна окончательно показать и доказать, что весь исторический путь России был направлен к полицейскому, т. е. советскому, строю и что все структуры для его осуществления выработаны были до революции. С этой целью автор цитирует законы, указы, отдельные статьи законопроектов, направленные на предупреждение или подавление беспорядков, крамолы, революционных эксцессов; большинство из них появлялось на свет после революционных событий, как реакция на них (после бунта декабристов, после убийства Александра II и т. п.), и автор честно признаёт, что они, в общем, не применялись, или применялись очень редко, что в дореволюционной России было, например, очень мало политических заключённых и ничтожное число казней за политические преступления; однако эти факты он объясняет леностью полицейского аппарата и неумением его работать! Хотели, мол, быть злыми, как при Ленине и Сталине, да вот не умели... А ведь даже если бы это было точно, казалось бы, должен был бы возникнуть вопрос: а почему же не умели? Что сдерживало?

«Преступник... доставлен будет на место казни, где раскаленными до красна клещами отдерут у него с груди, рук и ног мясо, правую руку его сожгут серой, а в те места, с которых содрано мясо, нальют расплавленный свинец и кипящее масло... после чего тело его будет четверговано лошадьми и испепелено огнем».

Где это? Когда? Нет, не в варварской России, а во Франции, в Париже, в 1757 году (у нас за два года до этого торжественно открыли Московский университет, а царствовала Елизавета Петровна, за все царствование свое не подписавшая ни одного смертного приговора) не только написали в приговоре, а действительно казнили таким образом, на виду у всех, на парижской площади, Дамьена, покусившегося на жизнь Людовика XV, которого он, как известно, не убил, а лишь слегка ранил. Таких фактов, и законов, делающих их возможными, несметное количество в истории всех государств мира, и при желании, делая особую подборку событий и законов, и суждений о них людей извне, можно написать уничтожающую историю любого государства и любого общества. И будет она исторической фальшью. Такого рода метод постоянно применяется к прошлому России многими западными историками (да и некоторыми новыми историками нашими, выехавшими из Советского Союза).

Интересна библиография таких исследований. Очень много воспоминаний и дневников западных путешественников, побывавших в России; очень много советских источников, и поистине

удивительно, сколько ими всё ещё пользуются, хотя и знают (должны бы знать?), что с советской точки зрения «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Мало ссылок на дореволюционных авторов, и совсем мало на авторов эмигрантских. А вот для главы своей о церкви профессор Пайпс не задумался использовать «Историю русской церкви» Никольского, изданную в 1931 году в Москве Союзом воинствующих безбожников. Неудивительно, что у него в результате «многотение», которому положил конец Никон, толкуется как одновременное совершение разными священниками в церкви разных моментов литургии, для того, чтобы её сократить: один читает Евангелие, другой совершает Великий Вход, а третий уже и причащает, и всё в одно время...

Конечно, есть общие черты, присущие всем формам абсолютной власти, независимо от того, какого оттенка и какой градации, и на какой идеологии и каком мировоззрении она основана. Но когда опрокидываются понятия добра и зла, когда подменяются нравственные критерии, тут уже дело не в абсолютизме в той или иной его форме. В одной из своих книг Надежда Мандельштам пишет, что, конечно, и при старом режиме было много жестокости и несправедливости, но тогда все знали, что это плохо, и стыдились, скрывали, пытались как-то исправить. При советском строе несправедливость и жестокость стали нормой, законом. Дело главным образом именно в этом — даже не в количестве страданий и крови, которое, как известно, не измеримо, а в том миропонимании, которое за ними стоит. Очень жаль, что профессор Пайпс тратит свои недюжинные силы и познания на неточное, несправедливое и чрезвычайно опасное для всего мира толкование истории России, а в первую очередь опасное для Соединённых Штатов Америки — ибо убавкивает их, скрывая интернациональную, всеобщую природу коммунизма.

Никита СТРУВЕ

О ГАРВАРДСКОЙ РЕЧИ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Солженицын не только писатель, но, как и его великие предшественники XIX века — Гоголь, Достоевский, Толстой, он одарен еще и пророческим даром, пророческой харизмой. Что превращает писателя в пророка? Прежде всего, соотносимость его слова высшей Ценности, понятой как безусловное нравственное веление. Но право пророчествовать, данное Богом, надо еще закрепить. Как Достоевский, Солженицын заплатил за это право годами страданий, а после выхода из лагеря тем, что целиком отдал себя, свою жизнь, свое творчество — служению.

Гарвардская речь принадлежит к роду пророческих выступлений Солженицына. Как пророки Ветхого Завета, хотя и в не-сколько ином, более политическом ключе, Солженицын обращается к своим современникам на Западе с беспощадной критикой и с призывом измениться, переродиться, чтобы избежать полного исторического крушения. И в этом бичевании западных пороков, сопряженном с призывом вверх, есть своя пророческая непреложная правда, с которой не поспоришь. Правда Гарвардской речи не столько в тех или иных конкретных обличениях, сколько именно в этом экзистенциальном соотношении пророка и реальности. В каком-то смысле подлинный пророк всегда в целом и в основном — прав, даже если в частности не справедлив. Более того, пророк вероятно всегда отчасти несправедлив, и тем не менее, в ином, надмирном плане, прав.

Безусловно, западные страны не на высоте своего призвания, безусловно, им угрожает гибель от внешней грубой силы, безусловно, им необходимо отрясти засасывающую тину комфорта, самоуслаждения и обратиться вверх.

И голос Солженицына раздается тем громче, что на Западе упадок религиозного сознания повлек за собой и угасание пророческого слова. Пожалуй, последним пророком на Западе был французский католический писатель Ж. Бернанос, который с неистовством призывал своих современников очнуться от духовной спячки, пока не поздно. Но голос Бернаноса редко когда перелетал за пределы Франции. Солженицын же восстановил пророческое измерение писателя во всемирном масштабе.

Обличая Запад, Солженицын продолжает длинную, полутора-равековую традицию русской общественной мысли. Уверенность, что начала западной философии губительны для человечества, восходит ко временам французской революции. Известный масон-мистик Иван Лопухин писал в конце XVIII столетия: «Дух ложного свободолюбия сокрушает многие в Европе страны», и это изречение Солженицын мог бы поставить эпиграфом к своей речи. Именно «ложное свободолюбие», а не драгоценный дар свободы усматривает он на Западе. Поразительны совпадения с речью Солженицына в «Русских Ночах» кн. Одоевского. Уже тогда казалось, что «Запад гибнет», что в своем «материальном опьянении» он эгоистически забывает о главном. «Говорят о всеобщей воле, пишет Одоевский, а дело идет о выгоде нескольких купцов или, если угодно, акционерных компаний.» Ср. Солженицынскую критику нефтяных компаний, которые «покупают изобретение нового вида энергии, чтобы ему не действовать». В сходных выражениях обличают Одоевский и Солженицын западного журналиста, хотя между ними 150 лет сложной и бурной истории. У Одоевского: «журналист на Западе до истощения сил уверяет в своем беспристрастии, но все его читатели хорошо знают, что во вчерашнем заседании акционерной компании журналу определено быть того мнения, а не иного». У Солженицына: «у западной прессы в целом тоже обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы...»

В нападках на юрицизм на общество, «ставшее на почву закона, но не выше», Солженицын очень близок, вероятно сам того не зная, к Ивану Аксакову, писавшему сто лет назад: «На Западе душа убывает, заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутреннее побуждение регламентами, даже благотворительность превращается в механическое дело. Запад потому и развил законность, что чувствовал в себе недостаток правоты».

Можно было бы продолжить эти сопоставления, и найти у Герцена, Леонтьева, Розанова, а затем у Бердяева немало точек соприкосновения с Гарвардской речью, например, в отталкивании от демократии как от царства посредственности, в осуждении западной мягкотелости и т. д. Нам хотелось только подчеркнуть устойчивость в восприятии, вернее в неприятии Запада русским

духом, русской общественной мыслью, с конца XVIII века вплоть до наших дней.

Однако далекие предшественники Солженицына имели перед ним одно преимущество: они противопоставляли гниющему (Шевырев), гибнущему (Одоевский) Западу русскую самобытность, крестьянскую общину, народ еще не тронутый неверием, силу религиозного быта и мистических традиций. А что теперь противопоставить Западу?

Запад может быть и гниет, может быть и гибнет, однако первой пала, пусть отравленная западными ядами, не западная страна (в Солженицынском смысле), а Россия, которая вплоть до 1905 года, а то и 1917 года, не знала ни «ложного свободолюбия», ни избытка свободы, ни избытка правового сознания. (В еще большей степени это можно сказать о второй жертве западных ядов, Китае). В этой невозможности противопоставить худому Западу нечто реально или потенциально лучшее — ахиллесова пята Гарвардской речи. Правда, дважды Солженицын пытается найти в русской реальности признаки превосходства. «Странно, говорит он, вот на Западе достигнуты наилучшие социальные условия — а преступность несомненно велика и значительно больше, чем в нищем и незаконном советском обществе...» Но соответствует ли эта оценка истине? Если верно, как утверждают все, что в Советской России распространяется повальное пьянство, захватившее и детей, если верно, что повсюду царит взяточничество и коррупция, если ежегодно выносятся несколько сотен смертных приговоров, то можно ли говорить о том, что преступность в Советской России значительно меньше, чем на Западе? И почему так старательно скрываются в СССР точные данные о преступности, которые позволили бы научно сравнить нравственное состояние разных стран? Наличие преступности при хороших, даже оптимальных социальных условиях просто свидетельствует о несводимости ее к социальным факторам. Греховность человека не изгнать достатком, она — духовного свойства, но вряд ли «духовно опустошенный» человек в советских государствах менее греховен, менее склонен к преступности. Или тогда «духовная опустошенность» остается без последствий?

И еще один как бы несомненный факт превосходства над Западом отмечает Солженицын: расслабление характеров здесь и укрепление их на Востоке: ...«сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучно регламентированная жизнь Запада». Это

несомненно так, когда смотришь на самого Солженицына, это быть может и так в ряде других случаев, но верно ли это утверждение в обобщенном смысле? И на десятки сильных характеров сколько приходится слабых, затертых, исковерканных «сложно и смертно давящей жизнью». Да, испытания закаляют людей, войны и революции выдвигают сильные личности (и на Западе тоже), но ведь нельзя же ради этого желать «смертной жизни»? И опять-таки, как при духовной опустошенности вырабатываются сильным характерам? Получается так: если на Западе человек слаб, то это в силу царящей там системы, если человек в России силен, то это вопреки враждебному ему строю. А что будет с русским человеком, когда Россия, как мы все надеемся, пойдет по пути более ровному, более благополучному?

Не трудно подвергнуть критическим замечаниям еще и другие пункты Гарвардской речи. Не утопично ли думать, что социальные отношения между людьми с одной стороны, между индивидом и государством с другой, можно урегулировать иначе, чем через разработанную сеть законов? Как оградить человека от собственной его греховности, как обеспечить его неприкосновенность от всемогущего в наши дни государства иначе, чем через правовое сознание? Ведь сама Церковь, призванная являть спасенное общество, и та неизбежно выработала правовые отношения, «каноническое право», хотя она, в идеале, знает лишь власть любви и даже знание возвела в любовь.

И тем не менее наша критика бессильна против основной, нутряной правды Гарвардской речи. Не анализ западных слабостей в ней убеждает, а призыв, устремление, пророческий пафос. На таком языке, на таком моральном уровне, сегодня с Западом никто не смеет или не хочет говорить.

«Зачем пророчествует одна только Россия?» спрашивал себя Гоголь. И отвечал сам себе: «Затем, что она сильнее других слышит Божью руку на всем и чуует приближение иного царства».

Таким русским пророческим духом и является Солженицын. Его критика Запада объясняется тем, что он из тех редких избранных, которые сильнее других слышат Божью руку в истории, да и саму историю измеряют мерою иного царства.

Прот. К. ФОТИЕВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ВЕЧНОЕ

После краткого прорыва полуправды о советском периоде нашей истории в хрущевскую эпоху, официальные исторические концепции в СССР вернулись к установке, которая была присуща последним годам сталинского правления. Все, что пишется о прошлом нашей страны, отмечено, во-первых, прямой ложью, во-вторых — упорным замалчиванием неугодных для власти фактов и, в-третьих, националистическим бахвальством. Сказанное можно уточнить — ложь и замалчивание становится тем последовательней и беззастенчивей, чем ближе та эпоха, о которой идет речь, к нашему времени. Беседуя с людьми, прошедшими свои школьные и студенческие годы в Советской России, легко убедиться, что о начале XIX века они знают больше, чем о первых двух десятилетиях XX-го — последнее царствование (как и годы гражданской войны) не только оболгано: замалчивается все, что свидетельствует о культурном и экономическом росте страны, как и то, что говорит о постепенном возрастании правового начала и политических свобод в конце прошлого и в начале нашего века.

По отношению к более удаленным эпохам — таким, которые нельзя сравнивать с нашим временем, как можно сравнивать последнее царствование с советскими десятилетиями, неизменно торжествует националистическое бахвальство по следующей нехитрой схеме: великий, замечательный народ по-настоящему расцвел, конечно, только после спасительного «октября», но и до он являл свое величие даже при никуда не годных правителях; впрочем, бывали в России правители и неплохие: их первым качеством была суровость, даже деспотизм — они умело «сгибали в бараний рог» те силы, которые, по самой природе своей, «реакционны» (боярство, Церковь); заодно доставалось и народу — как же без «издержек»? — но это служило для его вящего процветания в будущем.

Именно по этой «схеме» написана одна из лучших, в смысле литературного мастерства, книг советского периода — я имею в виду роман А. Н. Толстого «Петр Первый». Но литературная «смачность» этого романа, восхитившая в свое время даже такого требовательного и строгого писателя, как И. А. Бунин, не может — во всяком случае не должна бы — заставить нас забыть,

что книга эта была написана как апология, путем исторической параллели, сталинской деспотии: перечитываешь эту книгу и начинает казаться, что она написана не чернилами, а дегтем, не пером, а ручкой кнута — не только за ее художественные качества был А. Н. Толстой награжден за этот роман сталинской премией первой степени. Проживи А. Н. Толстой подольше, он написал бы пожалуй — при соответствующем «заказе» — и апологию аракчеевщины: можно не сомневаться в том, что образ Настасьи Минкиной удался бы «красному графу» на славу... Роман «Петр Первый» прочитали не без удовольствия и русские эмигранты (особенно «сменовеховцы» и будущие «возвращенцы») — книга льстила их национальному самолюбию, отражала величие России, как это величие понимало население эмигрантских гетто: узнать по-настоящему западный мир, в котором они жили, эти эмигранты не удосужились, но презирали его дружно. Любимым писателем для широких кругов первой эмиграции был, наряду с П. Н. Красновым, И. Шмелев — он давал националистической гордыне лирическое питание; «православие» этого, очень далекого от Церкви, писателя так и сияло благоуветливостью, благообразием (можно было бы добавить еще несколько «благо...») всем очарованием нам, только, якобы, нам, присущего быта, который был и «богоугоден» и так безмятежно-прекрасен, пока не разрушила его «кучка большевиков», подстрекаемая «массонами и жидами». О шмелевском варианте националистического оболыщения пронизательно писал покойный Г. В. Адамович. Признавая за Шмелевым огромный талант и глубокую — при его «православии» несколько странную — печаль, Г. В. Адамович писал о теме шмелевского творчества: «Перечитывая Шмелева, хочется воскликнуть: «не узнаю тебя, Россия». Не то она и не в том она, по крайней мере не только «то», и не только в «том». Впечатление такое, будто с белых беспредельных просторов, куда вывел нас русский XIX век, с Пушкиным и Толстым, с Лермонтовым и Гоголем, с Тютчевым и Достоевским, после того, как вдохнули мы воздуха подлинной свободы, мудрости и человечности, опять захлопнуты окна... Ну, может быть, и в затейливо расписанном тереме, со всякими там коньками и вышивками, с красными девицами и удал-добрыми молодцами, но и затхлостью их плохо проветренных покоев, с плесенью на стенах». Но, конечно, почитатели Шмелева Адамовича не читали, а если бы случайно прочли, то наверное обругали бы его. Как? Слово «космополит», как ругательство, было придумано позднее, и не в эмиграции, а в Советской России.

Шмелевской комбинацией из нестеровских березок с васнецовскими богатырями не ограничивалось то самоуслаждение, которым тешила себя довоенная эмиграция. Тот же Адамович с умной и печальной иронией пишет о сборниках — (конечно, «роскошно иллюстрированных») — которые издавались по случаю «дней русской культуры». В них было мало культуры, но много кокошников, вышитых рубах и беззастенчивого бахвальства. Но своего печального апогея эта тяга не только к бахвальству, а к самообольщению достигла совсем недавно в чудовишно-помпезной книжище, которая весит пуд, стоит очень дорого и издана «Комитетом русской православной молодежи» при Синоде Русской Православной Церкви Заграницей под заглавием «Коронации на Руси».

«Гордись, тебе льстецы сказали...» Если эта книга попадет в руки тех, кто недавно покинул Советскую Россию, на них пахнет с ее страниц чем-то хорошо знакомым: та же «лакировка», то же бахвальство. Эта книга так же беззастенчиво-пропагандно и примитивно восхваляет монархическое прошлое России, как советская историография это прошлое поносит и чернит. Даже эвфемизмы у составителей этой книги такие же, как у советских мемуаристов: о Петре III сказано лишь, что после дворцового переворота «его не стало». Об убийстве в ропшинском замке составители сборника «Коронации на Руси» — и добровольно, не будучи принуждаемы цензурой — пишут тем же лживо-прикровенным языком, к которому прибегает, например, И. Г. Эренбург, когда он говорит о жертвах сталинского террора. Перелистывая эту книгу с чувством, близким к отчаянию, я думал о победно шествующей, поверх всех границ, полу-правде, которая может быть хуже прямой лжи. Думал я и о жертвах кровавой расправы в подвале ипатьевского дома — их трагедию, их память не почтили, а профанировали составители книги «Коронации на Руси»... Хочется отряхнуться от этой лживой помпезности и подышать другим воздухом — с благодарностью вспомнить тех, кто были моими наставниками в изучении истории Церкви и истории России.

Антон Владимирович Карташев и отец Николай Афанасьев... Если, из числа моих учителей в Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже, я выделяю эти два имени, то делаю я это не только потому, что оба они были историками. Основные научные и духовные интуиции этих двух замечательных ученых, доведенные до своего логического предела, как бы исключают одна другую: истина, очевидно, в антиномическом сочетании, в трудной

сопряженности тех основных прозрений, которыми были отмечены как они сами, так и их научный подвиг. Отредактированные А. В. Карташевым — впоследствии частично изданные — машинописные курсы по всем периодам истории Церкви служили нам для подготовки к экзаменам; на лекциях же и на семинарах он был занят не столько систематическим изложением предмета, сколько вдохновенными комментариями, обширными отступлениями, которые мы, студенты, любили больше всего. Оратором он был несравненным, говорил он образно и четко, иногда — гневно и саркастически. С особым вдохновением вещал он о национально-культурной миссии Церкви в судьбах Византии и России. А. В. Карташев был убежденным этактистом, он считал союз Церкви с государством в прошлом необходимым и провиденциальным, хотя не уставал подчеркивать те отрицательные последствия, к которым этот союз Церковь привел, и на будущее предвидел союз Церкви не с государством, а со свободными общественными силами. «От объятий государства у Церкви косточки хрустывали» — любил он повторять. Но те, кто в прошлом были противниками союза Церкви и государства, кончали, по убеждению А. В. Карташева, уходом в монофизитскую пустыню, обрекали себя на историческое бесплодие. Столь близкие сердцу Г. П. Федотова верующие, вдохновленные евангельской свободой бунтари против церковно-государственного правопорядка не были особенно близки А. В. Карташеву — о них он говорил исчерпывающе, но как объективный историк. Зато о крестителе Руси он говорил с блестящими от вдохновения глазами, а незадачливого студента, высказавшего мнение, что поход Владимира на Корсунь был политической авантюрой, а крестили Русь византийцы, он выгнал с экзамена. «Нашим крестителем был наш монарх!» — гремел он. С этатизмом у А. В. Карташева сочеталось то чувство, которое его коллега, покойный проф. прот. В. Зеньковский, очень точно назвал «национальным эросом». Русский до мозга костей, потомок переселенных на уральские заводы крепостных туляков, он страстно любил Россию и непоколебимо верил в ее великую историческую миссию. Но одновременно он задыхался от гнева, говоря о тех сторонах русского характера, которые он называл «размазней» — о косности, лукавстве, недостатке волевого начала. Осуждая церковную политику Петра, он считал ее неизбежной для начала русского XVIII века, а личностью Петра он не переставал восхищаться, хотя и в нем проклинал ненавистное ему «русское хамство». Национальное и этатическое вдохновение были настолько сильны в А. В. Карташеве, что он как бы не замечал, или не хотел

признавать того, что союз Церкви и государства трагически видоизменил само самосознание Церкви, привел к проникновению в Церковь формально-правового начала, к загуханию эсхатологической перспективы, к постепенной замене устремленности к космическому спасению мира во Христе религией благочестия и личного спасения. Его поздняя книга — «Воссоздание святой Руси» — носит публицистический и декларативный характер. Не может быть сомнения, что основная ее идея — союз Церкви со свободными общественными силами, как замена исторически изжившего себя союза Церкви с государством — правильна и плодотворна. Но «национальный эрос» в этой книге как бы сузил перспективу автора и подавил собою то, чему А. В. Карташев служил всю свою жизнь. Своих любимых учеников он вдруг подозревал не только в несвойственном им «космополитизме», недостаточной русскости, но и в тяготении к христианству отрешенному, чуждому муки и беспокойства, на которые обязывают нас наша эпоха и трагическая судьба России. Он, меривший всю свою жизнь лишь евангельскими истинами и пророчески свидетельствовавший о восхождении к горнему граду, как цели истории и содержанию каждой индивидуальной судьбы, вдруг ограничил себя «кругом национальных задач», сдался и как бы протянул руку церковным обскурантам, звонко вещающим о своей русскости — он, который «гносимахию» (гонение на богословское знание) всю свою жизнь ненавидел с такой страстью! Можно лишь поразиться тому, как мог А. В. Карташев в своей книге «Воссоздание святой Руси» призвать слушать «золото, золото сердце народное» в качестве критерия истины или хотя бы мерила идейных исканий! Это писал А. В. Карташев, который не уставал повторять, что, наряду с тягой к святости, русской душе присуща одержимость, склонность «отдаться бесу» в смеси слабости и разрушительного буйства, что и проявилось в русской революции, которая, по убеждению А. В. Карташева, отнюдь не была неизбежной исторически и экономически, но, в смысле нараставшей порчи народной души, не была случайной. «Все, от Александра Блока до последнего солдата, возжелавшего стать дезертиром, провалились на историческом экзамене», — часто повторял он. (А. Блок А. В. Карташев близко знал с того самого дня, когда молодой поэт впервые вошел в гостиную Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус). «Кающийся интеллигент» — он был видным общественным деятелем и публицистом, министром Временного правительства и, по его собственным словам, «принадлежал к тому поколению, которое проиграло Россию Ленину» —

затмил в нем богослова, он не смирился, а как-то, столь неестественно для него, принизился. История стала для него не спиралью, призванной, пусть в форме циклических повторений, подниматься к Небесному Царству, а просто кругом, ходя по которому нужно лишь поднимать взор к небу в поисках сил и утешения. «Четвертая седмица Великого Поста, мы уже отговели» — с какой-то безмятежностью писал он мне весной 1955 года. Как отличны эти слова от огненного, пророческого накала его книг, его лучших лекций!

Отец Николай Афанасьев был прямой противоположностью А. В. Карташеву. Родом из Одессы, сын помощника присяжного поверенного, он ничем и никогда не проявлял своей любви к России или даже интереса к ее судьбе; «политики» он боялся и избегал ее с той же старательностью, с которой А. В. Карташев ей отдавался. Лектором он был очень посредственным, в написанном им легко обнаружить бедность стиля и даже языковые погрешности. Но как значительно было то, о чем он говорил, как последовательно соотнесено к тому, что составляет сущность Церкви и ее последнюю глубину! В Свято-Сергиевской Духовной Академии о. Николай, окончивший юридический и богословский факультеты Белградского университета, занимал кафедру канонического права; читал он, как бы «по долгу службы», и довольно специальные курсы (например — брачное право), но его подлинным призванием была, конечно, история ранней Церкви. Если для А. В. Карташева история Церкви «во всю ширь» начиналась как бы только с императора Константина, то для о. Николая образ доконстантиновской Церкви составлял самую сердцевину всех его научных интересов; скажу больше — он томился высокой тоской по этой эпохе, всматривался в нее, как в однажды воссиявший и затем скрывшийся рай. О, высокая свобода сынов Божьих, которые отвергли власть века сего, обновились умом, открылись упованием и собирались на евхаристическую мистерию, как на встречу, каждый раз новую, с Победителем-Христом — вочеловечившимся, распятым, воскресшим и паки грядущим! По сравнению с этим огненным озарением «победы победившей мир веры нашей» все то, что пришло позже, ощущалось о. Николаем как трагическое снижение, как компромисс исторической Церкви с тем, что, по самой сущности своей, ей иноприродно: церковная власть, пришедшая на смену любви, категории права, в которые стали «вгонять» то, что некогда было харизматическим дыханием благодати... Конечно, иной Церкви, чем Церковь историческая, для него не существовало и он не искал ее — на мой

вопрос об его отношении к «третьему завету» он с улыбкой ответил: «оставьте это публицистам». Церковь и после императора Константина была и оставалась для о. Николая благодатным Телом Христовым, а о канонических постановлениях Вселенских и Поместных Соборов он говорил, что они столь же безусловны и обязательны, как и догматические, вероучительные определения и отличны от них лишь тем, что новый Собор, принятый вселенским сознанием Церкви, может их видоизменить или упразднить; то обстоятельство, что некоторые канонические постановления Соборов «повисли в воздухе», никогда не нашли своего применения и осуществления в жизни Церкви, он считал богословски необъяснимым. Анализируя историю Церкви и ее канонический строй, он оставался ее верным сыном, но не скрывал своего глубочайшего — пожалуй, центрального для всей его богословской установки — убеждения, что «категории права не принадлежат к природе Церкви».

Верный своему основному восприятию Церкви, как харизматическому действию в мире Святого Духа, о. Николай Афанасьев последовательно разоблачал, как несостоятельные, те утверждения школьного богословия, которые проникли в православную Церковь со схоластического Запада или возникли на Востоке, но исходили от тех, кто, по слову о. Георгия Флоровского, «молились по-славянски, но думали по-латыни». Мысль о. Николая как бы описывала концентрические круги, которые, сужаясь, беспощадно опровергали то, что ему представлялось неприемлемым и ошибочным, но действовал он при этом с исключительной интеллектуальной честностью и четкостью, разбирая каждый аргумент, каждый оттенок мысли тех, с кем он не соглашался. К своим собственным выводам он приходил с большой осторожностью, готовый всегда ответить на могущие возникнуть новые возражения. Мне особенно запомнилось его рассуждение о невозможности какой-либо «формальной гарантии» в вопросе о действительности таинств — с какой убедительностью он показал, что подобные «гарантии» несовместимы с суверенностью Божьей, с извечной и таинственной свободой Духа Святого, который «дышит, где хочет». Единственное — считал о. Николай — что мы можем сказать, утверждая действительность совершенного таинства, это то, что все условия для его совершения, которые содержат Священное Писание и Предание Церкви, были соблюдены. Мы бессильны проникнуть в тайны свободного действия Святого Духа, подобно тому, как мы никогда не сможем приблизиться к навеки от нас сокрытой тайне внутритроичного бытия;

мы можем лишь верить, уповать и смиренно принимать дарованное нам.

Как никто другой, о. Николай пробуждал мысль, заражал своих слушателей своим томлением по образу Царства, по той чистой радости, которой была отмечена первенствующая Церковь, по тому свету, что лишь иногда сияет нам среди трудных будней нашего церковного бытия. Но на наши нетерпеливые молодые вопросы: «что же следует делать сегодня?» — он лишь устало разводил руками. Он мог бы, пожалуй, ответить евангельскими словами — «познайте истину», но предпочитал говорить проще: «Это ваша эпоха, ваша судьба. Думайте сами».

Готовых «рецептов» у него не было; убежден, что он вообще не верил, что подобные «рецепты» могут существовать. Он учил другому — различению духов, иерархии ценностей, он не устал напоминать, что Церковь — в мире, но не от мира, что у нее своя, отличная от всего «того, что в мире», природа. Тот, кто был учеником о. Николая, всегда будет противостоять любой попытке «редукции» Церкви к каким-либо «национальным задачам». Небесное отечество возвышается над отечеством земным, оно есть его мера и суд над ним.

И. ШАФАРЕВИЧ

ДВА ИНТЕРВЬЮ

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

К. РЕННУ

ВОПРОС: Какова роль русской национальной традиции в новейшей истории России?

ОТВЕТ: Вопрос этот очень емкий, он имеет несколько аспектов.

1. В ту эпоху русской истории, кульминационным моментом которой были Февральская и логически из нее вытекавшая Октябрьская революция, основной силой, властвовавшей над умами, было учение социализма — а началось это еще с революционных кружков, убивших царя Александра II, который освободил крестьян. Но социализм — это было совершенно чуждое России учение, в отличие от Западной Европы он не имел здесь никаких исторических корней. В то время как социалистические учения были широко распространены в Западной Европе в век просвещения и еще раньше, вплоть до Крестьянской войны в Германии, в России до второй половины XIX в. нельзя найти никаких признаков их влияния. Занимаясь несколько лет историей социализма, я не переставал удивляться, насколько различны были в этом отношении пути России и Западной Европы. Две основные фигуры, с которых началось распространение социализма в России, Бакунин и Герцен, должны были сначала эмигрировать на Запад, чтобы там познакомиться с этим учением, а уже оттуда импортировать его к нам.

Таким образом, здесь было внезапное вторжение совершенно новой для нашей страны идеологии. Одной из причин успеха социализма в России была именно эта внезапность, которая не дала времени критически осмыслить новое учение.

2. В частности, создатели марксизма проявляли всегда особенную ненависть к России и русским. Маркс и Энгельс называли ненависть к России даже «первой революционной страстью» немцев. В биографии Маркса есть трогательная черта — он прилежно изучал русский язык, казалось бы, любя русскую культуру и желая узнать ее лучше. Но в письме Энгельсу он

дает другое объяснение: чтобы знать лучше своего врага. Эту традицию от них усвоили многие марксисты. Троцкий, например, писал, что одной из основных черт русского народа является «стадность» — и это будучи одним из глав страны, где большинство составляют русские!

3. Те либералы, которые оказались на правительственных постах после Февральской революции, смотрели с презрением на традиционные формы русской жизни и государственности, стыдились их и лишь торопились скорее их переделать по образцам, взятым с Запада. Более же крайние группировки революционного движения, например, большевики, призывали бороться за поражение своего правительства в войне. И для тех, и для других слово «патриот» было оскорблением. Одну из своих речей Троцкий закончил возгласом «Будь проклят патриотизм!»

Можно себе представить, к каким последствиям привело воплощение в жизнь таких взглядов. Сносились памятники, церкви и старые здания, напоминавшие о русской истории, а поэты призывали расстреливать дворцы так, как расстреливают белогвардейцев. Улицы переименовывались так, что сейчас их названия уже никак не связывают их с нашим прошлым. Дети воспитывались на таком изложении русской истории, где все ее деятели изображались жадными грабителями, идиотами или сифилитиками. Элементарная логика приносилась в жертву этой концепции; так, два, казалось бы, взаимоисключающих положения особенно часто повторялись: «История России заключалась в том, что ее всегда били» и «Россия была жандармом Европы».

Целое поколение было воспитано в этой атмосфере, которая прививала комплекс вины за русскую историю. Только поняв это, можно оценить тот жесточайший кризис, который пережило тогда национальное самосознание: речь шла вовсе не о чувстве ущемленной национальной гордости, — само право народа на существование (если не физическое, то духовное) было поставлено под сомнение.

4. Когда, после смерти Сталина, стали пробиваться на поверхность первые побеги независимой мысли, наметилось два течения в оценке русской истории и русского будущего. Одно из них объединяет людей, отказавшихся от сталинизма, иногда даже от марксизма, но как бы нечувствительных к национальному аспекту жизни (точнее, к русскому национальному аспекту; проблемы других народов, как правило, встречают очень сочувственное отношение). Обычно этот взгляд совпадает с тем, что со-

временные проблемы нашей страны воспринимаются вне связи с ее тысячелетней историей, статически. Несомненно, на этом пути можно сделать (и было сделано) много полезного, однако мне кажется, он чреват некоторыми искажениями, когда на первый план выдвигаются вопросы, важные лишь для сравнительно узких слоев, — как, например, проблема эмиграции, которая ведь подавляющей части народа вообще не затрагивает.

С другой стороны, совершенно стихийно, не в трактатах или программах, а как чисто эмоциональный порыв, широко распространилось тяготение к воссоединению с утраченными национальными корнями: влечение к русской культуре, поездки групп молодежи в старые монастыри, коллекционирование репродукций икон, интерес к русской религиозной философии XIX и начала XX в. Отсюда вытекали попытки защитить от разрушения старые здания или спасти для потомства рукопись умершего священника, стремление по-новому понять свою историю в свете современного опыта и найти ключ к проблемам современности в более чем тысячелетней истории.

Это течение является проявлением простого стремления к самосохранению нашего народа, оно есть непосредственное следствие того, что, несмотря на все испытания, через которые он прошел, русский народ существует, имеет свои национальные цели и свое мировоззрение. Оно является национальным, но это явное искажение истины, когда его называют националистическим или шовинистическим: в питающих его настроениях нет ничего агрессивного, враждебного другим народам. Конечно, в государстве, где вместе живет много наций, неизбежно возникают межнациональные трения, иногда проявляющиеся в злых и несправедливых суждениях. Но по большей части они исходят не от русских, так или иначе захваченных тем течением, о котором я говорил, а наоборот, направлены против русских. В меньшей мере с этим можно столкнуться внутри страны, гораздо чаще — в так называемой «третьей эмиграции». Я приведу только один пример из очень большого числа. В недавно опубликованной статье автор предлагает раздробить СССР на более мелкие государства по национальному признаку. При этом он прибавляет, что дело это хоть и трудное, но выполнимое, ибо собственно-русское государство будет еще достаточно большим и сможет принять тех русских, которые будут вынуждены покинуть свое место жительства. То есть то, что считается одним из страшнейших сталинских злодеяний — насильственное переселение по национальному признаку — оказывается вполне допустимым, если

оно применяется к русским. Я не представляю себе, чтобы могло быть опубликовано подобное предложение по адресу других народов, исходящее от русских.

Осознание своих национальных задач не мешает, а помогает понять другие народы. У Диккенса в одном романе есть глава «Телескопическая филантропия», где изображена дама, так занятая делами негров в провинции Бариобуло-Гха, что собственные ее дети ходят голодными, грязными и оборванными. Мысль Диккенса: дама на самом деле не любит ни своих детей, ни негров из Бариобуло-Гха. Точно так же и мне трудно представить себе, что человек, не болеющий прежде всего нуждами своего народа, может «телескопически» любить другие народы.

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «FRANKFURTER ALLGEMEINE ZEITUNG»

(6-VI-1977)

Как Вы оцениваете нынешнее положение диссидентов в Советском Союзе? Какие течения Вы различаете среди них? Думаете ли Вы, что расширение диссидентского движения связано с политикой разрядки?

Понятие «диссидента» очень расплывчато и безусловно нуждается в уточнении. Во время Французской революции говорили: теперь есть только две партии — партия живых и партия мёртвых. Мне кажется, что и в нашей стране все люди прежде всего разделяются на два типа. Первые — это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за ее будущее. Вторые — это все остальные. Я не хочу сказать, что первый тип и есть диссиденты, это совершенно неверно. Под западное понятие «диссидента» подходят лишь те из них, кого их жизненная установка привела к явному столкновению с аппаратом власти — кто выступил с нежелательным властям заявлением, опубликовал по собственной инициативе статью или книгу на Западе и т. д. Но подавляющее большинство в такое явное столкновение не вступает: учитель, старающийся рассказать школьникам вопреки программе побольше о Пушкине и поменьше о Шолохове; люди, борющиеся против загрязнения озера Байкал, вызывая неудо-

вольствие начальства; писатель, рассказывающий о трагической судьбе русской деревни и т. д. и т. д. И все же основным представляется мне не факт столкновения с властями, прежде всего бросающийся в глаза, а МОТИВ этого столкновения: не внешнее действие, а внутренняя его причина. Например, человека, вступающего в какой-нибудь «Комитет» или «Комиссию», чтобы тем самым заставить власти разрешить ему эмигрировать — было бы неразумно относить к тому же социальному типу. Я не хочу никак квалифицировать такую позицию, но только обращаю внимание на то, что здесь мы имеем два принципиально различных явления, которые неразумно объединять в едином понятии, хотя бы потому, что они совершенно различно прогнозируемы. Подобно тому, как человека и страуса хотя и можно объединить в одну группу по признаку хождения на двух ногах, но это не поможет пониманию сущности ни одного из обоих видов.

Среди диссидентов можно указать два течения, наиболее явно расходящихся в своих принципиальных установках (хотя в данный момент обе установки могут приводить и к очень близким действиям). Одна исходит из того, что все общества развиваются примерно по одним и тем же закономерностям, что на этом едином пути Запад обогнал Россию и Советский Союз, и поэтому единственный здоровый путь — это развитие по западному образцу. На такой точке зрения сходятся как те, кто «западный образец» понимает в духе парламентской демократии, так и те, кто исходит из другой идеологии западного происхождения — марксизма. До революции подобная точка зрения тоже существовала и её последователи назывались «западниками».

Другие основываются на том убеждении, что каждый народ индивидуален, именно эта индивидуальность должна определять его жизненный путь, только благодаря ей народ и ценен для всего человечества. Поэтому они считают, что направление развития нашей страны должно органически определяться ее предшествующей историей, что разрыв в исторической традиции может быть смертелен для нации и должен быть всеми силами преодолен. Для большинства представителей этого течения основополагающую роль играют взгляды Достоевского на русскую историю. Достоевский сам называл себя «почвенником». Мне кажется, что такой термин хорошо характеризует все это течение.

Политика разрядки не вызвала расширения диссидентского движения по той причине, что такого расширения за последнее время и не произошло. Но интересно, что не произошло и его сужения. Сколько я помню, начиная с того времени, когда впер-

вые заговорили о диссидентах, после очередного процесса каждый раз казалось, что это движение пришло к концу. Но каждый раз оно восстанавливалось в прежнем, весьма небольшом размере. По-видимому, именно в таком размере оно зачем-то нужно для жизни страны и страна его поддерживает на этом уровне.

Как Вы определяете Вашу идейную позицию? Причисляете ли Вы себя к какой-либо группе? Можно ли считать, что Вы выражаете взгляды какой-либо группы или идейного течения?

Я разделяю взгляды того направления, которое я выше характеризовал как «почвенников». В частности, я считаю, что начало нашей национальной истории (точнее говоря, истории народа, который в течение нескольких веков называл себя русским, а потом разветвился на три родственные народа: белорусский, украинский и русский) неразрывно связано с принятием православия. Тогда возникло сознание национального единства и представление о некоторых общенациональных целях. Православие было духовным стержнем, который помог перенести татарское иго, сохранив свои национальные идеалы. Оно дало силы преодолеть распад русского государства с XVII в., когда в Москве стоял польский гарнизон и сидел польский царь. Опираясь на православие, страна смогла выстоять под наплывом западных веяний, нахлынувших после реформ Петра Великого, и иностранцев, образовавших правящий слой страны — и все же не потерять своей национальной индивидуальности, но творчески вобрать в себя западные влияния. Так возникла русская культура XIX в., величайшие гении которой — Гоголь, Достоевский, Толстой — тоже стояли на почве православия. Мне кажется совершенно неправдоподобным, что какой-либо народ может отказаться от источника, питавшего его духовную жизнь в течение тысячелетия, — и остаться духовно-живым организмом. Поэтому я уверен, что если жизнь нашей страны еще не кончена, то возможна она на пути православия и развития русской национальной традиции.

Я не принадлежу ни к какой группе, если под этим подразумевать хоть какую-либо форму организации, — хотя бы то, что члены группы знают друг друга. Но я думаю, что многие придерживаются близких мне взглядов. Число их оценить, конечно, невозможно, но думаю — что очень многие. Об этом говорит и тяготение молодежи к религии — раньше в церкви можно было увидеть почти только пожилых женщин (они и отстояли

церковь в самое страшное время), а теперь на большие праздники в церкви теснятся в основном молодежь. Или интерес к старым иконам, зданиям и церквям, движение в защиту памятников старины. И особенно — замечательная литература о русской деревне, возникшая за последние десятилетия — одно из самых значительных явлений в культуре нашей страны.

Что Вы можете сказать о Вашем отношении к Солженицыну? Разделяете ли Вы общественно-политические взгляды Солженицына, высказанные им, например, в «Письме вождям Советского Союза»?

Я думаю, что Солженицын принадлежит к тому же духовному течению, так же смотрит на будущее нашей страны. Более того, он ярче и глубже всех сумел выразить это мировоззрение. В «Письме вождям» он сказал: «Вести такую страну — нужно иметь национальную линию и постоянно ощущать за своими плечами все 1100 лет ее истории, а не только 55 лет, 5% ее.» Вряд ли можно более выпукло и четко выразить этот взгляд.

Что касается до конкретных рекомендаций его «Письма», то что ж их обсуждать, когда адресаты не проявили к ним никакого признака интереса!

К какой общественной и политической альтернативе нынешней системе Вы склоняетесь? Считаете ли Вы либеральную демократию приемлемой моделью или предпочитаете авторитарную государственную систему?

Этот вопрос представляется мне сейчас, в условиях нашей страны, безнадежно академическим, абсолютно не связанным ни с какой жизненной реальностью. Я, например, не встречал в своей жизни ни одного человека, считавшего желательным немедленное введение у нас многопартийной парламентской системы (равно как и монархии). Все, вероятно, чувствуют, что такой перелом жизни привел бы только к еще одному кризису, быть может последнему для этой страны. Что нам нужно — это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних (какой-то минимум все же необходим). Нужен возврат к Богу и своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны. Мне кажется, общественный строй есть нечто производное от духовного состояния народа. И он должен не логически конструироваться — это опасный путь «Утопии», — а органически вырастать из истории.

Как Вы оцениваете процесс Орлова?

Если отвлечься от некоторых деталей (например, что женщину раздевают и обыскивают в присутствии мужчин), то по своему характеру процесс Орлова ничем не отличается от предшествующих процессов — например, Осипова или Ковалева.

Но очень велико отличие в реакции Запада. До сих пор западное общественное мнение почти не обращало внимания на политические процессы в СССР. Например, совсем не был замечен арест Талантова, который с поразительным мужеством выступил против массового закрытия церквей в начале 60-х годов — и это в то время, когда о диссидентах еще не заговаривали. Началось с угроз, которые довели его жену до инфаркта и смерти. Вскоре он был арестован, отправлен в лагерь и умер там в тот же год. Кажется, никакого отзвука не получил, в то время, когда он происходил, и крупнейший в постсталинское время политический процесс — ВСХСОН'а (социально-христианского союза). А в нем участвовало 20 подсудимых! Не слышно было и откликов на процесс Осипова, хотя речь шла о первом значительном бесцензурном журнале, издававшемся открыто, с фамилией редактора на первой странице!

Совсем другое дело процесс Орлова — заявления министров и президентов, резолюция американского конгресса и прения в английском парламенте, непрекращающиеся статьи в западной прессе... Думаю, что такое изменение позиции Запада должно быть воспринято с удовлетворением всеми. Если есть люди, считающие процесс безупречным, а приговор ему — справедливым, то они должны быть довольны, что это похвальное действие стало так широко известно. Другие же — могут видеть в дружной реакции общественности Запада признак надежды на то, что когда-то у нас такие процессы и приговоры прекратятся. А может быть, это смягчит и судьбу самого Орлова.

Какое отношение государства к диссидентам Вы предвидите в будущем?

Я оптимист и уверен, что когда-то возобладает единственно-разумная точка зрения: что с сообщаемыми фактами и высказываемыми взглядами надо бороться публикацией других фактов и опровержением взглядов, а не лагерем и ссылкой. И по самой практической причине: потому что иначе можно прийти к заключению, что иных аргументов кроме лагеря — нет. Но страшно подумать, сколько еще процессов пройдет, прежде чем разум

восторжествует. Увы, пока этот момент не виден и вдалеке. Как на одно из последних свидетельств этого печального положения, хочу обратить внимание на арест 14 мая этого года Александра Подрабиника, члена рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Комиссия сообщала о случаях заключения в психиатрические больницы, имевших по ее мнению политическую причину, публиковала фамилии лечащих врачей и адреса больниц, обращалась с ходатайством к медицинским властям. Подрабинека обвиняется в клевете на советский строй — это грозит лишением свободы до 3-х лет, но вполне вероятно, что (как это было в процессе Орлова) во время следствия формула обвинения будет заменена на другую, угрожающую заключением до 7 лет.

Я надеюсь, что западное общественное мнение не останется равнодушным к судьбе Подрабиника, потому что уверен: **речь идет об опасности, общей для нас всех**, одинаково угрожающей и Западу и Востоку. То явление, с которым боролся Подрабинека, не было просто злоупотреблением властей или несовершенством законодательства. Это был вполне логичный вывод из глубоко укоренившегося, последовательно-материалистического взгляда на сущность Человека. Если в человеке не видеть большего, чем равнодействующую социальных или биологических сил, то для него теряют всякий смысл понятия вины и наказания, как они бессмысленны в применении к машине. Как испортившийся компьютер не судят и не наказывают, а чинят, так надо чинить и человека, действующего не в соответствии с заложенной программой, — для этого и существуют психиатрические больницы особого типа. Вывод этот столь неизбежен, что еще предшественник и учитель Маркса — Вейтлинг нарисовал картину будущего общества «гармонии и свободы», где не будет судов и тюрем, но все «одержимые болезненными страстями» будут направляться в больницы, а неизлечимые — изолироваться в особых колониях на островах. Это — типичная Утопия, придуманная мрачным фантазером. Куда страшнее Утопия, которую создает сама жизнь: на пока еще маленькой модели показывает, что может нас ожидать в недалеком будущем. Например, когда врачи-психиатры, по-видимому, совершенно искренне, объясняют насильственно доставленным к ним пациентам, что их религиозные убеждения или критическое отношение к жизни (как говорят врачи, **ОТСУТСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ**) — это и есть верный симптом их психического заболевания.

То мировоззрение, из которого вытекает этот вывод, возникло не у нас, оно произошло и расцвело на почве Запада. Поэтому я уверен, что и Западу угрожает та же опасность, быть может только в другом облике: усовершенствование техники манипулирования человеческой психикой, превращение человека в «одномерное», лишенное духовной свободы существо.

В чем Вы видите признаки унификации личности на Западе?

Такая точка зрения высказывалась на Западе неоднократно и, по-видимому, разделяется многими. Например, эпитет «одномерный» подсказан мне названием книги Герберта Маркузе «One-Dimensional Man». Это — один образец литературы, возникшей в основном в 60-е годы. В ряде книг подобного направления убедительно высказывается такая точка зрения: массовое индустриальное общество не просто удовлетворяет потребности своих членов, но, в гораздо большей степени, искусственно создает их благодаря рекламе. Этот процесс переносится и в духовную область. Так возникает гонка создаваемых и удовлетворяемых потребностей, полностью поглощающая человека. Широкий выбор продукции материального и духовного производства на самом деле жестко ограничен рамками того, что соответствует целям общества. Благодаря этому человек настолько интегрируется в общество, что критическое отношение к принципам этого общества становится для него невозможным — не из-за внешних ограничений, а ввиду изменения мышления самого человека. Такие взгляды были идеологической основой студенческих (и, конечно, не только студенческих) волнений, охвативших почти весь западный мир 10 лет назад. Громадный размах этого движения несомненно доказывает, что оно не случайно, но вызвано какими-то глубинными и болезненными сторонами западной жизни.

Другое дело, — тот выход, который предлагали «Новые левые» (например, Маркузе), — он кажется мне чудовищным и ведущим к гораздо большей деградации человеческой личности, чем этого можно опасаться со стороны индустриального общества. Но ведь так и делается история: каждый большой обман должен основываться на доле правды. И мастера разрушительной работы умеют очень тонко найти эту правду — самое большое место того общества, в котором они живут.

Чем отличаются преследования инакомыслящих и унификация личности в СССР и в царской России?

Зачем же мне высказывать Вам свое субъективное мнение, когда Вам очень легко узнать объективные факты? Если это интересно Вам или Вашим читателям, возьмите законы о печати, партиях, профсоюзах, забастовках, действовавшие в России в 1905-1917 годах, и сравните их с известной Вам современностью. Это было бы тем более полезно, что, как мне кажется, на Западе господствуют совершенно фантастические представления о до-революционной России!

А здесь я приведу только один случай, который мне недавно напомнил знакомый юрист. В 1906 г. Государственная Дума оказалась в состоянии непрерывного конфликта с правительством. В полном соответствии с «Основным законом» было объявлено о роспуске Думы и проведении новых выборов. Тогда большая часть депутатов (180 человек) отказалась подчиниться этому указу. Они собрались в Выборге, в Финляндии, где, ввиду предоставленной Финляндии автономии, находились вне досягаемости властей, — и объявили, что заседания Думы продолжаются. Там они выпустили так называемое «Выборгское воззвание», в котором призывали население: не платить налоги и не идти рекрутами в армию. После этого почти все они вернулись в Россию, где были отданы под суд. На суде они не признавали себя виновными и использовали суд для обвинения правительства. В результате они были приговорены к **трем месяцам** тюремного заключения. Их речи и речи адвокатов вместе с портретами и автографами всех подсудимых были изданы в виде книги, которая тотчас же поступила в свободную продажу.

Поучительно сравнить это, например, с процессом Осипова или Орлова.

Как, по Вашему мнению, должен строить Запад практически политику по отношению к Советскому Союзу? Есть ли у Вас принципиальное возражение против сотрудничества между Западом и Советским Союзом?

Политика, я думаю, как и всякая профессиональная деятельность, требует подготовки и опыта. Какие же советы я могу здесь давать? А если бы я собрался с советами обращаться, то советовать стал бы скорее уж своей стороне, чем Западу.

Принципиальных возражений против сотрудничества Запада с Советским Союзом, конечно, быть не может. Все дело в том,

на какой основе это сотрудничество происходит и как конкретно осуществляется.

Приведу пример конкретной формы сотрудничества, которая у меня возражение вызывает. Когда бывший премьер Великобритании Вильсон в тот самый день, как шел процесс над Орловым, подписал соглашение с советским пропагандистским функционером Сусловым и еще сказал, что он гордится этим своим действием, то тем самым он взял на себя долю вины и за жестокий приговор Орлову и за судьбу тех, кто последует за ним в этом скорбном ряду. Например, за судьбу Подрабиника.

ИСТОКИ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Н. Ю. ФИОЛЕТОВА

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Отрывки из воспоминаний о Н. Н. Фиолетове

Эти воспоминания — рассказ об одной из многочисленных на-
сильственно оборванных жизней тех образованных церковных лю-
дей, чьи биографии когда-нибудь войдут неотъемлемой частью в
мартиролог Русской Православной Церкви XX века. Николай Нико-
лаевич Фиолетов, по словам его вдовы, «стойко нес выпавший на
его долю крест скорбей и страданий, не согнулся под их бременем,
не «сошел с креста» (по выражению оптинских старцев). С полным
правом можно сказать о нем словами ап. Павла: «Подвигом добрым
я подвизался, течение совершил, веру сохранил» (II Тим. 4,7). В этом
отношении его жизнь достойна того, чтобы сохранить ее в памяти
для будущих поколений, и во многом поучительна для христиан
нашего времени».

Н. Н. Фиолетов родился 1-го декабря 1891 г. в волжском селе
Ерзовка, в семье священника. Готовясь по традиции к церковному
поприщу, окончил духовное училище (1899-1900 — 1903-1904); затем
поступил в Саратовскую духовную семинарию, которую покинул в
1907 г. в знак протеста против исключения невиновных в револю-
ционных беспорядках. После окончания Царицынской гимназии
(1909 г.) поступил на юридический факультет Московского универ-
ситета, где вошел в группу ближайших учеников Е. Н. Трубецкого.
На последних курсах увлекся историей и теорией церковного пра-
ва. За свое сочинение о канонической деятельности папы Льва XIII
Н. Н. Фиолетов был удостоен золотой медали, и по окончании Уни-
верситета ему было предложено остаться на кафедре канонического
права для подготовки к научной деятельности.

В этот период (1912-1917 гг.) он принимает активнейшее участие
в заседаниях Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева,
публикует статью «Общественная философия Владимира Соловьева»
(«Труды Университета им. Шанявского», 1915), работает в Москов-
ском комитете помощи беженцам, (1916-1917). В декабре 1916 г. Н. Н.
Фиолетов защитил магистерскую диссертацию. В 1917 г. одна из
его пробных лекций «Рецензия как источник церковного правообра-
зования» была напечатана в № 1 «Юридического вестника» и полу-
чила большой церковно-общественный резонанс.

С мая 1917 г. Н. Н. Фиолетов — профессор церковного права в
Пермском Университете. В это время, время подготовки Всероссий-
ского Церковного Собора, он все силы отдает церковно-литератур-
ной деятельности: пишет ряд статей по церковным вопросам в
«Утре России», выпускает две брошюры — «Церковь в обновленной
России» и «Государство и Церковь». Эта литературная деятельность

делает известным имя молодого канониста, и Пермский университет избирает его делегатом на предстоящий Собор. На Соборе Николай Николаевич был самым молодым членом (ему не было еще 26 лет). В качестве секретаря он участвовал в работе отдела «Правовое положение Церкви в государстве» (вместе с С. Н. Булаковым и Е. Н. Трубецким); в то же время он был членом Юридического отдела по урегулированию бракоразводного процесса, который возглавлял митр. Сергей (Страгородский). Осенью 1918 г. после прекращения работ Собора Н. Н., вернулся в Пермь; преподавание канонического права было уже отменено, и Н. Н. Фиолетов стал преподавать историю права.

Летом 1922 г. он получил назначение в Саратовский университет, где встретился со своей будущей женой Н. Ю. Фиолетовой, в то время одной из ближайших учениц С. Л. Франка, недавно высланного за границу. В Саратове он прожил до осени 1924 г.

В августе 1924 г. Фиолетовы переехали в Ташкент, где Николаю Николаевичу удалось получить место в Средне-Азиатском университете.

Этим периодом жизни Н. Н. Фиолетова начинают пользоваться нами отрывки из воспоминаний его вдовы.

В ТАШКЕНТЕ. Церковные связи.

(...) Духовная жизнь в Ташкенте была своеобразной, сложной, полной драматических событий. Крупный пересыльный пункт, Ташкент был в то же время городом ссыльных. Тюрьмы всегда были полны людей, отправляемых в еще более отдаленные края, вроде, например, Душанбе, бывшего в то время большим таджикским кишлаком в предгорьях Тянь-Шаня. В самом Ташкенте проживало много отбывавших трехлетний срок вольной ссылки после выхода из концлагерей, главным образом, из Соловков, — все люди, осужденные по 58 ст. уг. кодекса как политически неблагонадежные. Среди них больше всего было высланных за идеологию духовенства, монахов и монахинь, активных мирян, сектантов всякого рода и просто богоискателей. Много было также попавших в Соловки (а оттуда в Ташкент) случайно, по самым нелепым поводам. (...)

Ссыльные жили свободно, снимая частные квартиры у местных жителей, и были обязаны только явкой в определенные дни для регистрации в органах ГПУ. Жили большею частью впроголодь, заводили знакомства в самых разнообразных кругах ташкентского общества и являлись активными рассадниками всякого рода «идеологий». Узбеки относились к ним сочувственно, принимали их в свои дома, сдавали хибарки.

В европейской части города, среди семей верующих, встречались дома, в которых охотно принимали сосланное или пересылаемое духовенство, организовывали помощь одеждой и питанием. Некоторые постоянно носили передачи в тюрьмы, узнав каким-то образом, что там томятся ссыльные по религиозным делам. В одном из таких домов, у Антонины Михайловны Муромцевой, проживал приятель Н. Н. — П. И. И. (...) У Муромцевых постоянно находили приют временно оставляемые в Ташкенте до назначения нового местожительства ссыльные из духовного звания. Среди них были и епископы. В этот дом хаживал и правящий ташкентский епископ Лука, с которым Н. Н. познакомился в первый же свой приезд.

Епископ Лука (Войно-Ясенецкий), известный не только в Ташкенте врач-хирург, незадолго до нашего приезда овдовел, принял монашество и был хиротонисан в епископы с оставлением в Ташкенте. Святейший благословил его и в сущем сане совершать по мере надобности операции, и он нередко пользовался этим разрешением, уступал настойчивым просьбам больных, решавшихся на сложную операцию только в том случае, если оперировать будет Войно-Ясенецкий (Лука). Владыка уступал просьбам, приезжал в больницу в монашеском одеянии и непременным условием ставил наличие в операционной иконы Богоматери. Рассказывали, что однажды ему пришлось оперировать крупного партийца. Врач, присутствовавший при этом и ассистировавший ему, умолял поставить икону в шкаф, доказывая, что и воля епископа будет удовлетворена, и больной, а тем более больница не пострадает за нарушение принятых порядков. Но Лука остался непоколебим и совершил операцию (удачно) только после молитвы перед образом Божией Матери.

Его колоритную фигуру, с посохом в правой руке и молитвенником, который он держал перед собой в левой, можно было нередко встретить, когда он утром отправлялся из своей квартиры на Учительской в Сергиевский собор. (...)

Другою, не менее примечательной личностью был опальный митрополит Арсений, в прошлом государственный сановник, первоприсутствующий член при правительствующем Синоде, бессменный председатель Собора в отсутствие патриарха, доктор богословских наук. Жил он в Ташкенте в вольной ссылке, снимая чуть ли не у узбеков малюсенькую комнатку с терраской, выходившей прямо во двор. Дома он ходил в узбекском халате, что, помню, меня поразило, сам стряпал себе пищу и жил в убогости и

смирении, но и в этом униженном виде сказывался вельможа до мозга костей. Н. Н. бывал у него несколько раз, однажды вместе с Василием Михайловичем Комаревским, и он бывал в нашем доме, один раз, вспоминается, вместе с правящим митр. Никандром (заместившим вдовствующую ташкентскую кафедру после ареста еп. Луки). Были они очень тронуты, когда мы их усадили за стол в глубоких креслах, — отвыкли от такого почета в мирском обществе. Митр. Арсений был сослан в Ташкент за оппозицию митр. Сергию. По этому вопросу, главным образом, и шла у него беседа с Н. Н., встречавшимся с ним еще в бытность свою на Соборе. Но тогда владыка Арсений, один из трех кандидатов на патриарший престол, был первым (после патриарха) лицом на Соборе, а Н. Н. самым молодым его членом, представителем от мирян. Близости между ними не было, да и не могло быть. В Ташкенте владыка Арсений, гонимый, испытавший арест, тюрьму и ссылку, очень смирился и просто, радушно, с большим доброжелательством встретился с ним и был, как казалось, благодарен, что не забывают его. (...) В бытность свою в Ташкенте он был в упадочном настроении, считал положение Церкви крайне тяжелым, и когда, кажется, В(асилий) М(ихайлович) в разговоре заметил, что «врата адавы не одолеют ее», он с горечью ответил: «Уже одолели». Во время встречи двух владык в нашем доме, опального митр. Арсения и правящего митр. Никандра, разговор также все время вертелся о положении Церкви, об отношении к митр. Сергию и его точке зрения на текущий момент и церковную политику. Видимо, эта встреча дала повод к обвинению Н. Н. в том, что он, якобы, является негласным консультантом по церковным делам при правящем митрополите. На следствии ему пришлось выяснить различие между официальной точкой зрения, защищавшейся митр. Никандром, и оппозицией, в которой был владыка Арсений. По возвращении из тюрьмы он довел до сведения обоих митрополитов о своем показании у следователя. Митр. Арсений был несколько недоволен, но уже после нашего отъезда он написал примирительное письмо к митр. Сергию, был принят последним в общении и после смерти митр. Никандра назначен им на Ташкентскую кафедру. Однако, недолго довелось ему быть Ташкентским Владыкою. Летом, кажется в 1930 году, он скоропостижно скончался за чашкой чая, вернувшись в воскресный день из храма, где он совершал Литургию. Кончина его была мирной, блаженной.

Проездом через Ташкент жил некоторое время у Муромцевых Уфимский Владыка Андрей (Ухтомский), кандидат в едино-

верческие епископы, если бы Собор принял автокефалию единоверцев. Но этот вопрос, как известно из актов Собора 1917-18 гг., был решен отрицательно: единоверцы, сохраняя свои обрядовые различия, свои храмы, свой быт, должны были, тем не менее, подчиняться правящему православному епископу той епархии, в которой они проживали, с тем, однако, условием, что один из викариев этой епархии должен был вершить дела местных единоверцев, с полным уважением относясь к их обычаям. Единоверцы остались недовольными этим решением, епископ Андрей встал на их сторону. Он полагал, что тяжелое положение, в которое попала Церковь при новом строе, является прямым следствием реформы Никона, и оправдывал позицию старообрядцев, воспротивившихся, как он полагал, не столько против исправления старых книг, сколько против вмешательства государственной власти во внутренние дела Церкви. С этой точки зрения вопрос о двуперстии и двукратном аллилуйя был для старообрядцев вопросом принципа, вопросом свободы вероисповедания. Позицию местоблюстителя митр. Сергия он считал прямым продолжением синодальных традиций.

Исходя из этой точки зрения, он считал для себя возможным самочинно, вопреки ясному решению Собора, отслужить литургию в единоверческом храме в сослужении с единоверческим духовенством в качестве единоверческого епископа, полагая, что этим самым он положил начало для воссоединения всех старообрядцев с православною Церковью. Он показывал Н. Н. фотографическую карточку, на которой был снят с руководителями единоверия, автокефалистами, сидящим у подножия креста, в одеянии единоверца.

Очень живой, искренний, тяжело переживавший недуги Церкви, он вызывал большую симпатию к себе. Николай Николаевич был во многом согласен с ним в оценке момента, но считал его дело воссоединения самочинием и утопией. Самочинием — потому, что дело такой большой важности, как решение давнишнего спора между старообрядцами и православными, могло быть совершено только с участием всей Церкви, а не келейным способом договоренности друг с другом нескольких лиц. Утопией — потому, что он ясно видел, что из затеи еп. Андрея ничего путного не выйдет, что воссоединения не произойдет.

Из Ташкента еп. Андрей уехал в Уфу, где уже был епископ, поставленный митр. Сергием. Произошел раскол. Пылкий и неосторожный Андрей, выступавший с горячими проповедями в своем уфимском храме, недолго пробыл на свободе. Он снова был ре-

прессирован и, протомившись в тюрьме, скончался не выходя на свободу.

Наибольшее впечатление оставила на нас встреча и знакомство с архимандритом Вениамином (Троицким), высланным в Ташкент из Вышнего Волочка в вольную ссылку. Младший сын вышневолоцкого иерея, он еще в отрочестве был иподиаконом у еп. Феофила, большого знатока и любителя церковных служб; очень рано приняв монашество, он в возрасте 20 с небольшим лет был уже иеромонахом, попал в тюрьму, где встретился с епископом Андреем, сошелся с ним, был возведен им в тюрьме же в сан архимандрита. Это был молодой, красивый монах, живой, деятельный, всегда окруженный молодежью, на которую он умел воздействовать. Он поселился за городом, сняв на Никольском шоссе небольшой домик, скрывавшийся от любопытных взоров проходящих в густом фруктовом саду. С ним поселилось несколько старушек-монахинь (мать Зиновия, мать Анфия, мать Зосима, мать Тавифа и еще кто-то) и девушка лет 30-ти, некрасивая, скромная, болезненная, по имени Тоня. Все они образовали общину, бывшую на послушании у Вениамина. Постоянными спутниками Вениамина были два брата Куликовы — старший Николай, принявший впоследствии монашество с именем Неофита и скончавшийся в молодых годах на далеком Севере, и младший Мина, совсем мальчик. Был и старший брат, но он появлялся изредка. Все братья обладали хорошими голосами и вскоре составили прекрасный хор. Приятный голос — мягкий баритон — был и у самого Вениамина.

В домике, в котором поселилась община, самая большая комната была оборудована под молельную. К ней примыкала небольшая комната, которая стала келией Вениамина. Три или четыре комнаты были заняты старушками. В воскресенье и праздничные дни Вениамин стал совершать богослужения. Службы были уставные, хор пел слаженно, Тоня прекрасно читала (у нее был звучный контральто), и вскоре слава о прекрасном богослужении в маленьком домике на Никольском шоссе разнеслась по всему городу. В скором времени молельня перестала вмещать всех, желающих присутствовать на богослужении, и опоздавшие размещались в саду, под деревьями, у открытых окон. Особенно запомнилось богослужение под Пасху. Темно, звездная ночь, блещущий огнями домик, горящие площадки под деревьями, отбрасывающие фантастические тени, народ, в благоговейном молчании расположившийся под кущами деревьев, у открытых окон, откуда раздавалось ликующее пение пасхальных ирмосов. На рассвете кончилась литур-

гия, и тут же в саду была организована трапеза для народа. Такие праздничные угощения арх. Вениамин устраивал всегда в дни двенадесятих праздников, а иной раз и в воскресенье. Его намерением было возродить порядки древней (первохристианской) Церкви — ее простоту и одушевление, ее общинный строй и живую трепетную веру в Спасителя. Желая воодушевить своих стареньких монахинь, он стал проводить с ними беседы о первохристианской Церкви и на евангельские темы, но те, утомленные дневным трудом, засыпали к большому его огорчению, о чем он сам с юмором рассказывал нам.

Молодежь, которая бывала у нас, перекочевала из Сергиевского храма в общину Вениамина. Вениамин много с ней возился, беседовал, вразумлял, поучал. Вениамин отрицательно относился к обновлению и был в числе «непоминающих», т. е. в оппозиции к официальной Церкви. Вполне понятно, что деятельность Вениамина, столь успешно развивавшаяся в Ташкенте и притом в оппозиции к правящему епископу (что было уже нарушением канонов), вызвала пристальный интерес со стороны наблюдающих органов. За ним была организована гласная и негласная слежка. Так, например, в одно из воскресений, когда Вениамин после совершения литургии сидел за своей обычной трапезой в окружении собравшегося народа, неожиданно появился ташкентский уполномоченный по церковным делам, перелезший для этой цели через ограду. Радушно встреченный Вениамином, который высказал искреннее удивление по поводу столь странной манеры приходить в гости и весело посмеялся над этим, тот был угощен и после беседы отправился восвояси. Предосудительного ничего не было, но самый факт возрастающего влияния на народ, особенно на молодежь, был нежелателен, и не прошло и двух лет, как ему пришлось уехать из Ташкента. Вызвал его в Уфу еп. Андрей. Там он был хорошо встречен и после ареста последнего вступил на уфимскую кафедру. Таким образом, как и при епископе Андрее, в Уфе существовало два церковных направления, два епископа: Вениамин, сторонник еп. Андрея, бывший в оппозиции к местоблюстителю, и представитель официальной церковной власти, кажется, еп. Иоанн.

Недолго пришлось быть молодому епископу на кафедре. Он был арестован, долго просидел в заключении, выпущен из тюрьмы тяжелобольным в вольную ссылку в г. Мелекесс, где вскоре и умер. Был живой, талантливый, искренне верующий человек. Жертва времени. Несколько раньше его умер в Мелекесе Юра

Панкратов, в последнее время очень сблизившийся с ним, а несколько позже и Тоня. В Ташкенте распалась и маленькая община, созданная им.

Николай Николаевич часто встречался с Вениамином и по долгу с ним беседовал. Темой этих бесед были не только общие религиозно-философские вопросы, которыми Вениамин интересовался (он много читал и был вполне культурным человеком, несмотря на то, что не смог получить высшего образования), но и текущее положение в Церкви, ее судьба в дальнейшем, — тема, которая больше всего волновала и тревожила церковных людей.

Николай Николаевич очень ценил эти встречи с церковными людьми, только в этой среде он чувствовал себя в своей тарелке, одушевлялся, расцветал, держался непринужденно, был весел и разговорчив, и они также относились к нему с большой симпатией, невзирая на разность положения. Тема Церкви, ее положения в обществе, отношение к ней государственной власти, ее грядущие судьбы волновали его чрезмерно, иной раз до слез: в такие минуты он ходил быстрыми шагами по комнате, нервные подергивания усиливались, лицо бледнело, он чуть не плакал, пока этот приступ тоски, тревоги, печалования не проходил, и он снова возвращался к своему обычному легкому, я бы сказала, жизнерадостному настроению. Житейские неудачи, которых было достаточно на его веку, волновали его куда меньше.

Самым острым вопросом, который неизменно поднимался, как в церковной среде, так и в обществе, собиравшемся у Л. В. Успенского, был вопрос об отношении к митр. Сергию, местоблюстителю патриаршего престола. В церковных кругах этот вопрос имел прежде всего практическое значение: то или иное отношение к митр. Сергию определяло степень легальности церковного деятеля. В то же время у «христианнейших гностиков» (В. А. Краснокутского, Б. М. Власенко, Ю. И. Пославского, отчасти у самого Л. В. Успенского) всякий промах, всякий неверный шаг высшей церковной власти встречался с известной долей злорадства. Николай Николаевич остро ощущал необходимость разъяснять смысл церковной политики, защищать от напрасных нападок на нее, особенно со стороны чуждых и равнодушных к Церкви людей.

Среди церковных деятелей, таких как митр. Арсений или еп. Андрей, вызывало критику провозглашение себя митр. Сергием «местоблюстителем патриаршего престола» при жизни митр. Петра, преемственно принявшего власть местоблюстителя от самого Святейшего патриарха Тихона, тогда как Сергий был всего только «за-

местителем местоблюстителя» впредь до возвращения митр. Петра. Однако, митр. Петр был в далекой сибирской ссылке, от него не было никаких вестей, неизвестно даже, был ли он жив. Церковь, оставаясь без главы, раздиралась в борьбе с обновлением, несла в этой борьбе большие жертвы; в то же время на местах не было осведомленности о том, что делалось в центре, всюду появлялись самочинные движения, поощрявшиеся властью с целью создания раскола, к которому народ, миряне, не знал как относиться. Духовенство, не принявшее этих новоявленных деятелей, арестовывалось, высылалось, церкви закрывались, приходы пустели, по всей стране среди верующих было смятение, стоны, плач. Вот в это трудное время митр. Сергий взял бразды правления в свои руки, возглавив Высшее Церковное Управление и энергично принявшись за наведение порядка в епархиях. С канонической точки зрения это был захват власти, так как по каноническим правилам митр. Сергий должен был получить свои полномочия от законного местоблюстителя митр. Петра. Но он был вне пределов досягаемости. Взяв власть в руки, митр. Сергий оправдывал этот, по существу неканонический поступок, тяжестью обстоятельств, вынудивших его, ради спасения церковного корабля, пренебречь канонами. Среди духовенства, как высшего, так и низшего, начались сомнения в правильности этого поступка, начались отходы, появился новый раскол.

Николай Николаевич, лично знавший митр. Сергия по Собору и благожелательно относившийся к нему, долгое время защищал его от нападок тех, кто не признавал его местоблюстителем, оставаясь верным митр. Петру. Он полагал, что в Церкви равно правомерны два пути: путь церковной «акривии», которым шел митр. Петр, отвергнувший все компромиссы и принявший бремя мученичества, и путь церковной «икономии» — приспособления к обстоятельствам, ради сохранения целостности Церкви, ради возможности ежедневного совершения Божественной Литургии, без чего народ одичает. Николай Николаевич полагал, что путь икономии есть также своего рода «изволение мученичества», — в некоторых отношениях, быть может, даже более трудный, так как в нем нет пафоса героизма, согревающего душу того, кто идет путем акривии. Церковная икономия — это не приспособление к обстоятельствам, не лавирование среди них с целью достижения каких-то выгод. Церковная икономия предполагает, что тот, кто идет этим путем, берет на себя крест добровольного уничтожения и поношения, крест непонимания, насмешек и пренебрежения, — ради одной великой

цели — спасения стада Христова, немощного, страдающего, оставшегося как овцы без пастыря в обстоятельствах притеснения и гонения. Защищая митр. Сергия от нападок, Николай Николаевич так именно понимал его дело и оправдывал неканоничность его власти, — до тех пор, пока не появилось в газетах ставшее широко известным интервью митр. Сергия и его последующие выступления, в которых он сказал свою знаменитую фразу: «Ваши радости — наши радости» и т. д. Эти слова привели Николая Николаевича в то смятение, о котором было сказано выше. «Как можно было так сказать лицу, которое стоит во главе всей Церкви, почти патриарху? — говорил он. — Церковь лишена всех свобод, она в путах, а церковные люди тысячами скитаются по лагерям. Сказать, что «ваши радости — наши радости», граничит с кошунством. Это уже не икономия, а простое приспособленчество». В это время Николай Николаевич разорвал и сжег свою статью о «двух путях» в церковной деятельности. Он пришел к выводу, что митр. Сергий на этот раз в своих декларациях перешел пределы дозволенной икономии и допустил далеко идущие компромиссы, обрекающие Церковь на прозябание. Возродив традиции синодального периода в управлении Церкви, что имело еще некоторый смысл в условиях христианского государства, он поставил Церковь в подчинение атеистической власти, которая терпит Церковь только «до времени». Он перешел в стан тех, кто именовал себя «непоминающими», однако не предостерегал от опасности власть в раскол и не считал иерархов, поминающих митр. Сергия, погрешающими против канонов; он считал для себя возможным посещение храмов, в которых возносилось имя митр. Сергия. Догматически митр. Сергий не согрешил, его декларации и заявления, появившиеся в печати, можно рассматривать как его личные взгляды, не обязательные для верующих, быть может, даже и вынужденные.

Еще больше смущения внесло введение поминаения властей за богослужением. Николай Николаевич полагал, что само по себе поминание власти, хотя бы и противоборствующей, не идет в разрез с преданием Церкви, молившейся за языческую власть в самые тяжелые годы гонений, и может быть канонически обосновано. Но, однако, поминание властей за великим входом на литургии или без прибавления «да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте» есть переход за пределы дозволенной икономии. Между тем, в некоторых храмах усердствовали и поминали «властей» и «воинство» не только на ектениях, но за великим входом, как это было в дореволюционной России. По-

минавание властей с неизменным добавлением «да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте» было по мнению Н. Н. уместно на ектениях, как молитва за земное отечество, каким бы оно ни было, и за создание в нем таких условий, при которых верующие могли бы жить «во всяком благочестии и чистоте».

Поминавание властей в революционной России не имеет ничего общего с поминаванием власти в царское время не потому, что первая власть якобы хуже другой — дело не в этом, а в разном отношении к Церкви со стороны «властей предержащих»: царская власть даже в самые худшие времена все же признавала себя христианской; революционная власть, при всех своих благих намерениях создания для народа изобилия благ, не только не признает себя христианской, но и открыто провозглашает себя атеистической. В этом вся разница. Однако многие забывали ее, смешивали одну с другой, и в храмах, где возносилось имя митр. Сергия, царил атмосфера казенного благополучия, между тем как на самом деле в стране царили произвол и насилие. Тюремные переполнились духовенством, отказывающимся помянуть как церковную, так и светскую власть: появилось разделение на Церковь официальную и Церковь, ушедшую в подполье. Николай Николаевич оказался на стороне этой последней. Однако он не считал, как говорилось выше, это разделение расколом, поскольку здесь не было догматических нарушений ни с той, ни с другой стороны. Это было различием в вопросе, не получившем догматического определения, и в Сергиевских храмах можно было встретить истинных «рабов Божиих» и подлинное христианское благочестие — стоит вспомнить хотя бы архиепископа Тверского Фаддея и тверское духовенство (о. Илия Громогласов, о. Борис Забавин), епископа Курского Онуфрия с его духовенством, Орловского Александра и др., которые, несмотря на вполне лояльную церковную позицию, почти все кончили жизнь мученичеством. (...)

Тревоги и испытания последних лет жизни в Ташкенте.

Благополучие первых лет пребывания в Ташкенте длилось недолго. Советизация Узбекистана, начиная с 1925 года, шла быстрым темпом, и порядки, типичные для центральных областей, стали неуклонно внедряться и в среднеазиатские учреждения, в том числе и в университет. Установка на «легальную оппозицию», которую провозглашал Л. В. Успенский, как я уже говорила, потерпела полный крах. Когда (кажется, в 1928 г.) на факуль-

тете общественных наук была провалена кандидатура некоего высланного за левацкий уклон из Ленинграда партийца (шли слухи, что он развалил факультет в Ленинградском университете), реакцией на это был, в конечном счете, разгром двух факультетов, как наиболее крамольных — факультета востоковедения и факультета хозяйства и права. Оба факультета были закрыты, профессорско-преподавательский состав уволен за ненадобностью, и Николай Николаевич в числе других остался без работы. Когда по прошествии некоторого времени было приступлено к созданию на обломках разгромленных факультетов новых, которые были укомплектованы уже национальными кадрами, а из прежнего состава людьми менее приметными, Николаю Николаевичу не нашлось там места. К этому времени его сделали «лишенцем» и в публичных списках избирателей его имя, наряду со всякого рода «бывшими», было внесено в число лишенных избирательного права. Николай Николаевич был удручен — лишение прав означало своего рода политическую смерть, ставило непроходимую преграду для работы. Зарабатывать на жизнь пришлось случайными занятиями: дачей частных уроков, составлением популярных брошюр вроде «Алкоголизм и его вред», частной юридической практикой у некоего присяжного поверенного. Перспектив на устройство в Ташкенте не было никаких — с грустью видели мы, как распадается налаженная жизнь. Из Москвы уже больше никто не приезжал, многие знакомые были в таком же положении, как и Николай Николаевич, среди них известнейший знаток Узбекистана А. А. Семенов и др. (...)

Зима 1930-31 года прошла в тревогах и ожидании еще более неприятных вещей. Однако весной 1931 года неожиданно наступило в нашей жизни какое-то прояснение. Николай Николаевич получил приглашение из Таджикистана (который незадолго перед этим стал автономной республикой со столицей в Душанбе-Сталинабаде) на должность ученого секретаря во вновь открытый Таджикский научно-исследовательский институт. Туда же был приглашен и А. А. Семенов, и в феврале они оба уехали в Душанбе.

Арест и ссылка.

(...) Приехав в Душанбе, я нашла Николая Николаевича очень неустроенным. Институт влачил жалкое существование — почти без кадров, зарплату выплачивали крайне редко, с интервалами в 2-3 месяца. Наладить работу при таких обстоятельствах было крайне трудно. В городе было неспокойно — в окрестностях бро-

дили отряды басмачей, совершавшие дерзкие налеты внутри города. Пограничные войска и милиция были брошены на борьбу с басмачами.

Еще до моего приезда Николай Николаевич познакомился и подружился со строительным техником Николаем Васильевичем Емельяновым, который жил со своей семьей в бараках недалеко от нас. Глубоко верующий человек, он сумел организовать у себя на квартире нечто вроде молитвенного дома, куда собиралась небольшая группа верующих, конечно, под большим секретом. В Сталинабаде в это время не было ни храма, ни священника, на кладбище лежало много неотпетых покойников, к большому горю их родных и близких. Николай Николаевич довел до сведения ташкентского митрополита Никандра о тяжелом положении верующих в Душанбе, и, когда я стала собираться к Николаю Николаевичу, владыка вручил мне Св. Евангелие для передачи ехавшему туда в ссылку некоему ростовскому протоиерею в благословение на совершение в этих местах богослужения. Приехав в Душанбе, я сообщила о своем поручении Ник. Ник., и мы вместе оповестили об этом Н. В. Емельянова и собиравшуюся у него горстку верующих. Все были крайне обрадованы, так как приближалась Пасха, а в Душанбе ни разу еще не раздавалось пение пасхальных песнопений. Однако найти ростовского протоиерея оказалось делом очень трудным. Мы знали только, что зовут его отцом Павлом (даже фамилию не знали) и что его сопровождает несколько монахинь, вместе с ним едущих в ссылку. Приближалась Страстная, а поиски мои были безуспешны. В раздумье ходила я по улицам Сталинабада, вглядываясь в лица проходящих, как вдруг, однажды, уже на шестой неделе поста, в один из базарных дней я увидела в разношерстной толпе покупающих и торгующих двух женщин средних лет в белых платочках. «Они!» — мелькнуло у меня в голове, и я бросилась вдогонку за ними. Схватив одну из них за рукав, я спросила, не они ли монахини из Ростова, приехавшие с о. Павлом. Женщины ответили утвердительно. Да, это они, а о. Павел сидит у развилки в ожидании пристанища, они же пошли искать квартиру. Торопясь и волнуясь, рассказала я им о поручении, данном мне митр. Никандром, и о том, что их здесь давно ждут и что пристанище для них готово. Обрадованные неожиданной и столь чудесной встречей, отправились мы к месту, где поджидал монахинь о. Павел, а оттуда четвером пошли к Н. В. Емельянову. Тот тут же отвел о. Павла в приготовленную для него комнату, а монахини устроились отдельно, сняв себе хибарку у таджиков. К вечеру

пришел Н. Н., а на другой день в молельной у Емельянова был установлен небольшой столик для совершения литургии, и о. Павел начал свое служение под Вербное Воскресение. Страстную неделю каждый день была служба, которую мы неизменно посещали, но перед самой Пасхой разразилась гроза — рано утром, на рассвете, к нам постучали, вручили ордер на арест и, нужно сказать, после довольно поверхностного обыска (все рукописи Н. Н. остались целы) увезли его в тюрьму. В тот же день и час был арестован Ал. Ал. Семенов. Оба ареста были сделаны по приказу из Ташкента. Местные власти были лишь исполнителями приказа и сквозь пальцы смотрели на режим своих заключенных. Их больше беспокоили таджики-басмачи, заполнившие собой все помещение тюрьмы. Мне пришлось подумать о передачах и Николаю Николаевичу, и А. А. Семенову. Сидели они в разных камерах, причем А. А., знавший таджикский язык и местные обычаи и известный еще по своей прежней дореволюционной деятельности, пользовался у таджикской охраны громадным авторитетом. Любую передачу для него всегда принимали безотказно. Однажды он переслал мне через таджика-охранника большие золотые часы для передачи семье. Часы были замечательны тем, что на внутренней их крышке была выгравирована именная надпись эмира Бухарского. В Ташкенте эти часы могли бы сыграть роковую роль. Получив часы, я не знала, что мне с ними делать, куда спрятать. В конце концов засунула в мешок с мукой и, таким образом, привезла их в Ташкент. Родные А. А. пришли в ужас от этих злосчастных часов. Разобрав их на части, они разбросали их в разные места, чтобы только как-нибудь отделаться от этой улики.

Николай Николаевич сидел в худших условиях. С ним было еще несколько арестованных русских, частично уголовников. Вели они себя безобразно, в воздухе висела ругань, пребывание с ними было страданием. Зато заключенные из таджиков, эти страшные басмачи, вели себя безукоризненно. Каждый день в определенные часы они становились на молитву, и Н. Н. молился вместе с ними. Впрочем, к этому времени, быть может под влиянием надвигавшихся страданий, которые чувствовались им, Ник. Ник. много молился — не только дома, но и на улице, в общественных местах он творил непрестанную молитву. Это было настолько заметно, что окружающие часто считали его священником, а мальчики постоянно дразнили его, бегая за ним с криком: «Мулла! Мулла!»

В это время на передаче я познакомилась с женой одного политического заключенного, и она научила меня шифрованной кор-

респонденции: на папиросной бумаге писалась записка, которая вкладывалась в корешок книги — книги принимались беспрепятственно. С тех пор я стала регулярно переписываться с Н. Н.

После месячного пребывания в Сталинабадской тюрьме Н. Н. и А. А. были пересланы в Ташкент, где в это время полным ходом шло следствие по делу арестованных профессоров и преподавателей двух закрытых факультетов. Следствие длилось около полугода. Были предъявлены самые фантастические обвинения, в которых нужно было «признаться». Одним из главных пунктов обвинения был провал на факультетских выборах партийного кандидата, вышеупомянутого ссыльного-троцкиста из Петрограда. В этом неподчинении партийным требованиям был усмотрен прямой вызов советской власти, хотя этот троцкист сам был арестован и расстрелян «за антипартийную деятельность». Все ссылки на университетскую автономию еще больше подлили масла в огонь. Всякое чаепитие, всякая встреча за обеденным столом, всякое празднование именин были в глазах следственных органов контрреволюционными собраниями. Николаю Николаевичу предъявили особое обвинение в знакомстве с митрополитами Никандром и Арсением и в негласной консультации по церковным делам. Инкриминировалось также влияние на молодежь.

По истечении полугода Николай Николаевич, бледный, худой, еле державшийся на ногах, т. к. ноги ослабли, был выпущен вместе с другими на свободу впредь до вынесения приговора Москвой. В январе 1932 года пришло решение: трехгодичная ссылка в Новосибирск. В конце января Николай Николаевич уехал в Новосибирск, а в конце февраля, ликвидировав все наши вещи, уехала и я. Николай Николаевич уже работал в качестве экономиста в планово-экономическом секторе Западно-Сибирского крайкомхоза. С этого времени началась тягостная для Н. Н., очень несвойственная ему служебная деятельность в учреждениях на должностях плановика-экономиста или статистика.

В НОВОСИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ.

(январь 1932 — весна 1934)

После солнечного Ташкента Новосибирск показался суровым, пасмурным, настороженным. Люди хмурые, замкнутые. Город, кроме Красного проспекта — главной улицы, застроенной благоустроенными домами, представлял собой в те времена по сути

дела широко раскинувшееся село с небольшими деревянными домиками и досчатыми тротуарами. В каждом таком домике непременно были ставни с тяжелыми болтами. Как только наступали сумерки, все дома наглухо закрывались ставнями, ворота и калитки были на запорах. На ночь спускались цепные псы. В одном из таких домиков на улице Крылова, недалеко от Красного проспекта и совсем близко от храма, Николай Николаевич снял у двух старушек небольшую комнату. Комната выходила в кухню, откуда и отапливалась. В кухне за печкой поместились старушки, Мария Степановна и Степанида Степановна.

Жили мы одиноко, что после ташкентской общительности нас тяготило. Утром — на работу, Николай Николаевич в Крайкомхоз, а я в Крайтруд, в бюро профконсультации, где я была на должности психотехника. В выходные дни (в те времена неделя была пятидневная, и выходной не совпадал с воскресеньем) мы ходили в близлежащую церковь (в городе было два действующих храма) к литургии. Батюшка, очень добродушный человек, заметил нас и, когда подходили к кресту, неизменно приветствовал словами: «С выходным днем!» Город был переполнен ссыльными и беженцами из Казахстана и Киргизии, где по вине переусердствовавших «властей предержавных» свирепствовал голод. Нередко можно было увидеть сидящих прямо на тротуаре истощенных людей, протягивавших руку за куском хлеба. Город жил на хлебном пайке. Питались мы в каких-то столовых, где мизерные котлетки или кусочки поджаренной рыбы подавались с перловой крупой, так наз. полбой, холодной, без признаков масла.

В скором времени у Николая Николаевича появились первые знакомые, которые стали регулярно заходить к нам по вечерам. Это были сосланные: видный деятель партии эсеров В. А. Кильчевский, человек лет 60, приятный собеседник, и Владимир Иванович Успенский, молодой инженер из Москвы, отбывавший срок в концлагере. Режим концлагерей в то время был довольно свободным: заключенные могли работать по найму на стороне, обязуясь лишь в указанный срок являться на перекличку и ночевать в лагере. С Вл. Ив. Успенским мы постоянно встречались в сквере, когда утром шли на работу. В конце концов мы заметили друг друга, и однажды он подошел к нам, представился и попросил позволения бывать у нас. Мы охотно согласились и с тех пор он бывал у нас частым гостем. Однажды был у нас расстриженный по уголовному делу архиепископ Владимир Путята, с которым Николай Николаевич познакомился в церкви. Он пытался получить от Н. Н.

письмо к митрополиту Сергию с ходатайством о помиловании. Николай Николаевич, скрепя сердце, уступил и послал какое-то письмо в Москву, но оно успеха не имело. Несколько месяцев спустя Путята перешел к григорианцам, которые приняли его в сущем сани, и он начал служить в Томске в качестве архиепископа. Производил тяжелое впечатление — какой-то демон с черными крыльями.

Познакомился Николай Николаевич и с регентом церковного хора Лыткиным и его женой Василисой, около этих людей группировалась молодежь, которая стала бывать и у нас. Познакомился он также с двумя кандидатами на посвящение в сан иерея. Один из них был фармацевт, пожилой уже человек, и его товарищ из рабочих. Николай Николаевич стал ходить в дом к аптекарю и там проводил с этими двумя занятия по подготовке к экзаменам у правящего епископа. Таким образом, и в Новосибирске Николай Николаевич продолжал свою обычную неофициальную деятельность. (...)

Весной 1934 года срок ссылки кончился, и Николай Николаевич получил разрешение на выезд из Новосибирска.

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Орловское лето.

(Июнь — август 1934 г.)

(...) В июне мы приехали в Москву, к моей сестре Вере, на Б. Калужскую улицу, в уютный дом в Нескучном саду, и радостно встретились со своими родными и близкими. В Москве в это время проживал и ближайший друг Николая Николаевича — Василий Михайлович Комаревский со своей сестрой Ириной. Опять начались встречи, разговоры на философско-религиозные темы.

В Москве нам пришлось жить очень недолго. На лето мы уехали в Орел «на дачу», вскоре приехали туда в отпуск Вера и Василий Михайлович. Сняли мы две комнаты в доме с большим тенистым садом на окраине города, недалеко от заброшенной и запущенной усадьбы, описанной, по рассказам старожилов, Тургеневым в его «Дворянском гнезде». В Орле проживало в эти годы много вернувшихся из ссылки людей, так как он не был запрещенной зоной. Но и устроиться на работу в нем было чрезвычайно трудно. Здесь мы сразу нашли близких по духу и интересам людей, познакомились и часто встречались. Я вела хозяйство, иной раз на обеды и ужины собиралось много друзей.

У Николая Николаевича остро встал вопрос, где жить и что делать. Интересную для себя работу, преподавательскую и литературную, он мог бы получить в Москве, но по жестким условиям паспортного режима ни в Москве, ни в близком к Москве Подмоскowie прописка была невозможна; образовался заколдованный круг: чтобы получить работу, нужна была прописка, чтобы получить прописку, нужно было быть принятым на работу... По счастью, в это время вышло постановление ЦК КП о мерах по улучшению преподавания истории в высшей и средней школе. В постановлении осуждался вульгаризаторский догматизм, превративший историческую науку в обществоведение, подчеркивались роль и значение знаний конкретных исторических фактов, осуждалась замена их абстрактными схемами (...) Во все педагогические институты потребовались новые силы — люди, знавшие историю не по учебникам обществоведения, а по летописям и документам. Всюду были вакантные места на должность преподавателей древней и средневековой истории, специалистов по которой почти не осталось, так как в течение ряда лет эта наука не преподавалась.

Вакантными оказались места преподавателей исторических дисциплин в пединституте соседнего с Орлом Курска, бывшего в ту пору еще небольшим районным городом. Николай Николаевич съездил в Курск, договорился с администрацией института и в начале августа получил в Наркомпросе назначение на кафедру всеобщей истории (средние века) в Курский пединститут. С осени 1934 г. мы в Курске, снова устройство на новом месте, снова обживание. Нам предоставили комнату в общежитии преподавателей института, кажется даже с какой-то мебелью, потому что у нас вообще ничего не было. Помню, что я по случаю приобрела какую-то тяжеленную скамью, чтобы заполнить чем-нибудь пустоту комнаты, и ее с трудом водрузили в наше помещение на второй этаж.

В КУРСКЕ. Новые испытания.

(Осень 1934 — осень 1935 г.)

Учебный год начался. Николай Николаевич с большим удовольствием и рвением принялся за любимое дело — преподавание, тем более что и предмет был для него как канониста близким — история Средних веков, католичество, Византия. Он обложился литературой, много занимался вечерами, готовясь к очередной лекции. Знание им фактической стороны и идеологических учений

средневековья, умение показать эпоху в конкретных событиях, дать понять ее своеобразие привлекли к нему симпатии студентов, и его лекции нравились и охотно посещались. Но Николай Николаевич никогда не мог удовлетвориться только служебной работой, он не мог жить вне Церкви и вне церковных интересов. Курск оказался городом, живущим интенсивной церковной жизнью. В нем было несколько действующих храмов с прекрасно поставленным богослужением и активными священнослужителями-настоятелями этих храмов. Каждое воскресенье говорились проповеди. Мы стали ходить в церковь. Но уже поздней осенью началась широко развернутая кампания по закрытию церквей. Вызвано это было повышением Курска в чине: из районного он был сделан областным центром. Появилось новое, более крупного масштаба начальство; город стал расти и развиваться, открылись новые учебные заведения (в частности пединститут), и церковная жизнь оказалась не у места. Началось с закрытия той приходской церкви, куда мы чаще всего ходили, потом кладбищенской; настоятелей этих церквей, очень хороших священников, арестовали; потом дошла очередь и до кафедрального собора — был закрыт и он, и город остался без храма. Правящему епископу Онуфрию удалось на время отстоять его: накануне Р.Х., в сочельник, собор был возвращен верующим, и Онуфрий отслужил в нем рождественскую всенощную. Народу было очень мало, так как никто еще не знал о возвращении храма. В полупустом храме было холодно как в погребке, ноги мерзли, и Онуфрий прислал к нам иподиакона с предложением пойти погреться в сторожку. Мы были очень тронуты вниманием епископа, тем более, что не были знакомы с ним, и по послушанию пошли в нагретую сторожку и отогрелись в ней. После всенощной ехали вместе с Онуфрием (это был человек еще молодой, нашего возраста) в одном трамвае, он приветливо поглядывал на нас, и от этого ласкового взгляда теплее становилось на душе и не так мрачно вокруг.

Посещение Николаем Николаевичем храма, видимо, не осталось незамеченным. На него стали косо поглядывать, но придаться было не к чему. Вскоре, однако, нашелся и повод: однажды, во время лекции, у Николая Николаевича, чрез расстегнувшуюся на одну пуговицу рубашку, выскочил его золотой нательный крест, с которым он никогда не расставался. Студенты ахнули, увлеченный лекцией Николай Николаевич ничего не замечал, но на другой же день появилась заметка в стенгазете о профессорах с крестами на шее, а через несколько дней — приказ об увольнении

«за протаскивание на лекциях буржуазной идеологии». Никакие ходатайства ни перед местными властями, ни перед ЦК профсоюза работников высшей школы успеха не имели. Председатель Облсеполкома, с которым Николай Николаевич имел беседу о незаконном увольнении, прямо сказал: «Вы можете быть бухгалтером, экономистом, статистиком, но к преподаванию мы вас не допустим». Профсоюз признал увольнение правильным, но предложил изменить мотивировку: формула «за протаскивание буржуазной идеологии» была изъята. Тем не менее увольнение среди года без права восстановления, утвержденное ЦК профсоюза, оказалось волчьим билетом: на преподавательскую работу Николай Николаевич так и не смог возвратиться, несмотря на большую нужду в историках и наличие вакантных мест во всех пединститутах.

Лето мы еще прожили в Курске, сняв на окраине, в Солдатской слободке, небольшую комнату. Это было живописное местечко, климат в Курске мягкий, теплый, к нам приехал на лето Василий Михайлович (Комаревский), который и провел с нами свой отпуск.

В июле были произведены новые аресты среди духовенства. В грозную июльскую ночь был арестован и Онуфрий, а собор закрыт вторично и на этот раз навсегда. Курск потерял для нас всю свою прелесть, делать в нем было нечего, жить не безопасно, и в сентябре 1935 года мы покинули этот город. Снова встал вопрос, где жить, что делать? После месячного пребывания в Орджоникидзе, куда было Николая Николаевича пригласили на преподавание, но отказались, не получив утверждение Наркомпроса, Николай Николаевич остановил свой выбор на Калинин (быв. Твери): этот город, расположенный в нескольких часах езды от Москвы, прописывал бывших ссыльных и был ближайшей к Москве зоной пребывания отбывших ссылку.

Так начался калининский период жизни.

В КАЛИНИНЕ.

(1935 — 1939)

Четыре года жизни в Калинин и его окрестностях (пос. Брянцево, ст. Кулицкой, селе Ново-Кузминском), бедные внешними событиями, имели большое значение для внутренней жизни Николая Николаевича. Знакомство с отцом Павлом (Троицким), иеромонахом Данилова монастыря и старшим братом архимандри-

та Вениамина, (впоследствии еп. Уфимского), побудило его окончательно распрощаться с мыслью о благополучном устройстве жизни, о мирской карьере.

С этого времени Николай Николаевич пошел тем путем, который неизбежно привел его к кресту.

По приезде в Калинин мы, как всегда, прежде всего занялись устройством своей жизни: сняли небольшую комнатку в привокзальном районе, на задах у большой ткацкой фабрики в районе Пролетарки, и стали искать себе подходящей работы. Николай Николаевич довольно быстро нашел себе место статистика в одном из калининских учреждений. Трудно было представить себе должность, более неподходящую для Николая Николаевича. Знавший статистику теоретически и даже заинтересовавшийся ею и ее методом с философской точки зрения, практически он был никудышным статистиком: рассеянный, углубленный в размышления, не имеющие ничего общего с предметом его занятий, он допускал грубейшие ошибки в вычислениях и в конце концов должен был оставить занимаемую им должность. Все последующие годы пребывания в Калинин он был полубезработным, занимаясь преподавательской деятельностью по договорам и отчасти литературным трудом: написал две статьи для журнала «История в школе», получил приглашение через Ст. Ф. Кечекьяна написать ряд статей для БСЭ по истории общественной мысли в период возвышения московского государства.

Все попытки получить штатное место преподавателя исторических наук в одном из педагогических институтов (возможностей было много) оканчивались неудачей, как только дело доходило до причины увольнения из Курского пединститута. Фактически Николай Николаевич был иногда целыми месяцами не у дел: у него не было ни работы, ни заработка. Для нестарого еще, полного сил и энергии человека это было мучительно, и были моменты, когда Николай Николаевич тяжело переживал свое вынужденное бездействие. Но зато как он по-детски радовался, когда возникала надежда на работу, особенно, если она была интересна для него. Одним из таких проблесков было упомянутое выше приглашение С. Ф. Кечекьяна к участию в Большой Советской Энциклопедии.

В минуты безнадежности и удрученности на помощь ему неизменно приходил отец Павел.

С отцом Павлом мы познакомились летом, кажется, 1937 г., в Малоярославце. Мы приехали провести здесь летнее время, быть может, устроиться и на зиму. (Малоярославец был стовойной

зоной, где разрешено было пребывание быв. ссыльным). О. Павел, только незадолго перед этим вернувшийся из ссылки, избрал этот живописный городок своим местожительством. Он снимал небольшую баньку с предбанником, стоявшую в глубине довольно густого сада. Банька была крошечная, с низким потолком, в одно оконце, но о. Павел превратил ее в очень уютную келью. Обслуживала его послушница Агриппина, помещавшаяся в предбаннике. О. Павел был в церковной оппозиции. Он полагал, что Церковь в наступившие для нее тяжелые времена открытого гонения должна стоять на пути изволения мученичества, что верующим надо жить особенно сосредоточенной духовной жизнью, не прельщаясь видимостью благополучия, отдавая себя всецело в волю Божию. Следование воле Божией, терпеливое несение скорбей, взирание на жизнь земную, как на временное странствие, пребывание в непрестанной молитве — такими мыслями и переживаниями поддерживал он унывающий дух. Принципиально о. Павел не был из тех верующих, которые отрицательно относились ко всякой внешней деятельности. Наоборот, он благословлял на труд и работу, поскольку они не требовали отречения от Христа. Он отрицательно относился ко всем неумеренным проявлениям религиозных чувств, к которым были склонны некоторые из верующих. Спокойно относился сам и убеждал спокойно переносить, например, необходимость идти на работу в дни великих праздников, убеждал, что Богу угоднее будет внутренняя молитва, которой никто отнять не может, и терпеливое несение креста, чем вызывающее манкирование работой, на которую человек поставлен Промыслом Божиим и которую надо выполнять со всем усердием и добросовестностью. Но с Николаем Николаевичем было совсем по-особому: ему не было благословения на преподавательскую работу, которую он любил; ко всякой другой работе он был неприспособлен и с трудом переносил, да и найти такую работу было трудно. Промысел Божий неуклонно вел его крестным путем, готовил к мученической кончине. О. Павел и сам шел этим путем. Руководителем его на этом пути был «Гелиотропион» или «Следование воле Божией», — книга, которую дал Н. Н. о. Павел и которая произвела на него громадное впечатление. Она укрепила его в следовании путем, указываемым ему о. Павлом. О. Павел рассказывал нам, как сам он встал на этот путь следования воле Божией во всем, в самом малейшем шаге жизни. Возвращаясь из ссылки, он встретился в вагоне железной дороги с неким благообразным стариком, по виду из крестьян. С этим старцем он про-

вел вместе несколько дней, и тот практически наставил его в этом пути искания и следования воле Божией. Он же посоветовал до-стать и взять себе в руководство упомянутую книгу.

После встречи с о. Павлом летом 1937 г. в Малоярославце, где с ним было несколько бесед (в них принимал участие и В. М., живший тоже с нами и ставший также духовным сыном о. Павла) и где мы в первый раз были у него на исповеди и получили из его рук Св. Причастие, Николай Николаевич снова встретился с ним еще раз в бытность в Калинин. О. Павел вынужден был под давлением обстоятельств покинуть Малоярославец; он поселился в поселке Брянцево, в 10 км от Калинина. Это было удобно для него — в Москве у него была небольшая группа людей, которую он окормлял. В 1938-39 гг. Николай Николаевич был в самом тесном общении с о. Павлом, до тех пор, пока тот не был арестован около 1940 г. в небольшом районном городке Завидово на пути из Калинина к Москве, куда он, вынужденный обстоятельствами, перебрался из Брянцева. Это была для нас очень тяжелая потеря. Незабываемыми остались посещения о. Павла, когда мы приезжали к нему с ночевкой — пребывание в его убогой келье вносило мир и тишину в душу, то состояние покоя и защищенности, которые испытываешь, пожалуй, еще только в детстве, когда бываешь под родительским кровом. После ареста о. Павла тревожно стало и на душе, и в воздухе носилась тревога — как-то неприятно и страшно стало жить на земле. Особенная тревога охватывала, помню, в Москве; суматоха, непрерывная толчея людей, и какие-то мрачные, не дававшие света уличные фонари, и с грохотом проносившиеся трамваи — «мир во зле». Опять началась волна арестов, опять мимо нашего дома в Брянцево, выходявшего окнами на железную дорогу, проходили товарные составы, переполненные до отказа арестованными. На Север, на Север, на Медвежью Гору, на Колыму... Всем все было непонятно, какая-то тьма повисла над русской землей, и не было конца страданиям.

Во время вынужденного калининского безделья Николай Николаевич стал много работать в области апологетики. Еще до Калинина им было написано несколько статей апологетического содержания; о сущности христианского аскетизма, о смысле страданий, о главнейшей христианской добродетели — смирении, о своеобразной, чисто русской идее общественного служения благоверных князей. В Калинин он задумал труд по основным вопросам христианской апологетики. Николай Николаевич полагал, что обычные методы школьной апологетики с ее стремлением научно

доказать, как, например, Иона мог пробыть во чреве кита три дня, для чего предпринимались довольно неуклюжие попытки разъяснить, какова пасть у кита и т. д., или как возможно понять творение мира в шесть дней с точки зрения современной астрономии, не выдерживают критики, так как при подобном подходе к апологетике происходит неправомерное смещение плоскостей — ошибка, которую постоянно допускают в своей полемике против христианства атеисты, но которой грешат и некоторые апологеты, полагающие, что нужно бороться с противником его же оружием. Возникает нелепая полемика вокруг книги Бытия, когда профессор-химик, выступая на религиозном диспуте, силится во что бы то ни стало доказать, что человеческое тело другого химического состава, чем земля, думая, что этим самым он ниспровергнет христианские догматы. В свою очередь, неумелый христианский апологет, становясь на ту же точку зрения, начинает доказывать «от науки» обратное.

В этих приемах апологетики в корне неправильна самая ее методика.

В своих апологетических очерках Николай Николаевич и поставил перед собой задачу наметить путь христианской апологетики для наших дней, с учетом запросов современного человека. Исходя из этой точки зрения, он ясно отличил апологетику от полемики: не спор по тем или иным частным вопросам, а выяснение самой сути возникшей апории и разъяснение ее с точки зрения христианского мировоззрения — не критика тех или иных отрицательных начал, а противопоставление им начал положительных. В этом смысле христианская апологетика, по утверждению Николая Николаевича, всегда есть часть христианской миссии, которую Церковь вела с первых дней своего существования и будет вести до тех пор, пока существует враждебный ей мир чуждых учений. Обрисовав общие задачи апологетики, Николай Николаевич наметил круг тех вопросов, которые в первую очередь нуждаются в христианском освещении. Это прежде всего вопросы, вызванные развитием научного знания, в первую очередь естественных наук. Центральным из этих вопросов является вопрос о сущности дарвинизма с точки зрения христианского понимания эволюции. Второй круг вопросов включает в себя проблемы смысла жизни в христианском понимании, христианского отношения к различным сторонам человеческой деятельности, о значении христианства для общественного прогресса — апологетика морально-практическая. Наконец, третьим кругом вопросов занимается апо-

логетика историческая, она ставит перед собой такие задачи, как рассмотрение проблем сущности и происхождения религии, подлинности источников христианского откровения, всемирно-исторического значения личности Иисуса Христа, исторической роли христианства и христианского учения о смысле истории.

Первые две части апологетики Николай Николаевич написал, работая с большим увлечением, легко, без черновиков и почти без помарок, используя всякий клочок бумаги, вплоть до обложек тетрадей, записных книжек, блокнотов, так как с бумагой в то время было очень трудно. Этот труд был его любимое детище, он придавал ему очень большое значение и очень боялся, чтобы не пропал даром этот труд, чтобы рукописи как-нибудь не растерялись. Историческую апологетику он не успел написать (...)

Познакомившись с рукописью покойного Н. Д. Кузнецова «Существовал ли Христос?», в которой рассматривалась проблема подлинности источников христианского откровения в связи с критикой мифологической школы, Николай Николаевич нашел ее достаточной для тех целей, которые он поставил перед собой в своей исторической апологетике. Ясно сознавая, что «дни лукавы», что неизвестно, как долго сможет он работать, он отложил для себя эту тему, удовлетворившись решением, данным Н. Д. Кузнецовым. О роли христианства в истории, всегда положительной, он отчасти сказал в статье «О смысле аскетизма», но как самостоятельная тема этот вопрос, равно как и проблема христианского смысла истории, остался им не рассмотренным.

Наряду с работой над апологетикой Николай Николаевич отдает свое время завершению изучения «Актос Вселенских соборов», которые интересовали его как с исторической, так и с религиозно-философской точки зрения. Он пишет статью о монофелитских спорах и о позиции Максима Исповедника в этих спорах. Одной из задач этой статьи было показать, что часто в истории Церкви бывали такие моменты, когда на стороне православия оказывались единицы, но за этими единицами была правда, и они своими страданиями в исповедании того, что они считали истиной, в конце концов, одерживали победу в борьбе с теми, за которых стояли сильные мира сего — императоры и подпавшие под их власть патриархи, знать и высшее духовенство. Правое мнение не потому право, что за него стоит большинство, часто случайное, а потому, что оно выражает истину как она есть, хотя сознает это, может быть, один или несколько человек (меньшинство). Убеждение в своей правоте, вплоть до принятия

мученичества, стойкое исповедание веры, требующее тем большего мужества, что не встречает оно поддержки со стороны других, смелая защита своих убеждений путем глубоко и тонко продуманной аргументации в конце концов приводят к победе, хотя быть может и не останутся в живых те, кто ее отстаивал.

Этот подтекст статьи о монофелитских спорах звучал очень современно в условиях тогдашней церковной жизни.

С увлечением работал он также над иконоборческим движением, и в этой эпохе усматривая черты сходства с современностью. В этой статье он выдвигал на передний план Феодора Студита, сыгравшего для иконоборческих споров ту же роль, что и Максим Исповедник для монофелитских. Победа иконопочитания, которой завершились эти споры, была победой христианской культуры и христианских начал в жизни, победой истины Боговоплощения над сухим рационалистическим утверждением абстрактного в своей чистой духовности Бога. (...)

В литературных занятиях, в беседах с новыми знакомыми, которых появилось в Калининне немало, в встречах с о. Павлом и С. А. М. протекали дни жизни в этом городе и в его окрестностях. Недолго длилась, однако, эта передышка — относительное благополучие. Последний год пребывания в пределах Калининна был омрачен тревогами и скорбями. Весной 1939 года был арестован о. Павел. Пребывание на Кулицкой, поселке при станции Октябрьской ж. д. в 15-20 км от Калининна, очень удобном по своему местоположению, становилось опасным (...) В августе мы переехали в Высоковскую, дальний район Московской области.

В ПОДМОСКОВЬЕ.

Третий арест.

(август 1939—июль 1941)

В Высоковской, красивом промышленном поселке, центром которого была большая фабрика с большими красного кирпича заводскими зданиями и домами для рабочих, мы сняли комнату в прилегающей к нему деревне Некрасово, но вся беда была в том, что Николая Николаевича не прописывали — Высоковская не была доверстной зоной. Я осталась там, поскольку все-таки хотя бы у меня был заработок, а он уехал в Егорьевск, где можно было жить, но где абсолютно не было для него работы. В малень-

ком городке проживало бесчисленное количество бывших ссыльных, многие из которых прозябали без работы. Среди таковых оказался и наш давний знакомый Сергей Петрович Преображенский, впоследствии иеромонах Никон, который часто навещал Николая Николаевича, иногда и с ночевкой. Комнатушка была крошечная, в ней от силы помешалась кровать, стол и стул. Вот в этой-то комнатушке Николай Николаевич дорабатывал свою «Апологетику». Эти занятия отвлекали его от тяжелых дум, так что духом он не падал, хотя жизнь его в это время была очень трудная. Каждую субботу он приезжал ко мне в Высоковскую и в понедельник утром уезжал обратно.

(Далее Н. Ю. Фиолетова описывает мытарства их семьи в различных поселках. Наконец, им «повезло» — и она, и Н. Н. Фиолетов получили работу в Солнечногорске).

(...) Безработица была в прошлом, рядом Москва, можно было часто ездить к друзьям, в библиотеку. Появились надежды и на литературную работу (...) Но вот прошла весна 1941 года. Занятия в школе кончились, но нас задерживали в Солнечногорске экзамены в школе взрослых, которые были отнесены у Ник. Ник. на самый дальний срок. В один из свободных дней мы съездили в Загорск, побывали в Лавре. Лавра представляла собой печальное зрелище: все было в запущенном виде, храмы закрыты и разрушались, монастырские корпуса были заняты людьми, не имеющими никакого отношения к монастырю. Академический храм был превращен в дом учителя, где происходили конференции. Всюду на веревках сушилось белье, бегали ребятишки, с шумом катались на мотороллерах подростки. Сердце сжималось при виде мерзости запустения в этом священном для всякого русского (и не только православного) человека месте. Знаменательной казалась незаполненная одна из четырех сторон гранитного обелиска, стоящего в центре Лавры среди ее храмов: на трех сторонах обелиска были выгравированы страницы из славной истории монастыря — описания постигавших его в прошлом бедствий. Глаза невольно останавливались на этой четвертой, незаполненной стороне, и воображение подсказывало, что можно было бы написать потомству в назидание на ней.

(Начало войны застало Фиолетовых в Солнечногорске). (...)

Вечером 24/VI мы долго не ложились спать, и Ник. Ник. много говорил о будущем, о грандиозности предстоящей войны и о бедствиях, которые она с собой принесет. Открыл Евангелие

— попался текст: «Все будет разрушено, не останется камня на камне».

(Утром 25 июня Н. Н. Фиолетов был арестован, приговорен к 10 годам концлагерей).

Умер он 8-го марта 1943 г. на ст. Ан (Марининский концлагерь в новосибирской области) от истощения. Похоронен в безвестной могиле.

БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВЬ

О Б Р А Щ Е Н И Е

к Патриарху Константинопольскому ДИМИТРИЮ
в связи с 60-летием восстановления Патриаршества
Русской Православной Церкви.

ПРАВОСЛАВНОМУ ВСЕЛЕНСКОМУ
ПАТРИАРХУ ДИМИТРИЮ

ХРИСТИАНСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ
В СССР

Ваше Святейшество!

Христианский комитет защиты прав верующих в СССР был образован 30 декабря 1976 г. В дальнейшем мы были счастливы узнать, что обратившись к представителям Церкви и главам правительств, Вы, Ваше Святейшество, в своем Рождественском Послании призвали объявить 1977 г. — годом религиозной свободы. В этом увидели мы благословение первого из предстоятелей православных церквей деятельности Христианского комитета. Для нас Ваше обращение имело особое значение еще и потому, что мы не могли и не можем рассчитывать на гласное одобрение деятельности в защиту прав верующих со стороны высшей иерархии Русской Православной Церкви, которая по своему призванию должна была бы сама в первую очередь выступить в защиту гонимых и притесняемых христиан и призвать всех своих духовных чад бороться за попираемые права Церкви, как сделал это Всероссийский Поместный Собор 1917-18 годов и великий Перво-святитель Русской Церкви Патриарх Тихон. Мы не имеем цели осуждать иерархию нашей Матери-Церкви за ее уклонение от выполнения своего пастьерского долга. Уже 50 лет она следует курсу, избранному митрополитом Сергием Страгородским в то время, когда на корабль Русской Церкви обрушился такой шквал адской злобы, какого не знает двухтысячелетняя история Вселенской Церкви. Врагам христианства удалось не только физически истребить все лучшие силы Русской Церкви, но и нанести ей огромный духовный ущерб. Какова мера человеческих возможностей в момент искушения огненного — знает только Сердцеведец Господь, только Ему ветома мера вины и ответ-

ственности наших архипастырей. Но, подводя итог полувековому курсу, принятому Московской Патриархией, мы не можем не свидетельствовать о его духовных плодах.

Отказ епископата от харизмы исповедничества, выразившийся в официальном отречении от мучеников и исповедников церковной свободы, в лжесвидетельских заявлениях о благополучии и свободе Русской Церкви, повлек за собой забвение архипастырского долга печалования о народе, приведшее постепенно к совершенной слепоте и глухоте к нуждам и страданиям духовных чад, к глубокой эрозии пастырского и эклезиялогического сознания.

На наших глазах исполняется широко известное в Русской Церкви предсказание величайшего святого преподобного СЕРАФИМА САРОВСКОГО. Бог открыл ему, что наступит время, когда архиереи Русской Церкви уклонятся от соблюдения православия во всей чистоте, ибо будут учить учениям и заповедям ч е л о в е ч е с к и м, сердца же их будут отстоять далеко от Бога.

Высшие иерархи Русской Церкви не только уклоняются от защиты своих духовных чад. В условиях государства, где господствующей является идеология, враждебная христианству, стремление к обеспечению внешнего благополучия настолько перерождает сознание архиереев, что они идут на самое недопустимое в Церкви: смещение христианства, его упований и чаяний с идеологией противников Церкви Христовой. Так было, когда в 60-х годах митрополит Никодим и единомысленные ему иерархи начали распространять лжеучение, пытавшееся синтезировать христианское упование с идеологией безбожного строительства земного благоденствия, что с неизбежностью привело к искажениям христианского вероучения. То же смещение христианства с чуждой идеологией происходит и теперь.

В 1977 г. в СССР была принята новая Конституция СССР, в которой явно дискриминировались права верующих. Так, в качестве альтернативы конституционно провозглашенной свободы антирелигиозной пропаганды за верующими признается лишь свобода «отправления религиозного культа», но никак не свобода религиозной проповеди, миссионерства. Стремление ограничить многообразную и всеобъемлющую жизнь Церкви лишь отправлением религиозного культа, не допустить распространения христианства, воспрепятствовать приходу в Церковь молодежи — основная тенденция в борьбе атеистического государства с религией. Но и свобода отправления религиозного культа оказывается фик-

цией там, где, вопреки настоятельно ощущаемой верующими потребности участвовать в богослужении и таинствах Церковных, власти отказываются открыть православные храмы.

За последние 25 лет нам не известно ни одного случая регистрации новой православной общины. И это в условиях, когда на тысячу километров православные не могут найти действующей Церкви. Многочисленные обращения к властям с просьбой открыть храм остаются безрезультатными. Приведем несколько случаев, которые стали нам известны из обращений верующих в Христианский комитет с просьбами оказать им содействие в открытии храма.

В г. Горьком с населением около 3,5 млн человек уже много лет верующие хлопчут об открытии нового храма. Под ходатайствами собрано около двух тысяч подписей, создано шесть православных общин, которые власти отказываются зарегистрировать. В Чкаловском районе Горьковской области верующими собрано более трех тысяч подписей под ходатайством об открытии храма в селе Сицком. Об открытии храма хлопчут также верующие города Ефремова Тульской области, села Будки Кременецкого района Тернопольской области, г. Тарусы Тарусского р-на Калужской обл., села Хиночи Владимирецкого р-на Ровенской обл. Ни одно из этих ходатайств не удовлетворено.

Но большинство верующих лишено возможности узнать о существовании Комитета и обратиться к нему за содействием, так же как и мы не имеем возможности собрать полную информацию, поэтому приведенные примеры — лишь малая часть, никак не отражающая всю огромную потребность православных христиан нашей страны в открытии новых храмов.

В последние годы продолжается усиление давления на Церковь. Все чаще местные органы власти навязывают православным приходам в качестве старост лиц, не имевших ранее к приходу никакого отношения. В то же время искренне верующие прихожане, добивающиеся вступления в «двадцатку» с целью оздоровления жизни прихода, лишены этой возможности, т. к. местные органы власти отказывают им в регистрации. Результатом этого является ослабление прихода пред силами, стремящимися уничтожить Церковь. В Москве государственным аппаратом постепенно вводятся новые условия, выполнение которых все более стесняет церковную жизнь в действующих приходах. В некоторых храмах Москвы запрещено принимать в церковный хор лиц, моложе 35-40 лет. Уже свыше десяти лет в церквях проводится

обязательная регистрация документов крещаемых, а в случае, если крещаемые — дети, то документов их родителей. Списки зарегистрированных систематически передаются в местные органы власти, после чего попавшие в этот список подвергаются административному давлению. Недавно в одном из московских храмов в такие регистрационные списки стали вносить новую категорию лиц — крестных, восприемников крещаемых детей. Есть все основания опасаться, что вскоре это новшество станет обязательным для всех храмов, и таким образом круг верующих, на которых распространяется существующая «иудина» практика, существенно расширится. Стремясь затруднить жизнь православных монастырей, власти начали подвергать административной обработке так же верующих, посылающих по почте в монастыри посылки и денежные переводы. Хотя эти действия властей не являются прямыми гонениями на христиан, однако они едва ли не представляют собой нечто более опасное. Христиане знают, как нужно отвечать на прямые гонения. Здесь же — компромисс за компромиссом — как бы с согласия самой Церкви отнимается у нее свобода ее внутренней жизни, и тем самым постепенно отнимается сама жизнь.

На законодательное закрепление и обоснование этой политики был направлен, в частности, проект новой Конституции. Более того, новая Конституция провозгласила, что основной задачей государства и, следовательно, каждого его гражданина является построение коммунистического общества и воспитание коммунистического сознания членов общества, строящего коммунизм. О принципиальной несовместимости коммунизма и религии писали не только классики марксизма-ленинизма, но продолжают ежедневно повторять официальные государственные идеологи в нашей стране и по сей день. Естественно, что верующие были чрезвычайно встревожены появлением такого проекта основного Закона государства, гражданами которого они являются. Однако высшая иерархия не только осталась чужда этой тревоге, но более того, выступив ранее в лице митрополита Никодима с провозглашением идеологического слияния христианских и коммунистических упований, теперь безоговорочно одобрила законодательство, принуждающее христиан к участию в осуществлении коммунистического идеала — создании общества земного благоденствия, в котором нет места религии, воспитанию сознания, в котором нет места Богу.

В своем выступлении на торжественном заседании Советского комитета защиты мира Патриарх Пимен заявил:

«Мы, религиозные люди, с глубоким удовлетворением отмечаем провозглашение в проекте Конституции и обеспечение в жизни широкой гаммы гражданских прав и свобод. Статья 52-я гарантирует гражданам СССР свободу совести. Является само собой разумеющимся, что Русская Православная Церковь, как и другие церкви и религиозные объединения в нашей стране, свободно осуществляет спасительную миссию духовного окормления своей благочестивой паствы» (ЖМП, 1977, № 11, стр. 37).

Ложность подобных заявлений высших иерархов Русской Церкви очевидна всякому, хотя бы немного знакомому с положением религии в СССР, и не может не вызвать глубокой дискредитации как в глазах православной паствы, так и среди всех верующих и неверующих в нашей стране. Ложь давно уже стала традиционной в официальных заявлениях представителей Московской Патриархии, но если в годы сталинского террора сторонники политики лжи пытались оправдать ее «спасением Церкви», то теперь положение изменилось. Условия существования христианских исповеданий, не пожелавших ради внешнего благополучия предать духовную свободу, показывают, что отказ высшей иерархии Православной Церкви от защиты свободы религиозной жизни, следование ее конформистскому и пораженческому курсу, начатому митрополитом Сергием, и плоды следования этому курсу имеют помимо «страха иудейска» и другие, более глубокие причины.

В наши дни, в условиях столь сложного существования Церкви среди секуляризованного и прямо враждебно настроенного мира, становится все более ясным, насколько необходимо углубление в христианском учении о Церкви, о ее собственной природе и структуре и о ее отношении к миру. Когда мы думаем о Церкви, то мысль естественно обращается прежде всего к ее Главе и Основателю Господу нашему Иисусу Христу. Во Христе Спасителе с полнотой Божества неслитно и неразлучно соединена вся полнота человеческой природы, человеческих энергий. В применении к Церкви — Телу Христову это означает, что нет такого рода человеческой деятельности, которая в процессе домостроительства не была бы призвана к обожению, всецелому следованию «Божественному и всемошному хотению». Нет такой сферы человеческого творчества, которая не может быть одухотворена всеосвящающей благодатью Божией. Таковы эклезиялогические следствия православной христологии. Такова Воля Божия о Церкви и ее назначение в мире сем. Но противятся этому не только атеисты, строители безбожного общества, созда-

тели законодательства, позволяющего Церкви лишь «отправление религиозного культа». Как согласовать с требованиями православной экклезиологии недавнее заявление Патриарха Пимена (в интервью с корреспондентом газеты «Freie Welt» ЖМП, 1978 г., № 2) о том, что в своей литургической жизни члены Русской Церкви руководствуются канонами Православия, а в своей трудовой и общественной деятельности — принципами, провозглашенными 60 лет назад Октябрьской революцией, т. е. принципами тотального обезбоживания всего человечества? Приведенное заявление Предстоятеля Русской Церкви равносильно принципиальному согласию с экклезиологическим несториянством, официальное свидетельство того, что в советских условиях христианин должен быть «двусубъективным», вести двойную жизнь: в Храме он — христианин, искренне верующий, что «аще не Господь созиждет дом, всуе труждается зиждущий» (Пс. 126:1), вне Храма — член коммунистической партии или, по крайней мере, коммунист по убеждениям, искренне участвующий и сочувствующий строительству града безбожного благоденствия.

Бессознательное отступление или же сознательный отказ епископата от фундаментальных начал православной (Халкидонской) экклезиологии и ее практических требований привел к тому, что в настоящее время правящие архиереи и администрация духовных семинарий и академий прилагает все более заметные усилия по внедрению экклезиологического несториянства и монофизитства (монофелитства) в сознание клира и особенно учащихся духовных школ. В пределах храма от клирика требуется соблюдение церковных канонов, вне «отправления культа» он должен руководствоваться ими лишь в той мере, в какой они не противоречат общей политике уничтожения религии, и дискриминационному законодательству в частности. Проявивший миссионерскую активность рискует подвергнуться гонениям не только со стороны государственных органов, но и каноническим прещениям от своего архипастыря. Последний вдохновляется при этом «интересами церковного благополучия», преувеличенно остро переживая его непрочность и уязвимость. Это несториянский тип.

Примером экклезиологического монофизитства в его крайней докетической форме является проповедь о полной неуязвимости и «присносвободе» Церкви. «Церковь всегда свободна, не пекитесь о свободе Церкви» — учат с амвона даже весьма авторитетные старцы, утверждая при этом совершенную иллюзорность страдания Церкви, ее правовых ущемлений так же, как докеты утверждали иллюзорность страдания человеческой природы Христа.

Экклезиологическое монофелитство представлено крайним недоверием ко всякому человеческому творчеству, человеческой активности, в том числе и правозащитной деятельности. Отрицается в сущности, что Бог может действовать в истории через человеческую волю и творческую активность человека. В сознании епископата и значительной части духовенства оба полярных типа неправославной экклезиологии мирно сосуществуют и даже объединяются в неприязни и подозрительности или равнодушном неучастии в правозащитной деятельности, в кампаниях за открытие храмов, регистрацию новых общин. Нередки случаи, когда епископы употребляют свою власть против таких начинаний ревнителей веры, намеренно стараясь угасить их энтузиазм.

Ваше Святейшество! Со всей ответственностью мы свидетельствуем вселенскому христианству, что одним из самых опасных следствий беспощадного гонения, пережитого Русской Церковью в XX веке, одним из самых тревожных итогов курса, начатого митр. Сергием, явился тот факт, что на седалищах святителей московских воссели несторияне и монофизиты от экклезиологии. Первым знаком этого явилась «реформа приходского управления», принятая под давлением и в угоду антирелигиозному государству Архиерейским Собором 1961 года и утвержденная Поместным Собором Русской Церкви в 1974 г., предоставившая в нарушение церковных канонов «независимость» от епископской власти приходам в их административной и финансово-хозяйственной сферах. Целью реформы, отторгнувшей сферу «земной» деятельности от сферы духовной жизни, было развоплощение и разоружение Церкви перед лицом атеистической воинствующей антицеркви, стремящейся вытеснить Церковь Христову и собою «наполнить все во всем». О последующих событиях, знаменующих все большее вторжение в сознание иерархии нашей Церкви антихалкидонской экклезиологии и, как следствие этого, все большее ослабление Церкви перед лицом враждебных ей сил, уже говорилось в нашем обращении.

Запуганность епископата, отказ от духовной свободы, его лжесвидетельство, его уклонение от выполнения своего пастырского долга слишком очевидны для церковного народа. Состояние иерархов нашей Церкви порождает в верующих великое смущение, зачастую уныние от кажущейся безысходности ситуации. Связанность и ущербность церковной жизни начинает восприниматься как нечто неизбежное и даже ложное. Попытки православных верующих объяснить и оправдать состояние своих пастырей

приводят с неизбежностью все к той же неосознанно принимаемой антихалкидонской эклезииологии.

Верующие протестантских исповеданий в нашей стране с целью обретения свободы религиозной жизни ищут выход в отделении от своих падших пастырей. Однако православному сознанию, руководствующемуся Священным преданием Вселенской Церкви и хранящему Ее единство как величайшую драгоценность, чужд плюрализм протестантской эклезииологии, и раскол представляется недопустимым нарушением норм церковной жизни. В то же время величайшая опасность, нависшая над Русской Церковью, усугубляется тем, что в условиях бесправия и тлетворного плена невозможно свободное выражение соборного сознания нашей Церкви, которое могло бы преодолеть Ее болезнь.

Если на помощь плененной Русской Церкви не придут силы Вселенского Православия, его свободный голос, то спасти нас сможет лишь особое божественное вмешательство, к которому, возможно, и относится предреченное преподобным СЕРАФИМОМ САРОВСКИМ.

В этом году исполняется 60 лет восстановления Патриаршества в Русской Церкви. Шестьдесят лет назад на Всероссийском Поместном Соборе было преодолено трехвековое каноническое нестроение — синодальная форма церковного управления, находившаяся в зависимости от государственной власти. На Соборе было определено, что отныне Русская Церковь «независима от государства и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления» (Определения и Постановления, выпуск 1, стр. 4-6). «Восстанавливается Патриаршество и управление церковное возглавляется Патриархом» (там же, вып. 1, стр. 3). Было определено также, что Патриарх имеет долг печалования перед государственной властью (там же, вып. 1, стр. 4-6).

Таким образом, восстановление Патриаршества неразрывно связалось в соборном сознании Русской Церкви с обретением Ею полноты свободы религиозной жизни, церковного самоуправления. Но теперь, через 60 лет трагической истории Русской Церкви, с горечью приходится признать, что харизма первосвятительского служения как воплощения свободы церковного самоуправления не реализуется в Русской Церкви, Патриарх и епископы которой отступили от заветов Собора.

И вот в 1978 году Московская Патриархия наметила проведение торжеств по случаю 60-летия восстановления Патриаршест-

ва. Эти торжества, так же как и джесвидательства иерархов, так же как и другие периодически устраиваемые со всею пышностью торжества, съезды и приемы с участием представителей христиан всего мира, имеют целью продемонстрировать всему миру благополучие Русской Церкви, убить само ощущение несвободы Ее. Именно поэтому проводятся они не только с согласия, но при полном содействии гонителей Церкви, пытающихся скрыть дела свои.

Но то, что пытаются скрыть от людей, я в н о в очах Божиих. Как не страшно архиереям Русской Церкви, что будет произнесено Слово Господне:

«Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть; беззаконие — и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавижу душа Моя; они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, я закрываю от вас очи Мои, и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу... Омойтесь, очиститесь... ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите, и рассудим...» (Ис. 1:13-18).

Огромная ответственность ложится на Православные Церкви. Неужели и они окажутся среди участников этих недостойных торжеств? Или не ведомо им истинное положение Русской Церкви, или готовы они ради спокойствия и внешнего благолепия соучаствовать в джесвидательстве, тогда как Церковь наша ждет от них помощи?

Ваше Святейшество! Необходимы совместные усилия братских Православных Церквей по изучению положения Православия в условиях современного секуляризованного или прямо враждебного Церкви мира и уяснение основных эклезииологических принципов, которыми должна руководствоваться Церковь в своих взаимоотношениях с государством и обществом. Обращаясь к Вам, первому среди Предстоятелей православных церквей, мы надеемся, что Вы сделаете все возможное, чтобы это неотложное церковное дело начало воплощаться в жизнь.

Но как бы ни было тяжело правовое, точнее бесправное положение Церкви в Советском Союзе, страшнее всего для верующих православных духовное состояние их пастырей. Обращаясь к Вам, Ваше Святейшество, мы обращаемся к Вселенскому Православию: воздвигните голоса ваши, дабы христианская любовь с братским обличением и увещанием разбудила пастыр-

скую совесть наших иерархов, возбудила в них мужество исповедания, без которого невозможна духовная свобода.

Тяжела болезнь Русской Церкви. Но мы верим, что Господь, и четверодневного Лазаря воскресивший, не оставит нас своим милосердием. Припадая к Вам, Ваше Святейшество, мы просим сугубых молитв Ваших и всех православных христиан о возрождении Русской Церкви во славу Господа нашего Иисуса Христа.

11 апреля 1978 г.

Москва

Члены Христианского комитета
защиты прав верующих в СССР:

священник Глеб ЯКУНИН
иеродиакон Варсонофий ХАЙБУЛИН
Виктор КАПИТАНЧУК
Вадим ЩЕГЛОВ

ХРИСТИАНСКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЕРУЮЩИХ В СССР

Москва, Севастопольский проспект, д. 67, кв. 4.

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ ПАТРИАРХУ
МОСКОВСКОМУ и ВСЕЯ РУСИ ПИМЕНУ,
ЧЛЕНАМ СВЯЩЕННОГО СИНОДА РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Ваше Святейшество! Ваши Высокопреосвященства!

Обращаемся к вам по поводу чрезвычайных событий, происшедших в Успенской церкви города Павлограда Днепропетровской епархии. В последние годы приходская жизнь Успенской церкви претерпевала многие серьезные нестроения. Храм давно не ремонтировался, староста и приближенные к нему лица, по многочисленным свидетельствам, занимались хищением церковных средств, вели образ жизни, недостойный христиан. Нестроения наблюдались также и в самом богослужении.

Прихожане, обеспокоенные этими явлениями, пытались предпринять действия, направленные на нормализацию приходской жизни. С этой целью верующие Фоменко, Бованенко, Малая, Пытайло, Ченцова, Клеменко, Леванова и др. пытались в соответствии с советским законодательством официально присоединиться к членам «двадцатки» с тем, чтобы иметь право участвовать в решении вопросов приходской жизни. Уполномоченный Совета по делам религии Шендрик В. С. подтвердил их право вступить в число лиц, подписавших договор о пользовании культовым зданием и имуществом. Однако на деле в реализации этого права, несмотря на то, что верующими было составлено около 20-ти жалоб в различные инстанции, включая высшие, им было отказано. В первую очередь ответственными за отказ являются уполномоченный Совета по делам религии Шендрик и секретарь горисполкома Станишевская. Мотив отказа понятен. Однако, антирелигиозная ретивость не делает ещё отказа сколько-нибудь законным. Естественно было в этом случае на месте верующих обратиться в суд с целью реализации своих законных прав, что они и сделали. Казалось бы, в результате судебного разбирательства верующим должно быть предоставлено право подписания договора о пользовании храмовым зданием и культовым имуществом, а, стало быть, и участия в решении вопросов приходской

жизни. Советский закон был всецело на их стороне, а отказ со стороны должностных лиц носил явно противозаконный характер.

Попытки давления на верующих, решившихся добиваться своих прав, со стороны местной прессы, обрушившейся на них с клеветнической статьей, а также со стороны уполномоченного и прокуратуры, пытавшихся запугать угрозами уголовного преследования, не сломили их и не заставили отказаться от своих законных требований.

И тогда произошло следующее.

В день свв. первоверховных апостолов Петра и Павла настоятель Успенского храма о. Сергей объявил с церковного амвона указ архиепископа Леонтия об отлучении от Церкви Левановой, Бочкарёвой, Перепады и супругов Бованенко, т. е. тех, кто наиболее активно пытался противодействовать злоупотреблениям в приходской жизни. То, чего угрозами и клеветой не могли добиться антирелигиозники, совершилось по воле православного епископа: будучи отлучены от Церкви, самоотверженные ревнители церковной жизни лишены возможности участвовать в жизни своего прихода.

Текст указа об отлучении с изложением мотивов им не вручен, и настоятель в принципе отказался вручить его. Что это? Сознание неправоты содеянного препятствует оставлению документов? Подобная практика давно уже распространена среди незаконных гонителей церкви Христовой. Или, может быть, указа не было вовсе? Ведь епископ Леонтий известен далеко не как худший епископ Русской Церкви, и, во всяком случае, верующий. Больно и трудно допустить, что он мог предпринять это антицерковное дело. Но нет никаких оснований подозревать во лжи нового настоятеля Успенской церкви о. Сергея, который в первые же дни своего назначения публично, с амвона подтвердил справедливость указаний на нестроения приходской жизни, с которыми боролись ныне отлучённые прихожане.

В связи с вышеизложенным просим Вас, Ваше Святейшество, назначить расследование этого дела, и в том случае, если факт отлучения христиан, ревнующих о чистоте церковной жизни, подтвердится, что, к сожалению, придется ожидать, отменить незаконно наложенное прещение и подвергнуть виновного в нём самому строгому церковному наказанию.

Наша озабоченность в связи с этим делом вызвана в частности тем, что подобные действия со стороны епископата не только могут окончательно скомпрометировать его как пособника

гонителей церкви, но и привести к ещё более тяжёлым последствиям. Ибо вполне можно предположить, что найдется в Русской Церкви епископ, который, будучи уязвлен страданиями невинно отлучённых от Церкви чад её, примет их в общение, или, если такого епископа не найдётся, то последует обращение к иерархии одной из автокефальных Православных Церквей с просьбой о принятии в церковное общение. Откажут ли в этом случае православные иерархи?

Каноническая возможность существования приходов, подчиняющихся зарубежной иерархии, может основываться, например, на прецеденте оставления на территории Американской автокефальной церкви при даровании ей автокефалии приходов, подчиняющихся Московской Патриархии, что было вызвано волеизъявлением этих приходов.

Опасаясь подобных тяжёлых осложнений в жизни нашей Церкви и сознавая, однако, в свете изложенных событий их реальную возможность, надеемся на принятие вами безотлагательных и действенных мер.

5 августа 1978 г.

г. Москва

Члены Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР

священник Глеб Якунин

иеродиакон Варсонофий Хайбулин

Виктор Капитанчук

Вадим Шеглов

ДЕКЛАРАЦИЯ

деятельности Группы Всесоюзной Церкви Верных Свободных Адвентистов Седьмого Дня по правовой борьбе и расследованию фактов преследования верующих в СССР

Принимая во внимание постоянно увеличивающиеся репрессии, гонения и всевозможного рода преследования: тотальные слежки и наблюдения за верующими и их домами с использованием и применением современных технических средств, секретных подслушивателей и видеоаппаратуры, посягание на тайну корреспонденции, подслушивание телефонных разговоров, административные взыскания и наказания, штрафы, обыски с полным изъятием и ограблением материальных и культурных ценностей, чисто религиозной и прочей литературы и личных вещей, противоправные и безосновательные аресты, суды, избиение, применение пыток и инквизиторских, так называемых экспериментальных методов допроса в целях получения нужной информации, использование спецпсихбольниц в подавлении религиозной свободы и независимости, дискриминацию в области образования, труда и других сферах человеческого общежития, лишение родителей родительских прав за религиозное воспитание своих детей, судом и силой отнятие детей от родителей и помещение их в госатеистические специнтернаты для насильственного безбожного перевоспитания, разгон и погром незарегистрированных религиозных собраний и богослужений, вербовку и засылку в среду свободных верующих своих агентов и многое другое, используемое диктатурой государственного атеизма в уничтожении религиозной свободы и независимых верующих граждан в СССР; в целях правовой идейной борьбы с диктатурой госатеизма и разоблачения фактов преследования верующих в нашей стране мы, Всесоюзная Церковь Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня, объявляем о создании «Группы Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня по правовой БОРЬБЕ И РАССЛЕДОВАНИЮ ФАКТОВ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ В СССР».

Группа будет заниматься следующей деятельностью:

— собирать информацию и жалобы от преследуемых и репресслируемых верующих граждан, принадлежащих к Всесоюзной Церкви Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня и других преследуемых религий, за их чисто религиозные убеждения, жизнь и деятельность;

— заниматься расследованием фактов насилия и произвола диктатурой государственного атеизма;

— предавать эти факты насилия и произвола, нарушения и попрания всех элементарных прав и свобод независимых религиозных граждан широкой гласности. Разоблачать, обнажать и раскрывать подлинное лицо госатеизма пред мировой общественностью;

— обращаться с жалобами и протестами как в местные органы власти нашей страны, так и в международно-правовые организации, занимающиеся вопросом прав человека, а также обращаться к правителям государств, подписавших Заключительный Хельсинкский Акт по сотрудничеству и безопасности в Европе;

— собирать факты и документальные материалы о подавлении диктатурой госатеизма прав и свобод независимых религиозных граждан и нарушении Хельсинкского соглашения для предстоящей встречи в Мадриде;

— заниматься юридическо-просветительной деятельностью в среде религиозных граждан, преследуемых по вероисповедному признаку, в целях разоблачения тайных инструкций и постановлений, противоречащих как внутригосударственным законам, так и международным, которые госатеизм использует для подавления подлинной религиозной свободы;

— оказывать всестороннюю помощь преследуемым и их семьям, пострадавшим от диктатуры госатеизма;

— группа не ставит своей целью заниматься антигосударственной деятельностью, направленной на подрыв авторитета чистой государственности, так как чистая государственность признаётся нами, как Богом установленная, и не посягает, не вмешивается в вопросы совести, убеждений, в жизнь и деятельность независимых религиозных граждан.

Главной целью группы является разоблачение и идейная борьба с преступной и деспотичной религией атеизма-материализма-эволюционизма и её незаконным, преступным, блудным соединением с государством, что есть по Откр. 17,2 и 18,3 блудодейство с царями и купцами земными.

Так как всякое правозащитное движение в СССР встречает преследование и государственную расправу, как это видно из фактов недалёкого прошлого и настоящего, то мы, Всесоюзная Церковь Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня, в лице организованной правозащитной христианской группы, обращаемся ко

всем правовым организациям мира, главам правовых государств, и ко всей мировой общественности поддержать нашу весьма трудную, но справедливую, благородную, Богом пророчески предсказанную правовую борьбу за свободу религии и цельную человеческую личность.

В настоящий состав группы входят:

руководитель группы Ростислав Галецкий
секретарь Леонид Самойлов
члены: Нина Кузнецова
Любовь Сытникова
Людмила Стрельникова
Надежда Присыпко
Анна Зубарева

11 мая 1978

**Всесоюзная Церковь Верных Свободных
Адвентистов Седьмого Дня**

Г. К. НИКИТИН

СОБРАННОСТЬ И ТРЕЗВЕНИЕ

Бдите и молитесь, да не внидите
в напасть. (Мк. 14,38).

Положение Церкви в СССР в настоящее время вызывает особую озабоченность. Для этого есть много оснований. Остро необходимо всестороннее, честное, свободное от всяких умолчаний гласное обсуждение этого положения. И это тем более необходимо, поскольку на Западе вновь возникает опасность развития какой-то странной аберрации в этом вопросе, какого-то своеобразного «лжеименного гнозиса»!

Как в старой, так и в новой эмиграции подчас раздаются трезвые голоса, но они тонут в хоре совершенно ложных представлений и мнений. Особенно тревожно, что эти ложные мнения стали отчасти проникать на страницы даже таких серьезных и независимых изданий, как «Вестник РХД», редактору которого Н. А. Струве, автору широко известной книги «Христиане в СССР», никак нельзя отказать в трезвости и пронизательности.

Тому, видимо, есть серьезные причины, и их мы попробуем здесь коснуться, не претендуя на полноту анализа. Итак, сформулируем основные тезисы советской пропаганды о положении Церкви в СССР. Церковь отделена от государства и совершенно свободна в своей внутренней жизни. Существуют семинарии, академии. Издаются религиозные книги и журналы. Все могут беспрепятственно посещать храмы; можно воспитывать детей в религиозном духе и т. д.

В церковных официальных органах, таких как ЖМП* и др., эти положения повторяются почти дословно. Все разоблачения отдельных лиц и «Комитета защиты прав верующих» немедленно опровергаются в интервью и заявлениях высокопоставленных иерархов. Существует четко отработанная программа «приема и сопровождения» различных иностранных церковных и светских делегаций и туристов, в результате которой они уезжают в эйфорическом умилении от прекрасного пения, музейных икон, десятка прекрасно реставрированных храмов и роскошных обедов (Солженицын прекрасно вскрыл этот механизм в главе «Улыбка Будды»).

* «Журнал Московской Патриархии».

И хотя об этом неоднократно говорилось, видимо, «миражи Хельсинки» настолько завораживают, что необходимо снова и снова говорить о важнейшей компоненте советского образа правления, о его ИГРЕ В ВИДИМОСТЬ...

В частности, говоря о Церкви, необходимо подчеркивать, что вся парадоксальность её положения в настоящее время состоит в ВИДИМОСТИ БЛАГОПОЛУЧИЯ! В этом ключ к их оценке. И это, видимо, особенно трудно понять жителю Запада. Между тем оно реально и существенно — это особенное, глубинное и совершенно неотъемлемое свойство «советского образа жизни». Свойство это — его **игровой, театральный** характер, осуществление и выявление через ВИДИМОСТЬ всего и вся. У древних греков бытовало представление о жизни как сценической игре (См. А. А. Тахо-Годи. Жизнь как сценическая игра в представлении древних греков. В книге «Искусство слова». М., 1973). В советской действительности этот архетип поведения, оплодотворенный китайским влиянием, превратился в какую-то безумную, но подчас весьма расчетливую фантазмагорию. Одна из сторон её — **игра в видимость процветающей церковной жизни.**

В самом деле, давайте рассуждать трезво. Может ли советская власть мириться с действительно свободной, нормально функционирующей, подлинно независимой Церковью? Как сама она неоднократно заявляла словом и делом, не может! Тоталитарный режим требует полной монолитности, единообразия идеологии, в этом условие его самосохранения. Сейчас «единственной противоположной идеологией», по выражению Белова-Шилкина, является религия. Конечная цель коммунистического режима — полная ликвидация религии и Церкви. Она записана «золотыми» (т. е. вечными) буквами и не может быть отменена. Их современная политика есть род своеобразной «икономии», но это не значит, что конечные цели забыты. Эта «икономия» есть результат учета реальной потребности довольно значительной части населения в религии, уничтожить которую не удалось, несмотря на все усилия, а также учет критики Запада. Но как же это совмещается с «преодолением религиозных предрассудков»? Какой выход избирает власть?

Тот западный читатель, который подумает о каких-то взаимных компромиссах, следующих из общенародной пользы, блага страны, принципов гуманности и т. д., окажется глубоко неправым. Путь, избираемый советской властью, совсем иной: **продолжать неуклонно ликвидировать Церковь и религию, одновременно с**

раздуванием пропагандной шумихи о её ВИДИМОМ процветании...

Чтобы пояснить этот тезис, приведу несколько простых примеров. В неурожайный год телевидение информирует о результатах сбора зерна. Огромный пустой стол, бодрый голос диктора. Откуда-то сверху на стол стали падать газеты, газеты, газеты... Огромные заголовки о «колоссальных успехах», «досрочной уборке» и т. п. В этой совершенно китайской инсценировке **действие видимости** прямолинейно и убого. Но в своих разновидностях и оттенках оно пронизывает всю систему: коммунальные квартиры, как видимость решения жилищного вопроса, видимость бесплатного образования, видимость медицинского обслуживания, пользоваться которым практически невозможно, видимость профсоюзов, общественных организаций, видимость молока и мяса в столицах и полное отсутствие их в провинции и т. д. и т. п.

Итак, подчеркнем еще раз. Игра в видимость церковного благополучия есть **новая тактика при сохранении прежней стратегии!** Существуют достоверные сведения о том, что есть конкретные плановые мероприятия этой тактики. Всякая религиозная жизнь в провинции будет неуклонно искореняться. Одновременно с этим, в столицах и туристических центрах будет создаваться и поддерживаться «витрина». Важнейшей составной частью этой кампании является огромное и целенаправленное увеличение пропаганды на Западе о «благополучии и процветании» религии в СССР. Для этого прежде всего будет использован и уже эффективно используется «советский епископат», коммунистическая печать в странах Запада, «традиционные друзья» СССР, подарки, подкуп, поток клеветы на трезвомыслящих и т. д.

Уже сейчас вояжи «доверенных» клириков приобрели огромный размах. Случайное знакомство с таможенной декларацией одного часто вояжирующего архиепископа поразило: 10 тыс. швейц. фр., 50 тыс. франц. фр., несколько тыс. фунтов стерлингов!!! И это на двухнедельную поездку... Не хочется верить, но упорно говорят о «подарках» прогрессивным журналистам, церковным и общественным деятелям для создания «благоприятной атмосферы». «Или запугать, или купить»... Это древнее правило и донныне работает безотказно. Даже такой честный и трезвый человек, как И. И. Сапиег из Би-Би-Си, после поездки по СССР как-то сдал... При этом, характерные слова: «Ах, как нас принимали в Туле» (?!) Думаю, что И. И. Сапиегу будет полезно знать о заранее запланированной и продуманной процедуре его приема,

об отчете, представленном в соответствующие органы; реакция подтверждает успех органов. Самое сильное критическое замечание Сапиета: «Если храмов было бы в несколько раз больше, то и они были бы заполнены до отказа». Непонятно умиление пением Геронтия, сына протодьякона. При этом остаются в стороне те миллионы детей, которые никогда не были в храме, которым с ясельного возраста вдалбливают атеизм. Сапиет не говорит об отсутствии Библии, книг, храмов, недостатке в священниках. Да и как скажешь после такого приема...

Эти методы очень действенны. Знание человеческой психологии помогает. Итальянского министра Форлани купили роскошным сафари, других ещё чем-то... Однако архиепископа Кентерберийского Дональда Коггена не удалось. Ибо чтобы противостоять противоблазна «роскошных обедов», необходима духовная собранность и трезвение, в святоотеческом понимании этого термина.

Комментируя точку зрения безымянного автора статьи «Богословие или опасное суесловие?» в № 121 «Вестника РХД», Н. А. Струве неожиданно говорит: «Эта точка зрения, как будто довольно широко распространенная в Советской России...». Но в советской России никаких статистических опросов верующих не проводят, даже их число держат в тайне. Подобных статистических данных ни у кого нет. Однако, очевидно, что в любом социуме всегда есть широкий спектр мнений и убеждений, и в Церкви то же. Но только «преданная всей душой советской власти» группировка пользуется мощным пропагандным аппаратом советского режима, финансовой и государственной поддержкой. Представители этой группировки стоят у руля Церкви, обладают массой привилегий, могут часто ездить за границу, выступать там по телевидению, давать интервью, убеждать в частных беседах. Эта трескотня и шум соответствуют именно тому плану, о котором говорилось выше. Несомненно, что большинство из них искренне верующие люди и по-своему хотят блага Церкви, но слишком далеко зашли в этой игре, да и роскошь понемногу затягивает.

Конечно, у «Христианского комитета защиты прав верующих» нет таких пропагандных возможностей, хотя именно он представляет большую часть верующих. Но голос его как-то не доходит до слуха Запада.

Говоря о статье «Богословие или опасное суесловие», следует обратить внимание на следующее. По всей видимости, её

автор близок к официальным церковным кругам и заражен «массонобязностью» (выражение Н. Зернова). Отсюда его недоверие к «Вестнику» и к экуменизму. Но при всей своей умственной ограниченности и узости, безымянный автор сердцем чувствует какую-то глубокую фальшь в этой **видимости** «свободного экуменического диалога». Ему, как и всем другим, хорошо известно, что без утверждения соответствующих органов никто к этой работе допущен не будет. Ни одна статья не сможет появиться без тройной и четверной цензуры и т. д. Не умея выразить своих опасений, он по-своему пытается разобраться в том, что происходит. Пока у него хватило смелости заметить что-то неладное в писаниях Заболотского. Он лишь вопрошает, куда смотрит иерархия. Однако это вопрошание может пойти и дальше, как вопрос о самой иерархии... И потому несомненно прав «Вестник», напечатав эту статью с прекрасным комментарием Н. А. Струве. Возражения д-ра Григория И. Ясиницкого как раз являются ярчайшим примером наивного или корыстного непонимания ситуации в русской церковной жизни и, конечно, могут исходить только от жителя западного мира. Но дело не только в этом. Сколько-нибудь профессиональные знания богословия и экуменической проблематики убеждают в действительной псевдонаучности и крайне низком уровне работ проф. Н. А. Заболотского. Некоторые его статьи действительно содержат полезную информацию и производят некоторое впечатление. Однако это именно те статьи, которые являются компиляциями различных отчетов и коммунике экуменических комиссий. Тот, кто имеет возможность сличить оригинальные тексты и упомянутые статьи Заболотского, легко может обнаружить плохо отредактированную кальку с иностранного языка. Переводы, конечно, делают наемные светские переводчики. Его диссертация «Кафоличность — проблема экуменизма» представляет собой беспрецедентную смесь марксизма-ленинизма с православием. Что касается собственно научной темы диссертации — халкидонский орос и диалог с Древними Восточными Церквями, то здесь есть лишь прямое переписывание В. В. Болотова, причем дурно изложенное и «скрещенное» с малоавторитетными переводными авторами. Количество страниц (500), которое так умиляет Ясиницкого, является стандартом для докторских диссертаций в области марксистско-ленинской философии. Поток таких диссертаций огромен, хотя там содержится ноль информации, или, вернее, просто словоблудие. Переводы заказывает Патриархия за мизерную оплату наемным переводчикам. Они куда-то бесследно исчезают. Различные группировки

скрывают их друг от друга. Ценнейший перевод Тейяра де Шардена был найден иподьяконом в ящике для обуви у одного митрополита... Фантазмагоричность нашей действительности и не снилась благодушному Ясиницкому. Вот, например, есть такой контрольный редактор английского отдела ЖМП, Аникин Александр Дмитриевич. Член КПСС. В № 7 за 1977 г. ЖМП появилась его статья о Хельсинских соглашениях. И одновременно с этим в партийном органе «Новое время» — статья «Углубление финансового кризиса в странах капитала».

Чтобы понять ситуацию, надо помнить об этой «мистерии видимости», когда разыгрывается роль, отыграв которую актер волен жить совсем иначе, чем герой пьесы. Впрочем, об этой фантазмагорической стороне русской и советской жизни можно прочитать у Гоголя, Лескова, Ф. Сологуба, М. Булгакова, А. Солженицына, В. Войновича, Вен. Ерофеева.

Недавно я имел счастье прочитать прекраснейшую и интереснейшую книгу «За рубежом. Хроника семьи Зерновых». Только одно место вызвало мое недоумение: «Мы не можем судить иерархию в России». Конечно, **судить** нельзя. Но разве можно заставить себя не видеть, не слышать, не думать? Можно ли отказаться анализировать **результаты** деятельности иерархов, а не их самих? Ведь от этих результатов много зависит. Н. Зернов очень пронизательно анализирует принципы государственного существования в СССР. Но ведь конечные судьбы связаны не с государством, а именно с судьбами Церкви. Трезвый и честный анализ положения, быть может, помог бы и самим епископам. Тем более, что многие из них молоды и находятся в плену у своих иллюзий, увлечений. Они рассчитывают «переиграть» КГБ, но при этом попадают в тонко расставленные сети. Правда была бы для них спасительна, помогла бы контролировать себя. С другой стороны, честные люди, такие как самоотверженный о. Глеб Якунин, чувствовали бы моральную поддержку в своей благороднейшей деятельности. Здесь, в России, такие честные епископы, как Гермоген (Голубев)*, молчат, поскольку и к ним найден «подход». Его пугают опасностью «раскола». Какие-то умники (не из органов ли?) пишут в редакцию Би-Би-Си, что, дескать, их передачи «вбивают клин между народом и иерархией». И уважаемый о. Владимир Родзянко серьезно оправдывается. Поразительно, до чего силен гипноз этих слов: «Как бы чего не вышло!»

Молчание русских на Западе особенно странно потому, что об истинной ситуации Церкви в России тем не менее много пишут и даже «изучают опыт». В журнале «Chrysostom» (Vol. IV, № 5, 1975, р. 117-118), появилась статья, где говорится о карьере митр. Никодима (Ротова). Утверждается причастность его к «советской секретной полиции». Данный журнал ставит своей целью знакомить западного читателя с «историей и духовностью восточного христианства»!!!

А что скажет д-р Ясиницкий о недавнем сообщении Би-Би-Си. Американский студент написал письмо в редакцию советского радио, вещающего на английском языке. Он собрался ехать в СССР и спрашивает, правда ли, что нельзя привезти с собой несколько Библий. Ответ редакции знаменателен. Мы-де обратились в Патриархию и **нам разъяснили**, что по просьбе Московской Патриархии советское государство взяло на себя тяжкую обязанность не допускать ввоза «неканонических Библий». Только д-р Ясиницкий может поверить, что кто-то куда-то обращался или была реальная просьба Патриархии. Просто было разыграно маленькое стандартное театральное представление. В результате: **Распространение Библии запрещается именем Церкви !!!** И конечно, пока не найдется хоть один честный епископ, который это опровергнет, никакие заявления «Христианского комитета защиты прав верующих» не будут убедительны для западного человека, с его привычкой к логике и юридическим нормам.

Как во всяком театре, качество исполнения определяется выдумкой режиссуры, талантом актеров, мастерством декораторов и т. п. Иногда могут быть срывы, несогласованность. Талантливое произнесение текста пьесы вовсе не предполагает, чтобы актер, как человек, разделял убеждения своих персонажей. Это и наблюдается в советской жизни и, в частности, в церковной жизни. Можно даже сказать, что из той «типологии душевных укладов», о которой писал Степун в своей монографии «Основные проблемы театра», в советской жизни возобладал «артистический» тип. Несколько примеров. Копенгаген. Сахаровские чтения. Для контрвыступлений прибыла делегация Московской Патриархии. В её составе священник, который незадолго до этого в частной беседе восхищался Сахаровым и его идеями. «Но для блага Церкви» и т. д. русский епископ в Лондоне выступает по телевидению сразу после острого выступления писателя Анатолия Кузнецова. «У нас Церковь свободна, всё прекрасно и т. п.» Приехав домой, тот же епископ в узком кругу говорит об остром чувстве стыда за свою ложь («Взмок, прилип к креслу...»). «Но для блага Церк-

* Иная точка зрения содержится в некрологе еп. Гермогена — А. Левитиша-Краснова («Р. М.» от 18.5.78).

ви...» Такая тактика идет со времен митр. Сергия (Страгородского). Показательно в этом отношении свидетельство его ближайшего сподвижника митр. Сергия (Воскресенского). В статье «Православная Церковь под германской оккупацией», опубликованной в журнале «Eastern Churches Review» (Vol. VI, № 2, p. 131, 1974), приведены слова митр. Сергия Воскресенского: «Не таких обманывали, — а этих колбасников обмануть не трудно». Его печальный опыт заблуждений и самообмана никого ничему не научил. Игра-то почти всегда в пользу органов...

Между тем, именно «сергианство» породило тот особый псевдоцерковный стиль особого рода апологетики, как «Правда о религии в России», передовицы ЖМП, спецбюллетени. Причем, как бы начисто забыто, что в свое время он допускался в силу принципа «икономии», как тяжкая и печальная необходимость. Если бы сейчас дело обстояло именно так, то судить кого-либо было бы трудно. Но постепенно об «икономии» забыли и стали и вправду создавать какую-то новую «идеологию», новое «марксистско-православное» вероучение, причем советское государство почти уже заслонило Иисуса Христа. О государстве говорят и пишут уже как о «богосударстве» (выражение Томаса Манна), а христианство представляется с изрядной долей, как говорил Карсавин, «социалистического кретинизма». Вот против этого-то «преображения» принципа «икономии» в **идеологию**, в то, что необходимо оправдать с помощью Евангелия и св. Отцов, следует всеми силами протестовать. Приходит новое поколение молодых епископов и священников, которые знают историю лишь из советских учебников и переполнены наивностью и честолюбием. Не следует забывать и об ответственности перед ними.

Сейчас идут массовые беседы с клириками, к каждому органу пытаются подобрать свой ключ, найти слабости или уязвимые места, чтобы держать в руках. Лишенные информации и разобщенные, священники часто теряются и попадают в эти сети. Вот почему необходима гласность, гласность и ещё раз гласность! Роль Запада и таких органов, как «Вестник РХД», здесь огромна. Только правда, а не умолчание может принести пользу. Все соображения «тихой дипломатии» — от лукавого!

Необходимы собранность и трезвение, ясное различие добра и зла. Никогда еще в истории Церковь не уничтожалась изнутри, руками самих епископов, прославляя при этом безбожие и цинизм. Если опыт такого уничтожения удастся в России, он может быть повторен в любой другой стране. Конечно, Церкви

даны непреложные обетования, но границы Церкви не совпадают с границами тех или иных государств. И давно уже пора отложить все схоластические межконфессиональные споры и соединиться для противостояния воинствующему и циничному безбожию, повсеместному угашению духа. От этого зависит и будущее Запада. А оно вполне может оказаться тем будущим, которое на чуть брезжащем рассвете врывается грохотом и лязгом танковых гусениц...

Москва.

Неделя Православия.

1978.

М. БЕРНШТАМ

ПОНЯТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИЗМ*

«С более широкой точки зрения, то есть с точки зрения большего по своей исторической величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи.»

Н. И. Бухарин. Экономика переходного периода. М., 1920. (Цит. по: Н. И. Бухарин. Путь к социализму в России. Избранные произведения. Нью-Йорк, 1967, стр. 119).

Проект установления социализма путем демографической революции был впервые высказан последним крупным выразителем идей Великой Французской революции¹, последователем Марата, Фукье-Тонвиля² и Парижской Коммуны³, «первым русским марксистом»⁴ и социал-демократом⁵-интернационалистом⁶ Петром Никитичем Ткачёвым.⁷

Он считал, что социализм — это слишком радикальное изменение всего строя жизни как таковой, особенно в отношении России⁸, и поэтому

«на другой же день после насильственного захвата власти пролетариатом в свои руки»⁹ необходимо уничтожить историческую почву в лице её действительных носителей¹⁰ — взрослого, сознательного населения.¹¹

В качестве конкретной меры П. Н. Ткачёв предлагал

«истребить все население свыше 25-летнего возраста для окончательного искоренения деспотизма в России».¹²

Только таким путем, по проекту П. Н. Ткачёва, удастся уничтожить тысячелетнее историческое наследие России, сложившиеся исторические ценности русского народа, в корне препятствующие устроению социализма. К таким основным чертам этой страны, её истории и её народа П. Н. Ткачёв, как и всё западническое и либеральное направление его времени, относил

* Глава из рукописи «Демографическая и биосоциальная революция в СССР». (См. сноски в конце этой главы).

«азиатский деспотизм»¹³, «гнет деспотического, грубого, варварского произвола»¹⁴, отсутствие «решительно всех человеческих прав»¹⁵, «окаменелые формы быта»¹⁶, рабское сознание и вкоренившийся «инстинкт раба»¹⁷.

Единственная живая и активная сила в стране —

«чиновники и солдаты — не более как бездушные автоматы, бессмысленные, слепые и часто бессознательные орудия в руках небольшой кучки автократов».¹⁸

У народа этой страны только

«рабские привычки, исторически выработавшиеся под влиянием условий окружающей его жизни»¹⁹, «панический страх перед властью предержавшего»²⁰, «скотская безропотность»²¹ и «консервативные идеалы»²².

«Консервативным идеалам народа» России²³ П. Н. Ткачёв противопоставлял

«рабочий социализм»²⁴, означающий «свободу, равенство и братство»²⁵.

Исходя из этого анализа, П. Н. Ткачёв логически последовательно выводил программу революции, которая

«вносит новые прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни»²⁶, создает «новый разумный порядок общежития»²⁷

и этим не только заменяет деспотизм свободой, консервативное государство передовым²⁸, но и замещает сам рабский скотский консервативный народ посредством истребления взрослых, перевоспитания остальных и — в итоге —

«изменения самой природы человека.»²⁹

Таким образом, П. Н. Ткачёв понимал социалистическую революцию не только и не столько как политическую, сколько как демографическую и биосоциальную. Разработка именно такой интерпретации революции и подготовка её занимали и других социалистов XIX века. Сотрудники П. Н. Ткачёва по партии

«русские якобинцы — представители реализма в революции и враги всяких утопий»³⁰,

кого коммунистические историки назвали

«последними цветами Великой Французской революции»³¹ и «предшественниками социал-демократов-большевиков»³²,

писали в широко распространявшейся прокламации «Молодая Россия»:

«Мы изучали историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года; мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах».³³

Карл Маркс, имея подробную информацию о своих последователях в России, предсказывал, что если коммунистическая революция

«произойдёт, то настанет русский 1793 год; господство террора полуазиатских крепостных будет невиданным в истории России.»³⁴

И этот невиданный в русской истории террор выполнит свою историческую миссию —

«в конце концов на место мнимой цивилизации, введённой Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию».³⁵

И К. Маркс, и русские марксисты-якобинцы рассматривали и планировали социализм и смену глобальных исторических комплексов, цивилизаций, именно в демографическом аспекте. Общее интернациональное развитие революционной и социалистической мысли, отталкиваясь от идеалов XVIII столетия и воплощая устремления XIX-го, вывело концепцию замены России подлинной цивилизацией посредством тотального демографического замещения.

В более общей, метаисторической форме проблема социалистической революции решалась Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. В 1848 году, ставя цели европейской революции вообще и партии коммунистов в частности, в своём программном произведении «Коммунистический Манифест» К. Маркс и Ф. Энгельс провозглашали:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя.»³⁶

Из всего контекста этой работы явствует, что Маркс и Энгельс имели в виду уничтожение не только политического существующего строя: понятие «общественный строй» и соответственно формула его ниспровержения и замены истолковывались ими в особом смысле. Сюда включалась перестройка хозяйственных

форм, бытового уклада, воспитания детей, семейного права, — всей жизненной целостности:

«Вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства... Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, то есть при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя. (...)

Могут быть почти повсеместно применены следующие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов...
3. Отмена права наследования...
5. Концентрация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.
6. Централизация всего транспорта в руках государства.
7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.
8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
9. Соединение земледелия с промышленностью...
10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей... Соединение воспитания с материальным производством.»³⁷

Такая программа, в числе прочего, означала фундаментальную перестройку демографической структуры: ликвидацию многих стратов традиционного города (предпринимателей, торговцев, ряда категорий служащих, безработных, рантье и других), исчезновение многих профессий; полное, тотальное уничтожение деревни как таковой, со всеми стратами землевладельцев и индивидуальных земледельцев, со всеми формами домовладений и домашней жизни (вместо них — промышленные армии), ликвидацию крестьянства как класса; существенное изменение рабочего класса, превращение рабочих и служащих в армейцев государственных предприятий и учреждений; ликвидацию экономической связи поколений и общее разрушение дома как единицы и семьи как инсти-

туции (общественное воспитание детей, соединенное с производственным трудом на государство, принудительный женский труд).

Таким образом, в «Коммунистическом Манифесте» политическая революция рассматривалась лишь как средство уничтожения всего, в целом, сложившегося исторического строя жизни людей, включая демографический комплекс населения, его сложившиеся структуры традиционного — особенно крестьянского — быта. Кроме того, интернационализм подразумевал растворение исторических наций. Специальное ударение делалось на изменении воспитания детей и молодежи, — на том, чтобы при разрушении наличного уклада жизни создать новое, принципиально иначе воспитанное поколение людей.

Политическая революция оказывалась средством, стадией и частью революции демографической. Но то обобщающее демографическое средство, которое, с одной стороны, потребуется для осуществления изложенных мер и, с другой стороны, явится их итогом, К. Маркс и Ф. Энгельс, в отличие от их ученика П. Н. Ткачёва, здесь не сформулировали. Впрочем, для такой программной и предназначенной для пропаганды брошюры, какой по жанру и названию является «Коммунистический Манифест», недоговоренность основной демографической посылки, выпадение ее — представляется оправданным.

Зато П. Н. Ткачёв, обобщив демографический аспект социализма, не оставил его в замкнутом на себя состоянии и не упустил восходящего к К. Марксу аспекта психологического или, точнее, антропологического, в полном единстве последнего с социальным. Эта единая биосоциальная установка выражена П. Н. Ткачёвым в концептуальном, структурно-логическом и почти текстуальном совпадении с «Коммунистическим Манифестом»:

«Чтобы установить братство и равенство, нужно, во-первых, изменить данные условия общественного быта; во-вторых, изменить самую природу человека, перевоспитать его».³⁸

Ибо только тот,

«кто обладает душой человека, тот обладает и его телом. Это так же очевидно, как и любая из геометрических аксиом.»³⁹

Если обобщать, пока в самом предварительном виде, из приведённых данных, общую установку теоретического интернационального коммунизма, то схема будет такова:

политическая революция (ПР) — демографическая революция (ДР) — антропологическая и биосоциальная революция (А-БР),

причем каждый предыдущий феномен схемы является средством, стадией и составной частью по отношению к последующему.

Хотя К. Маркс не разработал до конца демографической аспект революции, он гораздо глубже и научно конкретней, чем П. Н. Ткачёв, раскрыл биосоциальную и даже биоонтологическую установку коммунизма. Это сделано им в опубликованном лишь посмертно труде «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Следует подчеркнуть, что Рукопись 1844 года писалась К. Марксом не для печати (она не имеет титула, название и оглавление даны советскими издателями) и даже не для узко кружковой полемики с кем бы то ни было, то есть не для читателя вообще, а для себя, для употребления на нужды собственного духовного развития или, пользуясь марксовским же выражением из другого текста, «чтобы свести счеты с нашей прежней философской совестью». В Рукописи 1844 года К. Маркс, повидимому, поставил необходимую для каждого исследователя и человека задачу — наедине с самим собой отдать себе отчет в действительном содержании своих взглядов и целей, ответить самому себе, в процессе самопознания, на последние вопросы бытия.

Замечательная особенность Рукописи 1844 года в том, что мысль К. Маркса, как и мысль предшествующих ему европейских политических писателей XVIII-XIX столетий, прежде всего Ж.-Ж. Руссо, оперирует как раз не политическими категориями, не институтами, а единицами совершенно иного порядка. Мысль К. Маркса работает здесь в иных масштабах, которые, в отличие от политических, следует назвать демографическими, антропологическими и биологическими.

Именно, К. Маркс пишет о человеке как таковом в его родовой сущности, или о человечестве, о тех фундаментальных изменениях, которые произойдут в самом человеке, в человеческой природе, в метаисторическом, биологическом состоянии человечества после победы революции и при последовательных стадиях установления коммунизма в мире. Проблемы социальной организации, устройства воспитания и семьи и т. д., естественные в тексте «Коммунистического Манифеста» 1848 года, в Рукописи 1844 года опускаются как явно локальные, несоответствующие масштабу описания. В «Коммунистическом Манифесте» дана историческая техника строительства социализма, в Рукописи 1844 года раскрыты главные цели и конечные результаты каждой из трех стадий коммунизма и коммунизма в целом.

На первой стадии, говорится в Рукописи 1844 года, коммунизм

«Выражается в совершенно животной форме»,⁴⁰ «женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции, и весь мир богатства, то есть предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом»⁴¹; «категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей»⁴², «этот коммунизм отрицает повсюду личность человека»⁴³, совершает «абстрактное отрицание всего мира культуры и цивилизации»⁴⁴, «возврат к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека».⁴⁵

Можно видеть, что эта первая стадия и форма коммунизма, разобранный К. Марксом, выражает последние идеалы XVIII века, особенно Ж.-Ж. Руссо, воплощает все то, к чему стремились поэтапно деятели Великой Французской революции. К. Маркс просто углубил экономическую подоплеку этой идеологии и показал, что

«для такого рода коммунизма общность есть лишь общность труда и равенство заработной платы.»⁴⁶

На второй стадии

«коммунизм ещё политического характера, демократический или деспотический; с упразднением государства, но в то же время ещё незавершённый.»⁴⁷

Третья стадия — полный коммунизм — убирает все подавления, демократические и деспотические, раскрывает все возможности свободы, снимает животную форму коммунизма, через которую уже прошёл и переплавился человек, и выводит человека к полному слиянию с природой, к преодолению животного происхождения человеческой природы, к «натурализму».⁴⁸ Происходит

«возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему человеческому, то есть общественному бытию.»⁴⁹

Но это «человеческое, то есть общественное бытие» понято не в политическом и не в социальном, а в биологическом и онтологическом плане:

«общество есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы.»⁵⁰

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности и в силу этого как подлинное присвоение чело-

веческой сущности человеком и для человека равен гуманизму, а как завершённый гуманизм равен натурализму.»⁵¹

Такова глобальная концепция коммунизма К. Маркса, подводящая итог и логическое окончание если не действительному человечеству, то во всяком случае всей европейской мысли от гуманизма Ренессанса и Реформации через социальный натурализм Просвещения до обобщения всех социалистических идей. От традиционного человеческого общества и состояния человеческой природы через крайне дегуманизированное животное состояние к состоянию натуралистическому — такова эволюция человека, — если не действительного человека, то, во всяком случае, теоретически постулированного человека антихристианской европейской мысли.

Коммунистическая социально-политическая революция выступает у К. Маркса, как можно заметить, не в качестве самоцели, а в качестве средства эволюции природы человека. Причем — и это особенно интересно — выступает в качестве средства эволюции, принципиально обратной той, которая выдвинута Ч. Дарвином.

Естественное развитие, согласно теории эволюции Ч. Дарвина и его последователей, привело от растения через животное к человеку.⁵² По К. Марксу, история завершается в коммунизме⁵³, который приводит от человека через животное к растению.

Этот итоговый натурализм человека является, по К. Марксу, полным коммунизмом и равно завершённым гуманизмом. Это, собственно, логически законченная, додуманная до последнего края европейская концепция человека, являющаяся реакцией на христианское учение о природе человека и его происхождении.

Одновременно, это и активно-деятельностная позиция воздействия на историю природы и человечества в плане глобального поворота её направления, стремление повернуть развитие мира в обратном направлении. Освобождение человека, начатое Ренессансом и гуманизмом и логически завершаемое социализмом К. Маркса, движется в направлении освобождения человека от человеческой природы.

В плане биологическом, эта тенденция есть освобождение от эволюции, есть обратная или возвратная эволюция. В христианском смысле, это глобальный протест против Божественного происхождения человеческой природы и революционный отказ от этого наследия, переворот плана Творения.

Социальный прогресс, последовательно доведённый до ло-

гического конца, оказывается принципиальной установкой на биологический регресс.

Разработка эволюционного учения Ч. Дарвина в XX столетии школой неodarвинизма сэра Джулиана Хаксли откорректировала упрощённую схему Дарвина и выдвинула теорию неограниченного прогресса (unlimited progress). Дж. Хаксли обосновывает наличие магистральной, стволовой тенденции в многолинейном и стихийном (random) естественном развитии. Согласно Дж. Хаксли, эволюция стихийна (рэндомна), но стволовая магистраль ведёт на Hominid — человекообразных, из которых потенциально может выработаться человек. Развитие на человека было не обязательно, но вероятно, и такая вероятность сложным путём реализовалась.⁵⁴

Вместе с тем, имеется немало научных данных, что в процессе стволовой эволюции, неограниченного прогресса — происходили отклонения в сторону от ствола, развивались боковые ветви, и так появились животные виды, имеющие существенно сходные с человеком признаки. Особенно интересны в этом плане животные виды с развитой социальной организацией, как крысы, акулы, муравьи. А. Эмерсон выдвинул чрезвычайно ценные положения, что появление такого рода животных было, по существу, не только отклонением эволюции, но и её попятным, задним ходом, «регрессивной эволюцией».⁵⁵

Вообще, согласно Дж. Хаксли, эволюция, вопреки Ч. Дарвину, не есть только прогресс. Она включает также стагнацию (движение в одной плоскости) и регресс, а прогресс — лишь вероятностный ствол эволюции.⁵⁶

Кроме отклонения в сторону от ствола и создания побочных ветвей, существовал и более радикальный вид регрессивной эволюции — стадийное возвращение назад, возвратная регрессивная эволюция.⁵⁷

Естественный отбор непрерывно как бы контролировал свои результаты и отбирал не только в одну, прогрессивную сторону, но и возвращал назад, порождал стадийный эволюционный регресс. Это, в свою очередь, стимулировало у биологических видов развитие признаков, влияющих на прогрессивный отбор и на закрепление видов на их положении в эволюции. Такую сложную, корректирующую Ч. Дарвина картину эволюции академик И. И. Шмальгаузен называл стабилизирующим отбором.⁵⁸

Регрессивной возвратной эволюции были подвержены не только низшие виды, но и высшие, в том числе человекообразные.

В частности, большинство мутаций гоминид по ряду причин прошло обратный ход — возвращение в животное состояние, бестиализацию. Видный советский антрополог М. Ф. Нестурх считает бестиализацию антропоидов универсальным явлением:

«Неудачные попытки очеловечения возвращали этих двуногих и высокоразвитых антропоидов обратно в животное состояние, наступала их вторичная бестиализация. Следовательно, грань была не линией, а своего рода зоной, через которую в конечном счёте переступил только один — наиболее пластичный вид самых высокоразвитых наземных антропоидов.»⁵⁹

Рукопись 1844 года К. Маркса содержит мысль огромного научного значения — о возможности вторичной бестиализации и возвратной регрессивной эволюции не ранних антропоидов, а биологически высшего современного человека: Homo Sapiens.

И такая возвратная регрессивная революция, повидимому, уже началась, поскольку она выдвинута не только в виде научной гипотезы, но и в качестве программы действия самым влиятельным движением человечества XIX-XX столетий и тем более, что эта программа объективно продолжает направление развития человеческой мысли также и предшествующих XII-XVIII веков.

Установка на социальную и социалистическую революцию является, в контексте идей К. Маркса, переведённых в термины современной биологии, установкой на возвратную регрессивную эволюцию. Установка на революцию — есть установка на контрэволюцию.

В этом смысле биосоциальная революция имеет два аспекта: социальный, равно революционный, и биологический, равно контрэволюционный. Демографическая революция есть логически (структурно) и исторически (стадийно) связующее звено обоих аспектов этого двуединого процесса.

Приходится констатировать, что именно это звено, демографическая революция, еще не подверглось необходимому научному анализу ни в плане теоретическом, ни в плане стадийно-историческом. Повидимому, важная причина отсутствия такого анализа — нераскрытость этой проблемы в самих социалистических первоисточниках. Наука, изучающая теорию и историю социализма, пока всё еще занимает несамостоятельную позицию в отношении своего предмета. Она замечает только те явления, которые предлагают её вниманию сами социалисты. Провозгласили итальянские социалисты тоталитарное государство — вслед

и наука стала описывать тоталитаризм, на общем социалистическом, не только итальянском, материале. А демографическая революция прошла непровозглашённой и, соответственно, незамеченной.

Классики социализма, за исключением П. Н. Ткачёва, действительно не разработали проблему демографической революции как средства, исторической стадии и составной части биосоциальной революции (контрреволюции). В приведённом глобальном построении К. Маркса в Рукописи 1844 года взят масштаб человечества в его надисторическом, родовом, биологическом целом, и потому не оказалось места для описания исторической техники. Последняя в самом общем виде описана четырьмя годами спустя в «Коммунистическом Манифесте», но многие собственно политические детали и в нём не нашли себе места. В ряде последующих работ К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Н. Ткачёва, Г. В. Плеханова, К. Каутского, Р. Люксембург, В. И. Ленина, И. Л. Парвуса, Н. И. Бухарина, А. Гильбо и других авторов социалистического направления с большим вниманием и тщательностью разработаны вопросы политической диктатуры, уничтожения различных классов и слоёв населения наличного общества, террора как способа социального строительства, воспитания нового поколения и т. д. В частности, со специальным вниманием рассмотрен вопрос уничтожения и социального изменения крестьянства как класса, начало чему положено в «Манифесте Коммунистической партии», а продолжено в поздних разработках Ф. Энгельса и в трудах В. И. Ленина.⁶⁰ Но общая проблема демографической революции теоретиками социализма всё же не раскрыта.

Впрочем, хотя все названные и смежные вопросы разработаны социалистическими авторами разрозненно, суммарный взгляд даёт основание свести их к интегральной формуле демографической революции, высказанной П. Н. Ткачёвым. Физическое истребление того или иного реакционного, консервативного народа рассматривалось социалистами в очень широком истолковании понятия революции, — не только как акт внутренней политики победившей революции, но и как революционная оккупация консервативных народов прогрессивными. Характерно, что в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса по этому вопросу приговаривались к уничтожению особенно консервативные народы, прежде всего русский. Ф. Энгельс писал:

«Чем более размышляю я об истории, тем яснее становится мне, что поляки — *nation fondue*, разложившаяся нация.

Ими приходится пользоваться только до тех пор, пока саму Россию не сотрясет аграрная революция. С этого момента Польша теряет всякий *raison d'être*, всякое право на существование.»⁶¹

И вывод:

«Результат: на западе отбирать у поляков всё, что можно, под предлогом защиты оккупировать их замки, в особенности Познань, заселить немцами, отправить поляков заниматься хозяйством, выжечь их огнём, сожрать их землю.»⁶²

И в другом месте:

«Чехи, кроаты и русские заслужили всеевропейскую ненависть и создали необходимость в будущем направить против них самый кровавый революционный поход всего Запада.»⁶³

Как видно, цели и методы основоположников марксизма и их первого последователя совершенно совпадают, различаясь только в вопросе о том, кто, какие кадры будут производить кровавый революционный поход западного прогресса против реакционного славянства. К. Маркс и Ф. Энгельс рассчитывали на интернационалистов, П. Н. Ткачёв на интеллигенцию. Действительная история соединила то и другое.

Но как бы ни менялись, в зависимости от конкретных обстоятельств и, соответственно, от предлагаемой политической тактики, чисто политические установки, неизменным во всех теоретических работах, а затем и в практических действиях социализма остаётся их, мы бы сказали, историческая методология. Именно, — они в теории и на практике работают в особом масштабе, охватывая не только и не столько политические институты, сколько структурные и временные состояния в целом — страны и поколения.

Из всего сказанного ясно, почему мы считаем назревшей научной задачей написать историю той или иной страны, в которой победила социалистическая революция, также не в плане истории политических институций, как это обычно пишется, но в масштабе общих и действительных демографических и биосоциальных процессов, произошедших с населением этой страны. Это и будет история демографической революции на территории взятой для анализа страны.

Процессы последовательного физического истребления и параллельного идеологического перевоспитания населения, вместе с целенаправленной переделкой всего социального и духовного

стройка жизни и, как итог, самого человека — иначе говоря, развёрнутое через годы фундаментальное изменение демографической структуры и человеческой природы — мы и называем демографической и биосоциальной революцией.

Мы отдаём себе отчёт, что это большая и трудная научная задача, включающая всю историю социализма в избранной для анализа стране и всю историю народа этой страны при социализме, — описать, как социализм исторически и телеологически работал в масштабах всей массы населения.

«Метод выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи ... во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью»⁶⁴, как сформулировал это Н. И. Бухарин, — весь механизм работы социализма на человеческом материале страны — наблюдаем только в полном историческом процессе. Цели, поставленные теоретически, развёртываются исторически, и только обнаружение последовательности и перманентности такого развёртывания может показать их соприродность социализму и единство в нём теории и практики, целей и средств. Демографическая революция, по самому масштабу своему, требует определённого времени и для обоснования, и для подготовки, и для осуществления.

Это революция именно перманентная.

Приведённая идея демографической революции П. Н. Ткачёва — по существу промежуточно использованным выше мыслям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В логической системе социализма идея П. Н. Ткачёва заполняет связующее звено между исторической техникой работы механизма социализма на человеческом материале и глобальными биологическими и онтологическими посылами социалистической телеологии. Это звено — собственно демографическое.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что и сама идея П. Н. Ткачёва подразумевает историческое время для осуществления социализма: истребить одновременно всё взрослое население страны или мира — технически просто трудно. Кроме того, единовременное истребление масс — повидимому, и нецелесообразно ни для какой политической системы. П. Н. Ткачёв выразил скорее устремление революционного романтика, чем практическую установку реального политика.

Однако постепенное перманентное уничтожение того наличного населения, которое является взрослым на момент коммуни-

стической революции, не представляется невозможным. В настоящей книге будет показано, что именно это, хотя и не на 100%, было осуществлено в результате коммунистической революции на территории бывшей Российской империи.

ГЛАВА 1. БИБЛИОГРАФИЯ.

1. "Набат. Орган русских революционеров." Лондон, 1879, стр. 51. П. Н. Ткачёв. Накануне и на другой день революции. — П. Н. Ткачёв. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1976, стр. 229. С. И. Мицкевич. Русские якобинцы. — "Пролетарская революция", 1923, кн. 18. Его же. К вопросу о корнях большевизма. — "Каторга и ссылка", 1925, кн. 3 (16), стр. 100. Н. Батурин. Ещё о цветах русского якобинства. — "Пролетарская революция", 1925, кн. 8, стр. 100. Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961, стр. 392. "Там, где в революционных построениях Ткачёва кончалось влияние Маркса, там начинался бланкизм, якобинство." (Там же).
2. П. Н. Ткачёв. Накануне и на другой день революции, стр. 229.
3. "Набат". Лондон, 1879, стр. 51.
4. "В рядах революционеров 60-х годов был Ткачёв, который, несомненно, был первым русским марксистом. Этот первый русский марксист впоследствии являлся лидером так называемых якобинцев... Несомненно марксистское понимание истории впервые в русской литературе представлено Ткачёвым." М. Н. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX-XX веков. М., 1924, стр. 62, 63. "Никто в России его (Ткачёва) времени не воспринял так сильно и так глубоко учения Маркса, как он, за исключением, может быть, Н. И. Зиберы, прямого предшественника легальных марксистов 1890-х годов, значительно лучше, чем Ткачёв, разобравшегося в экономическом учении автора "Капитала," но не понявшего боевого классового характера марксизма." Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, стр. 392. В. Ф. Пустарнаков, Б. М. Шахматов. П. Н. Ткачёв. Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1975, стр. 62.
5. П. Н. Ткачёв. Революция и принцип национальности. — "Набат. Орган русских революционеров." Женева, 1878, стр. 80.
6. Там же, стр. 84-86, 99.
7. Высказывания П. Н. Ткачёва, не вошедшие в опубликованные сочинения, сохранились в передаче близкой ему революционной народнической партии, тех её членов, которые уже с 1860-х годов назывались социалистами-революционерами. Здесь и далее приводятся по работе крупнейшего социалиста-революционера М. В. Вишняка: М. В. Вишняк. Идеиные корни большевизма. — "Новый журнал", кн. 27. Нью-Йорк, 1951, стр. 289-292.
8. П. Н. Ткачёв. Народ и революция. — П. Н. Ткачёв. Сочинения в двух томах, т. 2: "Даже в деле разрушения революционная сила нашего

народа может иметь лишь относительное значение... Его внутренний мир, обветшалые, традиционные формы его жизни останутся нетронутыми, он любит их, он дорожит ими, и он не прикоснется к ним ни единым пальцем... Народ не имеет существенного значения как положительная революционная сила, то есть с точки зрения его положительных идеалов... Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; поэтому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежит исключительно революционному меньшинству... Оно должно внести свою разрушительно-революционную деятельность и в недра крестьянской жизни, — оно должно стремиться устранить из этой жизни её обветшалые, враждебные коммунистическому прогрессу формы, заменяя их формами наиболее приспособленными к потребностям этого прогресса.” (стр. 166-167).

Будучи последователем Маркса, Ткачёв, тем не менее, не мог примириться с тем, что в России, за отсутствием пролетариата, нет условий для революционной борьбы. Отсюда его ставка на интеллигенцию. Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России, стр. 382-383.

9. П. Н. Ткачёв. Накануне и на другой день революции, стр. 212.
10. П. Н. Ткачёв. Народ и революция, стр. 166-167.
- П. Н. Ткачёв. Набат. Программа журнала. — П. Н. Ткачёв. Сочинения в двух томах, том 2, стр. 90-91.
- “Общественный идеал нашего народа не идёт далее окаменелых форм его быта. Дальше своей веками освящённой, обычной формы землевладения, ввевшегося в плоть и кровь патриархального чинопочитания, пассивного подчинения лица миру, — дальше своих традиционных семейных отношений и т. п. он ничего не видит, ничего не знает и знать ничего не хочет. Предоставьте ему устроить свою жизнь по его собственной воле, и вы увидите, что он не внесёт в неё ничего нового, — он распространит формы своей жизни, свою общину, свой мир, свою семью на те сферы, из которых они теперь вытеснены влиянием буржуазного прогресса, но этим и ограничится его реформаторская деятельность, и перед нами явится тот же старый крестьянский мир с его заскорузлыми, окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом.” П. Н. Ткачёв. Народ и революция, стр. 165.
11. М. В. Вишняк. Идеиные корни большевизма, стр. 289-292.
12. Там же, стр. 292.
13. “Набат”. Лондон, 1879, стр. 24.
14. П. Н. Ткачёв. Набат. Программа журнала, стр. 90.
15. Там же.
16. П. Н. Ткачёв. Народ и революция, стр. 165.
17. “Набат”. Лондон, 1879, стр. 23.
18. П. Н. Ткачёв. Набат. Программа журнала, стр. 91.
19. Там же, стр. 90-91.
20. Там же, стр. 91.
21. “Набат”. Лондон, 1879, стр. 88: “Жалкая моя родина! скотски безропотно сносишь ты всё сильнее и сильнее разгуливающиеся ужасы; бессильна ты, как больной младенец! Единицы, сбросившие с

себя рабские кандалы, стряхнувшие с себя вековую летаргию, с ужасом отрёкшиеся от своего прошлого, идут и гибнут за тебя, и ты мутным взором провожаешь их на гибель, не шевелишь атрофированными членами!”

22. П. Н. Ткачёв. Народ и революция, стр. 168. Автор развивает свою мысль: “Мы должны навсегда вычеркнуть из своего словаря пошлые и бессмысленные фразы о каком-то народном гении, фразы, взятые напрокат у реакционеров-славянофилов. Мы не должны, мы не имеем права возлагать на народ чересчур больших надежд и упований”. Там же, стр. 168-169.
23. Там же, стр. 168.
24. П. Н. Ткачёв. Накануне и на другой день революции, стр. 219.
25. П. Н. Ткачёв. Набат. Программа журнала, стр. 94.
26. П. Н. Ткачёв. Народ и революция, стр. 167.
27. Там же, стр. 168.
28. П. Н. Ткачёв. Набат. Программа журнала, стр. 95.
29. П. Н. Ткачёв. Цитируется по: Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачёв и народничество. — “Каторга и ссылка”, 1926, кн. 22, стр. 118.
30. П. Н. Ткачёв. Революция и принцип национальности. — “Набат”. Женева, 1878, стр. 81.
31. “Это цветы русского яacobинства, последние цветы Великой Французской революции на неблагоприятной русской почве.” Н. Батурич. Ещё о цветах русского яacobинства, стр. 100.
32. С. И. Мицкевич. К вопросу о корнях большевизма, стр. 100.
33. Цитируется по: М. Н. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX-XX веков, стр. 60-61.
34. К. Маркс. Об освобождении крестьян в России. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е издание, том 12, стр. 701.
35. Там же.
36. К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 издание, том 4, стр. 459.
37. Там же, стр. 446-447.
38. П. Н. Ткачёв. Цитируется по: Б. П. Козьмин. П. Н. Ткачёв и народничество, стр. 118.
39. П. Н. Ткачёв. Революция и государство. — П. Н. Ткачёв. Сочинения в двух томах, том 2, стр. 149.
40. К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 586.
41. Там же.
42. Там же.
43. Там же.
44. Там же.
45. Там же, стр. 587.
46. Там же.
47. Там же, стр. 587-588.
48. Там же, стр. 588, 590.
49. Там же, стр. 589.

50. Там же, стр. 590.
51. Там же, стр. 588.
52. Ч. Дарвин. Происхождение видов. М., 1949.
И. И. Шмальгаузен. Пути и закономерности эволюционного процесса. М., 1939.
Его же. Проблемы дарвинизма. М., 1946.
Его же. Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора. М.-Л., 1946.
- А. Н. Северцов. Морфологические закономерности эволюции. — А. Н. Северцов. Собрание сочинений, том V. М.-Л., 1948.
Его же. Главные направления эволюционного прогресса. 2 издание. М., 1967.
- Э. Майр. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога. М., 1947.
Его же. Зоологический вид и эволюция. М., 1968.
К. М. Завадский. Вид и видообразование. Л., 1968.
53. К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года, стр. 588.
54. J. Huxley. Evolution. The modern synthesis. London, 1942.
55. A. Emerson. Vestigial Characters of Termites and Processes of Regressive Evolution. — «Evolution», 1961, vol. 15, № 2.
56. J. Huxley. Op. cit.
57. Э. Майр. Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога, стр. 437-438.
И. И. Шмальгаузен. Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора.
К. М. Завадский. Проблемы прогресса живой природы. — «Вопросы философии», 1967, кн. 9, стр. 127-136.
А. Emerson. Op. cit.
58. И. И. Шмальгаузен. Факторы эволюции. Теория стабилизирующего отбора. М.-Л., 1946.
59. М. Ф. Нестурх. В кн.: «Труды VII Международного Конгресса антропологических и этнографических наук», том 3. М., 1968, стр. 587.
60. К. Маркс однажды в частном письме с гордостью отмечал, что в английском парламенте его называют «Red terror doctor» — «доктором красного террора», вместо доктора права и юриспруденции. К. Маркс. Письмо к Зорге. 27 сентября 1877. — «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону с приложением некоторых мест из их писем к другим лицам». СПб., 1908, стр. 103. Подробное, хотя и не полное изложение взглядов К. Маркса на крестьянство содержится в исследовании Д. Митрэни «Маркс против Крестьянина. Изучение социального догматизма»: D. Mitrany. Marx against the Peasant. A Study in Social Dogmatism. Chapel Hill, 1951.
- Интересно, что К. Маркс в целом отрицательно отнёсся к освобождению крестьян в России, ибо создание класса свободных земледельцев вело, по схеме «Капитала», к последующему развитию капитализма. Тем самым Россия, по логике К. Маркса, лишается самого прекрасного случая, какой когда-либо представляла история какому-либо народу — непосредственного перехода, минуя капитализм, от крепостного права к социализму. К. Маркс. Письмо в редакцию журнала «Отечественные Записки». 1878. — «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю-ону...», стр. 115.
- В письме к Энгельсу 12 сентября 1863 К. Маркс поддерживает «самого умного из всех поляков» полковника Лапинского в том, что

«вместо борьбы национальностей он признает лишь расовую борьбу, ненавидит армию и т. п.», а крестьянство считает «природно-реакционной массой». «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844-1883». Hgb. von A. Bebel und Ed. Bernstein. Stuttgart, 1913, B. III. S. 145-146.

Характеристика крестьянства как основного составляющего элемента «единой реакционной массы», против которой предстоит ожесточенно бороться диктатуре пролетариата, впоследствии неоднократно повторяется в трудах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Ф. Энгельс, вслед за К. Марксом, считает, что крепостные латифундии в результате социалистической революции лягут в основу «общей собственности» и «обработки ассоциациями», хотя при этом произойдут «эксцессы». Ф. Энгельс далее пишет:

«Самой большой помехой будут мелкие крестьяне и назойливые сверхумные образованные». Ф. Энгельс. Письмо Отто фон Бёнигку.

21 августа 1890. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 2, стр. 3-4.

О предстоящей схватке с крестьянством в процессе углубления революции ещё в начале XX столетия писал и В. И. Ленин. (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, 5 издание, т. 11, стр. 222-223. Далее ссылки на это издание — ПСС). В другом месте Ф. Энгельс формулировал:

«Что касается чистой демократии и её роли в будущем ... в момент революции на короткий срок приобретает временное значение в качестве самой крайней буржуазной партии... в роли последнего якоря спасения всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент вся реакционная масса группируется вокруг неё и усиливает её. Всё, что было реакционным, выступает тогда в качестве демократов. ... В 1848 году вся феодально-бюрократическая масса поддерживала либералов ...

Конечно, нельзя ожидать, чтобы к моменту кризиса за нас было бы большинство избирателей, большинство нации. Весь буржуазный класс, остатки феодального владеющего класса, большая часть мелкой буржуазии сельского населения (= крестьянина — М.Б.) группируется тогда вокруг той крайней буржуазной партии...

Во всяком случае, во время кризиса и на другой день после него нашим единственным противником является вся реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии, и этого, как я полагаю, ни в каком случае упускать из виду нельзя.» F. Engels. Politisches Vermächtnis. Aus unveröffentlichten Briefen. Mit einem Bild. Berlin, Verlag junge Garde, 1920, S. 30.

Первая публикация по-русски была сделана в статье: В. Адоратский. Маркс и Энгельс о демократии. — газета «Коммунистический труд», 1921, 9 июня. Эта публикация мыслей Энгельса произвела огромное впечатление на В. И. Ленина, который привёл подробную цитату о «всей реакционной массе» как «нашем единственном противнике» и назвал это «политическим завещанием» Ф. Энгельса. В. И. Ленин. Тезисы доклада о тактике РКП. III Конгресс Коммунистического Интернационала. 22 июня — 12 июля 1921. — В. И. Ленин. ПСС, том 44, стр. 11-12.

61. Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу. 23 мая 1851. — «Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844-1883.» Hgb. von Bebel und Ed. Bernstein. Stuttgart, 1913, B. I, S. 189.

62. «Resultat : den Polen im Westen abnehmen, was man kann, ihre Festungen unter dem Vorwand des Schutzes mit Deutschen okkupieren, besonders Posen, sie wirtschafthen lassen, sie ins Feuer schiken, ihr Sand aufressen.» Ibid, S. 191.

63. Ф. Энгельс. Демократический панславизм. — «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx. F. Engels und F. Lassale.» Stuttgart, Verlag Dietz, B. III, S. 261.

Интересно, что И. В. Сталин, не будучи знакомым с этими послылками Ф. Энгельса (публикатор "Секретной дипломатии XVIII столетия" К. Маркса, Б. Гепнер видит в них соавторство К. Маркса: Б. Гепнер. К. Маркс о России. — «Новый журнал», 1953, кн. 32, стр. 250-251) и поэтому даже смягчая его позицию антиславянского геноцида и германского государственно-социалистического революционного оккупационизма в отношении России, не мог, тем не менее, не отметить:

"Если империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, если аннексия Эльзас-Лотарингии Германией, как фактор войны, отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны, если, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной, или почти освободительной". (по Энгельсу — М. Б.).

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от "русского варварства" и т. д.

Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году, где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что "победа Германии есть, стало быть, победа революции", что, "если Россия начнёт войну, — вперёд на русских и их союзников, кто бы они ни были!"

И. В. Сталин. О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма". Письмо члену Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1934. — "Большевик", 1941, № 9, май, стр. 5.

Остаётся сделать только одно уточнение. Первую мировую войну, логически закончившуюся социалистической европейской революцией в нескольких странах, начала не реакционная Россия, а передовая государственно-социалистическая Германия. (О германском государственном социализме, теориях К. Родбертуса, К. Маркса и практике О. Бисмарка см. классическое исследование: М. В. Бернацкий. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911, диссертация).

64. Н. И. Бухарин. Экономика переходного периода. М., 1920. Цитируется по: Н. И. Бухарин. Путь к социализму в России. Избранные произведения. Нью-Йорк, 1967, стр. 119.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

Я, священник Глеб Якунин, свидетельствую, что жена моего друга Звиада Гамсахурдия — Манана, а также другие лица по её поручению во время телефонных разговоров из Тбилиси рассказали мне, с просьбой передать иностранным корреспондентам, что во время свидания Мананы в тюрьме со своим мужем после демонстрации его «телепокаяния», Звиад Гамсахурдия утверждал, что никаких заявлений перед теле-кинокамерами не делал и не имеет представления о том, как оно было создано.

Находящийся во время процесса над Юрием Орловым около здания суда член грузинской Хельсинской группы Исайя Гольштейн, приехавший из Тбилиси, выражал уверенность в неправильности информации, которая передавалась официальными источниками о суде над З. Гамсахурдией. Появившееся «телепокаяние» вызвало подозрение, что оно — фальшивка, сфабрикованная с целью дискредитировать Гамсахурдию в глазах грузинского народа. Это подозрение усиливалось в частности тем, что, как сообщила Манана, бросилось в глаза явное несоответствие внешнего вида Звиада Гамсахурдии, изображенного на телеэкране, физическому состоянию его в суде и на свидании, где он был худым, бледным, изможденно-больным. Возникло предположение, что «телепокаяние» создавалось в начальной стадии предварительного следствия и явилось плодом фотомонтажа эпизодов, снятых скрытой камерой.

Подлинная причина возможных неверных сведений вокруг процесса над Гамсахурдией, как и на других подобных процессах, — обстановка скрытности, фактической секретности, в которой они проходят. Боязнь сделать суды над диссидентами действительно открытыми, порождает недоверие к монопольным сообщениям официальной прессы. Предъявленный корреспондентам К. Уитни и Х. Пайперу судебный иск указывает на эскалацию нарушений правовых норм в советском судопроизводстве, и в частности (как и процессы над В. Слепаком и И. Нудель) на произвольно-расширенное применение конкретных статей судебных кодексов. Судебный иск за клевету корреспондентам, излагающим существующие точки зрения и оценки событий, не соответствующие государственно-официальной — пробный камень,

брошенный не столько в иностранных корреспондентов, сколько через их головы во всех инакомыслящих. В случае удачи начавшегося судебного эксперимента, подобное обвинение в клевете власти начнут применять к «широким слоям» инакомыслящих, превратив их новой судебной упрощенной процедурой в «политических пятнадцатисуточников».

По сообщению Мананы Гамсахурдия жизнь её мужа в опасности. В заключении он заболел рядом тяжелых заболеваний, в том числе — туберкулезом легких.

Пользуясь случаем, я вновь призываю всех, кому дороги права личности, христианские, культурные, гуманистические идеалы, которым служил Звиад Гамсахурдия, — не оставайтесь безучастны к его судьбе.

2 июня 1978 г.

Священник Глеб Якунин

Москва.

Н. С. Арсеньев

18 декабря 1977 г. в Си Клиффе, под Нью-Йорком, скончался Николай Сергеевич Арсеньев. Родившийся в 1888 г. в Стокгольме, в семье русского дипломата, он окончил Московский лицей имени Цесаревича Николая (бывший Катковский лицей), а в 1910 году — историко-филологический факультет Московского университета. Получив диплом первой степени, Н. С. Арсеньев был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. К этому времени относится первая публикация Н. С. Арсеньева — «В исканиях абсолютного Бога». В 1914 г. Н. С. Арсеньев был избран приват-доцентом Московского университета по кафедре западно-европейской литературы. Россию он покинул в 1920 г. В 1924 г. Н. С. получил степень доктора философии Кенигсбергского университета, преподавал в Кенигсберге и на православном факультете Варшавского университета, где он читал лекции по Новому Завету и по сравнительному богословию. Он был участником первых экуменических конференций в Лозанне и Эдинбурге. В 1948 г. Н. С. переехал в США, где он, в течение многих лет — до самой отставки — был профессором Свято-Владимирской Духовной Академии в Нью-Йорке. Перу Н. С. Арсеньева принадлежат 24 книги и около двухсот статей на русском, английском, немецком и французском языках. Назовем некоторые из заглавий его книг: «Православие, католичество и протестантизм», «О литургии и таинстве евхаристии», «Единый поток жизни», «О русском благочестии», сборник «О жизни преизбыточествующей».

Мне удалось познакомиться с творчеством Н. С. в начале 70-х годов в Москве, когда в поток религиозного «тамиздата» попал сборник статей Н. С. «О жизни преизбыточествующей», изданный в 1966 г. в Брюсселе. Эта книга — о духовных исканиях человечества, о сиротстве и усыновлении. Н. С. Арсеньев видит историю человечества, как путь непрерывного духовного томления, томления о непреходящем: «во все времена человек искал и ищет реальность: то, что подлинно есть». Трагедия разъединенности, оставленности, недосыгаемости — трагедия всечеловеческого сиротства. «Горе, горе, смерть, петля и яма / Для

того, кто на земле родился» (Н. С. Гумилев). Единственно возможный выход из этого Н. С. Арсеньев видит в духовном дерзновении. Он находит этот путь и в Упанишадах и в Веданте, но «холодом веет от этого пути объединения с Ним... И притом путь этот одинок и полон эгоизма — нет здесь любви.» В гораздо более близком к нам во времени Ветхом Завете — тоже ожидание, томление, «это томление по грядущему покою, по грядущему царству мира и правды». Как это созвучно духовному настроению современной России, ибо «страшны не выкрики неумных агитаторов, а именно эта недостижимость, отдаленность Бога». В осмыслении страдания, объединяющем нас с Богом, которое уже сейчас в нашей земной жизни может быть Его реальным присутствием в нас, видит Н. С. Арсеньев смысл жизни во Христе. Это — не риторика, а призыв «состраждать со Христом». Явленное во плоти Слово Божие, явление миру Того, Кто может заполнить пустоту в наших душах, Того, без Которого мы так тягостно ощущаем наше сиротство — основная тема в творчестве Н. С. Арсеньева. Его трудно назвать религиозным философом — он, скорее, религиозный мыслитель, церковный публицист. Но за кажущейся простотой формы нетрудно увидеть огромную духовную напряженность автора.

Духовная неэлектризованность интеллигенции в России подчас приводит к духовной всеядности. Внешняя простота Евангелия отталивает искушенный интеллект. Трагикомизм ситуации «православного иога» усугубляется отсутствием добрых пастырей. И поэтому книги Н. С. Арсеньева нужны читателю — они свидетельствуют о пути, которым просвещенный человек идет к Евангелию.

А. Биншток.

О. А. Шор.

11 мая с. г. в Риме, на 84 году жизни, скончалась Ольга Александровна Шор, писавшая под псевдонимом Ольга Дешарт. Она родилась и выросла в высоко-культурной московской семье — ее мать была деятельным членом «Общества свободной эстетики», и в московском доме Шоров постоянно встречались музыканты, философы и писатели. О. А. Шор до конца своей жизни сохранила лучшие традиции русской дореволюционной культуры — вера в Бога, глубокая укорененность в жизни Церкви вели ее по пути научного творчества и деятельного служения людям. Занятия во Фрейбургском университете, где она была ученицей Риккерта и занималась искусством Египта и Греции, были прерваны Первой мировой войной, которую О. А. Шор провела, работая сестрой милосердия в госпитале для раненых. В первые советские годы она становится научным секретарем «Академии художественных наук», которой руководил П. С. Коган. Одновременно с этим О. А. Шор и ее друзья неутомимо борются за освобождение заключенных, жертвенно помогают их семьям. К началу 20-х годов относится встреча О. А. Шор с Вячеславом Ивановым, которой предшествовала многолетняя духовная близость их религиозных и философских коцепций. Эта дружба и духовное сотрудничество продолжалось в Риме, куда О. А. Шор смогла выехать в 1927 году. Творческое сродство душ было таким, что Вячеслав Иванов за два часа до своей смерти (он умер 16 июля 1949 года в Риме) просил О. А. Шор дописать начатую им в последние годы жизни «Повесть о Светомире-царевиче, сыне Владаря-царя», написанную в ритмической прозе. Необычность просьбы смутила О. А. Шор, но она согласилась и свое обещание выполнила. После кончины Вячеслава Иванова О. А. Шор много потрудились над его поэтическим и научным наследством. Совместно с сыном поэта, Д. В. Ивановым, она подготовила к изданию сборник стихов Вячеслава Иванова «Свет вечерний», вышедший в 1962 году в издательстве Оксфордского университета. Этот сборник, снабженный подробными примечаниями, составленными О. А. Шор, включает в себя все стихи поэта с 1916 по 1944 гг., за исключением поэмы «Человек», вышедшей отдельным изданием в Париже в

1939 году. В 1971 году в Брюсселе вышел первый том «Собрания сочинений» Вячеслава Иванова, который открывается написанной О. А. Шор монографией о жизненном пути и творчестве Вячеслава Иванова. Эта работа в 227 страниц, столь скромно названная «Введением», есть не только лучший и наиболее полный труд из всего, написанного о Вячеславе Иванове, но и глубокое исследование русской духовной культуры конца прошлого и первой половины нашего века. Второй том (1973 г.) составляют стихотворения, статьи и дневники Вячеслава Иванова, написанные до революции; третий том должен появиться осенью этого года. Смерть застала О. А. Шор за работой над четвертым томом — из намеченных шести.

Римское кладбище для некаталиков, где погребена О. А. Шор, находится у ворот св. Павла, рядом с пирамидой Цестия. Там похоронены Шелли и Китс, там же могила единственного сына Гёте — Августа. Вблизи от О. А. Шор, в русской части кладбища, покоится ее близкий друг — художница, дочь Льва Толстого.

прот. К. Фотиев.

Письма в Редакцию

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ В РОССИИ

Живя в России, я имела возможность наблюдать духовный рост людей, окружающих меня, их тягу к тому, чему здесь не учат, к тому, что так ловко фальсифицируется материальными благами и нуждами, которые якобы превыше всего. Насытившись до отвала этими полуправдами, фальшью, пустотой, им захотелось лучше узнать то, что от них скрывают. А как узнать? Для этого нужно было читать книги, которые в стране не издаются, доставать Библию, Евангелие и прочее. Ради того, чтобы получить Священное Писание, человек нуждающийся готов на все, точно так же как мать, у которой смертельно болен ребенок, готова отдать все свое имущество лишь бы ей сохранили жизнь этого ребенка. Здесь же ради спасения загубленной души человек готов так же всё отдать, дабы прочесть и узнать пути ее спасения. Вот этой отчаянной ситуацией пользуются некоторые более привилегированные новообращенные советские христиане. Говорю «советские», так как эти люди, становясь на путь христианства, не могут окончательно с себя сбросить черты, которые стали сутью их натуры и которые могли привиться только в советской стране, где душу человеческую калечат очень изысканным путем с детства. Так что уже школьник знает, что по поводу одного и того же предмета надо говорить разные вещи дома и в школе. В зависимости от его судьбы он может сохранить эту привычку и становясь взрослым, делая карьеру. Он настолько привыкает фальшивить, лгать и обворовывать государство, что и на пути христианства ему трудно бороться с этой своей приученной к приспособлению натурой. Он не понимает, что грех не платить за проезд в автобусе, что грех получать бальничный, если ты здоров, что грех продавать нечто дороже чем купил, что грех ездить по-студенческому, когда ты уже не студент и т. д. и т. п. Каждому из этих вроде бы никчемных поступков можно найти миллион оправданий.

И вот волею судьбы такой человек оказывается на границе между благотворительными западными организациями (которые из последних сил из ничтожных средств печатают, издают и пересылают книги, лишь бы голодный духовно советский человек хоть слегка насытился) и нуждающимися христианами. Взамен денег они не просят, хотя бедствуют и нуждаются в валюте. Книги эти действительно очень нужны и конечно больше всего в них нуждаются здесь. Итак некоему Г. с неба свалились, к примеру, Библия, Симфония, Евангелия и прочая духоносная литература. И он вместо того, чтобы находить радость в том, что он будет приносить радость другим, раздавая своим братьям эти книги, вдруг решает их продавать, и не по сходной цене, а по безумно дорогой (Библия — 50 рублей, т. е. половина зарплаты за месяц). Но ведь нуждающийся готов отдать всё, а это же очень удобная для коммерческих прибылей ситуация.

И вот я имела возможность наблюдать, как с ростом благосостояния Советского народа, с ростом его духовным стала расти спекуляция. Если 10 лет тому назад можно было в какой-нибудь деревне у бабушки выпросить икону и держать ее у себя дома как произведение искусства, то теперь эта икона за безумные деньги

ги попадает в лапы коллекционеров, или неофитов, или иностранцев. Т. е. икона стала носителем огромных материальных благ при минимальных коммерческих способностях. Эти иконы, которые переходили от родителей к детям, которыми благословлялись браки, которые стояли в киотах в красных углах, в церквях, стали теперь источником грубейшего заработка. И к сожалению, создается или по крайней мере поддерживается этот дух базара самими верующими, которые не чувствуют преступления в продаже подаренной им книги, особенно Священных книг и икон.

Хотелось бы, чтобы Вы сами со страниц Вашего журнала написали нечто вроде обращения или прошения к православным в СССР, призывая их прекратить такого рода безобразие, не поддерживать дух, внедренный властью, а развивать благотворительность, милосердие, наконец, любовь к ближнему. Может быть после такой огласки у кого-нибудь дрогнет сердце и появится легкий румянец на лице, а это уже покаяние, а от покаяния до прощения один шаг.

Многоуважаемый г. редактор,

В № 125 Вашего «ВЕСТНИКА» среди статей И. Шафаревича одна — весьма ценная и обстоятельная — посвящена творчеству композитора Шостаковича. Однако умаляет значение этой статьи ряд неточностей, нуждающихся в исправлении.

Если совершенно бесспорно, что «ни Анатолий Франс, ни Мопассан, ни даже Диккенс (к этой триаде Шафаревич мог прибавить еще много имен) не могли бы создать образ старца Зосимы», то в корне противоречит действительности заявление строчкой ниже о том, что «невозможно представить себе Матисса, расписывающим церкви». Видимо г. Шафаревичу не было известно, что одна из достопримечательностей юга Франции — церковка, расписанная Матиссом (и только им одним). Находится она в Вансе и полюбоваться его церковной живописью, его фресками ежедневно стекаются сотни туристов.

Нельзя также не пожалеть, что г. Шафаревич заявляет, что Герцен — «вообще не литература, а критика». А «Былое и думы»?

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Александр Бахрах.

К выходу Собрания Сочинений А. Солженицына

11-го декабря 1978 года Александру Исаевичу Солженицыну исполняется 60 лет. К этому юбилею приурочен выход из печати первых двух томов «Собрания Сочинений». Приводим здесь краткое предуведомление автора к этому Собранию.

Такая была жизнь все годы, то под вечным давлением конспирации, то в гонке вынужденной борьбы, что некогда было управиться: придавать всему оконченному — окончательный же вид. Ничто, напечатанное в советских изданиях, не могло его иметь: всегда давили своды цензуры или нужны были сокрытия для чьей-то безопасности. В Самиздате — откровеннее, но тоже не до конца. К тому ж естественный порок Самиздата — бесконтрольность перепечаток, и в таком варианном виде книги уходили на Запад, попадали в публикации. В случаях, когда и сам управлял на Запад в печать — никогда не имел возможности ни я, ни близкие проверить гранки. Такая возможность появилась после высылки. Но по «Архипелагу» поправки и добавления ещё притекали позже, в ответ на первую публикацию. С самого начала назначенный к нему сжатый обзор содержания я также не успевал составить раньше. Истинный вариант «Круга», некоторые пьесы, сценарии — вообще до сих пор нигде не появлялись. Тут, на Западе, наступили годы, отданные одной работе, — только тут проявилась и вся форма Узлов «Красного Колеса», в том числе и «Августа», теперь расширяемого по сравнению с ранним изданием. А «Телёнок» и сегодня отодвигается, ибо всё ещё не может быть напечатан полно.

На рубеже 60 лет пора однако позаботиться выделить устойчивые тексты, в этом и смысл начинаемого Собрания. Все тексты изыскиваются, сверяются женой по спасённым архивам и рассматриваются нами с тщательностью, не возможной, когда издательство вдалеке — так что и сам набор становится ежедневной ступенью последней редакции. А техника нынешняя позволяет набирать самим, в нашей глуши — тоже как бы Самиздат, в изгнании.

Вермонт, 1978

А. Солженицын

YMCA-PRESS

Только по подписке
В твердом коленкором переплете

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ **АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА**

на русском языке

Восстановлены все подлинные доцензурные тексты, заново проверенные и исправленные автором; включены ранее непубликовавшиеся произведения.

Содержание первых девяти томов :

- том 1, 2 : **В кругу первом** (Впервые печатается никогда не ходивший в Самиздате подлинный исходный текст и сюжет, 96 глав.)
- том 3 : **Рассказы** (Один день Ивана Денисовича, Матренин двор, Крохотки, Правая кисть, Случай на станции Кочетовка, Для пользы дела, Захар-Калита, Как жаль .., Пасхальный крестный ход.)
- том 4 : **Раковый корпус**
(окончательная редакция)
- том 5, 6, 7 : **Архипелаг ГУЛаг**
(с уточнениями и добавлениями)
- том 8 : **Пьесы и киносценарии**
(Пьесы «Пир победителей» и «Декабристы без декабря». Киносценарии «Знают истину танки» и «Тунеядец» — печатаются впервые. «Республика труда» — подлинный и полный текст пьесы, известной в цензурном варианте под названием «Олень и шалашовка». «Свеча на ветру».)
- том 9 : **Публицистика**
(Статьи, открытые письма, речи, интервью.)

rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 PARIS

В последующих томах Собрания печатается историческое повествование «КРАСНОЕ КОЛЕСО»:

- Том 10, 11:
«Август Четырнадцатого»
- Том 12, 13:
«Октябрь Шестнадцатого»
- Том 14, 15, 16, 17:
«Март Семнадцатого»
- Том 18:
«Апрель Семнадцатого».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ДО 30-го ОКТЯБРЯ 1978 г.
на следующих условиях:

На первые девять томов ..	540 фр.
Издание будет осуществлено с осени 1978 по весну 1981)	
+ за пересылку	60 фр.
(простой почтой)	
	<hr/>
	600 фр.
	(133 \$ USA)
или на первые четыре тома (выйдут осенью 1978 и весной 1979)	260 фр.
+ за пересылку	25 фр.
(простой почтой)	
	<hr/>
	285 фр.
	(63 \$ USA)

Подписка принимается только Издательством **ИМКА-ПРЕСС**. Деньги просим высылать вместе с заказом. Университеты и библиотеки могут производить расчеты по получении первых книг.

Просьбу подписать меня:

Заказ

На первые девять томов Собрания Сочинений А. Солженицына
На первые четыре тома Собрания Сочинений А. Солженицына

ФАМИЛИЯ:

АДРЕС:

Дата:

Подпись:

• проплатите чек на имя YMCA-PRESS

КОНТИНЕНТ

№ 17

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

Главный редактор : Владимир МАКСИМОВ

Содержание :

- Виталий ПОМАЗОВ — Стихи
Фридрих ГОРЕНШТЕЙН — Зима 53-го года. Повесть
Анатолий ЖИГАЛОВ — Бубенцы паломника. Стихи
Сергей ЮРЬЕНЕН — Под знаком Близнецов
Юрий МИЛОСЛАВСКИЙ — Стихи
Алексис РАННИТ — Стихи. Перевод с эстонского Василия Бетаки
- РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**
Владимир БУКОВСКИЙ — Изнутри и снаружи. Фрагмент из книги
- ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ**
Тибор МЕРАН — Догмы и табу
- ЗАПАД — ВОСТОК**
Владислав КРАСНОВ — Русский склад ума или западное состояние умов?
- ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА**
Лех ДЫМАРСКИЙ — Что было в мае?
- ИСТОКИ**
На докладе Жданова. Из материалов сборника «Память»
- СПОРТ И ПОЛИТИКА**
Эммануил ШТЕЙН — «Маленькая война»
- ИСКУССТВО**
Эрик ЭГЕЛАНД — Встреча с Неизвестным
- ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ**
Наум КОРЖАВИН — «Добро не может быть старо»
Наталья АРТАМОНОВА — О писателе Юрии Домбровском
- КОЛОНКА РЕДАКТОРА**
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**
Василий БЕТАКИ — Между Лозунгом и Мусорщицей ■ Вик. СОКОЛОВ — О людях — с любовью ■ В. ВОЛКОВ — «От не себя убереги» ■ Ф. САЛЖАНОВА — Инспектор контрразведки ■ Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ — Отказ от потери памяти
- КОРОТКО О КНИГАХ**
- НАША АНКЕТА**
Интервью с Петром Григоровичем ГРИГОРЕНКО
- СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ**

Цена отдельного номера: 32 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Умса - Press

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

75005 Paris, France - Tél. : 033-74-46

Выходят из печати : Н О В Ы Е К Н И Г И

Путем взаимной переписки В. ВОЙНОВИЧ

Сборник повестей и рассказов известного русского писателя-сатирика, автора романа-анекдота «Жизнь Ивана Чонкина». В книгу входит неопубликованная часть из «Чонкина», описывающая Сталина, Хрущева, Берию и др. «народных вождей», ряд неизданных рассказов писателя и две повести — «Путем взаимной переписки» и «Хочу быть честным».

260 стр., 48 фр.

Память (выпуск второй)

Исторический сборник, составляемый в Советском Союзе. Включает воспоминания, письма и документы, статьи и библиографические материалы. В отличие от 1-го тома, который главным образом касался темы ГУЛага и разгрома всех политических партий и движений в стране, 2-й выпуск посвящен в большей своей части вопросам истории культуры, науки, литературы, религии. Множество новых интереснейших публикаций (дневник В. Г. Короленко, письма Н. Я. Мандельштам, материалы по истории катакомбной церкви и т. д.).

600 стр., 89 фр.

Отверзи ми двери СВЕТОВ, Феликс

Роман посвящен духовным поискам сегодняшней интеллигенции России. Дан широкий срез самых различных слоев современного советского общества: либеральствующая «образованщина», диссиденты, отказники и еврейские активисты, «неославянофилы», церковные круги. Основной стержень романа — открытие Христа как единственного пути к спасению и выходу из духовного тупика современной жизни, открытие необходимости покаяния и крестного пути.

(Изд. «Les Editeurs Reunis»). 560 стр., 89 фр.

Выходят из печати : П е р е и з д а н и я

Хранитель древностей ДОМБРОВСКИЙ, Юрий

Роман является как бы первой частью «Факультета ненужных вещей» (ИМКА-ПРЕСС, 1978). Обе книги объединены и главным героем и местом действия — Алма-Ата, 1937 год. Отличие «Хранителя древностей» от второго романа Домбровского в том, что он, совершенно не касаясь темы ГУЛага, показывает обычную жизнь страны, будничное и повседневное нагнетание атмосферы страха, всеобщей отчужденности и подозрительности, превращение всей страны в «большую зону».

(с издания Москва, 1964). 256 стр., 48 фр.

Воспоминания МАНДЕЛЬШТАМ, Надежда

Переиздание ставших уже классическими воспоминаний вдовы поэта. Это книга не только о Мандельштаме и событиях его жизни, она обнимает весь «век-волкодав», всю подсоветскую эпоху в жизни России, рассказывая о разрушении традиционной культуры, уничтожении ее носителей, изменении психологии людей...

Вторая книга. 720 стр. 76 фр.

Россия и Евреи

Сборник статей ведущих деятелей «правого крыла» сионизма (Пасманик, Левин и др.). Рассматривается вопрос об участии евреев в культурной и общественной жизни России начала XX века, в политических движениях и революции. Исследуется суть большевизма и его гибельность как для русской, так и для еврейской национальной традиции и культуры.

(с изд. Берлин, 1924). 232 стр., 48 фр.

Отец Климент Зедергольм

ЛЕОНТЬЕВ, Константин

Зедергольм, сын немецкого пастора, перешел в православие и стал монахом Оптиной Пустыни. Монография о нем его друга Константина Леонтьева не вошла в Собрание Сочинений и никогда не переиздавалась.

(с изд. Москва, 1887). 128 стр., 38 фр.

МАГАЗИН РУССКОЙ КНИГИ

Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 033 74 46 et 033 43 81

Магазин открыт все дни с 9,30 до 18,30
кроме понедельника и воскресения

ПЕРЕИЗДАНИЯ РЕДКИХ КНИГ ПО ИСТОРИИ РОССИИ:

	ф. фр.
БАРСОВ Е. Древние русские памятники (священного венчания царей на царство), с изд. 1883, стр. 160	60,00
БАРСОВ Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской Церковью, с изд. 1878, стр. 578	158,—
БЕСТУЖЕВ-РЮМИН К. Русская история, в 2 томах, (с изд. 1871-1885), стр. 726+319	351,—
БОГУЧАРСКИЙ В. Активное народничество семидесятых годов (с изд. 1912)	168,—
БОРЗАКОВСКИЙ В. История тверского княжества (с изд. 1876)	96,—
БЫЛОЕ 1. Журнал, посвященный истории освободительного движения (с изд. 1906), в 12 томах и 6 книгах	2000,—
ВАЛЬДЕНБЕРГ В. Древнерусские учения о пределах царской власти. (Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века). С изд. 1916, стр. 463	126,—
ДЬЯКОНОВ М. Власть Московских государей. (Очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI века), с изд. 1889, стр. 224	68,—
ИКОННИКОВ В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории (с изд. 1869), стр. 562	198,—
КАРАМЗИН Н. История государства Российского в XII томах. (Ежемесячное приложение к журналу "Север", с изд. 1892)	1080,—
ЛИХАЧЕВ Д. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV - начало XVI веков), с изд. 1946	57,—
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ в начале XX века, под ред. Мартова, Маслова и Потресова. В 4 томах. С изд. 1909-12	800,—
ПОГОДИН М. Исследования: замечания и лекции о русской истории (с изд. 1846). В 3 томах	1350,—
ПОГОДИН М. Древняя русская история, в 3 томах (с изд. 1871 г.)	1350,—

	ф. фр.
ПОТЕБНЯ А. Из записок по теории словесности. (Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышленне поэтическое и лирическое. Приложения). С изд. 1907 г., стр. 652	275,—
ПРИСЕЛКОВ. Нестор-летописец	35,—
ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ	984,—
ПРУГАВИН А. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством (к вопросу о веротерпимости), с изд. 1913 г., стр. 130	77,—
РОЖКОВ Н. Город и деревня в русской истории. (Краткий очерк экономической истории России), с изд. 1913 г., стр. 127	50,—
САВВА В. Московские цари и византийские василевсы. (К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей). С изд. 1901 г., стр. 400	132,—
СМУТНОЕ ВРЕМЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА, под ред. Д. Иловайского. (Смутное десятилетие русской истории 1603-1613 гг.), с изд. 1894 г.	150,—
СТАШЕВСКИЙ Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Часть 1-я: Московское общество и государство до эпохи Смоленской войны (с изд. 1913 г.)	140,—
ШАХМАТОВ А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С изд. 1908 г., стр. 686	215,—
ШАХМАТОВ А. Очерк древнейшего периода истории русского языка, с изд. 1915 г.	155,—
ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ А. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период 1238-1505. В 2 томах. С изд. 1889 г.	302,—
ЯКОВЛЕВ А. Холопство и холопы в московском государстве XVII в. (по архивным документам холопского и посольского приказов оружейной палаты и разряда), с изд. 1943 г., стр. 561	198,—

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

66-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 40 амер. долларов

6 месяцев — 22 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты, с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции: К юбилею Льва Толстого — Н. Струве	3
БОГОСЛОВИЕ	
Из духовных бесед — Преп. Макарий Египетский	5
Из слов о Царстве Небесном — свящ. Дм. Дудко	9
Вступление в Церковь — прот. Н. Афанасьев	22
К спору о старообрядчестве — иеромонах Хризостом	42
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Полдень в комнате. (Стихи) — И. Бродский	47
Из узла II, "Октябрь 1916" — А. Солженицын	53
Неизданное. "Опавшие листья" — В. Розанов	78
Постижение. (О творчестве В. Максимова) — В. Иверни	103
■ В мире книг	
Откровение в истории — Ф. Разумнов	124
Духовный мир Д. П. Кончаловского — еп. Александр (Семенов-Тянь-Шанский)	130
ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ	
Православное церковное пение в его историческом развитии — свящ. Н. Трубецкой	132
СУДЬБЫ РОССИИ	
Россия и Советский Союз — А. Безансон	149
П. Б. Струве о русской революции — Р. Пайпс	166

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Россия в отрицательно-мистическом освещении — И. Иловайская	193
О Гарвардской речи А. Солженицына — Н. Струве	207
Национальное и вечное — прот. К. Фотиев	211
Два интервью — И. Шафаревич	219
■ Истоки духовного возрождения	
История одной жизни — Н. Ю. Фиолетова	231
■ Борьба за церковь	
Обращение к Патриарху константинопольскому Димитрию — Христианский комитет защиты прав верующих	259
Обращение к Патриарху Московскому Пимену — Христианский комитет защиты прав верующих	269
Декларация об образовании Группы ВЦВАСД по правовой борьбе и расследованию преследования верующих в СССР	272
Собранность и трезвение — Г. К. Никитин	275
■ 60 лет противостояния насилию	
Понятие демографической революции и социализм — М. Бернштам	284
Заявление для прессы — Свящ. Глеб Якунин	303
Памяти ушедших	
Н. С. Арсеньев — А. Биншток	305
О. А. Шор — Прот. К. Фотиев	307
Письма в редакцию	
Возрождение православия в России	309
По поводу статьи И. Шафаревича — А. Бахрах	310
К выходу Собрания Сочинений А. Солженицына — Предупреждение автора	311

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs : Pour le jubilé de L. Tolstoï	3
THEOLOGIE	
Homélie spirituelle — Saint Macaire d'Egypte	5
Sermons sur le Royaume Céleste — P. D. Doudko (U.R.S.S.)	9
De l'entrée dans l'Eglise — † P. N. Afanassiev	22
A propos du débat sur les vieux-croyants — P. Chrysostome	42
LITERATURE ET VIE	
Poèmes : « Midi dans la chambre » — I. Brodski	47
Extrait du deuxième Nœud : « Octobre 16 » — A. Soljénitsyne ..	53
Pages inédites : « Les feuilles mortes » — V. V. Rozanov	78
L'œuvre de V. Maximov — V. Iverni	103
■ Bibliographie	
Révélation dans l'histoire — Razoumnov (U.R.S.S.)	124
Le monde spirituel de D. P. Kontchalovsky — Mgr Alexandre (Semenoff)	130
ART ET VIE	
Evolution historique du chant orthodoxe — † N. N. Troubetskoy (U.R.S.S.)	132
DESTINEES DE LA RUSSIE	
Russie et Union Soviétique — A. Besançon	149
P. B. Struve et la révolution russe — R. Ripes	166

	Pages
« L'Histoire de la Russie » de Richard Pipes — I. Ilovaïsky	193
Le discours de Harvard d'Alexandre Soljénitsyne — N. Struve ..	207
Le « national » et l' « éternel » — P. C. Fotiev	211
Deux interviews — I. Chafarévitch (U.R.S.S.)	219
AUX SOURCES DE LA RENAISSANCE SPIRITUELLE	
Histoire d'une vie — N. Fioletova (U.R.S.S.)	231
■ Lutte pour l'Eglise	
Appel du Comité chrétien pour la défense des droits des croyants au Patriarche de Constantinople Dimitri	259
Appel du Comité chrétien pour la défense des droits des croyants au Patriarche de Moscou Pimène	269
Déclaration du groupe VTsVSASD pour la lutte et l'étude des persécutions des croyants en U.R.S.S.	272
Sobriété et recueillement — G. Nikitine (U.R.S.S.)	275
■ 60 ans d'opposition à la violence	
La notion de révolution démographique et le socialisme — M. Bernstam	284
Communiqué à la presse — P. G. Yakounine (U.R.S.S.)	303
In memoriam	
N. S. Arseniev — A. Binstock	305
O. A. Chor — P. C. Fotiev	307
Lettres de lecteurs	
Renaissance de l'Orthodoxie en Russie	309
A propos de l'article de Chafarévitch — A. Bakhrakh	310
A l'occasion de la parution des Œuvres Complètes d'A. Soljé- nitsyne — Avertissement de l'auteur	311

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения
53-ий год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:

M. Solovey, « Our word ». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011
Sydney, Australie.

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

В Израиле:

Michel Agoursky, ROB 7344, Jérusalem.

В Швеции:

Bishop S. Timtchenko. Box 19027, Stockholm, 19, Suède.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.